

О контрольных цифрах на 1928/29 г.¹

Госплан закончил работы по составлению контрольных цифр на 1928/29 г. и представил их на рассмотрение правительства и на суд советской общественности. Контрольные цифры заняли уже свое прочное место в системе нашего народнохозяйственного планирования. Больше того, из года в год их роль и значение повышается. Понятно поэтому, с каким вниманием советская общественность ждет контрольных цифр, дабы по ним судить о реальных задачах и трудностях предстоящего года.

1. Предварительные итоги 1927/28 г.

Контрольные цифры на 1927/28 г. задачу хозяйственного года видели в том, чтобы „обеспечить продолжение взятого форсированного темпа индустриализации при дальнейшем укреплении рабоче-крестьянского блока и при всемерном повышении обороноспособности страны“. И далее, по мысли контрольных цифр истекшего года „основные ресурсы для решения этой задачи заключаются в качественном росте социалистического сектора“. В какой мере оказались разрешенными эти задачи по существу?

Анализ предварительных итогов 1927/28 г. по совокупности всех явлений дает полное основание утверждать, что это был год крупного роста производительных сил страны на путях индустриализации и обобществления. Промышленное производство и индустриальное строительство сделали крупный шаг вперед и заняли новую позицию в экономической системе СССР. Однако, качественные задачи в государственной индустрии оказались несколько недовыполненными. В деле обороны сделали значительный шаг вперед как в смысле плановых подходов к вопросам приспособления народного хозяйства для нужд обороны, так и в смысле материальных вложений в это дело.

Но наряду с этим народнохозяйственное строительство в 1927/28 г. было осложнено рядом и отрицательных явлений в области сельскохозяйственного производства и отчасти в связи с этим в области внутреннего и внешнего товароборота, внесших значитель-

¹ В основу настоящей статьи положен доклад автора на IV съезде плановых работников. Вопросам капитального строительства 1928/29 г. будет посвящена специальная статья тов. Квирина в следующем номере. Ред.

ные затруднения в решение намеченных задач и несколько осложнивших дело укрепления рабоче-крестьянского блока. Нужно быть слепым, чтобы не видеть громадного роста нашего народного хозяйства в истекшем году. Но было бы опасным закрывать глаза на вскрывающиеся в ходе нашего народнохозяйственного строительства слабые места и лимиты. Своеобразие и величайшие трудности экономического строительства в 1927/28 г., как и в ряде предшествующих лет, заключаются в том, что неизжитые еще диспропорции и противоречия, унаследованные от предшествующего исторического периода, переплетаются с трудностями и противоречиями, возникающими из условий самого реконструктивного периода.

В какой мере конкретные цифровые задания контрольных цифр 1927/28 г. оправдались в действительности? Нужно прямо сказать, что 1927/28 г. в своем реальном ходе дал крупные и существенные отклонения от проектировок контрольных цифр. Прежде всего, контрольные цифры не доучли возможного роста производства крупной государственной промышленности. Валовая продукция ценовой промышленности по предварительным данным выросла на 21,6% против 14,3%, предусмотренных контрольными цифрами. Равным образом промышленность ВСНХ выросла на 22,5% против 15,8% по контрольным цифрам. Этот крупнейший рост промышленной продукции, свидетельствующий о большом усилении производственной мощности промышленного аппарата, должен быть сам по себе подчеркнут, как факт исключительно большого значения в нашем народнохозяйственном строительстве. Мы недооценили в прошлом году производственной возможности нашего промышленного аппарата. В этом сказалось в известной мере господствовавшее представление о том, что переход к реконструктивному периоду неизбежно связан с резким снижением темпов роста народного хозяйства. Опыт последних лет заставляет радикально пересмотреть это утверждение.

Однако, этот крупный рост промышленного производства в истекшем году может быть правильно экономически оценен лишь в связи с тем обстоятельством, что мелкая промышленность дала вместо намеченного роста на 8,5% снижение на 2,5% (при росте кооперативной на 61,4% и сокращении частной на 17,5%), что целиком объясняется недоснабжением ее сырьем. Это произошло вопреки плановым предвидениям и директивам контрольных цифр и, несомненно, обусловлено тем, что задания государственной промышленности оказались недостаточно сбалансированными с наличными ресурсами страны. Таким образом, расхождение по всей сумме промышленного производства между контрольными цифрами и действительностью будет несколько меньшим, чем в пределах одной лишь крупной промышленности.

1928/29 г. должен быть отмечен, как год важного перелома в сторону снижения себестоимости. Неоднократно уже указывалось, что 1925/26 и 1926/27 гг. дали почти стабильное положение в себе-

стоимости промышленной продукции, несмотря на крупные темпы роста промышленного производства и капитальных вложений в промышленность. 1927/28 г. дает снижение себестоимости промышленной продукции, по предварительным материалам, примерно на 5% против 6%, заданных по плану, и, что особенно характерно, это снижение себестоимости обеспечено при показателях числа рабочих росте заработной платы и росте выработки на одного рабочего в соотношениях, менее благоприятных для промышленности, чем это было намечено планом. Это обстоятельство нужно будет иметь в виду, когда мы подойдем к определению возможных качественных заданий для промышленности на 1928/29 г.

Финансовое положение промышленности в истекшем году было вообще устойчивым, при чем несколько улучшилось положение финансов в тяжелой промышленности при некотором ослаблении в легкой промышленности. Однако, эта устойчивость финансового положения промышленности связана с значительным нарушением плана в области отношений промышленности к Государственному банку. Промышленность, взяв банковских кредитов почти на 30% больше, чем было намечено по плану, не только не увеличила своих текущих счетов, но даже снизила их. Капитальное строительство, сколько можно судить по предварительным, крайне ориентировочным еще данным, будет осуществлено в размере, близком к плану.

Если рост промышленной продукции и капитального строительства в промышленности значительно превысили в истекшем году предположения контрольных цифр и выявили недооцененную нами мощность производственного аппарата государственной индустрии, то иначе обстоит дело в области сельскохозяйственного производства. Сельскохозяйственное производство и рост его товарности показывают, что контрольные цифры переоценили ресурсы сельского хозяйства и возможность их вовлечения в общий оборот страны. Было бы неправильным объяснить это лишь частной гибелью посевов. Здесь, несомненно, сказываются более глубокие причины экономико-технического порядка. Контрольные цифры предполагали в 1927/28 году рост валовой продукции земледелия на 4% по сравнению с предшествующим годом, в действительности же произошло уменьшение на 2,7%. В товарной части вместо роста на 13% рост на 9%. Это в неизменных ценах. В ценах же соответствующего года произошло расхождение с контрольными цифрами как раз в обратную сторону, иными словами, меньшее количество сельскохозяйственной продукции удалось вовлечь в рыночный оборот по более высоким ценам.

Это расхождение в росте сельскохозяйственного производства (и его товарности) с плановыми предположениями само по себе не имело бы большого значения и свидетельствовало бы лишь о несовершенстве наших планов, если бы реальные темпы прироста сельскохозяйственной продукции, по сравнению с предшествующим го-

дом, оказались в соответствии с ростом населения и ростом его потребностей и корреспондировали бы необходимым нам темпам индустриализации страны. Между тем, в 1927/28 г. темп прироста сельскохозяйственной продукции, при условии более чем удовлетворительного урожая, оказался почти по всей линии (за исключением сырьевых культур) ниже темпов роста предшествующего 1926/27 г. Все растениеводство по всем продуктам по сравнению с 1926/27 г. дало сокращение в неизменных ценах на 3,9% в том числе зерновые на 6,8%, в то время как 1926/27 г. по сравнению с предшествующим годом дал прирост по растениеводству на 5,4% и по зерновым на 7,2%. Все животноводство 1927/28 г. оказалось стабильным на уровне 1926/27 г., который дал прирост по сравнению со своим предшественником на 3,9%. Вся посевная площадь страны дала прирост на 5,2% против 6% прироста 1926/27 г. по сравнению с 1925/26 г. Аналогичная картина соотношений этих годов намечается и по площади зерновых посевов и по динамике скота.

Совершенно естественно, что эти явления в области сельскохозяйственного производства в 1927/28 г., несколько оставшего от потребностей растущего населения и широкого промышленного строительства, при условии крупных просчетов плано-регулирующего характера и классового сопротивления верхушечной части деревни большим задачам пролетарской экономической политики привели к ряду крупных затруднений в обороте между городом и деревней, для преодоления которых потребовались меры чрезвычайного порядка.

При оценке итогов сельскохозяйственного производства 1927/28 г. необходимо указать на значительный сдвиг в строительстве общественного сектора в сельском хозяйстве. В 1927/28 г. в это дело было вложено около 100 млн. руб. (62 млн. по линии колхозов, 35 млн. по линии старых совхозов и 7 млн. на предварительные работы по организации зернотреста). Посевная площадь совхозов и колхозов расширилась в 1927/28 г. по сравнению с предшествующим годом с 2,1 млн. гектаров до 3 млн. гектаров, валовая продукция с 48,8 млн. центнеров до 64,7 млн. центнеров, товарная продукция с 28,3 млн. центнеров до 30,8 млн. центнеров.

Намеченное планами прошлого года бюджетное финансирование сельского хозяйства в действительности оказалось превзойденным на сумму около 90 млн. руб. Это превышение намеченных планов финансирования народного хозяйства должно быть целиком объяснено явной недостаточностью этих планов в том виде, как они были запроектированы в начале истекшего года.

Транспорт за истекший год характеризуется в работе железных дорог значительным совпадением достигнутых результатов с плановыми предположениями. Грузооборот выражается цифрой 151 млн. тонн против 150 млн. тонн по плановым предположениям, что дает прирост против предшествующего года на 11,1%. Выручка

железных дорог превысила плановые предположения на сумму около 70 млн. руб. Стоит отметить, что средняя выручка с тонно-километра достигла 1,52 коп. против намеченной по плану 1,40 коп. и средний пробег тонны груза достиг 590—593 км вместо 600—606 по плану. Только этим сочетанием и можно объяснить превышение доходных поступлений по плану. Отмеченный рост работы транспорта произошел при некотором сжатии его штатных контингентов и при росте производительности труда.

Некоторые моменты в области труда отмечены выше. В 1927/28 г. прирост численности лиц наемного труда (плюс 3,7%) шел выше общего прироста населения (плюс 2,2%) среднего контингента пролетариата и происходило дальнейшее увеличение удельного веса промышленных и строительных рабочих. Одновременно несколько повысился также и удельный вес работников социально-культурного сектора. Число рабочих в крупной государственной промышленности выросло на 7% против 4,8% по плану. Заработная плата в государственной промышленности поднялась на 10,5% против 7,2% по плану, а выработка на одного рабочего на 14,5% против 17,3% по плану. В 1928/29 г. значительно выравнено соотношение заработной платы между различными категориями трудящихся, путем подтягивания заработной платы отставших категорий. Следует отметить несколько больший, чем средний по всем отраслям труда, прирост заработной платы по социально-культурному сектору плюс 12,6%. В 1927/28 г. произошло расширение контингентов лиц, получивших пособие по безработице (плюс 40% при увеличении числа безработных на 8,5%). Бюджет Цустраха выполнен удовлетворительно.

Конкретные факты и общие причины отрицательных явлений рынка в истекшем 1927/28 г. достаточно выяснены за последнее время. Условия сельскохозяйственного производства и важнейшие причины рыночных затруднений подчеркнуты выше. Недостаточно высокий уровень промышленного производства в конце 1926/27 г., недооценка степени рыночного напряжения в контрольных цифрах на 1927/28 г., потеря темпа в извлечении обязательных платежей населения и в реализации займов, оперативные ошибки в деле снабжения деревни промышленными товарами, в регулировании цен на отдельные сельскохозяйственные товары в различных районах страны, классовое сопротивление кулацкой верхушки деревни, — все это в достаточной мере вскрыто и разъяснено в общей и экономической прессе.

С учетом всех этих обстоятельств товарооборот, отражая общую динамику года, дал крупный рост, примерно в 22—23% против 18—19% в 1926/27 г. Этот рост товарооборота шел не одинаково по промышленному и сельскохозяйственному рынкам по различным звеньям торговли (верхним, средним и низовым) и по различным его секторам (общественному и частному). Оборот с промышленными товарами по всем показателям дал более интенсивный рост,

чем по сельскохозяйственным товарам. При росте товарооборота на 22—23% в целом обобществленный сектор дал прирост на 35%. Частный товароборот сокращается на 33%, в результате чего удельный вес частной торговли в торговом текущем обороте спускается до 9,8%, а в розничной торговле он упал с 35,3% в 1926/27 г. до 23,4% в 1927/28 г. В результате всех указанных явлений истекшего года общий товарный дефицит в годовом разрезе, повидимому, несколько смягчился против 1926/27 г. Однако, при частичном улучшении предложения промышленных товаров широкого потребления в течение 1927/28 г. усилилось напряжение как на рынке средств производства, в частности строительном, так и в особенности на продовольственном рынке.

Финансовое хозяйство страны на протяжении 1927/28 г. складывалось в общем удовлетворительно. Государственный бюджет выполнен с превышением, примерно, на 250 млн. рублей, что дало рост по сравнению с предшествующим годом на 18%. Нужно, однако, подчеркнуть, что это произошло при значительном увеличении программы займов против первоначальных предположений и при невыполнении доходной части по прямому обложению почти на 5%. Это невыполнение программ по прямому обложению связано отчасти с неточностью отчетов, но в основном с более интенсивным свертыванием частных торгово-промышленных предприятий, чем это намечалось по плану. Местный бюджет выполнен также с превышением, примерно, на 100 млн. руб. В области денежного обращения истекший год дал превышение размера денежной эмиссии над предположениями контрольных цифр на сумму около 140 млн. рублей. Директива контрольных цифр о пятипроцентном повышении покупательной силы рубля оказалась невыполненной.

На ряду с охарактеризованными выше процессами в народно-хозяйственном производстве и обращении, на ряду с характеристикой финансового хозяйства страны следует обратить пристальное внимание на движение товарных цен. В Госплане произведено тщательное исследование основных моментов динамики товарных цен за последние три года. Выводы этого исследования представляют большой интерес и имеют, несомненно, весьма актуальное значение. Динамика товарных цен за три последние года, при всем отличии каждого из них, характеризуется сокращением размаха колебаний в условиях обобществленной торговли как оптовой, так и розничной при том, однако, условии, что в 1927/28 г. вновь сильно растут темпы изменения вольных цен. Если вторая половина 1925/26 г. и весь 1926/27 г. характеризуются снижательной тенденцией в движении цен обобщественного сектора в опте и рознице, то отчеты 1927/28 г. отмечены возвратом повышательной тенденции. При этом цены обобщественного сектора на изделия промышленности дали бесперебойное снижение на протяжении всего 1926/27 г. и твердую устойчивость в 1927/28 г. В движении обобщественных сельскохозяйствен-

ных цен за повышением в первом полугодии 1925/26 г. и 1926/27 г. следовало снижение во втором полугодии каждого года. 1927/28 г. дал повышательную кривую сельскохозяйственных цен обобщественного сектора в обоих полугодиях. На ряду с этим частный рынок сельскохозяйственных продуктов все время имел повышательную тенденцию, при чем рост цен особенно обострился во втором полугодии 1927/28 г. Если уровень цен государственного и кооперативного (оптовой и розничной) секторов за 1926/27 г. снизился как в целом, так и по отдельным рынкам (промышленному и сельскохозяйственному), то к концу 1927/28 г. обозначился подъем общего уровня цен и цен сельскохозяйственных продуктов при незначительном снижении цен на промышленные товары. Этот подъем тотального индекса и сельскохозяйственного субиндекса в частной рознице достиг в конце отчетного года внушительных размеров. Эти явления в области динамики цен должны привлечь к себе особое внимание и должны быть полностью учтены при проектировках различных элементов народно-хозяйственного плана будущего года. Динамика цен отражает напряженную и трудную борьбу, которую ведет обобщественная торговля с частным рынком за сохранение и повышение реальной заработной платы и покупательной силы денег. Перипетии и исход этой борьбы в 1927/28 г. требуют более обостренного внимания к этому делу.

Таковы некоторые предварительные итоги (по конъюнктурным данным) народнохозяйственной динамики и народнохозяйственного строительства в 1927/28 г. Они вплотную подводят к необходимости более общего обзора и оценки достигнутого уровня в народнохозяйственном строительстве СССР. Неоднократно уже указывалось, какое относительное значение имеет для нас сравнение с 1913 г. Однако, некоторые сопоставления полезно сделать, ибо они ярко иллюстрируют глубочайшие сдвиги в народнохозяйственной структуре страны и одновременно отмечают те узкие места, которые грозят стать лимитами народнохозяйственного строительства на пути индустриализации. В этом сопоставлении должно привокать к себе внимание пять крупных разделов, имеющих первостепенное значение для всего нашего народнохозяйственного строительства.

Прежде всего, бросается в глаза бурный рост за истекшие годы по сравнению с 1913 г. энергетической базы и машиностроения. Истекший 1927/28 год дает 125,6% роста каменного угля, 120,9% — нефти, 446,2% — торфодобычи, 264,3% — производства электроэнергии по сравнению с 1913 г., производство двигателей внутреннего сгорания дает 403% по сравнению с 1913 г., сельскохозяйственное машиностроение 201%. Эти цифры отмечают красную линию индустриализации страны. По этой линии должны быть приложены неослабные усилия и в дальнейшем. Второй момент, который должен быть подчеркнут в этом сопоставлении с довоенным уровнем, но уже в качестве лимита для дальнейшего развития индустриализации, заключается в большой недовосстановленности по сравнению с дово-

енным уровнем черной металлургии и в резком отставании ее от темпов машиностроения и общей потребности народного хозяйства. 1927/28 г. дает по сравнению с 1913 г. производство железа и руды 62,9%, марганцевой руды — 34,3%, чугуна — 79,1%, мартена — 93,5%, проката — 91%. Даже проектируемый 1928/29 год не дает перехода за довоенный уровень по всем этим статьям.

Третья группа вопросов касается производства предметов потребления, уровень которых по ряду важнейших товаров в 1927/28 г. перешагнул 1913 г., однако, в массе своей недостаточно обгоняя прирост населения и не покрывая еще полностью роста его потребностей. По сравнению с 1913 г. в 1927/28 г. хлопчатобумажные ткани дают 105,7%, шерстяные 107,7%, сахарный песок — 112,2%, соль — 112,5%, галоши — 131,8% и т. д. Как будет показано дальше, 1928/29 год намечает дальнейший рост этих групп, однако, в темпе меньшем, чем в предшествующий год. Четвертый раздел касается группы технических культур, показывающих за последние годы и по сравнению с 1913 г. крупный рост, однако, недостаточный для удовлетворения нужд растущего промышленного производства. Вся посевная площадь по техническим культурам в 1927/28 г. стоит на уровне 133,9% от 1913 г., но состояние урожайности технических культур таково, что при значительном росте посевной площади валовая продукция важнейших из них стоит на уровне ниже довоенного.

Наконец, пятая группа вопросов связана с значительным недопроизводством по линии зерновых культур, грозящих стать в противоречие с растущими потребностями населения и нуждами индустриализации страны. Посевная площадь по зерновым культурам в 1927/28 г. составляет 92,5% от площади 1913 г., а валовая продукция зерна за последние годы держится на уровне 89—94% от среднего сбора за пятилетия 1899—1913 гг. Как бы осторожно и скромно не производить здесь расчеты, но принимая во внимание прирост населения, это не может означать ничего другого как серьезное недопроизводство в стране зерновых культур (в особенности учитывая нужды экспорта). В связи с этим необходимо подчеркнуть и недостаточность темпа роста животноводства. В значительной степени в связи с таким состоянием производства крупных народнохозяйственных отраслей стоит и развитие нашего внешнего товарооборота, в экспортной части которого за последний период из года в год происходит повышение удельного веса промышленного экспорта, в масштабе, не соответствующем уровню нашего народнохозяйственного развития.

На ряду с этой общей оценкой достигнутого уровня в народнохозяйственном строительстве СССР должна быть подчеркнута динамика капитальных вложений в основные фонды страны. Основные фонды народного хозяйства в целом за четыре года (включая и предстоящий 1928/29 год) дают рост на 24,4%, при чем фонды сель-

ского хозяйства растут за этот период на 23% (в том числе государственный сектор на 109,9%, кооперативный на 272,7% и частный на 21%); фонды промышленности на 63,8%, фонды электрификации на 328,8%; транспорта на 16,2%; народнохозяйственной связи на 60,6% и торгово-складского дела на 240,7%. Наконец, в этой же связи надлежит сделать несколько замечаний об общей структуре народного дохода. В последние годы отмечается, как будет показано дальше, прирост народного дохода в крупных и притом нарастающих масштабах.

Таковы в самых общих и основных чертах конъюнктурные итоги 1927/28 г. и некоторые важнейшие моменты в народнохозяйственном развитии СССР за ряд предшествующих лет. Они ставят ряд крупных задач в народнохозяйственном строительстве и маневрировании для проектируемого 1928/29 г.

2. Важнейшие установки перспективного плана и специфические задачи 1928/29 г.

На ряду с этими суммарными итогами народнохозяйственного развития страны за предшествующий период необходимо прежде чем перейти к характеристике народнохозяйственного плана на 1928/29 г. подчеркнуть в самой общей форме важнейшие установки незаконченного еще, но все же достаточно определившегося пятилетнего плана. Как известно, ряд основных идей и расчетов пятилетки в значительной мере уже оформился. Их можно было бы грубо характеризовать следующим образом. Промышленная продукция, как минимум, должна удвоиться за пятилетие. Производительность труда в промышленности должна возрасти не меньше чем на 75%. Снижение себестоимости промышленной продукции в имевших место расчетах устанавливается около 25%, что, однако, всеми без исключения признается явно неудовлетворительным и подлежащим пересмотру в сторону дальнейшего радикального снижения. Капитальные вложения в транспорт намечаются в сумме 10—12 млрд. руб. В области сельскохозяйственного производства расчеты пятилеток исходят из роста его на 35—45% по различным вариантам. Однако, эти расчеты перекрываются более решительной установкой последнего времени, исходящей из задачи удвоения сельскохозяйственной продукции, примерно, в десятилетний срок. Вложения по обобществленному сектору в сельское хозяйство намечаются в масштабах 2,5—3,5 млрд. руб. Рост работы транспорта исчисляется на 50—60% при капитальных вложениях в транспорт около 6—7 млрд. руб.

Как бы ни варьировали различные расчеты пятилеток, все они в соответствии с общими установками нашей экономической политики дают резко обгоняющий все прочие показатели темп роста промышленной продукции и масштаб капитальных вложений в промышленность. Иначе не может быть при курсе на индустриализацию страны, без этого невозможным оказался бы необходимый нам рост всякой другой отрасли хозяйства. Достаточно указать на то, что

первые же попытки конкретизировать расчеты в связи с задачей удвоения с.-х. продукции в ближайшее десятилетие поставили перед промышленностью ряд новых требований, связанных с увеличением ее производства и увеличением капитальных вложений в нее. Во всех вариантах пятилетки транспорт в ближайшие годы не получает коренных сдвигов в своей реконструкции и большого размаха в новом строительстве. И это понятно, ибо позиции нашей тяжелой индустрии только за пределами предстоящего пятилетия будут настолько укреплены, чтобы обеспечить программу большого транспортного строительства.

С этой точки зрения надлежит подойти к оценке важнейших специфических особенностей и задач проектируемого 1928/29 г. Контрольные цифры по самому своему существу являются синтезом больших перспективных плановых установок и реального учета конъюнктурных особенностей года. Провести с максимальной полнотой в жизнь большие плановые задачи, преодолевая конъюнктурные трудности текущего года, — такова задача контрольных цифр. Забегая несколько вперед, можно констатировать путем сопоставления 1928/29 г., как он фигурирует в предварительных расчетах пятилетки и в запроектированных ниже контрольных цифрах, что контрольные цифры на 1928/29 г. в основном сохраняют те пропорции в соотношениях отдельных отраслей народного хозяйства, которые лежат в основе пятилетних проектировок и которые подчинены задаче энергичной индустриализации страны.

Промышленное производство запроектировано в масштабах, весьма близких к большему варианту ВСНХ. Качественные показатели промышленности и в соответствии с этим накопление в контрольных цифрах выше расчетов пятилетки. Объем капитальных вложений почти на уровне пятилетки. На ряду с этим прирост сельскохозяйственной продукции вырисовывается в масштабах меньших, чем по расчетам пятилетки в ее отправном варианте. Показатели транспорта близки к расчетам пятилетки. Бюджет в контрольных цифрах дает несколько большие показатели. Иными словами конъюнктурные затруднения истекшего 1927/28 г. и совершенно очевидные трудности предстоящего 1928/29 г. ни в коей мере не сломали тех установок на индустриальное развитие нашей страны, которые заложены в предварительных расчетах пятилетнего плана. Однако, это обязывает нас обострить внимание на протяжении 1928/29 г. к ряду важнейших народнохозяйственных моментов, имеющих решающее значение для исхода борьбы за большой план народнохозяйственного строительства в 1928/29 г. и в ряде последующих лет.

В этой связи должен быть, прежде всего, подчеркнут вопрос о наших задачах в 1928/29 г. в области внешне-экономического обо-

рота, конкретнее говоря, необходимость безусловного выполнения большой и трудной по своему составу программы экспорта и строжайшей дисциплины в области импортного плана и валютного накопления. Всем известно, что отклонения в этом отношении крайне нежелательны, и в конкретных расчетах контрольных цифр на 1928/29 г. все прочие моменты приведены в строгое соответствие с этой задачей.

Второе, что должно быть с особой силой подчеркнуто, это крайне трудные задачи в области извлечения продовольственных ресурсов из деревни и организация бесперебойного продовольственного снабжения городов, армии и потребляющих районов. Несколько ухудшившиеся в связи с неблагоприятными условиями уборки результаты урожая, неблагоприятная его география и отсутствие у нас надежного опыта в деле рыночного извлечения хлеба из далеких восточных районов при незначительности запасов, — обязывает взять проблему продовольственного снабжения страны под особый надзор как в общих проектировках народнохозяйственного плана 1928/29 г., так и во всей оперативной работе по руководству заготовительными операциями и по регулированию рынка.

Третье, что повелительно диктуется всей народнохозяйственной обстановкой и перспективами народнохозяйственного строительства, это обеспечение в плане 1928/29 г. больших сдвигов в области сельскохозяйственного производства вообще и обобществленных его элементов (совхозов и колхозов) в особенности. Указанное выше отставание сельскохозяйственного производства, особенно в части зерновых культур, напряженность продовольственного снабжения страны, выпадение экспорта хлеба, — все это достаточно остро сказывается в народнохозяйственном строительстве и требует неизмеримо большего, чем это было до сих пор, внимания к проблеме повышения сельскохозяйственного производства в нашей стране. Программа мероприятий 1928/29 г. должна обеспечивать на ряду с большим ростом обобществленного сектора в сельском хозяйстве реальный сдвиг в подеме производственных усилий громадного массива бедняцких и середняцких индивидуальных хозяйств.

Нечего подчеркивать, что задачи успокоения рынка, укрепления рыночного равновесия и обеспечения нормального рыночного оборота между городом и деревней продолжают оставаться в центре внимания планового предвидения и оперативного руководства в народнохозяйственном строительстве 1928/29 г. Это тем более необходимо, что, как было указано выше, динамика товарных цен в условиях недостаточного рыночного равновесия истекшего года обнаруживала ряд отрицательных явлений, осложняющих проведение в жизнь большого курса нашей экономической политики на систематическое снижение общего уровня товарных цен и повышения покупательной способности рубля.

Наконец, последним по счету, но важнейшим, решающим по своему значению должен быть подчеркнут вопрос о значительном повышении качественных показателей по всему фронту народнохозяйственного строительства в 1928/29 г. и, в особенности, по линии общественного сектора и государственной индустрии. Еще больше чем в истекшем году здесь заложен основной ресурс для преодоления всех тех препятствий, которые стоят на пути индустриального развития нашей страны. Без преувеличения можно сказать, что 1928/29 г. ставит перед нами дилемму, — или добиться решительных сдвигов в сторону повышения качественных показателей народнохозяйственного производства (прежде всего, в общественном секторе и особенно в государственной индустрии) или идти на снижение темпов развития и строительства. Вся работа над контрольными цифрами посвящена была тому, чтобы обеспечить первый путь, т.е. путь высоких темпов народнохозяйственного развития за счет высокого качества работы.

3. Размах народнохозяйственного строительства и качественный рост общественного сектора в 1928/29 году

В проектируемом 1928/29 г. общая численность населения вновь возрастает на 2,3% и число лиц, занятых по найму, на 2,8%. Как известно, общая численность населения возрастает из года в год, примерно, на один и тот же устойчивый процент. Темп прироста лиц, занятых по найму, снижается, давая для 1926/27 г. 7,6% для 1927/28 г. — 3,6% и для 1928/29 г. — 2,8%.

Промышленная продукция растет в 1928/29 г. по сравнению с предшествующим годом по всей ценовой промышленности в неизменных ценах на 17% (в том числе средства производства на 21,8%, предметы потребления на 15,6%). Товарная часть промышленной продукции на 15,5%. Таким образом, темп промышленной продукции в 1928/29 г. хотя и отстает незначительно от темпа истекшего 1927/28 г., но все же остается на очень высоком уровне, в основе которого лежит возросший производственный аппарат промышленности, как результат больших капитальных вложений истекших лет. Нет сомнения, опыт 1927/28 г. и предстоящего 1928/29 г. вносит существенные коррективы в то мнение, по которому переход к реконструктивному периоду связывался с резким снижением темпов роста промышленного производства. Состав промышленной массы в 1928/29 г. несколько меняется по сравнению с предшествующим годом. По планируемой ВСНХ промышленности в противоположность 1927/28 г. производство средств производства (группа А) возрастает в большем темпе, чем производство предметов потребления (группа Б). В общем для предстоящего 1928/29 г. можно утверждать, что основным лимитом для роста производства по группе А является состояние производственного аппарата, в то время как по группе Б сырьевые ресурсы. Оба эти лимита оказываются в промышленном

плане проектируемого года достаточно жесткими, и понадобятся огромное внимание и напряженная работа как по поддержанию основного капитала тяжелой индустрии, так и по мобилизации сырьевых ресурсов в стране и по импорту для легкой промышленности.

Контрольные цифры на 1928/29 г. сводят промышленный план с большими показателями качественного роста. Они исходят из необходимости добиться снижения себестоимости промышленной продукции в предстоящем году на 10% с зачетом 8% в финансовый план промышленности. Рост номинальной заработной платы намечен в 7% при обязательном условии подема производительности труда (выработки на 1 рабочего) не меньше чем на 17,5%. Само собой разумеется, что такой рост производительности труда мыслится на основе растущей рационализации производства, обеспечения бесперебойности производственного процесса и больших усилий по повышению коэффициентов использования топлива, сырья, вспомогательных материалов и т. п. Только на этой основе смогут быть решены задаваемые в плане большие задачи по подему дисциплины и интенсивности труда.

Нечего подчеркивать какое громадное принципиальное и практическое значение имеет постановка и решение этих больших качественных задач в промышленном производстве 1928/29 г. Достигнутый нами уровень обобществления в народнохозяйственном строительстве, монопольное положение государственной индустрии, быстро повышающийся ее удельный вес в народнохозяйственном производстве, наконец, ее ведущая роль в экономике страны накладывают на промышленность гигантскую ответственность и требуют от нее реальной эффективности, как результата больших вложений в нее за предшествующие годы. Это особенно так в связи с наметившимися затруднениями в области сельскохозяйственного производства и некоторого отставания в таких крупнейших народнохозяйственных отраслях, как транспорт и жилищное строительство. Не подлежит сомнению, что в области количественного расширения промышленной продукции, в росте промышленного экспорта, в постановке ряда новых производств и тем самым в замещении импорта, наконец, в производствах оборонного характера промышленность достигла громадных результатов за истекший период. Но это не может закрыть от нас того обстоятельства, что в области снижения себестоимости промышленности сделала до сих пор только самые начальные и крайне незначительные шаги.

Но если десятипроцентное снижение себестоимости является желательным и необходимым с точки зрения всей народнохозяйственной обстановки страны, то посильно ли оно для промышленности? Те, кто оспаривают возможность такого снижения себестоимости, требуют, чтобы конкретно, по группам и статьям, по параграфам калькуляции была расписана программа десятипроцент-

ного снижения себестоимости. Это в корне неправильное требование. Выставлять такое требование значит бюрократизировать задачу снижения себестоимости, забывая, что это дело может быть решено лишь напряженной работой и творческим подъемом по всему фронту производственного аппарата промышленности от ее комадных кадров до всей массы рядовых рабочих включительно.

Промышленность будет заканчивать 1928/29 г. больше чем с 4,5-миллиардными вложениями (не считая электрификации, которая значительно улучшает энергетическую базу промышленности) при всего 5—6% снижения себестоимости за последние три года. При этих условиях не может считаться непосильной большая и ответственная задача по десятипроцентному снижению себестоимости. Если верно, что основной ресурс для обеспечения больших темпов нашего строительства заложен в радикальном улучшении качества работы обобщественного сектора, то это должно найти себе отражение, прежде всего, в большой задаче по снижению себестоимости промышленной продукции в 1928/29 г.

Капитальные работы в промышленности намечены в 1.650 млн. руб. (против 1.300 млн. руб. в 1927/28 г.), в том числе резерв 150 млн. руб. Капитальные работы по электрификации — в 320 млн. руб. против 280 млн. руб. истекшего года.

Рост сельскохозяйственного производства в 1928/29 г. намечается на 5,2% по валовой продукции, в том числе на 4,7% по земледелию и на 3% по товарной продукции. Недостаточность общего уровня сельскохозяйственного производства и прироста его на 1928/29 г. очевидна как из приведенных выше сопоставлений степени восстановления сельскохозяйственной продукции по сравнению с довоенным уровнем (с учетом роста населения), так и из практического опыта 1927/28 г. Трудность положения 1928/29 г. усугубляется тем обстоятельством, что при несколько большем общем сборе зерновых культур по сравнению с 1927/28 г. их состав значительно ухудшился, а также неоднократно уже подчеркивавшимся неблагоприятным географическим расположением урожая. Наконец, нужно иметь в виду приведенную выше характеристику уровня развития отдельных категорий технических культур и различных элементов стада.

1928/29 хоз. год потребляет ту сельскохозяйственную продукцию, которая создана предшествующим сельскохозяйственным годом. Главная задача по мобилизации сельскохозяйственных продуктов лежит в плоскости рыночных отношений и там должна трактоваться. Однако, 1928/29 г. всей своей хозяйственной политикой подготовляет сельскохозяйственную базу будущего 1929/30 г. К этим, именно, задачам производственного порядка и должно быть приковано особенно большое внимание контрольных цифр на 1928/29 г. Нет нужды подчеркивать, на каком глубоком и сложном переломе находится сельскохозяйственное производство нашей страны в условиях ограничения верхушечной части

крестьянства, продолжающегося измельчания крестьянских хозяйств и лишь начальной стадии выхода на путь строительства крупных советских хозяйств и массы крестьянских коллективов на основах высокой машинной техники. Нет нужды подчеркивать, с какими величайшими трудностями связано в этих условиях и при недостаточности сельскохозяйственной продукции для нужд растущего потребления и для экспорта погодное маневрирование в области сельскохозяйственного производства.

Производственные задачи в области сельского хозяйства на 1928/29 г. с достаточной убедительностью определяются следующим коротким расчетом. 1927/28 г. при урожае на 7% выше среднего прошел со значительными продовольственными затруднениями и по данным хлебофуражного баланса был сведен с сокращением крестьянских запасов на 1 млн. тонн. В 1929/30 г., который будет опираться на урожай 1928/29 г., население возрастет на 4,5%. В 1928/29 г., который подготавливает сельскохозяйственную базу для 1929/30 г., произошло сокращение посевных площадей на 2,6%. Следовательно, если бы была допущена в 1929 г. стабилизация посевных площадей на уровне 1928 г., то для удовлетворения продовольственных потребностей страны нужно было бы предполагать еще более высокий урожай (около 15% выше среднего). Этот расчет и невозможность в плановых предположениях ориентироваться только на исключительно благоприятные обстоятельства обязывают поставить перед собой в качестве одной из центральных решающих задач предстоящего года увеличение сбора зерновых культур не менее чем на 10% тем, чтобы это было обеспечено расширением зерновых посевов не менее чем на 7%. Без решения этой исключительно ответственной и трудной задачи не будут подготовлены сколько-нибудь удовлетворительные позиции для расширенного народнохозяйственного строительства 1929/30 г. Это минимальное семипроцентное расширение посевных площадей в 1928/29 г. должно, разумеется, идти наряду с упорным осуществлением программы мероприятий по подъему урожайности, которые предусмотрены по всем разделам предлагаемых контрольных цифр.

Нужно отдать себе полный отчет во всей трудности намечаемого расширения посевных площадей, если учесть, что даже сравнительно благоприятный 1927 г. дал всего 2% расширения посевных площадей. Однако, эта задача может и должна быть поставлена. Решению ее в 1928/29 г. будут благоприятствовать следующие обстоятельства. Прежде всего, произведенный подъем цен на хлеб не может не оказать стимулирующего влияния на расширение крестьянских посевов. Далее, крупный урожай текущего года в районах экстенсивного сельского хозяйства, в которых, главным образом, и решается вопрос о расширении посевных площадей, также является благоприятствующим моментом. На ряду с этим, проекти-

руемое усиление машиноснабжения деревни с 158 млн. руб. стоимости машин до 204 млн. руб. должно оказать свое влияние на разрешение задачи по расширению посевной площади. Наконец, крупный рост контрактации, ассигнования на которую предположено довести до 300 млн. руб. против 170 млн. в 1927/28 г., даст возможность втянуть в договорное отношение с обобщественным сектором почти четверть крестьянских хозяйств, а в районах товарного сельского хозяйства, где контрактация, главным образом, и будет концентрироваться, еще больший процент. При умелом проведении контрактации она не может не оказать стимулирующего влияния на рост сельскохозяйственного производства вообще и на расширение крестьянских посевов, в частности. На ряду с этим необходимо самым тщательным образом проанализировать сложившуюся у нас систему обложения сельского хозяйства с таким расчетом, чтобы, не ломая ее общесоюзного характера и классового строения, лучше приспособить ее к специфическим условиям различных сельскохозяйственных районов. В частности, в целях поощрения расширения посевов было бы целесообразным в тех районах, где применяется обложение сельскохозяйственным налогом по посеву, перейти к практикуемому в других частях Союза обложению по пашне.

В области технических культур в проектировке 1928/29 г. мы опираемся на значительные успехи в увеличении посевных площадей под этими культурами (по льну—волокну на 125 тыс. га, по хлопку—на 165 тыс. га и по свекле—на 112 тыс. га). Выше уже было подчеркнуто, что основным лимитом по легкой индустрии оказывается состояние нашего сырьевого баланса. Поэтому для 1928/29 г. должна быть поставлена твердая задача расширить посевные площади технических культур в масштабе, не меньшем чем в истекшем году.

В области животноводства, как это показано в приведенной выше характеристике восстановленности различных элементов стада, особое внимание должно привлечь к себе неблагоприятное состояние крупного продуктивного скота. Речь должна идти здесь уже не только о мерах по поднятию урожайности, но также и о мерах по решительному увеличению поголовья молочного скота. К этой задаче должна быть приспособлена политика цен в важнейших в этом отношении районах страны на молоко и масло, а также учтено влияние на это дело практики сельскохозяйственного налога. Нужно только при этом иметь в виду, как глубоко связано состояние коровьего стада с целым рядом весьма крупных моментов в реконструкции самого сельского хозяйства и в поднятии урожайности зерновых и технических культур.

Важнейшей особенностью сельскохозяйственного плана 1928/29 г. является то, что в нем обеспечен крупный сдвиг в строительстве обобщественного

сектора в сельском хозяйстве. Достаточно указать на то, что в 1927/28 г. вся сумма прямых ассигнований по обобщественному сектору исчислялась в 114 млн. руб., в то время как на 1928/29 г. эти ассигнования намечаются в сумме 206 млн. руб. (в том числе 75 млн. руб. на строительство новых совхозов, около 30 млн. руб. на старые совхозы и 75 млн. руб. на коллективные хозяйства). Коллективные хозяйства и новые совхозы, только приступающие к своему строительству, не играют еще, разумеется, значительной роли в производстве массовой сельскохозяйственной продукции. Однако, громадное значение этих форм для всего дела перестройки крестьянского хозяйства на началах машинной индустрии и высокой сельскохозяйственной культуры обязывает обеспечить за этим строительством особенно бдительное внимание в планах предстоящего года. Контрольные цифры на 1928/29 г. полностью отражают эту установку.

Таковы важнейшие моменты предполагаемого роста производства в стране и намечаемое повышение производительности народного труда. Таковы важнейшие производственные задачи, стоящие перед страной в проектируемом народнохозяйственном году. Семнадцатипроцентный рост промышленной продукции и десятипроцентное снижение себестоимости промышленной продукции; семипроцентное расширение посевной площади зерновых культур и трехпроцентное повышение их урожайности; значительный рост посевных площадей и задание по урожайности по техническим культурам; громадный рост строительства (21%),— все это говорит об огромных производственных задачах, поставленных в 1928/29 г. перед обобщественным сектором и его крестьянским союзником. Нечего говорить, в какой мере вся совокупность экономических рычагов и стимулирующих воздействий должна быть согласована и направлена к тому, чтобы обеспечить намеченный рост производительных сил СССР в 1928/29 г.

4. Организация индустриального труда

Выше было уже отмечено, что в 1928/29 г. ожидается общий прирост численности лиц наемного труда на 2,8%, т.е. несколько ниже чем в истекшем году (на 3,6%). Как и в 1927/28 г., основной прирост дают строительные рабочие (+17%). Индустриальные и транспортные рабочие в 1928/29 г., в связи с большими качественными задачами в производстве, сколько-нибудь значительного прироста своих контингентов не дают. Прирост зарегистрированной массы безработных предположен на 11,7%, в то время как безработные члены профессиональных союзов возрастают на 15%, т.е. значительно меньше, чем в 1927/28 г., который дал рост на 23%. На ряду с этим значительно возрастают ассигнования на помощь безработным 165,8 млн. руб. против 134,7 млн. руб. предшествующего года. Средний размер пособий для квалифицированных рабочих

с 14,5 руб. возрастает до 15,5 руб. Номинальная заработная плата промышленных рабочих в предстоящем году возрастает на 7%; реальная же заработная плата в связи с некоторым повышением бюджетного индекса несколько меньше.

Крупным начинанием в области организации индустриального труда был в истекшем году частичный перевод текстильных рабочих на семичасовой рабочий день. В 1927/28 г. в текстильной промышленности было переведено 95 тыс. человек. На 1928/29 г. намечено увеличение переводимых на семичасовой рабочий день рабочих до 320 тыс. человек в различных отраслях промышленности. Выполнение этого плана будет означать перевод на семичасовой рабочий день около 16% общего состава индустриальных рабочих в стране.

Исключительная ответственность и важность этого начинания, а также большая сложность этого дела требуют надлежащей тщательной подготовки и систематического наблюдения за результатами этого большого опыта. 1928/29 год должен накопить большой опыт перевода на семичасовой рабочий день в предприятиях по различным отраслям промышленности и тем самым подготовить в ряде последующих лет переход на семичасовой рабочий день всей основной массы индустриального пролетариата СССР.

Расходы по охране труда намечаются в сумме около 50 млн. руб. против 45 млн. руб. прошлого года. Бюджет социального страхования возрастает до 1.145 млн. руб. против 978 млн. предшествующего года, что дает рост на 17,4%, т.е. несколько выше темпа роста государственного бюджета. Следует особо подчеркнуть крупный рост расходов на обеспечение инвалидности — 252 млн. руб. против 197 млн. руб. в предшествующем году и введение новой статьи расхода (17 млн. руб.) на обеспечение старости снимаемых с производства индустриальных рабочих (около 70 тыс. человек к концу года).

Громадные задачи, стоящие перед промышленностью, транспортом и строительством как в области расширения производства, так и в особенности сокращения издержек производства, требуют особой четкости работы всех организаций, обслуживающих повседневные нужды рабочих.

5. Условия и задачи равновесия на рынке

Выше были уже указаны важнейшие отрицательные моменты рыночных отношений истекшего года и подчеркнута необходимость их ликвидации и во всяком случае смягчения в 1928/29 г. Это особенно необходимо при больших количественных и качественных задачах, поставленных в контрольных цифрах в области материального производства и роста производительности труда. Нужно со всей определенностью подчеркнуть, что 1928/29 г. представляется весьма трудным с точки зрения тех задач, которые стоят

в области рыночного оборота и равновесия на рынке. Трудность заключается не в общем сбалансировании спроса и предложения, глобальные цифры которых в общем остаются близкими друг к другу. Главная трудность сосредоточивается на совершенно конкретных и при этом весьма важных рынках отдельных товаров.

В этой связи нужно, прежде всего, и со всей решительностью указать на большую и ответственную задачу продовольственного снабжения страны в предстоящем году. Как уже неоднократно указывалось в прессе, количественно урожай этого года несколько выше, чем в предшествующем году. Однако, и по составу культур и по своему географическому размещению он труднее прошлогоднего. Выпадение таких товарных и экспортных районов, как Украина, недостаточный урожай на Северном Кавказе и меньшее наличие ржи и пшеницы, — требуют более напряженной и более маневренной гибкости в деле хлебозаготовок. Это тем более так, что намеченная выше большая программа по расширению посевной площади неизбежно повышает расход села на обсеменение.

При этих условиях программа хлебозаготовок и план продовольственного снабжения в потребляющих районах должны быть в центре внимания правительства на протяжении всего года. Намечающийся хлебозаготовительный план, примерно в сумме 103 млн. центн., должен быть выполнен во что бы то ни стало, но обязательно на началах рыночных отношений с крестьянством и без всякого зажима местного хлебного оборота, на плечи которого падают в предстоящем году достаточно большие задачи. Ход хлебозаготовок за июль, август и сентябрь при том условии, что сентябрь превышает по масштабу заготовок оба предшествующих года, дает нарастающий темп и должен быть признан удовлетворительным. Нужно умелым и гибким маневрированием поддержать этот нарастающий темп хлебозаготовок и обеспечить мобилизацию товарного хлеба для бесперебойного продовольственного снабжения страны.

Само собой разумеется, что в связи с контрольными цифрами нет возможности в общей журнальной статье поднимать вопросы оперативного характера. Однако, из всей совокупности условий на хлебозаготовительном фронте встает одна большая задача, к разрешению которой нужно было бы подойти. Речь идет о некотором подходе к обобществлению хлебных запасов крестьянства через элеваторную сеть на началах хлебозаготовочных операций или каких-либо иных приемов. Этот вопрос неоднократно поднимался в нашей экономической литературе, однако, он до сих пор не получил своего практического разрешения. Между тем, громадное значение этого дела очевидно не только для усиления маневренных хлебных ресурсов, но и для самого крестьянства.

Нужно прямо сказать, что несмотря на успехи в области хлебозаготовок, все же не может быть снята с порядка дня задача разработки и строжайшего проведения в жизнь твердого плана

хлебоснабжения, построенного на началах разумной рационализации потребления. Неоднократно уже отмечалось, что недостаток хлеба в прошлом году был связан не только с неудовлетворительным ходом заготовок, но и с перерасходом по плану хлебоснабжения. Между тем, не подлежит сомнению, что мы достаточно расточительны в потреблении высоких сортов хлеба. Поэтому строгое ограничение высокого перелома на протяжении всего года, подмешивание кукурузы и ячменя, нормализация потребления в местах общественного питания и ряд других мероприятий в этом направлении должны быть последовательно, систематически проводимы в жизнь на протяжении 1928/29 года. Иными словами, нам нужен не только план хлебозаготовок, но и план хлебоснабжения страны, который должен проводиться с полным соблюдением своих количественных размеров и своей календарной программы.

Само собой разумеется, что при некоторых затруднениях с хлебоснабжением, которые не исключены, тем более внимательно должны быть решаемы задачи по всем другим видам снабжения наших потребляющих центров (мясным, овощным, крупяным и т. д.). На ряду с этим большое внимание должна привлечь программа сырьевых заготовок. Выше уже было указано, в какой мере сельскохозяйственное сырье оказалось в 1928/29 г. ограничивающим лимитом для развертывания легкой индустрии. Промышленный план в этой части сверстан с большим напряжением. Высокий уровень производства легкой промышленности в начале года может оказаться необеспеченным во второй половине при малейшем невыполнении плана сырьевых заготовок. Поэтому включенная в контрольные цифры программа сырьевых заготовок должна считаться минимальной и должны быть приняты все меры к тому, чтобы превзойти ее на протяжении года.

Выше уже было указано, в какой мере сырье сельскохозяйственного происхождения, оказывается в 1928/29 г. ограничивающим лимитом для развертывания легкой индустрии. Промышленный план в этой части сверстан с большим напряжением. Высокий уровень производства легкой промышленности в начале года может оказаться необеспеченным во второй половине года при малейшем невыполнении плана сырьевых заготовок. Поэтому включенная в контрольные цифры программа сырьевых заготовок должна считаться минимальной и должны быть приняты все меры к тому, чтобы превзойти ее на протяжении года. В особенности это должно быть отнесено ко льну. Принятая уже программа льняных заготовок не может считаться достаточной и может быть увеличена при условии бесперебойного хлебоснабжения льняных районов, введением дифференцированных заготовительных цен по различным льноводческим районам с одновременным улучшением ассортимента направляемой в эти районы мануфактуры (увеличение процента бельевой ткани) и достаточным снабжением этих районов овсом. Не прихо-

дится говорить, какое громадное значение имело бы решение этой задачи не только для льняной промышленности, но и для обеспечения экспортно-импортного плана 1928/29 г.

В работах над составлением контрольных цифр большое место занял вопрос о балансе спроса и предложения на промышленные товары. Необходимо постоянно иметь в виду большую условность и относительность всех расчетов баланса спроса и предложения в нашей стране. Первоначальные расчеты в этом отношении показывали нарастание в 1928/29 г. несоответствия между спросом на промтовары и их предложением (прирост спроса на 7—8% и предложения на 5—6%). Изменения, внесенные в хлебофуражный баланс, с одной стороны, дальнейшее расширение программы займов, привлечение кооперативных взносов и повышение поступлений по некоторым другим источникам, с другой стороны, а также частичные изменения в области производства предметов широкого потребления, — дают возможность считать, что общие темпы прироста спроса и предложения в предстоящем году идут примерно на одинаковом уровне. Однако, это видимое благополучие конечных цифр не должно затуманивать напряженности по ряду отдельных и притом крайне чувствительных для населения товаров. Для широкого рынка прирост предложения хлопчатобумажных тканей намечается в 4,7%, по шерстяным тканям прирост около 2,3%, по обуви около 6%, по сахару не больше 3%, по подсолнечному маслу сокращение на 20% против прошлого года, по чаю сокращение примерно на 7% против прошлого года. И это при том условии, что общий рост спроса населения на промтовары будет не меньше 6%. На ряду с этим значительно усиливается предложение таких дефицитных товаров хозяйственного потребления, как пиломатериалы (+17,3%), кровельное железо (+13,3%), сортовое железо (+26,3%) сельскохозяйственные машины (+24,1%).

В балансе спроса и предложения промышленных товаров на 1928/29 г. особое внимание привлекает из года в год растущая статья потребления организованным рынком, куда входит промышленное потребление, потребление транспорта, жилищного строительства, коммунального хозяйства, непроизводственных наркоматов и т. п. При росте предложения на широкий рынок на 4½—5% организованное потребление растет на 22%. Это громадное несоответствие между темпами роста потребления государственного хозяйства и широкого рынка должно привлечь к себе внимание. Состав этого организованного потребления промышленных товаров, темпы роста его отдельных элементов должны быть тщательно проанализированы в общей связи с задачами снабжения населения промышленными товарами.

6. Финансовый план в контрольных цифрах.

В контрольных цифрах на 1928/29 г. сделана попытка дать общий обзор финансовой системы страны и аналитический разбор

ее основных элементов. Здесь нужно подчеркнуть лишь некоторые, самые общие моменты из оценки финансового плана.

Во всем предшествующем изложении было достаточно отчетливо указано, с каким трудом сводится материальный баланс в плане предстоящего года. Именно это обстоятельство, т.-е. крайняя трудность сведения материального баланса и возможность частичных его прорывов в реальном народнохозяйственном строительстве на протяжении 1928/29 г., обязывает с особой бдительностью относиться к финансовому плану, сверстанному также с достаточно большим напряжением. Нужно прямо сказать, что большого запаса прочности, достаточных резервов для того масштаба хозяйственного развертывания, который намечен на 1928/29 г., в финансовом плане нет. Как и в материальном балансе (и в полной зависимости от этого последнего), решение задач финансового плана может быть обеспечено лишь твердым руководством и умелым маневрированием на протяжении года.

Государственный бюджет грунто вырастает в 1928/29 г. на 15,8%, сводный бюджет — на 16,4%, госбюджет нетто — на 18,2% и сводный бюджет нетто на 19,1% по сравнению с предшествующим годом. Нужно помнить при этом, что валовая продукция страны вырастает на 12,3%, товарная ее часть — на 12,8%, и народный доход — исчисленный по реальному методу — на 9,3%. Здесь важно поставить вопрос, в какой мере возрастает роль государственного бюджета, как перераспределителя народного дохода. Следующая справка достаточно отчетливо освещает этот вопрос (в % к народному хозяйству):

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Сводный бюджет — доходы	22,3	28,0	30,3	31,8
Госбюджет — доходы	18,7	23,9	25,7	26,9
Налоги по сводному бюджету	9,5	12,7	13,4	14,1

Иными словами, мы имеем неуклонное нарастание роли государственного бюджета в деле перераспределения народного дохода. И, что особенно важно, этот процесс происходит при том условии, что свободный остаток дохода на душу населения за покрытием всех налогов по сводному бюджету также неуклонно из года в год возрастает. Иначе говоря, усиление роли государственного бюджета, как перераспределителя народного дохода, идет параллельно и в соответствии с ростом благосостояния населения.

В каком направлении происходит это перераспределение через бюджет народного дохода? Две короткие справки дают совершенно надежный ответ на этот вопрос. При стабильности, а в большинстве случаев — понижении удельных весов всех расходных статей государственного бюджета (за исключением расходов на культурное строительство) удельный вес расходов на финансирование народного хозяйства показывает следующий ряд: в 1925/26 г. — 18,2%, в 1926/27 г. — 23,5%, в 1927/28 г. — 28,7% и в 1928/29 г. — 33,8%. В составе этих

последних расходов (т.-е. в числе 33,8% для 1928/29 г.), особенно выделяются промышленность, поднявшая свой удельный вес в общей сумме финансирования народного хозяйства с 4,9% в 1925/26 г. до 10,9% в 1928/29 г., и транспорт, удельный вес которого вырос с 4,2% в 1925/26 г. до 9,6% в 1928/29 г. Наконец, достаточно иллюстративным является движение сальдо расчетов между промышленностью и государственным бюджетом в пользу:

Годы	Промышл.	Промышл. и электриф.
1925/26	109,8	184,9
1926/27	161,2	279,7
1927/28	293,0	461,3
1928/29	377,5	598,2

Иными словами, советский бюджетный рычаг перераспределяет народный доход не только в интересах финансирования народного хозяйства, но и с ярко выраженной тенденцией его индустриализации.

Следует особо подчеркнуть крупный рост расходов по линии просвещения. Против 994 млн. руб. просвещенских расходов по всем источникам в 1927/28 г. на предстоящий год намечена сумма в 1.222 млн. руб., т.-е. увеличения на четверть миллиарда. Сравнительно крупный прирост бюджетных ассигнований на финансирование сельского хозяйства (около 90 млн. руб. по госбюджету) целиком идет по линии обобщественного сектора или, еще точнее говоря, по линии развертывания новых зерновых совхозов, оставляя ассигнования по старым совхозам и коллективам примерно на прошлогоднем, также достаточно высоком уровне. В связи с этим, при расширении долгосрочных вложений в разного рода государственные мероприятия по сельскому хозяйству, могут создаться затруднения в удержании долгосрочных кредитов индивидуальному крестьянскому хозяйству на прошлогоднем уровне. Этот вопрос должен быть дополнительно изучен и должны быть приняты реальные меры к тому, чтобы не допустить снижения долгосрочных кредитов индивидуальным крестьянским хозяйствам, в особенности в связи с теми большими задачами по подъему посевных площадей и по расширению сельскохозяйственного производства, которые намечаются контрольными цифрами на следующий год.

Расширение эмиссии намечается в размерах 300 млн. рублей в соответствии с планами развертывания основных хозяйственных элементов. Не приходится подчеркивать, что вся обстановка предстоящего года обязывает к бдительному вниманию в отношении к финансовому хозяйству страны и состоянию денежного обращения.

7. Движение народного дохода

В работе над контрольными цифрами на 1928/29 г. удалось несколько более обстоятельно, чем это было в предшествующие годы,

разработать вопрос о структуре и движении народного дохода. Крайние трудности этой работы как методологического порядка, так и в связи с состоянием материалов, не позволяют уже в настоящее время представить правительству надлежащее освещение этого вопроса. В подготовляемой к печати книге о контрольных цифрах раздел о народном доходе будет разработан более подробно. Здесь же могут быть сделаны лишь самые общие и притом предварительные замечания по этому сложному и ответственному вопросу.

Народный доход, исчисленный по реальному методу, вырос (в червонной оценке) с 16.949 млн. в 1924/25 г. до 25.872 млн. руб. в 1927/28 г. и намечается для 1928/29 г. в сумме 28.448 млн. руб., давая следующие темпы роста, начиная с 1925/26 г.: $+32,8\%$, $+5,1\%$, $+9,4\%$, $+10,0\%$. Иными словами, за последние три года мы имеем плавно нарастающий темп роста народного дохода, почти вдвое превышающий темпы роста довоенной России и в капиталистических странах. Особенно важно при этом отметить нарастание роли общественного сектора во всем народном доходе. В 1924/25 г. общественный сектор во всем народном доходе составлял $38,8\%$, к 1928/29 г. его удельный вес поднимается до $52,4\%$. Доля ценовой промышленности в народном доходе поднимается с $14,3\%$ в 1924/25 г. до $21,1\%$ в 1928/29 г., что свидетельствует о нарастании роли государственной индустрии в образовании народного дохода. Оба эти процесса идут с неизменным нарастанием из года в год. Доля чистой продукции сельского хозяйства во всем народном доходе в соответствии с ходом индустриализации страны равномерно снижается с $48,4\%$ к народному доходу в 1924/25 г. до $40,7\%$ в 1928/29 г.

Анализ народного дохода, исчисляемого по субъективному методу, т.е. суммы доходов населения, приводит к тем же выводам. Удельный вес доходов земледельческого населения падает с $59,3\%$ в 1924/25 г. до $50,3\%$ в 1928/29 г. Одновременно доходы неземледельческого населения возрастают с $34,5\%$ в 1924/25 г. до $38,4\%$ в 1927/28 г., намечая для 1928/29 г. некоторое снижение, примерно, на 1% , что связано со значительным ростом доходов общественного сектора. Социалистический характер складывающегося в эти цифры процесса индустриализации особенно отчетливо виден из следующей таблички:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
	(В $\%$ к предыдущему году)				
Доля лиц наемного труда во всем доходе страны	25,4	28,1	30,9	32,1	32,1
То же пролетариата	26,6	29,3	32,3	33,6	33,7
Доля общественного сектора во всем доходе страны	6,2	7,5	7,9	9,7	12,0

Таким образом, за последнее пятилетие идет неуклонное нарастание доли пролетариата и обще-

ственного сектора в народном доходе страны. Доходы лиц наемного труда (неземледельческого), взятые вместе с доходами обобщественного сектора, дают за те же годы следующий рост: $31,6\%$, $35,6\%$, $38,8\%$, $41,8\%$ и $43,8\%$ населения. Сравнительные темпы роста доходов различных групп населения таковы:

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
	(В $\%$ к предыдущему году)			
Доходы земледельч. населения	129,8	100,8	104,5	106,7
„ неземледельч. „	143,2	115,1	106,0	107,9
„ лиц наемного труда	151,2	117,8	111,2	109,6
„ трудового не proletарского населения	135,1	110,3	95,1	103,9
„ буржуазии	147,7	103,3	95,2	99,8

Здесь, прежде всего, следует отметить происходящее сближение темпов роста доходов земледельческого и неземледельческого населения, что при сравнительно большом еще разрыве абсолютных уровней является фактом положительным. Более дифференцированные расчеты по различным классовым группам земледельческого населения еще не закончены подсчетом. Темп роста дохода лиц наемного труда идет выше общих уровней.

При довольно большом возрастании темпа доходов трудовых не proletарских слоев и при некотором возрастании доходов буржуазии (промышленной), доля их во всем доходе страны продолжает снижаться. Так, в 1924/25 г. доля доходов трудовых не proletарских слоев составила $8,1\%$, буржуазии — $2,6\%$; в 1925/26 г. соответственно $8,0$ и $2,8$; в 1926/27 — $8,3$ и $2,7$; в 1927/28 — $7,3$ и $2,4$; в 1928/29 — $6,9$ и $2,1$.

Общий темп роста доходов страны (исчисленных по субъективному методу) за те же годы таков: $+36,7\%$, $+6,8\%$, $+7,4\%$, $+10,4\%$, т.е. почти совпадающий с расчетами, сделанными по реальному методу. Примерно такой же темп нарастания доходов страны получается, если взять только динамику основных доходов (исключив производные). Эта сторона дела будет подвергнута более детальному анализу в книге о контрольных цифрах.

8. Соотношение социальных секторов, процессы обобществления

Вся система контрольных цифр построена на учете не только общего роста производительных сил страны, но также и на тщательном анализе классового характера осуществляемого хозяйственного строительства. В контрольных цифрах на 1928/29 г. процессы обобществления даны в специальной сводной таблице. Анализ показателей этой таблицы не оставляет сомнений в том, что как истекший 1927/28 г., так и проектируемый 1928/29 г. уверенно продолжают общую линию индустриализации СССР на путях обобществления народнохозяйственных процессов на основе укрепления позиций обобщественного сектора.

Сдвиги в удельных весах социальных секторов происходят медленно, подытоживая большие внутренние процессы народнохозяйственного строительства. Отмеченные единицами и десятыми долями процентов ежегодные смещения секторов скрывают за собой движение громадных материальных ценностей и больших человеческих масс. Поэтому темпы смещения удельных весов социальных секторов в основных показателях народного хозяйства кажутся крайне незначительными в сравнении с большими темпами роста обобщественного хозяйства в целом и отдельных его элементов.

Под этим именно углом зрения нужно расценивать процессы обобществления, как они даны в контрольных цифрах.

Эти данные показывают, что и по численности лиц наемного труда, и в валовой продукции, и в товарной массе, и в торгово-посредническом обороте, и в движении фондов, и в особенности в капитальных вложениях продолжается процесс укрепления позиций обобщественного сектора. 1927/28 г. почти по всем показателям дал более крупное усиление позиций обобщественного сектора, чем 1926/27 г. Проектируемый 1928/29 г. намечает расширение границ (в количественном отношении) обобщественного сектора в несколько меньшем темпе, выдвигая при этом громадные задачи по повышению его качественных показателей.

1927/28 г. отмечен был рядом крупных затруднений, исходивших в значительной мере из крестьянского сектора и связанных отчасти с сопротивлением кулацкой верхушки села большим задачам пролетарской экономической политики. В связи с этим особенно важно подчеркнуть, что 1928/29 г. на ряду с большими задачами по под'ему производительных сил всего сельского хозяйства намечает крупный сдвиг в строительстве его обобщественного сектора. Указанные выше показатели роста коллективизации и совхозного строительства, с одной стороны, и развертывание кооперативного строительства — с другой, достаточно ярко иллюстрируют этот сдвиг. Нужно, однако, как и в контрольных цифрах 1927/28 г., только еще с большей решительностью, в связи с усложнившимися задачами хозяйственного строительства, подчеркнуть, что центр тяжести всех вопросов о соотношении социальных секторов и классовых сил в хозяйственном строительстве на предстоящий год лежит не в экстенсивном расширении границ обобщественного сектора, а в энергичном повышении его внутренней организованности и народнохозяйственной эффективности его работы.

К вопросу о поднятии урожайности

Вопрос о поднятии урожайности, несомненно, принадлежит к числу плановых вопросов первостепенной важности. То обстоятельство, что этот вопрос во всем своем объеме поставлен только на одиннадцатом году существования нашего Союза республик, имеет достаточное оправдание в тех подчас невероятно тяжелых условиях, при которых выковывались и оформились основы существования рабоче-крестьянского государства.

Само двойное название сущности нашего Союза как нельзя более удачно вскрывает основу возможности осуществления равновесия его элементов.

Все проявления всех родов деятельности человечества, начиная с примитивных зоологических потребностей и кончая проявлением высших форм социологической организации, и развитием научной и художественной деятельности, требуют, прежде всего, затраты энергии.

Единственным источником энергии, которым мы пока полностью овладели, является энергия, излучаемая солнцем, и на основе количества кинетической энергии солнечного луча, обращенного нами в потенциальную энергию органического вещества, может осуществиться та или иная степень интенсивности проявления всех других сторон деятельности человечества.

По существу вся деятельность двуединого комплекса рабочих и крестьян сводится к первоначальному получению потенциальной энергии крестьянами, представляющими сельскохозяйственное производство во всей его сложности, и изготовлению средств этого производства, переработке полученной энергии в потребные формы и распределению энергии и средств производства рабочими — представителями индустрии.

Только то количество энергии, которое остается как разница между количеством полученной энергии и энергии, затраченной на получение первой, может быть направлено на удовлетворение остальных потребностей человечества, и до очевидности ясно, что в случае неудовлетворительности этого баланса недостающее количество энергии должно покрываться за счет обнищания всего общества или части его. Процесс обнищания должен идти в прогрессивном порядке.

Вся работа сельскохозяйственного производства и индустрии представляет комплекс процессов, протекающих во времени. До оче-

видности ясно, что количество времени, потребляемое в двух основных порядках производств должно быть не только координировано, но в его расходование должен быть введен тот же принцип, как и в момент расходования энергии. В противном случае развитие интеллектуальных сторон деятельности общества или должно равномерно направиться по пути прогрессивного затухания или же интеллект одной группы общества должен развиваться за счет одичания другой части.

Два указанных момента выдвигают при социалистическом строе государства на первое место принцип экономической оценки эффективности всякой системы мероприятий взамен преобладания технической оценки, составляющей существенный признак классового общественного строя.

Несмотря на ясность этого принципа и на господство его в организации наших индустриальных производств, он с большим трудом проникает в дело организации нашего основного производства — сельскохозяйственного.

Плановая организация всех элементов социалистического строительства в своем существе должна быть перспективной, она должна на основе научного анализа динамики эволюции всей совокупности элементов строительства предвидеть направление и темп развития всех этих элементов.

Два элемента, определяющие существо всякого процесса — направление и темп развития, — в свою очередь определяют необходимость наличия двух планов — первого генерального, определяющего направление соответствующего раздела строительства и предусматривающего эволюционные изменения этого направления, и второго — календарного, определяющего темп развития первого плана и эволюционное изменение этого темпа по отношению к различным элементам раздела.

Совершенно очевидно, что строительство, осуществленное по одному календарному или сроковому плану, не может ни в какой мере претендовать на перспективную плановность, так как срокный план дает только возможность интуитивно угадывать изменения направления и темпа развития элемента строительства или чаще только констатировать совершившиеся изменения.

Точно также генеральный план строительства не может быть основан на анализе статистических материалов. Такой анализ может иметь характер исключительно ретроспективного отчетного обзора. Всякие перспективные выводы из такого обзора неминуемо обречены стать экстраполяцией, в которой направление и темп процесса могут угадываться только интуитивно, так как эволюция элементов, под влиянием которых совершаются перспективные изменения направления и темпа развития процесса, еще не могли развиваться в прошлом из-за отсутствия предпосылок этого развития.

Перспективный генеральный план строительства любой отрасли народного хозяйства может быть выработан исключительно путем диалектического анализа эволюции существенных свойств элементов самой отрасли и эволюции условий, определяющих ход развития отрасли и изменяющихся, в свою очередь, под влиянием ее эволюции. Никакие прямолинейные механические выводы в этом анализе недопустимы. Это было бы элементарной математической ошибкой. Также ясно, что для того чтобы притти к выводам, осуществляемым в практике производства, мы должны за исходную точку анализа принять теоретические существенные основы производства. В противном случае мы принуждены будем или бесполезно топтаться на месте или притти к необходимости изменения стихийных элементов или таких же условий производства, т.е. придем к утопическим выводам, неосуществимым на практике.

Диалектический анализ основ сельскохозяйственного производства и условий, в которых оно протекает, представляет некоторые трудности вследствие чрезвычайной сложности как самого производства, так и чрезвычайной сложности интерференции условий, в которых осуществляются отдельные его моменты, и в том, что процесс эволюции отдельных его моментов протекает всегда в порядке прогрессивности, разного напряжения и диаметрально противоположных направлений нарастания или затухания.

В самой общей установке задачей сельскохозяйственного производства является преобразование кинетической энергии солнечных лучей в потенциальную энергию химического средства органического вещества. Органическое вещество является лишь носителем основного продукта производства — потенциальной энергии и лишь в ограниченном размере находит употребление, как таковое, напр., в производстве бумаги, мебели, мыла и т. п. Подавляющая же роль органического вещества, производимого сельскохозяйственным производством, лежит в его значении, как источника энергии — пищи и топлива — и в применении его продуктов, как средств сохранения энергии — строительного материала и одежды.

Задача сельскохозяйственного производства определяет и его существенные свойства, резко отличающие его от других производств, как отдельную категорию. Оно до сих пор представляет единственное производство, снабжающее человечество жизненной энергией. Поэтому его основные продукты являются незаменимыми предметами всеобщей необходимости, и так как от количественного снабжения человечества источником его жизненной энергии стоит в прямой зависимости количественное и качественное развитие человеческого общества, то ясно, что на организацию сельскохозяйственного производства налагается ответственное обязательство придать ему способность быстрого прогрессивного развития, темп которого должен опережать темп развития человечества. В противном случае произво-

ство принуждено будет играть роль тормоза для всего общественного развития.

Необычность первичного материала сельскохозяйственного производства — кинетической энергии солнечного луча — вынуждает необходимость применения в нем живых организмов — зеленых растений как основных машин производства. Этот признак влечет за собою настолько существенные последствия, что все подсобные производства, принужденные применять как основную машину живые организмы, приобретают значение и название сельскохозяйственных технических производств.

Третье основное свойство сельскохозяйственного производства определяется тем, что продукт его — потенциальная энергия — выпускается им в форме энергии химического сродства органического вещества. Химические элементы, входящие в состав органического вещества, короче — биологически важные элементы, составляют всего лишь незначительную по весу часть земной коры, едва превышающую в сумме величину одного процента ее веса, составляемого в огромном преобладании элементами геологического значения. Мало того, весь свободный кислород атмосферы и угольная кислота всего земного шара представляют результат жизнедеятельности живых организмов, и минеральные процессы, протекающие на поверхности земли, непрерывно стремятся перевести их в соединения, непригодные для создания органического вещества — перейти в геологический круговорот, темп которого измеряется геологическими периодами — тысячелетиями. Совершенно так же и элементы органического вещества, освобождающиеся в форме минеральных соединений при непрерывном разрушении его для освобождения потенциальной энергии полуторамиллиардным населением земного шара и его прочим аэробным населением, частично вовлекаются в тот же геологический круговорот. Наконец, органическое вещество, накапливающееся в анаэробных условиях на поверхности земного шара, также служит причиной изъятия части биологически важных элементов из обращения в биологическом круговороте. Все вместе взятое заставляет сельскохозяйственное производство принять под свой контроль в доступных для него пределах и процесс разрушения органического вещества.

Основные живые машины сельскохозяйственного производства обладают свойством, которое налагает неизбежное организационное требование на все производство. Они выпускают только четвертую часть всей продукции производства в форме, годной для использования ее, как источника энергии или как сырья в других производствах. Остальные три четверти продукции получают в форме так называемых нерыночных продуктов — соломки, ботвы, пожнивных остатков и т. п. Очевидно, что об экономически выгодной организации производства, выпускающего три четверти товара в негодном для употребления виде, не может быть речи. Перед

производством стоит задача переработки нерыночных продуктов в продукты товарные. Эта задача может быть разрешена только введением в производство нового типа машин, также живых организмов — животных.

Как живые машины, животные отличаются тем же свойством выпускать лишь меньшую часть своей продукции в форме товарной и большую часть в форме навоза.

Навоз, равно как и пожнивные остатки, которые не могут быть использованы животноводством, состоит из биологически важных элементов, необходимых для создания органического вещества зелеными растениями. Это так называемая „пища“ растений. Зеленые растения предъявляют категорическое требование к форме своей „пищи“. Они могут усвоить только окисленные минеральные вещества. Органическое вещество навоза и пожнивных остатков должно быть разрушено. Это разрушение производится новой категорией живых машин производства — микроорганизмами почвы, культура которых составляет основную задачу земледелия.

Таким образом, определяется организационная неразрывность трех основных разделов сельскохозяйственного производства, трех его цехов — растениеводства, животноводства и земледелия.

Первичный материал сельскохозяйственного производства — лучистая энергия — элемент космического порядка, совершенно не подчиняющийся нашему воздействию, не поддается концентрации в производственном масштабе. Он притекает равномерно непрерывным потоком ко всей земной поверхности и заставляет покрывать всю поверхность покровом первичных машин.

Экономически выгодное максимальное использование равномерного потока первичного материала требует строгой координации условий работы первичных машин. Эти условия стоят в прямой зависимости от свойств территории производства и распределены по ней неравномерно. В результате равномерности притока первичного материала к неравномерной по своим свойствам территории в сельском хозяйстве задача организации производства сводится к организации территории производства.

Вся совокупность условий производительной работы первичной машины сельскохозяйственного производства сводится к одновременному обеспечению ее рабочей энергией, первичным и подсобным материалом и созданию термодинамических условий ее работы. Конкретное осуществление всей совокупности этих условий находит себе выражение в потребности зеленых растений в одновременной наличности во все время их работы или, что то же, развития их четырех факторов — света, тепла, воды и питательных веществ.

Отношение производительности работы зеленых растений или ее конкретного выражения — их урожайности к факторам их развития или жизни — выражается единственным производственным законом, одинаковым для всякого производства, для всякого процесса — законом равнозначимости всех факторов процесса или производства.

Несмотря на математическую очевидность этого закона, против него чаще всего и почти поголовно грешат. На недостаточно отчетливом усвоении этого закона основано стремление к влиянию на конечный результат производства при посредстве отдельных мероприятий, тогда как производственного эффекта можно добиться исключительно путем одновременного проведения только системы мероприятий, координированно воздействующих на все элементы производства. Несоблюдение основного закона влечет за собою тяжелое последствие прогрессивности затухания технической эффективности мероприятия, неизбежно связанного с прогрессивным нарастанием затраты энергии, необходимой для выявления технического эффекта.

По отношению к основной машине сельскохозяйственного производства — зеленому растению — задача одновременного и непрерывного ее обеспечения всеми предпосылками или факторами ее производительной работы в значительной мере упрощается тем, что мы лишены возможности количественного воздействия на приток двух факторов космического происхождения — света и тепла. По отношению к ним у нас открыто только одно направление приспособления наших культурных растений к наличному порайонному притоку света и тепла. Особенности широтного распределения этих двух факторов открывают два пути в этом направлении. Путем селекции мы расширяем диапазон способности усвоения растением лучистой энергии все более разнообразной длины волны. Путем акклиматизации мы стремимся достигнуть снижения потребности в тепле у растений с высоким коэффициентом полезного действия по отношению к усвоению света.

Совершенно понятно, что способность большей количественной переработки первичного материала, а следовательно, и большего выхода продукта может осуществиться лишь при условии соответственного увеличения количества материала для образования органического вещества — „пищи растений“ и потребует усиления снабжения растения водой — регулятором термодинамических условий работы растения. В противном случае растение будет работать холостым ходом — „нежиться“.

Из этих двух факторов вода попадает в организм растения исключительно через почву, из питательных веществ тем же путем усваиваются растением элементы золь органического вещества и азот. И только благодаря необходимости посредника между этими факторами и растением мы получаем возможность регулировать

их отношения к растению, регулируя их отношения к посреднику — почве.

Основное производственное свойство почвы, являющееся одновременно и существенным признаком ее как природного тела, — плодородие — представляет собою способность одновременно и непрерывно удовлетворять максимальную потребность растений в воде и в зольных элементах пищи и азоте.

Совокупности этих требований в максимальной степени может удовлетворить только структурная — комковатая почва. В такой почве вода и воздух не являются антагонистами и в ней одновременно может содержаться и максимальное количество воды в капиллярах комков и максимальное количество воздуха в неволосяных промежутках между комками. Большой запас воды в такой почве находится в распоряжении только растений. Большой запас воздуха беспрерывно поддерживает разложение органического вещества и освобождает из него минеральную пищу растений и азот.

Но одновременно с разложением органического вещества разрушается и перегной почвы — цемент, придающий комкам почвы прочность, т.е. способность сопротивляться размыву водой. Культурная почва неизбежно становится непрочной, заплывает под влиянием дождей, становится бесструктурной, все промежутики ее становятся волосными. В такой почве вода и воздух антагонисты, вода свободно передвигается по всей массе почвы и вытесняет воздух. Без воздуха прекращается разложение органического вещества, и растение работает холостым ходом, ему не хватает азота и зольных элементов для синтеза органического вещества.

Высыхает бесструктурная почва быстро вследствие легкого передвижения воды к испаряющей поверхности почвы. На место утраченной воды проникает воздух, в почве возникает процесс разложения органического вещества, освобождается азот и зольные элементы в минеральных формах, но растение не может их использовать для синтеза органического вещества вследствие недостатка воды в почве.

Для поддержания структурного состояния почвы применяется система обработки почвы. Но создавая структуру почвы, мы создаем условия хорошей аэрации и, следовательно, быстрого разрушения перегноя — разрушения, необходимого для питания растений, а с разрушением перегноя утрачивается и прочность почвы, в результате чего вынуждается необходимость новых обработок — двояния, троения, пропашки, бороньбы и т. п.

По мере утраты почвою прочности и обращения ее в бесструктурное состояние, в ней нарастает свойство, которое в структурной почве представлено в минимальном размере — растет ее связность, т.е. сопротивление силам, стремящимся раз'единять ее частицы. Это нарастание сопротивления почвы орудиям обработки идет прогрес-

сивно, так как чем менее почва структурна, тем легче она теряет воду — высыхает, а связность прогрессивно возрастает по мере уменьшения влажности почвы. В конечном результате поддержание одной только системой обработок рыхлости почвы, необходимой для получения урожая растений на непрочной почве, требует по сравнению с прочной структурной почвой вдвое, а иногда и втрое большего числа обработок, и каждая обработка требует в среднем в семь раз больше усилий.

Таким образом, создается заколдованный круг. Работник земли сам создает источник энергии, затрата которой необходима для получения самого источника энергии и для поддержания в течение года жизни как самого работника, так и его живых двигателей. Опыт всех времен и всех народов показывает, что максимальная продукция бесструктурной почвы не превосходит 7—8 центнеров на гектар (40 пудов на десятину) обычных „серых“ хлебов. И в условиях бесструктурной почвы выхода из заколдованного круга нет.

Очевидно, что путем системы обработок можно лишь с непомерно большой затратой энергии поддерживать структуру почвы, но нельзя восстановить неизбежно утрачиваемую прочность почвы. На ряду с системой обработки почвы в сельскохозяйственном производстве должна развиваться и система восстановления прочности почвы, или система восстановления плодородия почвы или так называемые системы земледелия.

Таких систем земледелия две — отмирающая, насчитывающая не менее двухсот веков своего существования паровая система земледелия и нарождающаяся, осуществляемая едва столетие травопольная система земледелия.

Обе системы основаны на принципиально различных положениях. Очевидно, что для восстановления прочности почвы нужно накопить в почве достаточное количество перегноя и равномерно распределить его по всему пахотному горизонту. Если почва будет представлять смесь прочных и непрочных комков, непрочные комки, расплываясь под действием запаса воды в почве, займут все промежутки между прочными комками и обратят пахотный горизонт в сплошную бесструктурную массу.

Паровая система земледелия основывается на внесении навоза, как источника перегноя в почве, и на обработке, как на средстве распределения перегноя по массе почвы. Ошибочность этих положений очевидна. Для того чтобы накопить и сохранить перегноя в почве, мы должны поставить его источник — навоз — в условия разложения при минимальном доступе воздуха, в противном случае разложение навоза и образующегося перегноя пойдет быстро и полно до минерализации всех элементов органического вещества. Между тем, в пару внесении навоза в почву достигается путем обработки почвы — заправки навоза, а равномерность распределения перегноя по массе почвы возлагается тоже на обработку — двойку пара. Ос-

новная же задача обработки — разрушение перегноя, и накопить перегноя путем обработки почвы нельзя.

Невозможность достижения основных заданий пара — придачи почве прочности — заставила усложнить его задачи предъявлением требования непосредственной, активной борьбы с последствием отсутствия прочности почвы. Не говоря о логической несообразности подобной установки задач пара, при которой допускается грубая математическая ошибка — стремление изменить значение функции, не изменяя значения ее аргументов, она представляет и не менее грубый клубок технических противоречий.

Наиболее тяжелым последствием отсутствия прочности почвы является неспособность почвы осуществить и сохранить запас влаги и чрезвычайное засорение почвы сорными растениями, с которыми культурное растение в условиях паровой системы не может успешно бороться. Борьба с этими явлениями в паровой системе осуществляется путем обработки почвы. Всякая обработка почвы неразрывно связана с потерями почвой воды, и поэтому осуществление борьбы с сорняками, требующее многократных систематических вспашек, стоит в непримиримом противоречии с задачей накопления воды, осуществление которой в пару также возлагается на обработку, неразрывно связанную с тратой воды. Кроме того, способы разрешения той и другой задачи стоят в непримиримом противоречии с основной задачей пара — восстановлением прочности почвы, потому что задача обработки — разрушение перегноя и, следовательно, разрушение прочности почвы.

Огромный клубок непримиримых технических противоречий завершается вопиющим экономическим абсурдом огромной затраты энергии для достижения отрицательного эффекта.

Перспективы паровой системы вполне выяснились за двадцать тысяч лет ее применения всеми народностями старого и нового света. Прогрессивное возрастание потребности в продуктах растениеводства при одновременной неосуществимости повышения урожайности, определяемой замкнутостью кольца баланса энергии, затрачиваемой на создание источника энергии, влекут, как неизбежное последствие, прогрессивное увеличение площади пашни. Увеличение площади пашни происходит за счет уничтожения природной кормовой площади. А между тем, рост площади пашни категорически требует увеличения числа живых двигателей, и рабочий скот принужден обратить леса в кормовую площадь. Гуменные корма даже с прибавкой концентрированных могут развиваться преимущественно тепловую энергию. Незначительное же содержание в таком кормовом рационе более ценных источников энергии идет преимущественно на жизненные процессы организма. При нарушенном балансе источников энергии и производимой животным организмом кинетической и потенциальной энергии происходит резкое нарушение соотношения между двумя категориями энергии за счет преобладания первой,

большая часть которой выделяется в форме тепла. Продуктивное животноводство вырождается в рабоче-навозное, и из этих двух направлений неизбежно начинается прогрессировать второе за счет угасания первого, так как с неизбежной гибелью лесов приходят в негодное состояние и лесные пастбища — последние остатки природной кормовой площади. Производство лишается целого цеха — производительного животноводства, и принуждено сократить выпуск своей продукции до одной четверти возможного количества.

Ко всему присоединяется и влияние уничтожения водораздельных лесов на водный режим почвы и страны.

Выше указывалось на неоднородность свойств территории. Эта неоднородность представляет результат закономерного изменения скорости движения почвенной воды по направлению от положительных элементов рельефа к отрицательным. Движение это совершается с резко выраженным затуханием скорости от очень большой на водоразделах до ничтожной в долинах. Ясно, что под влиянием этого обстоятельства должно в определенной закономерности изменяться и количественное содержание воды в почве различных элементов рельефа. Оно на водоразделах будет малым и прерывчатым, в зависимости от периодичности атмосферных осадков, и большим и постоянным в долинах, независимо от периодичности выпадения дождей. Так как элементы усвояемой минеральной и азотной пищи растения должны быть растворены в воде, то очевидно, что распределение природных и искусственно вносимых питательных веществ должно подчиняться той же закономерности.

В результате комбинации этих закономерностей водораздельные элементы негодны для сельскохозяйственного использования и представляют „абсолютно-лесные“ угодия. При использовании водоразделов в качестве постоянного пастбища они быстро эволюционируют в болота, так как быстрота образования болот есть функция недостатка зольных элементов питания растений.

Водораздельные леса представляют собою природные регуляторы распределения воды по элементам рельефа. Лесная подстилка поглощает всю достигающую поверхности почвы воду атмосферных осадков и направляет ее медленным потоком в виде почвенной воды на элементы склонов, на которых расположены поля.

Уничтожен лес, и дождевые и снеговые воды бурными потоками стекают по поверхности земли. Сносится почва, размываются овраги, заносятся реки песком и обуславливаются огромные весенние разливы рек и бедственные летние паводки, сменяющиеся несудоходной меженью и перекатами.

После уничтожения водораздельных лесов водный режим полей приобретает свойства прерывистости и стихийности — зависимости исключительно от частоты выпадения дождей в течение только вегетационного периода культурных растений. И к явлению относительного падения продукции сельскохозяйственного производства, как

результата гибели продуктивного скотоводства, присоединяется явление абсолютного снижения его продукции, и вся система народного хозяйства медленно, но неуклонно, неотвратно устремляется к тому концу, который запечатлен в пустынях Средней Азии — колыбели и могиле паровой системы земледелия.

Травопольная система земледелия представляет принципиальную противоположность паровой. Принципиальное отличие заключается в том, что паровая система сосредоточивает все свои системы мероприятий исключительно на одном элементе производства — на полеводстве, и тем лишается возможности воздействия на другие равнозначные элементы производства, тогда как травопольная система охватывает своими мероприятиями все его элементы в мере их значимости в производстве.

Краеугольным отличием сельского хозяйства от других производств является равномерность притока первичного материала и основной энергии к неравномерной по притоку подсобных элементов производства территории его. Этими подсобными элементами являются материальные факторы жизни растений — вода и зольные элементы питания растений и азот.

До очевидности ясно, что при этих условиях является невыполнимой задачей обслуживание с одинаковым экономическим эффектом всей разнородной территории однородными по своим требованиям машинами. Также очевидно, что так как свойства территории изменяются всегда в одном направлении, то в случае покрытия всей территории однородными машинами коэффициент их полезного действия должен затухать в направлениях или прямом или обратном направлению изменения свойств территории, или затухать от средней линии максимального эффекта в обоих противоположных направлениях.

Травопольная система земледелия, учитывая эту закономерность неоднородности свойств территории и необходимость покрытия всей территории зелеными растениями, использует для этой цели потребности трех природных групп растений растительных формаций — деревянистой, травянистой степной и травянистой луговой.

Многолетность деревянистой — древесной — растительности позволяет ей развить глубокую, ширококораскинутую корневую систему, ставящую эту формацию вне зависимости от количества почвенной воды и снабжающую ее водой из огромных толщ материнской породы, в которой движется уже грунтовая вода. В этих же толщах собирает корневая система и питательные вещества, направляя их восходящим током к своей рабочей зеленой поверхности. С отрабатываемыми опадающими листьями элементы золы попадают на поверхность почвы и служат для питания травянистых растений.

Только древесные растения могут дать экономический эффект в деле производства органического вещества в условиях резкого колебания количественной переменности водного и пищевого режима

водоразделов. И травопольная система отводит водоразделы под культуру лесов агрономического значения. Это единственный способ хозяйственного использования водоразделов с положительным экономическим эффектом.

Вместе с тем, устроенные по упрощенному плану хозяйства с сокращенным оборотом использования водоразделов леса представляют единственные и мощные регуляторы равномерности влажности почвы элементов склонов, занятых полями, и играют решающую роль в водном хозяйстве страны, так что в их отсутствии все направление всех отраслей водного хозяйства государства неминуемо приобретает характер борьбы с последствиями — стремления изменить функцию без изменения значимости аргументов.

Вторым существенным свойством травопольной системы земледелия является равновеликая забота одновременно о всех трех основных элементах производства, трех его цехах — растениеводстве, животноводстве и земледелии.

Конкретным выражением этой стороны является одновременная наличность на территории первичной ячейки производства хозяйства системы двух координированных севооборотов — полевого на средних элементах склонов и лугового на нижних элементах склонов и на незаливных долинах с введением вспашки плугом с предплужником в том и другом севооборотах.

Очерченная в самых широких чертах система двух севооборотов и система обработки позволяют ввести в производство с максимальной экономической эффективностью единственный технически достижимый прием восстановления плодородия полевой почвы — культуру на полях многолетних растений луговой формации.

Все однолетние культурные растения принадлежат к степной растительной формации. Существенный признак растений этой группы тот, что они отмирают летом, когда в почве минимум влажности, и поэтому их подземные остатки подвергаются бурному аэробному разложению, разрушающему в двухнедельный срок все их органическое вещество до минеральных соединений. Однолетние культурные растения не могут накопить в почве органического вещества, напротив для своего питания они требуют непрерывного разрушения органического вещества. Это их существенное свойство. Мы видели, что это свойство однолетних культурных растений представляет неизбежную причину утраты почвою ее плодородия — ее структуры.

Все многолетние растения луговой формации отмирают глубокой осенью перед наступлением устойчивых морозов, и их подземные остатки, отмирающие вместе с соответствующими надзем-

ными органами, оказываются в почве, насыщенной водой до состояния второго максимума, или другими словами — в почве, находящейся в состоянии второго минимума аэрации. В такой почве может идти лишь медленное неполное анаэробное разложение. После зимнего перерыва разложения, весной наступает первый максимум влажности почвы — синоним ее первого минимума аэрации. Постепенное высыхание неразрыхленной обработкой почвы, занятой луговыми растениями, не вносит условий аэробизации. Весь кислород, проникающий из атмосферы, поглощается верхним горизонтом органического вещества, и корневые остатки в массе почвы сохраняются в бескислородной среде. В конечном результате многолетние травянистые растения луговой формации не могут не накопить в почве органического вещества как в форме органических остатков, так и в состоянии перегноя.

Кроме того, мочковатая корневая система многолетних злаков, численно преобладающих в составе луговой формации, пронизывает густой сетью верхний горизонт почвы и, ежегодно отмирая, распределяет мертвое органическое вещество вокруг каждого комка, формируемого давлением той же корневой системы.

Необходимая для придания прочности почве известь вносится в верхние горизонты из нижних слоев почвы глубокими стержневыми корнями бобовых, всегда присутствующих в травостое луга. Известь также равномерно распределяется по массе верхнего горизонта почвы, как и перегной, поверхностными корнями бобовых.

Но из предыдущего ясно вытекает, что благодаря основному свойству многолетних травянистых в почве луга между ее комками должно накопиться такое количество органических остатков, которое заполнит все промежутки между комками почвы, и она сольется в сплошную бесструктурную массу. Почва луга утратит свое плодородие. При наличности избыточного содержания питательных веществ в луговой почве они будут в неусвояемой форме, и одновременно почва утратит свою способность запасать воду и быстро проводить ее к верхним горизонтам, высушиваемым пронизывающей их корневой системой злаков. Такое состояние почвы наступает после 7—9 лет непрерывного занятия почвы растениями луговой формации.

Для борьбы с неизбежной утратой плодородия полевых и луговых угодий, зависящей от диаметрально противоположных существенных природных свойств занимающих их растений, нужно просто периодически менять места культуры этих растений — возделывать на полях луговые растения и на лугах — полевые.

Соображения экономической рентабельности не допускают применения одного общего севооборота на территории, обладающей неоднородными свойствами по отношению к факторам жизни растений.

Луговые растения пред'являют чрезвычайно высокие требования по отношению к потребности в воде и в питательных веществах, и полевые угодия, расположенные на средних элементах склонов, не могут удовлетворить этим требованиям. Урожай луговых растений никогда не могут достигнуть своей максимальной высоты на полевых угодиях. Широкий опыт Западной Европы показывает, что создание весовой единицы кормовой массы на полевых угодиях обходится до пяти раз дороже, чем создание ее на луговых угодиях.

С другой стороны, однолетние культурные растения пред'являют весьма разнообразные требования по отношению к воде и питательным веществам, при чем по понятной причине оба эти требования всегда изменяются в однородном направлении для одинаковых групп растений. Две группы растений — корнеплоды и технические как текстильные, так и масличные, — пред'являют настолько высокие требования к этим двум факторам, что полевые угодия не в состоянии удовлетворить их полностью, почему и урожай этих групп растений не могут достигнуть своей максимальной высоты в полевом севообороте.

Требования корнеплодов и технических растений по отношению к питательным веществам настолько велики, что приходится при их культуре применять междурудное рыхление. Цель этого рыхления заключается в том, чтобы усилить приток воздуха в массу почвы для усиления разложения органического вещества и освобождения минеральных форм питательных веществ. Весьма понятно, что на полевых почвах, в которых перегной накапливается с большим трудом, пропашная культура будет стоять и дороже вследствие быстрой утраты прочности и необходимости большего числа пропашек, и полевые почвы будут более стремительным темпом утрачивать свою прочность — свое плодородие.

Наоборот, на почвах лугового севооборота эти две группы растений, а также и группа наиболее ценных товарных красных хлебов — твердые яровые пшеницы — встречают все наилучшие условия своего развития, и урожай их здесь вдвое и втрое превышает урожай на почвах полевого севооборота. Пропашка этих почв как раз отвечает необходимости разрушения избытка органических остатков луговых почв. Кроме того, эта промежуточная обработка луговых почв не приносит такого вреда, как на полевых почвах. Комки луговых почв оплетены массой органического вещества, которое защищает перегной, склеивающий комки от биологического разрушения и механически препятствует растрескиванию комков орудиями обработки.

Таковы технические и экономические основания введения двух севооборотов, организационно охватывающих всю территорию первичной ячейки производства и согласованных как между собою, так и с природными и кон'юнктурными условиями ячейки и ее территории.

В общих чертах конкретное выражение двух севооборотов травопольной системы земледелия выразится в следующем.

Полевой севооборот обнимает средние элементы склонов, границы его определяются системой хозяйства данной конкретной ячейки, т.е. ее кон'юнктурными условиями. В этот севооборот входят все зерновые злаки, кроме твердых яровых пшениц, в него же включаются все зерновые бобовые и гречиха. Культура зерновых хлебов через 5—6 лет прерывается культурой смеси многолетнего злака и многолетнего бобового. Травяное поле сохраняется в течение не более двух лет пользования, оно используется покосом, а не пастбищем, и вспашка его производится самой глубокой осенью плугом с предплужником, и за травяным полем следует посев яровых. Ни в каком случае за травяным полем не может следовать ни озимый хлеб, ни пар.

Луговой севооборот охватывает нижние элементы склонов и незаливные долины. Так же, как и в первом случае, положение его верхней границы определяется системой хозяйства ячейки. Наиболее продолжительное бесперывное занятие его участков отводится сложной смеси многолетних злаков с небольшой примесью многолетних бобовых. Продолжительность и способ использования искусственных лугов определяется системой животноводства данной конкретной хозяйственной ячейки. Продолжительность лугового периода лугового севооборота колеблется в пределах от 5 до 7, редко 9 лет. После лугового периода наступает полевой период лугового севооборота. Продолжительность его определяется системой хозяйства производственной ячейки. Та же система хозяйства определяет и культивируемые в нем растения.

В полевом периоде лугового севооборота находят превосходное место в порядке удаленности от лугового периода: бахчевые, листовые, промышленно-огородные, кормовые корнеплоды, твердые пшеницы, технические пропашные, прядильные и масличные, технические корнеплоды, покровные однолетние злаки. Все указанные растения здесь могут следовать сами за собою, в исключительных случаях даже два раза под ряд.

Само собою разумеется, что обработка ведется исключительно плугом с предплужником, а промежуточная — культиваторами. Употребление дисковых культиваторов и пружинных борон безусловно исключается. Катки и бороны применяются исключительно в качестве орудий ухода за растениями.

Что касается удобрений, то искусственные удобрения развивают полный экономический эффект только на фоне травопольной системы земледелия. Из них азотные и фосфорные применяются безразлично в том и другом севообороте, калийные же исключительно в луговом периоде лугового севооборота, где они не могут проявить своего вредного влияния на структуру почвы.

Навоз применяется исключительно в полевом севообороте, безразлично под какой хлеб. Применяется навоз исключительно в состоянии вполне перепревшего, что вчетверо сокращает расход энергии на его перевозку, и вся операция лишается своего антисанитарного характера. Разумеется, требуется рациональное устройство гноища.

Из всего предыдущего вытекает очевидное положение, что применение в полной мере основ травопольной системы земледелия требует таких размеров первичной ячейки производства — хозяйства, которое включало бы все элементы рельефа, и говорить о введении травопольной системы земледелия в мелком парцеллярном индивидуальном хозяйстве нельзя.

Наиболее полно, а следовательно, и с наибольшим экономическим эффектом травопольная система может и должна применяться в обобществленном коллективном хозяйстве целого селения или волости, или в крупном совхозе, т.-е. в таком хозяйстве, в котором объединена возможность одновременного согласованного и планомерного воздействия на все элементы производства. Только в этом случае можно говорить о рациональной организации производства.

Разработка схемы порайонного введения подобной организации и должна составить предмет и содержание генерального плана сельскохозяйственного производства Союза.

Затраты труда в сельском хозяйстве СССР и пути его развития

В нашей современной действительности вопрос об избыточности сельского населения нашего Союза не сходит с обсуждения. Стало совершенно очевидным, что огромный резерв человеческой энергии, не находя своего применения в сельском хозяйстве при нынешнем его состоянии, давит на города и увеличивает безработицу.

С другой стороны, излишние рабочие руки в крестьянском хозяйстве являются тормозом в деле поднятия техники сельского хозяйства не только потому, что замещают механическую силу, но и потому, что с'едают тот избыток дохода, который мог бы пойти на капиталонакопление для интенсификации сельского хозяйства.

Поэтому изучение запаса рабочей силы в нашем сельском хозяйстве и ее расхода на это хозяйство является актуальной задачей дня.

Солидным материалом для учета как трудовых ресурсов, так и фактических затрат труда в сельском хозяйстве служат данные крестьянских бюджетов. На основании этих данных Л. Минцом опубликованы статистические материалы¹ за 1924/25 г., которые и легли в основу настоящей работы.

Весь запас рабочей силы в сельском хозяйстве по всему Союзу за исключением беспосевной группы крестьян исчислен в 65,5 млн. работников в переводе на взрослого мужчину.

Этот запас рабочей энергии всего сеющего крестьянства был использован так (1924/25 г.):

	Затрачено на работу	Не затрачено:		Весь запас
		вследствие праздников, ненастья и болезни	вследствие отсутствия работы	
В млн. рабочих	39,5	13,4	12,6	65,5
» %/о	60,3	20,5	19,2	100
» днях	220	75	70	365
» месяцах.	7,3	2,4	2,3	12

¹ „План. Хоз.“, № 8 за 1927. Л. Минц, „К проблеме использования рабочей силы в крестьянском хозяйстве“. В основу этой работы положены бюджеты 1924/25 г. в объеме 2754 сельских хозяйств по всему Союзу.

Уже из этой таблицы видно, что $\frac{2}{5}$ рабочей энергии в один год ушло не на работу, а рассеялось вследствие указанных выше причин.

Не нужно забывать, что это распыление не механической силы, а рабочей энергии и что поэтому неиспользованная крестьянская сила едоков уменьшила как валовую, так и товарную их продукцию.

Не останавливаясь пока на анализе неиспользованного запаса рабочей силы, рассмотрим, на какие работы и в каком количестве времени на каждую была израсходована рабочая энергия 65,5 млн. крестьян в те 220 дней, которые были фактически затрачены на работу.¹

На земледелие эти затраты в цифрах выразятся следующим образом:

Трудовые затраты на земледелие	Полево- дство	Сенокос	Всего на полеводство и сенокос	Интенсивные культуры				Всего на интенсивные культуры	Всего на земледелие
				Огород	Бахча	Сад	Вино- градник		
В $\frac{0}{100}$ к общей за- трате	16,6	3,1	19,7	2,0	0,3	0,2	0,1	2,6	22,3
В днях работы (из 220 дней)	36,6	6,8	43,4	4,4	0,7	0,5	0,1	5,7	49,1

Слабое использование труда в земледелии здесь ясно бросается в глаза.

На полевые работы и на сенокос наш земледелец истратил всего 1,4 месяца в год, а на разведение интенсивных культур только около 6 дней в год.

Но может быть слабое использование труда происходит вследствие недостатка земельной площади?

Действительно, из всей совокупности затрат времени на земледелие затрата на обработку земли до 2 га у нас составляет 20%, а на обработку земли от 2 до 4 га 35%. Итак, 55% всей затраты на земледелие ушло на обработку мелких хозяйств.

Однако, Германия имеет 60% эксплуатируемой земли в хозяйствах до 2 га и 36% в хозяйствах от 2 до 20 га.

Поэтому в то время, когда у нас на одного земледельца приходится земли под эксплуатацией 4 га, в Германии всего 2,8 га.²

¹ В основу наших исчислений положены затраты рабочего времени (в человеко-днях взрослых мужчин) на отдельные виды работ по 11 районам СССР с применением соответствующего коэффициента для всего Союза (без посевной группы).

² И. Меснер, „Предпосылки планового развития механизации сельского хозяйства“, „План. Хоз.“ № 8 за 1927 г.

А между тем, в Германии приходится на одну трудовую единицу в 3 раза больше продукции, чем у нас, а на один гектар в 4,4 раза больше нашего.

Вообще, по мнению такого знатока сельскохозяйственной экономики, как проф. Лаур, превосходство крупных хозяйств над мелкими ясно обнаруживается только в экстенсивных зерновых хозяйствах, где обработка почвы и жатва на больших пространствах значительно удешевляется благодаря широкому применению машин; там же, где на ряду с продуктивным животноводством развиваются такие отрасли, как плодоводство, огородничество, садоводство, — там в мелких хозяйствах наблюдается не только более высокий валовый доход, но и более высокий народнохозяйственный доход.

Следующие цифры, полученные из исследований Швейцарского крестьянского секретариата, отчетливо иллюстрируют сказанное. На один гектар приходилось в среднем в 1906—1913 гг.:

	Валовой доход (в марках)	Нар.-хоз. доход (в марках)	Из валового дохода потрачено (в марках)	
			для собств. потребления	для сбыта на рынок
Мелкие крестьянские хозяйства (3—5 га)	701	485	231	470
Приблиз. к средн. крест. хоз. (5—10 га)	625	452	162	463
Средние крест. хозяйства (10—15 га)	537	385	118	419
Более крупн. крест. хозяйства (15—30 га)	503	354	98	405
Крупные крест. хозяйства (свыше 30 га)	416	281	62	357

При поверхностном подходе к делу цифры могут толкнуть к тому неправильному выводу, будто мелкое хозяйство выгоднее крупного, однако, даже Лаур дает материал для опровержения такого неправильного вывода.

Народнохозяйственный доход Лаур определяет следующей формулой:¹

$$Ev = (La + Ls + St) + (l + Lv)$$

Ev — народнохозяйственный доход; La — заработная плата; Ls — проценты на занятый капитал; St — налоги; l — оплата труда членов семьи хозяина; Lv — проценты на затраченный капитал (без долгов).

„Мелкие крестьянские хозяйства, — пишет Лаур, — только в тех случаях оказываются более выгодными, чем крупные, когда крестьяне располагают необходимыми в области интенсификации специальными знаниями и возможностью пользоваться помощью кооперации“.²

¹ Лаур, „Экономика сельского хозяйства“, стр. 175.

² Лаур, цит. работа, стр. 67—68.

На слабое использование труда в области нашей огородно-садовой культуры мы указывали выше.

По данным, опубликованным П. Шиттом, означенная категория сельскохозяйственных культур для многих районов Союза выражается в среднем около 2% от всей посевной площади. А между тем, по своей трудоемкости, по отношению к главнейшему зерновому растению — ржи, принятому за единицу, эти культуры дают следующие показатели:¹

Высокоинтенсивные культуры	Интенсивные культуры	Зерновые культуры
Табак 16,10	Картофель (приусадебный) 3,94	Рожь 1,00
Огурцы 11,60	Конопля 3,88	Овес 0,58
Плод. сад 8,33	Лен 3,20	Просо 0,88
Капуста 7,30	Подсолнухи 1,01	(Сенокос 0,40)

Итак, по своей трудоемкости, по отношению к главнейшему зерновому растению — ржи, перечисленная категория культур выражается средним числом — 10. Иначе говоря, имевшиеся у нас перед войной (в количестве около 2% всей посевной площади) интенсивные культуры по своей трудоемкости эквивалентны 20% посевной площади, занятой под озимыми хлебами.

О рентабельности огородно-садовых культур интересные сведения мы находим в „Ежегоднике сельского хозяйства“ Соед. Штатов за 1925 г. В 1925 г. Соед. Штаты произвели плодов и овощей на 4 млрд. руб., т.е. 17% всей сельскохозяйственной продукции Соед. Штатов за 1923/24 г.

Развитие огородно-садовых культур повлекло за собою размножение мелких по площади ферм. Обычный тип таких ферм не превышает 16 га. Если посмотреть на американский садоводный район с горы, то этот район похож на огромный лесной массив, только вместо беспорядочного леса тянутся симметрично расположенные ряды фруктовых деревьев. А рядом с этими садами на севере возникли теплицы. Теплица представляет собою огромный стеклянный колапс с раздвижной стеклянной крышей. Она настолько велика, что в ней обрабатывают землю лошаадью или трактором. Урожай снимается три раза в год. Теплица дает дохода с акра 20 тыс. долл. (стр. 320), или около 100 тыс. руб. с гектара. Поэтому если допустить, что наш крестьянин с гектара посева получает 100 руб., то ему нужно 1.000 га земли для получения того же дохода, который получает фермер с гектара своей теплицы.

Таков наглядный пример из действительности для доказательства относительности взглядов и на широкие распахки и на пределы интенсивности сельского хозяйства.

¹ П. Шитт, „Высокоинтенсивные культуры в связи с проблемой перенаселения“, „План. Хоз.“, № 11 за 1926 г.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что годовое потребление плодов для большей половины населения нашего Союза колеблется от 0,5 до 12 кг в то же время в Германии годовое потребление фруктов на одного человека определяется свыше 64 кг, а в Соед. Штатах достигает 80 кг.¹ Таким образом, потребление фруктов населением нашего Союза граничит с хроническим фруктовым голодом.

Также не полно и весьма неравнообразно наше население использует и продукты огородов.

Перейдем к продуктивному скотоводству.

Принимая в основу упомянутые крестьянские бюджеты 1924/25 г., находим, что затраты труда 65,5 млн. крестьян на скотоводство из 220 рабочих дней выражаются в следующих цифрах:

Трудовые затраты на скотоводство

В %/о к общей затрате	19,9
В днях работы (из 220 дней)	43,7

Распределение в %/о рабочей силы на работы по скотоводству

П о л о в			По группам хозяйств			
Мужчин	Женщин	Детей	До 2 га	2—4 га	4—8 га	Свыше 8 га
54	40	6	21	33	32	14

Итак, скотоводство отнимает столько же времени, сколько и земледелие.

Какие же доходы от земледелия и скотоводства получает наш крестьянин? „Если сделать поправку на продукцию отпавших помещиков за довоенные годы и на продукцию совхозов для наших лет, то валовой доход от сельского хозяйства на душу сельского населения в довоенной оценке достигал для 1913/14 г. 82,4 руб., а для 1925/26 г.—82 руб., считая по среднему урожаю“.

Материалы, проработанные проф. Студенским по обследованию 50 губ. Европейской части б. России за 1909—16 гг., устанавливают следующий валовой доход на душу сельского населения и на десятиину площади этих губерний.¹

	Валовой доход	
	На душу	На гектар
От земледелия	57,6 руб.	36,6 руб.
„ животноводства	22,9 „	15,3 „
Всего	80 р. 50 коп.	51 р. 90 коп.

Указанные цифры валового дохода, мало изменившиеся для 1925/26 г., выявляют подавляющий уклон нашего сельского хозяйства в сторону земледелия, а между тем перестройка сельского хозяйства в сторону продуктивного животноводства является и для него насущным вопросом.

¹ П. Шитт, цит. статья, „План. Хоз.“, № 11 за 1926 г.

² С. Струмилин, „Индустриализация СССР“, „План. Хоз.“, № 8 за 1927 г.

³ Проф. Г. Студенский, „Очерки сельскохозяйственной экономики“.

Исследования германских экономистов Дитце,¹ Блюменталь,² а также работы Азребоз, Зеринга указывают как на единственный выход для улучшения немецкого сельского хозяйства на увеличение животноводства.

На Всемирном конгрессе молочного хозяйства в 1923 г. представитель Англии, Смит, заявил: „Мне неизвестна сфера сельскохозяйственной деятельности, которая раскрывала бы такие перспективы, как молочная индустрия, и я полагаю что в Индии величайшей из всех сельскохозяйственных проблем следует считать проблему скотоводства“.

Не случайно поэтому произошло то, что крестьянские хозяйства Дании, Бельгии, Швейцарии, Голландии перешли на продуктивное животноводство.

Для них это был выход к интенсификации сельского хозяйства.

Дело в том, что на пути увеличения продуктивного скотоводства нет преград ни в самом продуктивном скоте, ни в технических условиях его содержания на данной площади, ибо техническим пределом нагрузки данной площади продуктивным скотом может быть лишь запас кормов и труда. Поэтому только технической кормовой емкостью, в конечном итоге, определяется возможный предел капиталоинтенсификации в этом направлении.

Переход к продуктивному животноводству в Швейцарии повлек за собою перегруппировку сельскохозяйственной площади, при которой, по данным Лаура, в клеверных зонах значилось в последнее время под зерновыми культурами только 20%, а под искусственными лугами—45% всей возделанной площади.³

В то же время доход от животноводства составлял 84%, а остальное: от растениеводства (7%), полеводства (4%), лесного хозяйства (3%) и других сельскохозяйственных промыслов (2%).⁴

Если мы теперь сравним валовой доход от сельского хозяйства Швейцарии с валовым доходом нашего крестьянина на гектар сельскохозяйственной площади, а вместе с тем, и затрату труда в днях на ту же площадь, то получим весьма показательные величины.⁵

Затраты с.-х. труда
на гектар в пере-
воде на мужскую
силу

	В рублях	В %/о	В днях	В %/о
Европ. Россия (1911—1915 гг.) . . .	42,9	100,0	18,7	100,0
Швейцария (1910 г.)	250,7	584,4	84,0	445,8

¹ Дитце, „Значение соотношения цен для немецкого сельского хозяйства“.

² Блюменталь, „К вопросу о развитии животноводства“. Обе статьи опубликованы в „Докладах о сельском хозяйстве“, т. IV, 1926 г.

³ Ссылки на Е. Лаура взяты из его труда „Экономия сельского хозяйства“.

⁴ Е. Лаур, там же.

⁵ Данные взяты из книги Г. Студенского, „Проблемы экономики сельского хозяйства“.

Итак, трудоинтенсивность нашего крестьянина только кажущаяся; она в 4,5 раза меньше, чем в Швейцарии, но зато и валовой доход у нас почти в 6 раз меньше швейцарского.

Как мы указывали выше, Швейцария добилась этого дохода путем переустройства своего сельского хозяйства.

Процесс переустройства сельского хозяйства на более интенсивные формы интересно проследить на германском хозяйстве.

До этого переустройства „Германия, имея не свыше 40 млн. жителей, посылала лучшие силы своего крестьянства в богатую заокеанскую страну“, пишет известный немецкий экономист Ю. Гирш.¹

После мировой войны „Германия, — продолжает тот же экономист, — заменила потерянные земли азотом, добываемым из воздуха и бурого угля“.

Не нужно забывать, что предпосылки для этого Германия создавала постепенно путем переустройства своего сельского хозяйства.

В области, например, животноводства Германия уже перед войной удовлетворяла почти в полной мере собственные потребности, несмотря на то, что потребление продуктов животноводства увеличилось с 25 кг в конце прошлого века до 52 кг в 1913 г.

Рост животноводства и необходимых для него кормов можно видеть из следующей таблицы:²

Г о д ы	Животноводство (в млн. штук)			Корма (в тыс. га)			Свекла кормовая и сахарная
	Рогатый скот	Свины	Овцы	Клевер	Люцерна	Картофель	
1883	15,8	9,2	19,2	1.716	190	3.038	835 ³
1913	21,0	25,7	5,5	1.825	249	3.475	1.194
1913 в %/о к 1883	133	280	28	106	131	114	143

Из этой таблицы мы видим, что сокращение числа овец шло параллельно с увеличением числа свиней, которое обогнало рост рогатого скота.

Одновременно с развитием свиноводства шло переустройство пашни под кормовую базу.

¹ Ю. Гирш, „Успех организации американского сельского хозяйства“.

² Цифровые данные взяты из статьи Сережниковой, „Перспективы развития мирового молочного хозяйства“, „Пути сельского хозяйства“, № 4, 1927 г.

³ Данные 1883 г.

Площадь пашни за указанное тридцатилетие 1883—1913 гг. в Германии почти не изменилась, но за счет увеличения огородных и кормовых культур и фруктовых садов шло уменьшение паровых полей, пастбищ и выпасов.

Для наглядности этого переустройства приведем следующие данные (выборочные в млн. гектаров):¹

	1883 г.	1913 г.	1913 г. в % к 1883 г.
Увеличение площади под:			
Корне- и клубнеплодами и огородными культурами	3,95	5,12	129,6
Кормовыми растениями	2,40	2,67	111,3
Фруктовыми садами	0,44	0,58	131,8
Уменьшение площади под:			
Паровым полем	1,85	0,67	31,2
Полевыми пастбищами	1,49	0,71	47,6
Выпасами	2,80	1,50	53,6

Одновременно с этим ярко выраженным процессом интенсификации сельского хозяйства в Германии шел процесс подъема урожайности путем применения всех видов искусственных удобрений.

Не удивительно, что такой знаток немецкого сельского хозяйства, как Азеребоз, нарисовав картину технического сельскохозяйственного прогресса, пришел к выводу, что „Либих и Гельригэль завоевали для немецкого народа больше пашни, чем Фридрих Великий и Бисмарк, вместе взятые“, и что „новь, которую надо получить и обработать для расширения продовольственного базиса человечества, находится, прежде всего, в головах людей и народов“.

Остановливаясь на тех же достижениях в области сельского хозяйства, другой немецкий экономист Гирш² пишет: „Возможно, что именно сейчас мы находимся на переломе,— в периоде, когда тысячелетний земельный голод обращается в пресыщение земель, местами в отказ от земли и в превращение ее в прежнее состояние, правда, при соответствующей интенсификации обработки лучших земель“.

Конечно, эти выводы стоят очень далеко от взглядов нашего крестьянина, который и до сих пор только в расширении площади распахки видит выход к увеличению его земельного дохода.

Совершенно прав Е. Лаур,³ когда определяет наше сельское хозяйство, как „тип экстенсивного зернового хозяйства, основываю-

¹ А. Сережников, „Перспективы развития мирового молочного хозяйства“, там же.

² Ю. Гирш, „Успехи организации“...

³ Е. Лаур, цит. работа.

щегося больше на традиции, чем на сознательном приспособлении к внешним условиям“.

Даже при имеющихся скромных средствах производства наше крестьянство, при более правильном их применении, могло бы достичь, по мнению того же Лаура, значительно больших результатов, но предпосылкой для этого является лучшее специальное сельскохозяйственное образование наших крестьян.

Правильность этого вывода подтверждается не только теми затратами труда на земледелие и скотоводство, которые мы рассмотрели, но и затратами труда на сельскохозяйственные промыслы, включая сюда лесное хозяйство и переработку сельскохозяйственной продукции.

Вот цифровое выражение этих затрат на основании тех же крестьянских бюджетов 1924/25 г.:

Трудовые затраты на с.-х. промыслы	Лесное хозяйство	Птицеводство	Рыболовство и охота	Пчеловодство	Перераб. с.-х. продукции	Всего
В %/о ко всей затрате	2,3	0,9	0,3	0,1	5,7	9,3
В днях работы (из 220 раб. дней).	5,1	2,0	0,6	0,3	12,8	20,8

Незначительность этих затрат труда очевидна. В то же время затраты труда, связанные с ведением своего домашнего хозяйства, дают иную картину:

Трудовые затраты, связанные с дом. хозяйством	Домаш. хозяйство	Повозки на базары, ярмарки и др. отлучки	Общественные работы	Постройки и ремонт			Всего
				Новые постройки	Ремонт дома	Ремонт инвентаря	
В %/о ко всей затрате	24,0	4,2	1,9	1,2	0,6	0,3	32,2
В днях работы (из 220 раб. дней)	53,0	9,4	4,2	2,6	1,3	0,7	71,2

Итак, работы, связанные с домом, отнимают у нашего крестьянина 32% всего его рабочего времени, при чем берут более чем в полтора раза больше времени, чем все работы, связанные с земледелием. А между тем, это те работы, о которых так ярко пишет американский экономист:¹

„Если приглядеться ближе к земледелию, то нас больше всего поразит огромное количество ненужного труда. Если время чело-

¹ Ф. Ф. Ф. „Сегодня и завтра“, Отдел—„Проблема земледелия“; а также „Новый Форд“.

века стоит больше, чем время насадки, то ферма не является тем местом, где земледелец должен проводить целый год. Там для него слишком мало работы. Каждый год он тратит не более месяца (у нас 1,4 месяца) на то, чтобы подготовить почву к произрастанию и затем убрать свой урожай. После месяца работы земледелец все остальное время года проводит в уходе за живым инвентарем и в продаже своей сельскохозяйственной продукции. Эта работа заработка почти не дает, ибо современный мир за пот денег не платит, а платит за результаты труда. Имеющегося у него скота недостаточно для постановки молочного хозяйства. Он не может достичь также и экономии, даваемой массовым производством сельскохозяйственной продукции. Поэтому, производительно расходую большую часть годового труда на свою ферму, земледелец и в настоящее время остается таким же рабом своего хозяйства, каким он был две тысячи лет тому назад⁴.

Нельзя отказать в четкости этого анализа и в полной его применимости к нашему сельскому хозяйству, особенно если мы распределим годовую затрату труда нашего крестьянина на сельскохозяйственную производительную работу и на работу непроизводительную, либо затраченную не на сельское хозяйство.

Из 365 дней крестьянин затратил:

Производительно на землед., скотоводство и с.-х. промыслы	Малопродуктивно на домашнее хозяйство	Вне своего сельского хозяйства	Не работал за отсутствием работы, а также вследствие праздников, не наступя и болезни
114 дней	71 день	35 дней	145 дней

71 день наш крестьянин наблюдает, как природа работает за него над его посевами, и в то же время занимается бесполезным делом по хозяйству, которое требует от него усилий, но заработка ему почти не дает. На 35 дней он совершенно отходит от своего хозяйства на чужую работу.¹

¹ Распределение затрат труда на работы вне своего сельского хозяйства вместе с неучтенной работой таково:

	Личные промыслы	Служба в учреждениях	Поден. и сдельн. раб. в чуж. сель. хозяйств.	Работа на фабр. и зава.	Извоз	Ремесл. и кустари	Неучтенная работа	Всего
В %/о ко всей затрате на эти работы . . .	4,4	2,4	3,1	1,4	1,8	1,3	1,9	16,3
В днях работы	10	5	7	3	4	3	3	35

Около 140 дней (исключая болезнь) он вынужден отдыхать и только 114 дней в год он производительно тратит на сельскохозяйственные работы. Таков неприглядный баланс его труда.¹

Не удивительно поэтому, что неполные четыре месяца работы не могут обеспечить ему 12 месяцев жизни при полном достатке.

Выход из этого положения один — социалистическое переустройство деревни, реорганизация на основе интенсификации и индустриализации нашего земледелия. По этому пути после Октября и начинается итти наше сельское хозяйство.

После огромных потрясений от мировой и гражданской войн, когда посевная площадь у нас сократилась с 120 млн. га (1914 г.)² до 83 млн. (1922 г.), когда посевы таких высокоценных культур, как хлопок и сахарная свекла, уменьшились в 12—16 раз (1921 г.), а вся валовая сельскохозяйственная продукция с 11,7 млрд. довоенных рублей (1913 г.) упала приблизительно на 40—45%, мы в 1927 г. наблюдаем не только увеличение валовой сельскохозяйственной продукции до 13,2 млрд. довоенных рублей, но, что самое важное, и трансформацию пропорции культур в посевах и видов скота в сторону интенсификации сельского хозяйства.

Эта реконструкция нашего сельского хозяйства отчетливо вырисовывается из сопоставления нижеследующих величин (в млн. га):³

Годы	Зерновые	Технич. и интенсивные культуры						Всего технических и интенсивных
		Картофель	Подсолнух	Лен	Конопля	Сахарная свекла	Хлопок	
1913	107	4,0	1,4	1,9	0,7	0,6	0,7	14,2
1927	98,5	5,5	3,0	1,8	0,95	0,7	0,82	18,5
1927 в %/о к 1913 . . .	102,4	154,2	239,2	104,5	145,2	109,6	129,5	145,0

Площадь технических и интенсивных культур в сравнении с довоенной выросла на 30%, при чем, как видно из таблицы, мы обогнали довоенные площади даже по таким высокоценным культурам,

¹ Вся совокупность затрат труда 65,5 млн. крестьян в течение 220 рабочих дней выразится в цифрах следующим образом:

	На земледелие	Скотоводство	С.-х. промыслы	Домашнее хозяйство	Работы вне своего сель. хозяйства	Неучтенная работа	Всего
В %/о ко всей затрате . . .	22,3	19,9	9,3	32,2	14,4	1,9	100
В днях работы	49,1	43,7	20,8	71,2	31,6	3,6	220

² „Основные показатели динамики нар. хозяйства“, „План. Хоз.“, № 11 за 1927 г.

³ Г. Кржижановский, „Десять лет хоз. строительства СССР“, стр. 35.

как хлопок и сахарная свекла, которые особенно сильно пострадали в период войн.

Тот же процесс реконструкции в сторону интенсификации сельского хозяйства можно видеть из цифр и в области нашего скотоводства.

Г о д ы	Виды скота (млн. голов) ¹				
	Лошади	Круп.-рог. скот весь	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
1916	35,5	60,3	25,9	120,8	20,3
1927	30,9	66,8	29,4	129,1	20,0
1927 в % к 1916	87,0	110,7	113,5	106,8	98,5

Мы видим, что рост крупного рогатого скота на 11% превысил довоенный уровень, при чем наиболее усиленный темп роста обозначился в разведении коров. Недовосстановленный к 1927 году (в сравнении с 1913 г.) на 8,8%² контингент рабочего скота постепенно замещается тракторами, наличное количество которых (около 28 тыс. в 1927 г.) к концу пятилетия предполагается довести до 125—130 тыс.³ Работа этих тракторов может заменить около 2 млн. рабочих лошадей. Та же реконструкция происходит и в области первичной переработки сельскохозяйственного сырья и продуктов. Если сельскохозяйственная кооперация в 1926/27 г. охватила около 25% сбыта всей товарной части с.-х. продукции, то в области организации переработки сельскохозяйственных продуктов она царствует почти безраздельно. Темп роста сельскохозяйственной индустрии выявляется из следующих цифровых данных (в млн. руб.):⁴

Годы	Стоимость предпр.	В % к 1913	Продукция	В % к 1913
1923/24	33	100	80	100
1925/26	70	184	174	217
1927/28	146	384	360	450

Нужно ли указывать, что переработка сельскохозяйственных продуктов играет огромную роль не только в повышении товарности сельского хозяйства, но и является лучшим способом борьбы с аграрным перенаселением.

На помощь делу развития сельскохозяйственной индустрии пришла и сельскохозяйственная электрификация. За последние десять лет (1917—1927 гг.) число установок возросло в 11 раз, а их мощность в 17 раз.⁵ Так постепенно мелкое крестьянское хозяйство переходит на электроэнергию, присоединяя к ней свои вновь возникающие предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов.

¹ Г. Кржижановский, там же.

² В 1913 г. рабочего скота считалось 32,8 млн. голов, а в 1926/27 г. 29,9 млн.

³ „План реконструкции сельского хозяйства на период 1928/29—1932/33 гг.“, стр. 2.

⁴ Г. Кржижановский, там же, стр. 106.

⁵ Количество электрических установок в 1917 г.—75, в 1927 г.—858, а их мощность в квт.: в 1917 г.—1.036, в 1927 г.—17.500.

Параллельно с этим идет перестройка мелких, распыленных, индивидуальных сельских хозяйств, не освободившихся еще от натуральных форм, во всевозможные производственные кооперативы (машинные, мелиоративные, семенные и т. п.), которые постепенно обобществляют отдельные части процесса сельскохозяйственного производства. Таких кооперативов к 1927 г. насчитывалось около 22 тыс., с более чем 1,5 млн. членов.¹

Конечно, указанные выше темпы роста нашего сельского хозяйства произошли далеко не в силу стихийного „самотека“, а как результат проводимой в жизнь системы широких организационно-производственных и социально-экономических мероприятий. Для районов экстенсивного зернового хозяйства таким мероприятием, помимо указанной выше тракторизации, должна явиться и смена культур.

Трансформация посевов зерновых и развития сортового семеноводства на ближайшее пятилетие (1927—1932 гг.) запроектирована в следующих величинах (площадь в млн. га):

Г о д ы	Рожь	Пшеница		Овес	Ячмень	Кукуруза	Крупян. (просо, гречиха)	Бобовые	Всего зерновых
		Озимая	Яровая						
1927	28,6	11,1	20,1	17,7	7,2	3,0	7,1	2,5	97,3
1932	27,3	15,3	25,5	20,8	8,3	4,2	5,3	2,8	109,5
Рост в % к 1927	—4,5	+38	+27	+17,5	+15,9	+40,0	—25,0	+14,0	+12,5
% посевов в 1932 г. под сортовыми семенами	13,7	32,0	36,9	20,0	6,2	38,0	19,2	17,9	23,5

При этом необходимо помнить, что процент посевов под сортовыми семенами в 1927 г. составлял 5,7.

Для районов интенсивного земледелия и сырьевых культур главнейшим мероприятием должна явиться минерализация.

Потребность в различных видах удобрения на те же будущие 5 лет запроектирована в количестве 4.361 тыс. тонн.

Тогда урожайность гектара подыметься следующим образом (в центн.):

Г о д ы	Картофель	Л е н		Конопля		Подсолнух	Хлопок	Свекла	Травы
		Волокно	Семя	Волокно	Семя				
1927	84,30	2,31	3,05	4,74	5,23	7,25	8,79	115,4	30,79
1932	94,25	2,82	3,65	5,36	5,89	8,35	10,99	152,7	34,76
% прироста	+11,8	+22,1	+19,7	+13,1	+12,6	+13,3	+25,0	+31,2	+12,9

¹ Г. Кржижановский, там же, стр. 107.

В то же время валовая продукция технических культур вырастает до следующих размеров (млн. центн.):

Г о д ы	Картофель	Л е н		Конопля		Подсолнух	Хлопок	Свекла	Травы
		Волокно	Семя	Волокно	Семя				
1927	467,2	2,9	5,3	4,5	4,9	21,9	7,1	77,4	89,3
1932	623,3	4,3	7,6	5,3	5,7	33,8	13,0	146,6	194,4
% прироста	+ 33,4	+ 44,6	+ 44,3	+ 16,4	+ 16,3	+ 54,0	+ 84,1	+ 89,4	+ 117,8

Форсирование технических культур имеет огромное значение в деле борьбы с аграрным перенаселением, так как влечет за собою повышение трудоемкости.

Главнейшим экономическим мероприятием по развитию технических культур является контрактация. Снабжая производителей средствами производства (семенами, удобрением, машинами и пр.) и агротехническим руководством, контрактация несет с собою улучшение приемов обработки почвы, однородность организационно-производственного строя хозяйств, товарность продукта и заинтересованность основной массы земледельческого населения в совместном поднятии культуры полей и совместной их обработке. Таким образом, контрактация является одним из главных факторов в деле коллективизации нашего сельского хозяйства. Интересно поэтому вывить в цифрах проектируемый на ближайшее пятилетие темп развития контрактации.

Эти цифры говорят так (контрактуемая площадь выражена в тыс. га):

Г о д ы	Хлопок	Сах. свекла	Лен		Конопля	Подсолнух	Соя	Горчица и пр. масло	Табак	Махорка	Картофель	И т о г о
			Волокно	Масло								
1927/28	804	519	200	110	—	200	22	41	37	47	90	2.116
1932/33	1.183	960	1.475	500	300	3.035	350	100	47	60	400	8.580
Рост в %	47,1	85	637,5	354,6	—	1.418	1.491	144	27,0	27,7	344	305,5
% контрактиции площади всей в 1932/33 г.	100	100	97,2	80,0	30,6	75,0	100	66,7	100	100	6,0	81,5 (без картофеля)

Итак, в 1932 г. контрактация должна охватить 81,5% всей площади технических культур (кроме картофеля).

Мы уже отметили, что количество крупного рогатого скота в нашем Союзе в 1927 г. превысило довоенную цифру. Однако, товарность как мясной, так и молочной продукции значительно отстает и от довоенного уровня и от роста рыночных потребностей. Поэтому планом на ближайшие 5 лет запроектировано усиление товарности крупного рогатого скота, которая к 1932/33 должна достигнуть по мясу 10,8 млн. центн.¹ Из всей этой продукции около одной четверти предполагается переработать в предприятиях по мясной индустрии.

В то же время заводская переработка молока на масло и сыр достигнет к 1932/33 г. 2,6 млн. центн.

Все эти цифры, построенные на реальных темпах развития нашего скотоводства, указывают на процесс постепенного изживания прежнего рабочего направления в этой сфере сельского хозяйства и на нарастание интенсификации.

В общих чертах мы проследили за теми сдвигами, которые намечались в послереволюционный период в областях сельского хозяйства и которые привели к тем темпам дальнейшего развития нашего земледелия и скотоводства, кои запроектированы в плане на ближайшее пятилетие.

Необходимо отметить только, что эти сдвиги в сторону интенсификации и индустриализации сельского хозяйства приводят наши мелкие, распыленные, индустриальные хозяйства к возможности обобществления на почве производства и сбыта сельскохозяйственной продукции.

В то время когда в районах экстенсивного земледелия эти хозяйства объединялись вокруг трактора и дорогих машин, в районах интенсивного земледелия они объединялись вокруг переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции.

Бурный рост всех этих объединений особенно в последние годы дает возможность проектировать на ближайшее пятилетие (1927—1932 гг.) охват всеми видами кооперации до 75—80% всех сельских хозяйств.

Таковы сдвиги в нашем сельском хозяйстве и проектировка пути его дальнейшего движения.

Проф. Лаур, подводя мрачный итог нашему дореволюционному сельскому хозяйству, высказал надежду, что наше крестьянство „при новых условиях, которые создались в результате революции, быстро преобразует свое сельское хозяйство“. Эта надежда осуществляется.

¹ Кроме говядины, форсированное развитие свиноводства должно дать к 1932/33 г. до 8,5 млн. центн. свинины, при чем из этой товарной продукции 3 млн. центн. намечается в переработку на бэкон, копчености и т. п. По мясному овцеводству товарность баранины определяется к 1932/33 г. в 1,9 млн. центн.

С. Пушицкий

К вопросу реконструкции сельского хозяйства через сельскохозяйственную кооперацию

Многообразие форм работы сельскохозяйственной кооперации, специализация ее отдельных ветвей позволяют в настоящее время всесторонне охватить производственные нужды деревни, найти пути и методы к технической реконструкции и обобществлению отдельных отраслей и функций сельскохозяйственного производства. Правда, в отношении охвата отдельных видов производства работа сельскохозяйственной кооперации находится на различной стадии своего организационного оформления и дает различный по своему значению для сельского хозяйства социальный и экономический эффект. Если, например, по линии молочного хозяйства сельскохозяйственная кооперация четко выявила формы своей работы и достигла значительных успехов в смысле охвата основных районов молочной промышленности, то в отношении целого ряда других отраслей сельского хозяйства (птицеводство, животноводство) сельскохозяйственная кооперация только нащупывает организационные формы производственной работы, ограничиваясь на данной стадии преимущественно теми операциями, которые связаны с организацией заготовительного рынка.

Отмечая значительные достижения сельскохозяйственной кооперации за истекший период в деле создания чисто производственных объединений — от простых производственных объединений (машинные, мелиоративные товарищества) до организаций наиболее сложных коллективных форм (земледельческие артели и коммуны), — мы, однако, хотим подчеркнуть, что в настоящее время и даже на ближайшее пятилетие основными рычагами воздействия со стороны социалистического сектора на сельскохозяйственное производство являются так называемые специальные ветви сельскохозяйственной кооперативной системы, т.-е. те ветви, которые охватывают товарные отрасли сельского хозяйства и имеют одновременно дело с переработкой продукции последнего непосредственно у источников сырья.

Социально-экономическая задача, стоящая перед сельскохозяйственной кооперацией в области капитального строительства, заключается не только в том, чтобы максимально форсировать те отрасли сельского хозяйства, которые могут дать наибольший выход товарной продукции, но также и в том, чтобы развить и усилить работу тех ветвей сельскохозяйственной кооперации, которые могут более

полно охватить бедняцкие слои деревни, способствуя через капитальные вложения поднятию их хозяйства и вовлечению их в сельскохозяйственную кооперацию.

Одновременно расширение производственной работы и, главным образом, создание специальных кооперативов остро ставят перед сельскохозяйственной кооперацией вопрос о проведении в самое ближайшее время ряда мероприятий по улучшению социального состава сельскохозяйственной кооперации и преимущественно ее специальных видов.

В первую очередь сельскохозяйственной кооперации надлежит в самое короткое время выпрямить отдельные социальные искривления, которые имели место в практике ее работы в течение 1926/27 г. и отчасти в 1927/28 г. Не говоря уже о грубых извращениях нашей партийной линии, заключающихся в том, что часть фондов бедноты или производственного кредита была использована зажиточными элементами, мы, кроме того, имеем целый ряд недочетов в самой социальной политике сельскохозяйственной кооперации. Увязка фондов бедноты, чуть ли не в половинном размере в обороте — факт, констатированный обследованием НК РКИ для 1926/27 г., случаи исключения из сельскохозяйственной кооперации бедняков за невзнос паев, в то время как фонд бедноты оставался неиспользованным,¹ наконец, общее слабое накопление фондов кооперирования и кредитования бедноты в системе, — таков конкретный материал, характеризующий отношение к вопросам социальной политики в деревне со стороны низовых звеньев сельскохозяйственной кооперации.

Отношение украинской сельскохозяйственной кооперации к вопросу кооперирования бедноты до 1928 г. характеризуется тов. Панченко в следующих выражениях: „Наибольшее, что имеем — так это формальное кооперирование бедноты, отнюдь не серьезное обслуживание бедноты путем продуманных планов и систематических мероприятий, дабы беднота смогла овладеть реконструктивными процессами в сельском хозяйстве“.²

Если отдельные недочеты в социальной политике, указанные выше, сравнительно легко могут быть исправлены, то несравненно значительные трудности представляет собой решение задачи изменения нынешней социальной базы реконструктивных процессов в сельском хозяйстве. При общем середняцко-бедняцком составе сельскохозяйственной кооперации специальные ее виды, на которые преимущественно возлагается организация реконструктивных процессов в сельском хозяйстве, обнаруживают менее благоприятное классовое соотношение между отдельными социальными группами, чем для всей сельскохозяйственной кооперации в целом. Более низкий удель-

¹ По материалам НК РКИ.

² „Кооперированное село“, № 7—8, стр. 15.

„Плановое хозяйство“ № 9.

ный вес бедняков в специальной кооперации, чем в универсальной, подтверждается данными обследования сельскохозяйственной кооперации по РСФСР и данными по УССР. Так, например, по ориентировочным данным союзов за 1926/27 г. социальный состав сельскохозяйственной кооперации УССР представляется в следующем виде. Общий процент хозяйств, кооперированных всей системой сельскохозяйственной кооперации, составляет 39,2%, бедняцкие хозяйства кооперированы внутри своей группы на 23,5%, специальная кооперация, охватывающая 9% всех хозяйств, объединяет бедноту в пределах ее группы только в размере 3,5%.¹

Само собой разумеется, что до последнего времени целый ряд экономических причин, в частности, отсутствие у бедняков технической базы (необеспеченность средствами производства и посевной площадью) для интенсификации сельского хозяйства и для развития специальных культур, привел к понижению удельного веса бедняков в специальной кооперации за счет повышения удельного веса зажиточных слоев деревни. Поэтому вопрос об улучшении состава сельскохозяйственной кооперации на основе расширения ее производственной работы может быть преимущественно решен в плоскости создания технической базы для поднятия и интенсификации индивидуального бедняцкого хозяйства, развития его товарных отраслей. Основными мероприятиями в интересующем нас направлении должны безусловно оставаться максимальное накопление фондов бедноты за счет средств самой системы и производственное кредитование со стороны государства. Одновременно надлежит создать ряд льготных условий для вступления бедняков в кооперацию, в первую очередь, провести дифференциацию паев и вступительных взносов по отдельным социальным группам.

Не только универсальные организации сельскохозяйственной кооперации и отдельные ее специальные виды, сохранившие твердые ставки паявых взносов для всех социальных групп, но даже и те из них, которые приспособливают размер пая к мощности хозяйства (исчисление, например, пая в молочной кооперации с численности коров в хозяйстве), недостаточно четко проводят классовые принципы нашей кооперативной политики.

В общей цепи организационных форм производственной работы сельскохозяйственной кооперации существенным моментом является и останется на ближайшее время контрактация, хотя последняя по внешней своей форме ближе подходит к циклу сбытовых функций сельскохозяйственной кооперации. Экономическое значение контрактации заключается в том, что планирующее влияние рыночной работы сельскохозяйственной кооперации, а через нее и всего социалистического сектора находит свое продолжение в производственных процессах крестьянского хозяйства. Контрактация представляет собой не только договор о количественной поставке определенного

вида продукции, но в неменьшей мере предусматривает те способы производства, которые глубоко влияют на реконструкцию сельского хозяйства. Контрактация в условиях советской системы является по своим экономическим признакам преимущественно производственной в отличие от довоенной, которая была исключительно торговой. Одновременно контрактация, дифференцируя авансы в зависимости от мощности хозяйства, содействует поднятию бедняцких хозяйств, их вовлечению в сельскохозяйственную кооперацию и расширению реконструктивных процессов в сельском хозяйстве на середняцко-бедняцкой базе.

В настоящее время контрактация, распространяющаяся на все существенные отрасли сельского хозяйства, вклинивается почти во все виды работы сельскохозяйственной кооперации и во многих случаях создает первоначальную базу для развертывания производственной кооперативной работы. Так, например, контрактация скота в свекловичных районах делает возможным создание коллективных воловнь и коллективных кормовых баз, с контрактацией свеклы и хлопка непосредственно связана вся производственная работа сельскохозяйственной кооперации в указанных отраслях.

Остановимся теперь вкратце на методах и содержании производственной работы сельскохозяйственной кооперации.

Одной из наиболее мощных баз производственного кооперирования сельского хозяйства является, как мы уже указывали, молочная промышленность, организационно сформировавшаяся еще в довоенное время. В настоящее время молочная кооперация глубоко внедрилась в крестьянское хозяйство некоторых районов, охватив в них все заводское масло.

Расширение производственной работы молочной кооперации в первую очередь нашло свое выражение в значительном возрастании из года в год кооперативного маслооборота. Однако, при рассмотрении организационных достижений молочной кооперации по всем районам приходится констатировать пеструю картину охвата молочной кооперацией крестьянских хозяйств и весьма неравномерное распределение технической базы молочной промышленности между отдельными районами (см. табл. на след. стр.).

Более полно молочной кооперацией охвачены старые районы маслоделия — Сибирь, Урал, Сев.-Восток, т.-е. районы, в которых производственная работа молочной кооперации развивается на сохранившейся от довоенного периода технической базе.

Задача, стоящая перед молочной кооперацией в этих районах, заключается преимущественно в механизации существующих заводов, что даст возможность повысить цену на сдаваемое молоко¹ и приведет к улучшению качества продукции.

¹ Окупаемость 1 центнера молока в 1927 г. в Сибири выражалась на ручном заводе в 4 р. 26 к. на конно-приводном — 4 р. 73 к., механизированном — 5 р. 74 к. („Жизнь Сибири“, 1927 г., № 6, стр. 88).

¹ „Кооперированное село“, № 7—8, стр. 15.

Показатели развития молочного хозяйства и кооперирования по отдельным районам¹

Р а й о н ы	Число коров в тыс. голов в 1927 г.	о о коров, охва- ченн. коопер. в 1926/27 г.	Число голов коров в 1926 г. на 100:			Годичная норма удоя 1 коровы в килограм- мах
			голов погогого скота	душ на- селения	гектаров посева	
РСФСР						
Сибирь	2.948	47,0	45,8	36,6	49	880
Сев.-Восточный . .	709	25	62,2	35,2	83	1.040
Урал	1.873	16,0	48,3	34,6	37	960
Вятск.-Ветл. . .	1.500	10,0	57,6	24,4	23	880
ЦПО	2.967	7,0	65,2	23,1	54	1.200
Западный	852	5,5	65,4	24,1	40	1.200
Сев.-Западный . .	1.409	5	64,3	33,1	69	1.040
Нижне-Волжский .	1.105	2,4	37,2	48,2	104	1.056
Сев.-Кавказ . . .	1.798	1,5	32,8	22,3	18	912
ЦЧО	1.596	0,6	52,3	15,6	21	1.040
Средн.-Волжский .	1.779	0,2	40,8	19,4	18	1.056
УССР	3 837	4,1	47,3	17,0	17,8	1.120
БССР	1.347	1,7	62,1	32,7	47,0	—

В настоящее время преобладающим типом маслодельного завода является ручной. Так, например, из 2616 существующих в западной Сибири на 1927 г. заводов: ручных — 2302, конных — 294, механизированных — 20. Одновременно в указанных районах сельскохозяйственной кооперации надлежит в ближайшее пятилетие путем интенсификации сельского хозяйства, проведения агрикультурных мероприятий и, наконец, через экономическое регулирование заготовительного рынка разрешить вопрос о смягчении резких сезонных колебаний удоя и работы маслодельных заводов.

Для районов, слабо охваченных молочной кооперацией, и, следовательно, с низкими товарными выходами молочной продукции (ЦЧО, Нижнее и Среднее Поволжье, Украина) одной из задач является создание в ближайшем пятилетии технической базы для развития маслодельной промышленности и для поднятия продуктивности молочного скота.

Одновременно для некоторых районов (ЦЧО, Украина) мероприятия по созданию молочной промышленности должны быть тесно увязаны с мероприятиями по созданию кормовой базы; в скотоводческих районах (Казакстан, Средне-Азиатские республики) перед сельскохозяйственной кооперацией стоит задача приспособления технической базы к местным условиям молочного хозяйства.

¹ Данные по предварительным материалам Маслоцентра и С.-х. секции Госплана СССР.

Помимо того, дальнейшее развитие молочной промышленности должно быть также обеспечено со стороны сельскохозяйственной кооперации целым рядом агрикультурных мероприятий, направленных к улучшению стада коров и поднятию их продукции, созданием контрольных товариществ, товариществ по животноводству, кооперативных племенных гнезд и проч.

В социальном отношении молочная кооперация в условиях советской системы базируется преимущественно на середняцких слоях деревни в отличие от довоенного периода, когда она объединяла, главным образом, верхушку крестьянства. Социальная задача, стоящая перед молочной кооперацией, при освоении новых районов, заключается в том, чтобы были созданы такие технические и экономические условия, при которых вся беднота могла бы участвовать в молочной кооперации и реализовать ее выгоды.

Основными конкретными мероприятиями в направлении решения указанной задачи должны явиться: организация коллективных кормовых баз, коллективных скотских дворов и, наконец, возможный в отдельных случаях переход к организации коллективных молочных хозяйств.

Довольно прочным участком производственного кооперирования сельского хозяйства является картофельная кооперация. По степени влияния на техническую и экономическую сторону крестьянского хозяйства картофельная кооперация не уступает молочной, отличаясь от последней только широтой территориального размаха, поскольку она сосредоточена преимущественно в одном районе — ЦПО.

Картофельная кооперация представляет собой один из видов индустриально-бытовой кооперации, которая максимально приближает промышленность к сельскому хозяйству, создает технические возможности для расширения коллективной базы вплоть до кооперативных форм электрификации сельского хозяйства. Сезонность характера переработки картофеля и происходящая отсюда необходимость в рациональном использовании двигательной энергии по отдельным сезонам ведет к тому, что основные предприятия (картофелетерочные заводы) обычно обрастают рядом подсобных предприятий, приближаясь таким образом в организационно-техническом отношении к типу предприятий — комбинатов.

Влияние картофельной кооперации на развитие посевов картофеля находит свое экономическое выражение в цифровой связи роста доходов населения от картофеля и близости хозяйства от кооператива (см. табл. на след. стр.).

Из приведенных данных видно, что доход от картофеля значительно повышается по мере приближения крестьянского хозяйства к кооперативу, т.-е. к картофелеперерабатывающему заводу; такая закономерность вполне понятна в виду низкой транспортабельности картофеля. Одновременно значение картофельной кооперации

Процент валового дохода от разных культур в валовом доходе от полеводства¹

Групп. крест. хоз. по раст. от коопер. в км	От картофеля	От ржи и овса	От льна	Проч. культ.	В с е г о
До 1,5	63,4	22,2	5,3	9,1	100
От 1,5 до 4,5	52,5	28,8	7,4	11,3	100
Св. 4,5	47,3	30,8	8,2	13,7	100

не ограничивается только узким кругом кооперированных хозяйств. В снабжении заводов кооперативным сырьем значительную роль играют крестьянские хозяйства нечлены кооператива: в 1925/26 г. к общему числу поставщиков нечлены кооператива составляли 26%, в 1926/27 г. — около 50%.

Задачи, стоящие перед картофельной кооперацией, заключаются в основном в расширении сырьевой базы картофелеперерабатывающей промышленности через внедрение в крестьянское хозяйство минеральных удобрений и, главным образом, через расширение посевов сортового картофеля. Производственные планы картофельной кооперации должны в ближайшие годы строиться преимущественно с точки зрения увеличения нагрузки уже существующих заводов с одновременным соблюдением осторожного подхода к вопросу дальнейшего экстенсивного расширения технической базы, чего не наблюдалось со стороны сельскохозяйственной кооперации за истекший период. Уже в настоящее время картофельная кооперация имеет значительные достижения в области агропроизводственных мероприятий, например, доведение в 1926/27 г. посевов сортовыми семенами до 14% всей площади, охваченной кооперацией, и затем достижения по линии внедрения элементов коллективизации в сельское хозяйство: создание семенных селекций, обобществленных показательных участков, коллективных картофелехранилищ и т. д.

Из отдельных видов сельскохозяйственной индустрии, имеющих значительные перспективы в смысле технической реконструкции сельского хозяйства и его обобществления, надлежит выделить кооперативную сахарную промышленность.

Преимущества кооперативных форм организации сахарной промышленности и вытекающего отсюда приближения сахарного завода к сырьевой базе заключаются в значительном удешевлении расходов на перевозку сырья² и в предоставлении возможности крестьянским хозяйствам рационально использовать отбросы для откорма

¹ „Пути сельского хозяйства“, 1928 г., № 3, стр. 28.

² До войны на Украине расходы на перевозку свеклы изменялись от дальности провоза в отношении стоимости свеклы следующим образом: 5 км—10%, 10 км—17%, 15 км—22%, 50%, 20 км—27%, 30 км—36%.

скота. Между тем, до последнего времени кооперативная сахарная промышленность представлена только незначительной группой заводов на Украине. Кроме того, эти заводы, хотя и оказывают некоторое организационное воздействие на сырьевую базу (выдача вспомоществования безлошадным плантаторам, усиленное снабжение суперфосфатом для удобрения), но не всегда тесно увязывают свою работу с хозяйственными потребностями плантаторов.

Расширение кооперативной промышленности за счет государственного сахарных заводов упирается в невозможность приспособления указанных госпредприятий к задачам кооперативного строительства. Оставшаяся от довоенного периода техническая база сахарной промышленности только частично опирается в производстве на близко прилегающее сырье,¹ что в значительной степени сводит на-нет реорганизующее влияние работы кооперативных заводов на хозяйство объединяемых ими плантаторов. Поэтому организационно-плановое воздействие со стороны промышленности на сельское хозяйство в свекловичных районах в ближайшем пятилетии будет направляться по линии углубления через контрактацию в сторону производства заготовительной работы свекловичной кооперации, охватившей в 1926/27 г. на Украине 42,1% всех плантаторов и 95,6% всей заготавливаемой продукции.

По своему социальному составу посевищики свеклы дают значительный % бедняцких хозяйств; как на территории РСФСР, так и на Украине в плантаторской массе преобладают хозяйства с посевами свеклы в 0,5 гектара. Так, например, в восточном отделении Сахаротреста группировка плантаторских хозяйств в 1926 г. представляется в следующем виде: до 0,25 га посева свеклы—17%, 0,26—0,75 га—67%, от 0,76 га и выше—16%. Распыленность посевов свеклы, обнаруживающих тенденцию к раздроблению в дальнейшем (увеличение в 1927 г. против 1926 г. численности плантаторских хозяйств по Союзу на 126 при соответствующем росте площади на 122) и связанная с этим обстоятельством большая текучесть плантаторской массы (на территории РСФСР ежегодно бросают свеклу 17—19% из общей численности посевищиков), — ставят перед сельскохозяйственной кооперацией вопрос об изменении организационных форм свеклосеяния. Уже на нынешней стадии работы сельскохозяйственной кооперации целый ряд моментов — необходимость глубокой вспашки за чрезвычайно короткий период, рациональное использование инвентаря, предоставляемого Сахаротрестом, — вынуждает бедняков плантаторов углублять процессы кооперирования в сторону создания производственных артелей по посеву свеклы. Имеются также зачатки колхозного строительства в свеклосеянии; удельный вес колхозов в сдаче свеклы: 1926 г.—1,79%, 1927 г.—1,93%.

Одним из мероприятий по расширению производственной кооперативной работы в свекловичных районах является создание машин-

¹ На территории РСФСР только 52% свеклы сосредоточено в радиусе 12 км.

ных и прокатных пунктов. Число прокатных пунктов на Украине увеличилось с 250 единиц на 1/1 1927 г. до 329 на 1/1 1928 г., работа этих пунктов охватила в 1927 г. около $\frac{1}{8}$ всех бедняцких хозяйств, при чем в этом же году была введена дифференцированная оплата работы прокатных пунктов для отдельных социальных групп.

Производственная работа среди хлопкоробов за истекший период осуществлялась преимущественно органами Главхлопкома. Вплоть до 1928 г. с.-х. кооперация Средней Азии являлась лишь вспомогательным органом при Главхлопкоме, ее функции в большинстве случаев сводились только к учету площадей посева и выдаче поручительств за авансируемых плантаторов. Постановление правительства от 15/VII 1928 г. о сосредоточии дела снабжения хлопкоробов в руках кооперации и о передаче ей тракторного хозяйства приведет, конечно, к коренным сдвигам в производственной работе хлопковой кооперации. Еще в 1926 г. со стороны хлопковой кооперации была сделана серьезная попытка проведения самостоятельных посевов, которые были доведены в 1927 г. до 25,9 тыс. га, что составляет 3,5% ко всей хлопковой площади.

Директива правительства намечает расширение указанного опыта с тем, чтобы переходить к организации товариществ по совместной обработке земли с коллективным использованием машин и тракторов и, наконец, к созданию высших форм коллективных объединений.

Что касается животноводческой кооперации, весьма разнообразной по своим организационным формам и содержанию, то для некоторых районов (ЦЧО, Украина) вопрос о дальнейшем направлении ее работы, особенно в части откорма скота, должен быть тесно увязан с развитием свеклосеяния и сахарной промышленности в этих районах. Уже практика заготовок животноводческой кооперации в 1926/27 и 1927/28 гг. подтвердила значение для сельского хозяйства стыка в работе между свекловичной и животноводческой кооперацией. Из заготовленных животноводческой кооперацией в 1927/28 г. на территории РСФСР путем стойлового откорма 26,9 тыс. голов рогатого скота 8,5 тыс. было откормлено свекловичными кооперативами на жоме, при чем частично откорм скота с предварительной его контракцией был произведен подворно. Огромное значение для поднятия доходности от животноводства и форсирования данной отрасли имеет работа эконных фабрик, которые ныне в подавляющей их части сосредоточены в ведении торгующих организаций.

В социальном отношении животноводческая кооперация дает наиболее высокий показатель удельного веса зажиточных и кулацких элементов и большой процент лежкооперативов. Наиболее классово-неблагополучными представляются товарищества по использованию пастбищ. В большинстве случаев цель этих товариществ заключается только в использовании тех льгот, которые даются со стороны органов госземимущества кооперативным организациям.

Значительное измельчание табаководных посевов против довоенного периода (1,1 га в 1914 г. и 0,85 га в 1927 г.) и связанное с этими изменениями ухудшение выхода продукции ставят вопрос о коллективизации в первую очередь средств производства и построек для сушки табака и затем усиление темпа агротехнических мероприятий.

Слабая обеспеченность инвентарем толкает бедняков-плантаторов на путь коллективизации производства. Весной 1928 г. только за 2 месяца был создан 41 коллектив со значительным преобладанием товариществ по совместной уборке и обработке.

Для садоводческих и огородных культур создание кооперативной технической базы означает максимальное вовлечение данной продукции в межрайонный товарооборот и восстановление наиболее доходной отрасли сельского хозяйства. В настоящее время производство фруктов и овощей наиболее слабо охвачено сельскохозяйственной кооперацией и нашим плановым регулированием. По данным НКТорга процент кооперирования садов в 1926/27 г. дает следующие районные показатели: Закавказье—30%, Крым—60%, Черноморское побережье—8%, Белоруссия—2%, ЦПО—2%, ЦЧО—4%, Нижнее Поволжье—6%, Украина—9%, Узбекистан—28%.

До сих пор базами для кооперирования являлись национализированные сады и виноградники; наличием этих фондов определяется и различный процент кооперирования по отдельным районам. Между тем, с точки зрения внедрения элементов обществения в сельскохозяйственное производство и его интенсификации особенное значение приобретает кооперирование мелкого производства—садоводства и огородничества. Ясно, что полное разрешение указанной задачи возможно только путем создания технической базы сушилок, холодильников, предприятий по переработке и т. д.

Существенные задачи развития производственной работы стоят перед льноводной, птицеводной и хлебной кооперацией, лишь недавно приступившей к созданию своей технической базы.

Организация сети льнотрепален, семенных секций при кооперативах на ряду с усилением снабжения минеральным удобрением должна способствовать внедрению культуры льна в новых районах и увеличению урожайности в старых.

Техническая база птицеводной кооперации (яичные склады, кормушки, племенные рассадники), имеющая в нынешних условиях преимущественно торговое значение, должна в дальнейшем стать организационной базой для преобразования птицеводства в сельском хозяйстве. Птицеводство больше, чем какая-нибудь другая отрасль сельского хозяйства, способно развиваться без существенной помощи извне и одновременно, путем агрикультурного обслуживания и организации сбыта продукции, может быть внедрено в хозяйство всех социальных групп деревни.

Производственная работа хлебной кооперации должна заключаться в содействии организации зернового хозяйства (посевные товарищества, колхозы) и в переработке зерна на кооперативных мельницах с использованием отбросов и отходов для создания кормовых коллективных баз. В этой области с.-х. кооперация пока что нащупывает основные организационные формы работы. Капитальное строительство хлебной кооперации в ближайшем пятилетии сводится к организации мельничного хозяйства, созданию сети элеваторов небольшой емкости и, наконец, к созданию разветвленной сети прокатных и зерноочистительных пунктов.

Рассмотрение отдельных видов производственной работы с.-х. кооперации, направленной к социальной и технической реконструкции сельского хозяйства, позволяет нам в общих чертах отметить следующие достижения в указанной области за истекший период: 1) значительное развитие молочной и картофелеперерабатывающей промышленности; 2) внедрение в сельское хозяйство сортовых посевов разных культур и минеральных удобрений; 3) расширение обслуживания прокатными и машинными пунктами бедняцких хозяйств с установлением для последних пониженной платы в свекловичных районах; 4) внедрение элементов коллективизации в отдельные отрасли сельского хозяйства и, наконец, 5) закрепление на практике контрактационных форм заготовительной работы.

Но одновременно с достижениями необходимость в максимальном расширении реконструктивных процессов в сельском хозяйстве выдвигает перед с.-х. кооперацией на ближайшее пятилетие целый ряд новых задач экономического и социального значения, как, например: 1) создание технической базы в целом ряде отраслей сельского хозяйства (льноводная, хлебная, птицеводная и плодоовощная); 2) расширение сети агро-и зоотехнических пунктов, а также машинных пунктов; 3) внедрение молочной промышленности в новые районы; 4) углубление и расширение производственного влияния контрактации на сельское хозяйство; 5) постепенный перевод специальных кооперативов в объединения колхозного типа путем коллективизации отдельных функций сельскохозяйственного производства и содействия в организации коллективного строительства; 7) проведение дифференциации паевых взносов с проработкой мероприятий, обеспечивающих расширение заготовительной работы сельскохозяйственной кооперации.

Проблема цен в плановом хозяйстве¹

I

Проблему цен необходимо у нас ввести в новую стадию, которую мы бы назвали стадией планирования. Этим мы не хотим сказать, что до сих пор, планируя народное хозяйство, мы проблему цен игнорировали. Но это было, если можно так выразиться, конъюнктурное планирование цен, а не экономическое. Если общим планированием мы задаемся целью не только внести те или другие улучшения в народное хозяйство или устранить те или другие его недостатки, а строить его в соответствии с социально-экономическими задачами, разрешить которые призвано переходное время, то в области цен мы шли иными путями. Основной задачей было сжатие „ножниц“, под которым понималась борьба с выросшими за годы войны и революции ценами на промышленные товары. Цены на промтовары считалось необходимым постепенно снижать, и они снижались в самом деле. Этой задаче объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21—23 сентября 1927 г. дал конкретную формулировку: „Отпускные цены на продукцию промышленности должны систематически сжиматься, обеспечивая последовательное сжатие раствора „ножниц“, т.-е. изживание диспропорции цен на продукты промышленности, с одной стороны, сельского хозяйства—с другой, и диспропорции между уровнем наших цен и цен мирового рынка“. Что же касается сельскохозяйственных цен, то построенные в известном соотношении к довоенным ценам они перестраивались из года в год в соответствии с ходом заготовок и движением тех или других отраслей сельского хозяйства, имея в виду, как это конкретно формулирует пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), „необходимость установления устойчивых и соответствующих планам производственного и личного потребления страны и экспорта соотношений в развитии отдельных отраслей сельского хозяйства“.

В каком направлении и каком темпе „исправление“ цен происходило из года в год, в какой мере осуществлялось „сжатие ножниц“ и воздействие на сельское хозяйство, это другой вопрос, здесь же мы хотим отметить, что речь шла о сумме мероприятий для исправления „диспропорций“, создавшихся в годы войны и военного ком-

¹ Статья дискуссионная. Р е д.

мунизма. Когда говорят о диспропорции, то при этом имеют в виду, что ей противопоставляется какая-то „пропорция“. Но никаких попыток построить „пропорцию“ в системе цен, как элементе планирования народного хозяйства, не было сделано, и логически получилось, что этой „пропорцией“ стала система довоенных цен. Разумеется, этой „пропорции“ рабски не подчинялись, хотя часто мы встречались с критикой цен именно с точки зрения довоенных ценостных соотношений. Во всяком случае, довоенная система цен все время стояла перед нами, как некоторый маяк, по которому равнялась наша политика цен.

Это само было неправильно. Во-первых, во многих случаях мы не имели довоенных цен. Это следует сказать даже о сельскохозяйственных ценах, о которых мы унаследовали от довоенного времени порядочную статистику. Мы говорим о так называемых „местных ценах“. Но это были цены, по которым продавали продукцию сельского хозяйства помещики, кулаки, скупщики, но не большинство рядовых крестьян. В земской литературе имеются на этот счет весьма характерные указания. Берем в виде примера один из уездов, в котором крестьянин в довоенное время в смысле возможности ближе стоять к местным базарам, на которых регистрировались так называемые местные цены, находился в лучших условиях, чем в других местностях. Это Александровский уезд Екатеринославской губ., отличавшийся большим развитием хлебной торговли и сравнительно высоким благосостоянием крестьянина. Исследователь хлебной торговли в Александровском уезде устанавливает ряд „барьеров“, отделяющих производителя хлеба от одесского экспортера. Все эти барьеры нас теперь не интересуют. Нас интересует только то, что исследователь называет первым барьером. Его образует „мелкий скупщик хлеба в селе, мелкий и средний амбарщик в г. Александровске“, и чтобы „перешагнуть этот“ барьер „нужно“ заплатить 10, 20, 30 и больше копеек за четверть¹, т.-е. „мелкий“ производитель должен продать свой хлеб ниже „местной“ цены. Но самый характер исследования в сильной степени затуманивает положение. Оно касается нормальных, рыночных продаж „мелкого“ производителя, таких продаж, которые были доступны, может быть, только крестьянам значительной зажиточности, по современной классификации — высшим группам „середняка“. Каково же было отношение к „местным ценам“ рядового крестьянина? Вот ответ на этот вопрос. „Обычный... порядок вещей состоит в том, что крестьянин... продает свои продукты через посредство скупщиков... Деятельность скупщиков начинается еще зимою или весною, когда крестьянин нуждается в продовольственных и кормовых средствах и в семенах для обсеменения полей... Он обращается к богачу-скупщику... При этом

крестьянин платит за хлеб на 90—120 коп. дороже на центнер против базарной цены и нередко выдает обязательство продать весь будущий урожай скупщику... При приеме хлеба скупщики устанавливают совершенно произвольные цены. Независимо от этого в Одесском уезде, напр., скупщики установили обычай сбрасывать на мешок свыше 1 кило и походу на „рассыпку“ 400 г.¹

Еще более спорной была база, из которой исходят при построении индексов цен на промтовары. Если для сельского хозяйства имелись довоенные „местные цены“, систематически собиравшиеся и обрабатывавшиеся, то промтовары вовсе не имели правильно-организованной довоенной статистики цен, и для того чтобы построить индексы, приходилось брать то, что в полном смысле слова попадалось под руку. Всего более были использованы „продажные оптовые цены по Москве“. Но их было недостаточно, и тогда цены брались из „специальных периодических изданий, а также из бухгалтерских записей и отчетов отдельных фирм, синдикатов, заводов и пр.“² Помимо сомнительного качества такой „статистики“ довоенных цен, базой для индексов во всяком случае чаще всего служили не заводские отпускные цены, а оптово-рыночные, т.-е. в основание исчисления индексов отпускных заводских цен клались цены, несколько повышенные за счет расходов товарообращения...

II

Помимо того, для довоенного времени нельзя было установить „пропорцию“ цен по отсутствию годного для этой цели статистического материала, и потому устанавливавшиеся „пропорции“ лишены были всякого реального значения, — помимо этого, вообще условия, в которых в довоенной России строились цены, далеко нельзя назвать нормальными даже с капиталистической точки зрения. В ценах на продукты сельского хозяйства, т.-е. в „местных ценах“, поскольку они диктовались мироедами и помещиками, отражалось полуфеодалное положение довоенной деревни, обусловившее грошевую оплату наемного крестьянского труда. С другой стороны, нелепый довоенный протекционизм поддерживал ненормально высокие цены на промышленные товары. В довоенное время литейный чугун стоил в Германии дороже, чем в Америке и других западно-европейских государствах; но русская цена была выше германской почти на 23%. Наиболее высокая цена на сортовое железо была в Англии, и она была ниже русской цены почти на 32%. Плуг обходился нашему крестьянину дороже, чем в Германии в полтора раза, сенокосилка — на 37%. Хлопчатобумажная пряжа стоила у нас почти на 33% дороже, чем в Германии и на 62% дороже, чем

¹ Л. Зак, „Земство и крестьянское хозяйство“, Р. М. 1899, № 11.

² „Справочник цен довоенного времени“. Вып. I, предисл. Изд. ВСНХ, М. 1922.

¹ Положение хлебной торговли в Александровском уезде. Докл. Секрет. Александр. уезд. Зем. Упр. П. И. Чижевского. Ек., 1896, стр. 23.

в Англии. Даже цена сахара не была так высока, как у нас, ни в одной капиталистической стране.

Однако, если наш довоенный „маяк“ в области цен удалось бы реставрировать статистически даже правильно и если в довоенной нашей системе цен не было бы тех ненормальностей, которые отличали ее от системы цен других капиталистических стран, то и тогда нельзя было бы не поставить вопроса о том, в какой степени, говоря о борьбе с „диспропорцией“ в отношении цен, логично исходить из дореволюционной „пропорции“, когда народное хозяйство строится на основах, принципиально отличных от довоенного времени? В капиталистических условиях процесс ценообразования — это процесс реализации для народного хозяйства ресурсов расширенного воспроизводства, который идет по линии трансформации ценности в целях уравнивания средней нормы прибыли в отраслях промышленности с разным строением капитала. Это, так сказать, генеральная линия ценообразования, от которой могут быть те или другие конъюнктурные отклонения, но которая по существу неразрывно связана с основами капиталистического хозяйства. В этой обстановке не только каждая отрасль промышленности, но и каждое предприятие существует само по себе, стихийно связываясь с другими отраслями промышленности и предприятиями, при чем часто это связь не сотрудничества, а борьбы. Сохраняет ли этот порядок советский режим? Формально государственная промышленность находится у нас на хозрасчете. Но чисто капиталистического хозрасчета даже здесь нет, не говоря о нашей кооперативной промышленности. Разве мыслим у нас факт банкротства общепользовного кооператива из-за того, что он недостаточно реализовал на рынке ресурсы воспроизводства? Госпредприятие и подавно не может у нас очутиться в этом положении. Бюджетная поддержка дефицитных предприятий не носит у нас систематического, планового характера. Это вытекает из принципов хозрасчета. Тем не менее, исключения из общего правила так часты, что, в сущности, получается своеобразный хозрасчет. Что касается фонда накопления, как базы для расширенного воспроизводства, то в области промышленности он почти целиком у нас обобществлен. Поучительна следующая табличка (млн. руб.):

	1925/26 г. (отчет)	1926/27 г. (отчет)	1927/28 г. (план)
Чистая прибыль госпромышленности	614	600	700
Все отчисления промышленности в казну	228	379	409
Остаток прибыли в распоряжении хозорганов	386	221	291
Капитальные вложения в промышленность вместе с электрификацией	930	1.261	1.490
Процент доли „собственного“ накопления в капитальных вложениях	41,5	17,5	19,5

Если в 1925/26 г. „собственное“ накопление еще играло значительную роль в строительстве промышленности (41,5% капитальных

вложений), то с 1926/27 г. оно покрывает уже менее пятой части всех капитальных вложений в промышленность. Очевидно, поскольку развитие промышленности зависит и у нас от темпа накопления, степень развития той или другой отрасли промышленности (либо отдельного предприятия) отноду не связана с темпом и размерами ее „собственного“ накопления.

О собственном накоплении, как регуляторе хозяйственного развития, равно как и вообще о собственных ресурсах хозяйствования, можно говорить в отношении крестьянского хозяйства. Но и тут у нас требуются большие оговорки. Между крестьянским хозяйством и „вольным рынком“ у нас стоят сильные государственные и кооперативные заготовительные организации, поглощающие большую часть товарной доли крестьянской продукции. Их связь к крестьянским хозяйством определяется преподанным им планом, как частью всего народнохозяйственного плана, а не состоянием на „вольном рынке“. Очевидно и тут суть не в стихийно-рыночном обеспечении необходимыми ресурсами для воспроизводства, а в плановом разрешении этой проблемы.

III

О чем говорит данная нами характеристика нашего хозяйственного уклада? В той мере, в какой потребление удовлетворяется у нас при посредстве рынка и в какой производство базируется на хозрасчете (условном в государственной промышленности и торговле, полуусловном в кооперации и вовсе безусловном в крестьянском хозяйстве), — рынок остается у нас как фактор реализации национальной продукции, следовательно, так же как фактор обеспечения промышленности и сельского хозяйства ресурсами воспроизводства, но распределение этих ресурсов, в том числе и фонда накопления, как условия и предела расширенного воспроизводства, между разными секторами и отраслями народного хозяйства происходит независимо от рынка. В одних случаях рынок при этом остается вовсе в стороне, в других рынок сам подчиняется плановому регулированию, становится его агентом. Отсюда своеобразность природы и роли цен у нас и в капиталистических условиях. Если в условиях капитализма цены являются функцией рынка, так как, формируя цены, рынок обеспечивает каждой отрасли промышленности, даже каждому предприятию необходимые для существования и развития ресурсы, то в условиях советской экономики цены играют роль одного из рычагов регулирования самого рынка — в целях подчинения его требованиям общего плана строительства народного хозяйства.

В этих наших словах нет, конечно, ничего нового, и не они в своем общем виде приводят нас к проблеме цен в советских условиях. Когда тов. Мендельсон как специфическую особенность условий экономики СССР, выставляет то, что „цена — явление производное

по отношению к совокупности ряда условий — является в то же время рычагом, при помощи которого можно обратно воздействовать на эти условия и тем самым влиять как на структуру хозяйственного процесса, так и на движение его¹, он делает существенную ошибку. В условиях свободной конкуренции на цену нельзя не смотреть только как на „вторичное“, „производное“ явление. Не признавал ли сам капитализм в эпоху принципиального расцвета идеи *laisser faire, laisser passer* безусловную свободную конкуренцию? Не знаем ли мы в самой фритредерской Англии случаев, когда цены, будучи явлением „производным“, в то же время становились также явлением производящим, рычагом воздействия на те самые условия, которые служат предпосылками в процессе ценообразования? И особенно можно ли говорить о ценах только с точки зрения их „производности“, их „вторичности“ в условиях монополистического капитализма? Очевидно, специфическая особенность проблемы цен в наших условиях не в том заключается, что из функции рынка они становятся фактором экономического воздействия через рынок. Констатируя только этот факт, мы не делаем ни одного шага к тому, чтобы осознать проблему цен переходного времени в условиях советской экономики.

Общую формулу тов. Мендельсона необходимо конкретизировать, чтобы выделить советскую проблему цен, сравнительно с проблемой цен монополистического, отчасти даже фритредерского капитализма. Монополистический капитализм в деле активизации роли цен делает шаг вперед тем, что явление спорадическое, случайное, связанное с исключениями из общего порядка, во всяком случае лишенное принципиальных устоев, превращается в явление систематическое, органически связанное со всем хозяйственным укладом. Монополистический капитализм всю свою повседневную „политику“ строит на том, что не рынок ему, а он рынку диктует цены. Однако, он диктует цены для отдельных товаров, для каждого монополизированного товара диктуется своя цена, и только в стихии рынка одни диктуемые ему цены вместе с другими диктуемыми ему ценами, равно, как и ценами, диктуемыми самим рынком, увязываются в то, что следует назвать системой цен. Это „партизанское“ строение цен, которое характеризует регулирующую работу монополистического капитализма, отличает его политику цен от политики цен, возможной для советской экономики.

Планируя и регулируя не отдельные отрасли, а все народное хозяйство, одна только советская экономика может и должна проблеме цен рассматривать не с точки зрения цен на отдельные товары, а с точки зрения системы цен, в которой планомерно и органически увязываются цены отдельных товаров. Рычагом, воздействующим

на хозяйственную жизнь, становятся не те или другие индивидуальные цены, а вся масса цен, представляющая собою картину не стихийно сложившейся системы, а системы цен, планомерно построенной, в соответствии с функцией, ею выполняемой в общем строительстве народного хозяйства.

К этому необходимо прибавить своеобразность самой задачи советского планирования и регулирования народного хозяйства, обуславливающую также своеобразность советской политики цен. При капитализме от цены требуется реализация прибыли: цена хороша, когда в эквиваленте, выручаемом за товар, получается прибыль выше средней общественно-необходимой нормы; цена плоха, когда получаемая прибыль ниже нормы; она оптимальна при прибыли на уровне общественной необходимости. И так расцениваются цены каждого товара в отдельности, ибо капиталиста интересует только получаемая им прибыль; прибыль других капиталистов его не касается, равно как чужда ему идея народнохозяйственной эффективности. Но уже в комбинате проблема цен усложняется. На одни свои товары комбинат имеет возможность установить маловыгодные или даже убыточные цены, если того требуют интересы лучшей реализации тех товаров, которые имеют для него командующее значение. Например, комбинату, объединяющему добычу угля, металлургию и машиностроение, при господствующей роли последнего, легко держать на выбрасываемую им на рынок долю угля (или черного металла) цены даже ниже стоимости производства, если это в интересах машиностроения, являющегося „командующей его высотой“.

Однако, стимулирующим фактором, целью тут все еще остается борьба за прибыль. В советских условиях вопрос о прибыли также далеко не маловажен. Но она здесь не самоцель. Самоцелью здесь служит расширенное воспроизводство, для которого прибыль является средством. И не расширенное воспроизводство в какой-нибудь одной отрасли народного хозяйства, а в народном хозяйстве в целом. Мало того: само расширенное воспроизводство даже в народнохозяйственном объеме обрисовывается в советских условиях как самоцель только потому, что оно рассматривается, как основной фактор в разрешении главной задачи строящегося руками трудящихся масс социализм переходного времени. В этой своеобразной обстановке, подразумевающей не стихийное, а целесообразное плановое строительство народного хозяйства выручка от реализации продукции освобождается от индивидуальной оболочки; она приобретает общественный характер, потому что иначе невозможно плановое использование в целях планируемого воспроизводства.

Как мы показали выше, при посредстве бюджетного вмешательства в существование и развитие государственной промышленности, вся она по существу вырисовывается, как единый комбинат, для которого важна не выручка той или другой отрасли, а всей его совокупности, и который весь в целом в союзе с общественностью тор-

¹ А. Мендельсон, „Проблема цены в контрольных цифрах“, „План. Хоз.“, 1927, № 9.

говлей путем сложного воздействия на кооперацию и распыленного производителя придает распределению выручки от реализации продукции общенародный характер. На этом фоне объединенной по всей линии народного хозяйства борьбы за социализм сама система цен, планомерно построенная, не может не быть орудием строительства социализма, средством борьбы против препятствующих этому строительству условий и содействия условиям, строительству социализма благоприятствующим. Этим критерием измеряется степень рациональности существующей системы цен. Проблема цен разрешается, когда создается система цен, соответствующая требованиям повседневной борьбы советской экономики за социализм.

IV

Итак, в условиях советской экономики сознательно, в плановом порядке, как один из моментов экономической политики, строящаяся система цен является фактором целесообразного распределения ресурсов расширенного воспроизводства. Что отсюда вытекает наличие этих ресурсов, разумеется само собою. Ресурсы расширенного воспроизводства не на рынке создаются, а в процессе производства; рынок только превращает в ресурсы воспроизводства аккумулированный в процессе производства труд. Отсюда ясно, что в цене и в условиях советской экономики должны восстанавливаться как то, что можно назвать себестоимостью всех хозяйственных процессов, оканчивающихся моментом превращения товара в продукт потребления, так и то, что обуславливает возможность расширенного воспроизводства, ту долю прибавочной ценности, которая идет в фонд накопления. Если цена не разрешает этой задачи, либо процесс производства и товарообращения мешают ей разрешать ее, не может быть правильного развития народного хозяйства. В этих рамках следует понимать рентабельность хозяйственной деятельности в условиях советской экономики и взаимоотношение цены к ценности товара: и у нас ценность товара должна быть выше его себестоимости производителю, и вся ценность должна быть выражена в цене. Но то обстоятельство, что так или иначе распределение ресурсов расширенного воспроизводства происходит под единым руководством, обуславливает широкую возможность варьировать взаимоотношения между ценностью и ценой в соответствии с требованиями планируемого народного хозяйства — как в целом, так и в отдельных элементах. Выручка от всей продукции народного хозяйства должна соответствовать ценности этой продукции, но вовсе не требуется, чтобы выручка от каждого товара соответствовала его ценности. Этот закон правилен и в капиталистических условиях, и именно на нем базируется тенденция уравнивания нормы прибыли в производствах с разным строением капитала. Однако, у нас он имеет более глубокое значение. Если при капитализме он

открывает возможность производств с разным участием в фонде накопления, то у нас получается возможность производств, не оправдывающих даже себестоимости, т.е. реализующих свою продукцию не только по нерентабельным, но даже по убыточным ценам.

Было бы все-таки ошибкой эту нашу особенность толковать слишком расширительно. В отношении государственной промышленности нет необходимости поддерживать причинную зависимость между выручкой того или другого производства и его потребностями расширенного воспроизводства. Того же нельзя сказать о распыленном крестьянском хозяйстве, сила расширенного воспроизводства которого определяется, главным образом, выручкой за его продукцию. Наше воздействие на сельское хозяйство в смысле развития его в желательном направлении, не считая других методов, должно проходить также по линии распределения ресурсов расширенного воспроизводства при посредстве рынка. Другими словами, в системе цен сельскохозяйственным ценам должно быть отведено место, обеспечивающее сельскому хозяйству возможности развития, предусмотренные общим народнохозяйственным планом.

При этом еще недостаточно при посредстве цен гарантировать правильное распределение ресурсов расширенного воспроизводства между промышленностью и сельским хозяйством в целом. Общий план народного хозяйства предусматривает не только развитие сельского хозяйства в целом, но и развитие отдельных его отраслей. Для социалистического строительства далеко безразлично, как крестьянин относится к полеводству и животноводству, внутри полеводства — к разным посевам, внутри животноводства — к разным видам животноводческой продукции, и т. д. Прямое вмешательство тут невозможно, и его приходится заменить вмешательством косвенным, рыночным — дифференциацией цен в рамках сельскохозяйственной продукции, дифференциацией, которая экономически побуждает крестьянина строить свое хозяйство, соответственно интересам социалистического строительства. Таким образом, в системе цен выделяется специальная комплексная группа цен на сельскохозяйственные продукты.

Когда мы говорим, что комплексная группа цен на сельскохозяйственные продукты должна обеспечивать сельскому хозяйству ресурсы для расширенного воспроизводства в предусмотренных общим планом народного хозяйства пределах, мы упираемся в своеобразность экономической структуры крестьянского хозяйства. Цены, как регулятор расширенного воспроизводства, подразумевают хозяйство, базирующееся на товарном производстве. В широких пределах товарный характер носит американское фермерское хозяйство, которое 60% своей продукции связывает с рынком. Наше крестьянское хозяйство находится в других условиях. Его товарность и в довоенное время не превышала 30% продукции, а теперь она вряд ли превышает 25%. По отдельным видам продукции эта норма еще

ниже. Но если крестьянское хозяйство производит не столько новые, сколько потребительские ценности, то каким образом его можно ввести в орбиту рыночного регулирования темпа расширенного воспроизводства? И еще более — каким образом можно строить цены на базе обеспечения хозяйства ресурсами воспроизводства, когда это подразумевает цены, как результат рыночной трансформации именно меновой ценности, а не ценности потребительской? Коротко говоря, как калькулировать товарность крестьянского хозяйства, когда она составляет только небольшую часть его продукции?

Однако, когда так ставят вопрос, делают серьезную ошибку. В самом деле нельзя в товарном смысле калькулировать всей продукции, которая производится, главным образом, для личного потребления и только в излишке поступает на рынок. Калькуляции поддается только этот излишек, т.е. часть целого, часть продукции, на которую, следовательно, пошла часть труда, часть денежных расходов, часть расходов по ремонту и т.д. В этом лежит трудность исчисления меновой ценности в крестьянском хозяйстве, и приходится подходить к вопросу обходным путем. Крестьянское хозяйство продает некоторую часть своей продукции и продает только потому, что ему необходимы ресурсы для покупок, без которых невозможно и в крестьянском хозяйстве ни простое, ни расширенное воспроизводство. Правильно крестьянское хозяйство развивается не тогда, когда потребности расширенного воспроизводства повышают отчуждение его продукции выше уровня, диктуемого его натурально-денежной структурой. С ростом денежных потребностей крестьянского хозяйства растет и товарность его продукции — и как причина и как следствие, — но этот рост должен быть связан с ростом выручки не вследствие ненормального сокращения натурального потребления, а вследствие либо увеличения цен на нормальную часть товарной продукции, либо нормального, в соответствии с экономической структурой крестьянского хозяйства, увеличения товарной массы. А если товарная часть продукции должна обеспечивать крестьянскому хозяйству необходимые ему денежные ресурсы, то получается возможность скалькулировать цену этой товарной части; она составит всю сумму потребных крестьянскому хозяйству денежных ресурсов, деленную на число единиц отчуждаемой им продукции. В крестьянском хозяйстве, отчуждающем 15 центн. хлеба, при потребности в 50 руб. для простого воспроизводства и 75 руб. для расширенного воспроизводства, себестоимость одного центнера будет 3 руб., а правильная цена, обеспечивающая расширенное воспроизводство, выразится в 4 руб. 50 коп.

Для экономически правильного построения сельскохозяйственных цен, т.е. для такого их построения, которое гарантировало бы сельскому хозяйству темп развития, предусматриваемый планом строительства народного хозяйства, мы препятствий не видим и в том

что необходимые крестьянскому хозяйству денежные ресурсы покрываются им продажей не одного какого-нибудь продукта, примерно, пшеницы, а разных продуктов: пшеницы, овса, картофеля, молока, пеньки и т.д. С формальной стороны, крестьянину безразлично, каким образом складываются цены на каждый из продаваемых им продуктов; лишь бы общая сумма выручки была достаточна. Но если внутрихозяйственные трудовые затраты на производство отдельных продуктов различны, то по ним должны равняться цены на отдельные продукты в рамках необходимой выручки; иначе у крестьянина будет стимул напирать на отчуждение продуктов с небольшими трудовыми затратами, поскольку на них устанавливается хорошая цена, хотя интересы народного хозяйства в целом требуют другого. Следовательно, соотносясь с трудовыми затратами, — не для того чтобы по стоимости затраченного труда определять цены, (что в полунатуральном хозяйстве было бы экономически неправильно), а для того чтобы целесообразно распределить необходимые крестьянскому хозяйству денежные ресурсы между отдельными отчуждаемыми продуктами, — мы получаем возможность формирования комплекса цен, отвечающих требованиям планируемой экономики страны. Это не будут цены, которые фабрикуются по интуиции, ощупью, следовательно, стихийно, в противоречие принципам народно-хозяйственного планирования, цены, которые превращают в пустой звук самые правильно скомбинированные планы заготовок крестьянской продукции, а будут цены, которые сами будут рычагом планового строительства народного хозяйства.

✓

Указанные затруднения в планировании сельскохозяйственных цен отсутствуют, разумеется, в деле планирования цен промтоваров. На первый взгляд проблема представляется здесь чрезвычайно простой. Промышленность производит почти только товары. Калькуляция себестоимости промышленной продукции, следовательно, ни принципиальных, ни технических трудностей не встречает, а потому нет препятствий к определению цен, обеспечивающих каждой отрасли промышленности ресурсы расширенного воспроизводства, в соответствии с планом их развития.

На технике составления калькуляции себестоимости промтоваров мы останавливаться здесь не будем. Скажем только, что она оставляет у нас желать много лучшего, хотя в плановом хозяйстве калькуляция себестоимости отвечает на интересы, идущие гораздо дальше проблемы цен. До тех пор, пока мы не добьемся экономически правильной, по линии всей промышленности, единообразной для широкого освещения статистики и динамики народного хозяйства достаточной калькуляции себестоимости промтоваров, — строго научного планирования народного хозяйства у нас не будет. Ибо на-

учное планирование народного хозяйства базируется не только на установлении правильных количественных взаимоотношений между отдельными видами национальной продукции, но требует также правильности качественных взаимоотношений в смысле результативности человеческого труда и капитальных затрат. В настоящий момент гораздо важнее для нас, однако, другой вопрос, именно является ли себестоимость промпродукции достаточным фундаментом для построения системы цен в той части, в какой эта проблема соприкасается с промышленностью?

Выше мы указали, что в СССР распределение ресурсов расширенного воспроизводства, в том числе и по фонду накопления, в области промышленности особенно подчинено государственной воле. Следует ли отсюда, что цены на промтовары могут у нас строиться независимо от себестоимости их производства, лишь бы в масштабе всей государственной промышленности соотношение между ценами и себестоимостью гарантировало расширенное в предопределяемых планами развития промышленности рамках воспроизводство? На этот вопрос, в такой его общей постановке, следует дать отрицательный ответ. Как и в сложных капиталистических комбинациях, в нашей госпромышленности суть заключается, конечно, не в том, что каждое производство в отдельности должно само себя оправдывать в смысле возможности расширенного воспроизводства. Однако, экономически рациональное строение госпромышленности, наравне с капиталистическим комбинатом, требует такого соотношения между элементами, с одной стороны, и такой организации каждого элемента в отдельности, с другой, которые обеспечивали бы высшую эффективность целого не только в количественном смысле, но и в качественном. По тем или другим причинам допустимы убыточные производства, убыточные в прямом понимании, либо убыточные с точки зрения обмена международного. Не говоря о случаях, когда дорогое производство носит временный характер, нередко приходится поддерживать производства, несмотря на то, что соответствующую продукцию на более выгодных условиях можно получать извне — по соображениям политическим, либо в целях сокращения безработицы. Однако, такие случаи не могут составлять общего явления, не могут лежать в основании всей системы промышленного строительства. Максимальная производительность труда, а отсюда и способность каждого производства обеспечивать себя ресурсами расширенного воспроизводства остается регулятором хозяйственной жизни и в условиях советской экономики, с тем отличием от экономики капиталистической, что у нас возможны исключения из этого правила без потрясения всего народного хозяйства и что участие производства в реализации ресурсов расширенного воспроизводства не предопределяет самого темпа расширения его воспроизводства, темпа, устанавливаемого соответственно требованиям народного хозяйства в целом. Отсюда следует, что

мерило себестоимости остается и у нас в силе для каждого товара в отдельности. Но если при капитализме это мерило является решающим в процессе трансформации ценности в цену, то в советской госпромышленности по этому мерилу приходится только равняться при разрешении проблемы цен, чтобы ясна была степень отклонения цены от себестоимости в необходимых случаях, т.е. чтобы отклонения носили плановый характер, а не имели свойства хаотической растраты рабочих сил и народного достояния.

Необходимо, впрочем, сказать, что если в теории у нас часто высказываются мнения, вовсе отвергающие необходимость в условиях советской экономики равнять цены по себестоимости, то на практике проводится как раз обратная тенденция: в установлении цен на продукцию госпромышленности исходят из себестоимости каждого товара в отдельности, как необходимой минимальной базы, хотя это идет в разрез с интересами как народного хозяйства, как такового, так и народного хозяйства, на котором лежат задачи строительства социализма. На эту практику в разрешении вопроса об экономически целесообразной для советской экономики системы цен необходимо обратить сугубо серьезное внимание.

Что цены на промтовары не должны быть у нас прикрытым методом реального сокращения заработной платы, увеличиваемой номинально, вряд ли могут быть сомнения. Спорно другое. Мы стоим перед острой необходимостью вовлечения крестьянского хозяйства в орбиту социалистического строительства. Одним из средств для этого следует признать максимальную товаризацию деревни в возможно более короткий срок. Очевидно, и система цен должна быть направлена в эту сторону, т.е. при построении цен необходимо сделать все, что возможно, чтобы для крестьянина выгоднее было удовлетворять те или другие потребности не в натуральном порядке, а при посредстве рынка. Чтобы пояснить нашу мысль, остановимся на некоторых примерах.

Производство льна относилось у нас в довоенное время к наиболее товарным отраслям крестьянского хозяйства: в границах СССР выбрасывалось на рынок около 90% всей продукции льна. Теперь на рынок попадает около 40—45% продукции льна. В известной степени натурализация этой отрасли крестьянского хозяйства объясняется недостатками организации заготовки льна. Но суть не только в этом. Хуже то, что использование льна в собственном хозяйстве экономически выгоднее для крестьянина. Вятское статбюро производило такой любопытный подсчет. Путем взвешивания кусков крестьянского холста оно установило, что 600 метров холста в среднем весят 1 центнер, а для выработки 1 центнера холста требуется 3 центнера льна. При этом остается 2 центнера кудели, которую можно оценить в 50% стоимости льна. Так как средняя годовая цена на лен в 1926/27 г. была в Вятской губ. 36 руб. 75 коп., то на выработку холста тратилось 110 руб. 25 коп., из коих 36 руб. покры-

валось стоимостью кудели. Следовательно, в домашней обработке 600 метров холста доставалось крестьянину по 12,3 коп. метр. Не считая того, что холст крестьянин вырабатывает в свободное время, можно принять, что вознаграждение за труд обработки в размере 10—12 коп. за метр в Вятской деревне само по себе достаточно выгодно. Таким образом, утилизируя свободное время, крестьянин помимо этого получает холст по цене около 25 коп. за метр, за какую цену он не получит и плохого ситца. По исчислению, сделанному ЦСУ РСФСР, рыночная цена льна была эквивалентна следующему количеству метров ситца и холста в Смоленской губ.:

	Ситец	Холст
1 сентября 1926 г.	12,9	18,3
1 апреля 1927 г.	17,3	24,5
1 октября 1927 г.	19,6	24,6
1 апреля 1928 г.	19,9	22,9

Ситец постепенно понижается в цене, и на этой почве за полтора года получилось значительное сближение цен на ситец с ценами холста. Тем не менее, ситец все еще дороже холста, несмотря на то, что для исчисления эквивалентов ЦСУ пришлось взять для ситца кооперативные цены, а для холста — рыночные. В довоенное время соотношение было обратное, и это соответствовало качеству обеих тканей. Если преимущество ситца крестьянин видит в том, что он более отвечает моде, то у холста имеется важное в глазах крестьян преимущество в большей его прочности. Конкурировать тут ситец может только на почве низших цен. И в довоенное время мы видим, что рост потребления в деревне хлопчатобумажных тканей приводит к постепенному сокращению количества „оседающего“ в крестьянском хозяйстве льна. Если в 80-х годах прошлого столетия на территории нынешнего СССР в крестьянском хозяйстве оставалось около 85 тыс. тонн льна, то накануне войны „оседание“ определялось уже около 40 тыс. тонн. Теперь „оседает“, повидимому, около 100 тыс. тонн, и это вполне объясняется тем фактом, что даже апрельские 1928 г. цены ситца были выше довоенных копеек на десять.

Если бы мы отказались от этих десяти копеек, то в деле товаризации льноводческой деревни был бы сделан большой шаг вперед. Ради такого успеха можно ли пойти на указанное снижение цены ситца, хотя бы с некоторым убытком для хлопчатобумажной промышленности, убытком, который, впрочем, был бы компенсирован не одной только победой в смысле сближения деревни с социалистическим строительством. И в самом деле. Предположим, что восстановление довоенной цены для деревенского потребления ситца сократило бы „оседание“ льна не до 40 тыс. тонн довоенного времени, а до 60 тыс. тонн, т.е. товарность льна увеличилась бы примерно на 40 тыс. тонн. За это деревне нужно было бы дать метров

ситца примерно в полтора раза более того, что она получает в виде холста из льна, т.е. около 225 млн. метров, на которых промышленность потеряла бы 22,5 млн. руб. Но за вывезенные за границу 40 тыс. тонн льна мы выручили бы не менее 30 млн. руб. золотой валюты, ценность которой в смысле затраты на необходимый промышленности импорт следует увеличить по меньшей мере в полтора раза. Другими словами, потеряв на пониженных ценах ситца 22,5 млн. руб., промышленность на импорте заработала бы не менее 45 млн. руб. Допустим, что вся разница в 22,5 млн. руб. ушла бы на уплату крестьянину за лен и на маневрирование ценами по другим, кроме тканей, продуктам крестьянского потребления в льняных районах (хлеб и т. п.). Операция даже с точки зрения коммерческой оказалась бы таким образом безубыточной и в этом случае.

Возьмем другой пример, который касается уже не одной только деревни. Сильно растет у нас потребление молочных продуктов и продуктов птицеводства, во вред экспорту. С другой стороны, потребление сахара, развитие которого могло бы ослабить рост потребления молочных продуктов и продуктов птицеводства, стоит у нас в деревне на чрезвычайно низком уровне, а в городе ниже, чем в других странах. Причина — дороговизна сахара. Не касаясь причин, почему производство сахара у нас дороже, чем за границей, мы и здесь сталкиваемся с вопросом о народнохозяйственной целесообразности хотя бы некоторой убыточности цен, компенсируемой не только выгодами усиленной товаризации деревни, но и коммерческой эффективностью увеличения экспорта за счет замены в потреблении сахаром определенных количеств масла, яиц и пр.

Этими двумя примерами мы ограничимся для пояснения нашего отношения к вопросу о ценах на промтовары. Производственный подход к вопросу необходим. Равняться по себестоимости следует в каждом отдельном случае. Но решающую роль должна играть народнохозяйственная оценка, и именно под углом зрения задач, разрешаемых народным хозяйством переходного времени.

VI

То, что мы сказали о роли себестоимости производства в установлении цены на промтовары, относится и к себестоимости товарообращения. Нельзя планировать товарооборот без учета стоимости транспорта и торгового посредничества. Следовательно, и политика цен должна считаться с расходами товарообращения. Но считаясь с ними, равняясь по этим расходам, не только нет надобности рабски подчинять им политику цен, но наоборот, — если того требуют интересы народнохозяйственного строительства, политика цен должна строиться независимо от стоимости товарообращения.

Здесь не место говорить о том, как в условиях советской экономики вообще разрешается вопрос о себестоимости товарообра-

щения: разрешается ли он в рамках того, что в производстве называется расширенным воспроизводством, т.е. с учетом накопления, необходимого для расширения и улучшения процесса товарообращения, или тут достаточно простое „воспроизводство“, либо даже само простое „воспроизводство“ в отношении расходов товарообращения в той или другой части может быть взято за скобки ценообразования. В настоящий момент для нас важно одно — что в распределении ресурсов, необходимых народному хозяйству для своего существования и развития в соответствии с принятым планом, то или другое участие процессу товарообращения отводится. Поскольку речь идет об огосударствленном секторе товарооборота, вопрос об участии расходов товарообращения в ценообразовании разрешается в том же порядке, в каком он разрешается в производстве. В расчет принимается стоимость товарообращения в народнохозяйственном масштабе в целом, с распределением ее по отдельным товарам, согласно требованиям экономической политики, устанавливающей пути и темпы развития отдельных отраслей народного хозяйства и отдельных экономических районов территориального целого. Но в товарообороте большую роль играют неогосударственные секторы, — кооперативная и частная торговля. В какой же мере цена должна включать восстановление их расходов, точнее в какой мере их отношение к цене должно и может регулироваться в плановом порядке требованиями экономической политики?

Хозрасчетность нашей кооперации нельзя понимать в том же смысле, в каком она понимается при капитализме. Льготы, предоставляемые советской кооперации, и ее связи с государственным финансированием народного хозяйства делают советскую кооперацию одним из факторов обобществления последнего, фактором, своеобразным по своим организационным формам, но не по задачам народнохозяйственного строительства в условиях переходного времени. Участие в ресурсах, необходимых для существования и развития народного хозяйства, происходит у кооперации на нескольких иных основаниях, чем у госорганизаций. Относительная финансовая ее независимость заставляет включать ее в систему общего планирования таким образом, чтобы ей обеспечивалась самостоятельность в области предоставляемых ей функций в более широких пределах, чем госорганизациям. Но отношения между нею и последними мыслятся в рамках сотрудничества, а не конкуренции. Отсюда и в вопросе о цене кооперацию необходимо рассматривать не как объект стихийного рыночного воздействия, а как силу регулирования самого рынка. Возможности планового маневрирования ценами в отношении кооперации ограничены. Каждая кооперативная ячейка, существуя самостоятельно от других кооперативных ячеек и с минимальной зависимостью от государственного фонда финансирования народного хозяйства, сама должна обеспечивать себя ресурсами существования и развития. Строение кооперативной цены с ущербом

для паевого капитала подрывало бы самые устои кооперативного строительства. Однако, за этим пределом самостоятельность кооперации оканчивается. Кооперативная прибыль определяется в порядке планового регулирования, поскольку речь идет о нормах, превышающих необходимость стимулирования притока в кооперацию капитала из резервуаров неорганизованных, распыленных народных сбережений. В планируемой для кооперации цене в обязательной форме обеспечивается ей восстановление себестоимости ее операций с добавлением определенной нормы прибыли, которая не должна быть ниже того, что делает выгодным помещение народных сбережений в операциях кооператива; в дальнейшем плановое творчество маневрирует кооперативной ценой на тех же основаниях, на каких оно маневрирует ценами в отношении госорганизаций. В общем получается то отличие кооперации от госорганизации, что последняя рассматривается, как единое целое, в котором для отдельных частей планируются цены в интересах и за счет всего целого, между тем как планирование кооперативной цены происходит с учетом интересов каждой кооперативной ячейки в отдельности. Смысл и значение проблемы планирования цен от этого не меняются. Усложняется только форма планирования.

Иначе следует рассматривать частную торговлю в ее отношениях к вопросу о плановом строении системы цен. В обстановке планируемого народного хозяйства не может быть частной торговли, не подчиняющейся плановому началу. Из этого бесспорного положения легко сделать тот вывод, что не имеет права на существование та частная торговля, которая не подчиняется непосредственному плановому регулированию цен. Такой вывод представляет серьезную опасность. В условиях советской экономики частная торговля существует постольку, поскольку в ней имеется народнохозяйственная необходимость. А раз в известных пределах она необходима, нельзя, без потрясения всего народного хозяйства, лишать ее возможности существования при посредстве соответственным образом построенной системы цен. В частной торговле цена не может не быть функцией рынка. Но советский рынок сам по себе подчиняется в сильной степени плановому регулированию. Таким образом, частная торговля в своем стихийном творчестве в области цен замкнута в тесных рамках. Стихийное ценообразование возможно лишь настолько, насколько оно предопределяется плановым ценообразованием, насколько оно не видоизменяется последним — не в административном, разумеется, порядке, а в порядке экономического состязания. Именно в этом тесном смысле следует понимать стихийное творчество частной торговли в области цен: поскольку оно не подчиняется методам регулирования рынка, постольку в плановой системе цены частной торговли учитываются, как функция рынка, и соответственно с этим в систему регулирования цен вносится поправка для системы цен вообще, т.е. общая система цен, как элемент планирования на-

родного хозяйства, получается в виде производного целого из цен, регулируемых непосредственно, и цен частной торговли, регулируемых косвенными путями, в меру планового регулирования рыночного товарооборота.

Гораздо сложнее проблема увязки плановой системы цен советской экономики с ценами мирового товарооборота. Нельзя нашу систему цен противопоставлять мировой, как плановую систему стихийной системе. Целевое воздействие проходит теперь красной нитью в отношениях к внутренним рынкам капиталистических стран, и эта политика еще в более сильной степени отражается на международном товарообороте, регулируемом разными методами, в том числе и по линии цен. В результате получается, что по ряду товаров капиталистические страны имеют две цены — внутреннюю и внешнюю. Таким образом, если многое приходится нам еще сделать в области себестоимости производства и товарообращения, чтобы подняться до уровня капиталистических стран, в особенности тех из них, которые далеко пошли по пути реконструкции и рационализации своего народного хозяйства, то сама политика цен капиталистических стран ставит перед нами специфические задачи в процессе трансформации ценности в цену. Сближение наших цен с мировыми — это не только вопрос техники производства и товарообращения, но и вопрос конструкции цен, как системы увязки нашего товарооборота с мировым.

Наша связь с мировыми рынками не велика. В 1926/27 г. она выражалась всего лишь 0,99% по импорту и 1,17% по экспорту. Для довоенного времени участие всей бывшей России в мировом импорте составляло 2,93% при участии в экспорте 3,91%. Накануне войны Соед. Штаты, связанные с мировым товарооборотом слабее других капиталистических стран, участвовали в мировом импорте 8,4% и в мировом экспорте 12,4%; теперь это участие увеличилось: для 1927 г. оно дает 11,3% и 14,1%.

Из приведенных цифр, однако, нельзя сделать того вывода, что сближение наших цен с мировыми не представляет для нас серьезной проблемы. С одной стороны, как бы слабо ни было наше участие в мировом товарообороте, оно обуславливается настоящими потребностями. С другой стороны, вопрос о сближении наших цен с мировыми важен с точки зрения роста благосостояния трудовых масс внутри страны. Очевидно, планируя систему цен, нельзя не учитывать ее связи с мировой системой цен. Но этот учет не может идти той же дорогой, которой в построении системы цен мы должны идти в учете цен необщественного сектора внутреннего товарооборота. Последний не мыслится нами, как сила, стоящая вне планируемого регулирования. Наоборот, мировая торговля, хотя бы и регулируемая, идет путями, резко отличающимися от путей планируемого регулирования нашего народного хозяйства: там регулирующим мотивом служит борьба за капиталистическую прибыль; у нас целью регулирования служит максимальное развитие произво-

дительных сил в интересах роста благосостояния трудовых классов, строящих социализм. Равнение по мировым ценам при построении советской системы цен следует рассматривать, как увязку с чужеродным телом, стоящим вне нашего воздействия, но могущим при определенных условиях оказывать определенное воздействие на наше народное хозяйство.

VII

Мы дали общие контуры той сложной обстановки, в которой необходимо строить систему цен в условиях советской экономики, системы цен, которая одновременно и отражает в себе сложные народнохозяйственные взаимоотношения, и сама является активным фактором воздействия на эти взаимоотношения, направляя их к разрешению одной из труднейших задач народнохозяйственного строительства, — задачи переходного времени, в плановом порядке строящего новое общество, новый социально-экономический уклад. Не следует умалять трудностей, с которыми мы сталкиваемся в этом деле. Построение такой системы цен предполагает большую аналитическую работу, как фундамент для синтеза, в котором органически должны быть увязаны все сложные, часто друг другу противоречащие факторы хозяйственного существования и развития. Но эта большая и трудная работа должна быть проделана. До тех пор пока борьба за социализм идет у нас на базе сохранения товарно-денежных взаимоотношений и в условиях капиталистического окружения, планирование народного хозяйства без планируемой системы цен лишено будет той научной выдержки, которая превращает предвидение в реальный рычаг экономической политики. Не частные ошибки в планировании опасны. Они неизбежны, ибо и знания наши недостаточны и наши способности к прогнозу ограничены. На частных ошибках мы учимся. Опасно другое. Опасны неправильная система планирования, недостаточный учет факторов народнохозяйственного развития и их односторонняя оценка. Много неудач в планировании до сих пор имеет свои корни в нашем отношении к проблеме цен, недостаточно учитываемой народнохозяйственными планами, — в отсутствии системы цены, органически увязанной со всей системой планирования народного хозяйства. Рядом с двумя признанными факторами планирования — системой производства и системой товарообращения — должен занять свое место третий фактор — система цен.

И. Г. Туровский

Товарные запасы в торговле промтоварами

1. Товарные запасы, план и маневр

Интенсивный рост плановых начал в советском хозяйстве все с большей остротой выдвигает проблему товарных запасов.

Товарные запасы — один из наиболее чутких, а главное, точных показателей конъюнктуры. Плановые проектировки и предубаждения в таком огромном и необычайно сложном хозяйстве, как советское, должны обеспечиваться соответствующими хозяйственными маневрами, важнейшим элементом которых является распоряжение товарными резервами. А между тем, одним из наиболее жестких лимитов эффективности наших планов являются именно товарные резервы.

Крайняя незначительность маневренных товарных запасов при напряженных темпах задаваемых планами, требует, казалось бы, весьма тщательного учета этих запасов для наиболее рационального, целеустремленного их использования.

Однако, учет товарных запасов в СССР, пожалуй, менее удовлетворителен, чем в капиталистических странах, где ряд объективных факторов в такой же мере препятствует надлежащему учету запасов (разрозненность хозяйства, коммерческая тайна и т. д.), в какой у нас объективные факторы должны были бы стимулировать исключительно тщательный и полный учет.

Нельзя сказать, чтобы «режим экономии» был причиной указанного обстоятельства. Мы тратим много средств на учет товарных запасов, но, к сожалению, вся эта работа организационно не собрана, методологически не увязана и потому используется лишь в ничтожной мере в практике нашего народнохозяйственного и внутрихозяйственного планирования отдельных организаций.

Надо отметить, что несмотря на ряд постановлений Госплана, требовавших радикального изменения системы и форм учета товарных запасов, положение с учетом последних даже ухудшается.

Так, например, быстрый рост внутрикооперативных связей, благодаря интенсивному развитию системы гендоговоров, обусловил значительное свертывание торговой сети нашей специализированной крупно-оптовой торговли — сети синдикатов. Поэтому товарные запасы синдикатской системы, служившие ранее более или менее надежным показателем состояния запасов важнейших промышленных товаров и правильности их порайонного распределения, в насто-

ящее время характеризуют в большей мере состояние внутрипромышленных запасов, чем запасов товаропроводящей системы. В потребительской же кооперации отсутствует оперативный потоварный учет запасов. Таким образом, задача правильного централизованного распределения товарных масс по территории страны делается менее разрешимой, чем это было, скажем, года два тому назад.

С того момента, как товар попадает из сферы производства в сферу обращения, его обволакивает туман универсальной торговли, товар обезличивается, и вместо ранее, хотя и крайне достаточного, но все же дифференцированного потоварного и порайонного учета запасов синдикатской системой, мы имеем конъюнктурные показатели потребкооперации о состоянии запасов всей товарной массы в целом. Не случайно ряд синдикатов требовал включения одним из пунктов генеральных договоров обязательства кооперации поставить оперативный порайонный учет состояния запасов важнейших товаров, хотя бы за счет синдикатских организаций.

Централизованное распределение товаров регулирующими или хозяйственными организациями в огромной стране «с пятью укладами» хозяйственной жизни не может производиться в значительной мере вслепую, тем более в наступающем году, ставящем перед хозяйственными организациями ряд сложнейших и труднейших заданий в области территориального размещения товаров.

Мы проиллюстрировали эволюцию учета товарных запасов лишь на одном из участков (правда, весьма важном) нашей хозяйственной работы, а между тем, более широкое рассмотрение состояния учета запасов в советском хозяйстве покажет, что и на других участках (учет запасов в промышленности, в прочей государственной торговле и т. д.) не лучше.

Необходимого познания для правильного, конкретного прогноза мы, к сожалению, не имеем, и этим в значительной мере объясняются те перебои в снабжении рынка достаточными товарами (нехватка товаров в одних районах, избыток в других), какие мы имели даже в период высокой конъюнктуры, и те крупные разногласия между промышленностью и кооперацией, возникавшие из-за «внеплановых» аннулираний данных ранее заказов и, наоборот, экстренных требований досрочных, ударных отгрузок в те или иные районы вследствие обнаруживавшегося неожиданно для «распределителей» резкого дефицита в отдельных товарах различных районов.

Мы не станем подробно останавливаться на методологической стороне вопроса; в свое время достаточно четко были сформулированы тов. Канторовичем¹ те основные дефекты, которые обуславливают крайнюю неэффективность существующего учета товарных запасов.

¹ См. «Соц. хоз.», кн. II за 1927 г., В. Канторович, «Об исчислении товарных запасов в СССР».

Следует только удивляться тому, что несмотря на ряд постановлений Госплана, на остроту проблемы товарных запасов, на объективно весьма благоприятные условия для надлежащей постановки работ по учету запасов, немислимым почти в капиталистическом хозяйстве, на острейшую потребность хозяйственных и планирующих организаций в познании размеров, состава и местонахождения этих запасов, — эта область попрежнему покрыта „мраком неизвестности“. Но время не ждет. Мы не можем ждать получения хороших материалов. Приходится строить прогноз и намечать необходимые мероприятия на основе имеющихся, заведомо недостаточно доброкачественных материалов. Поэтому мы и попытались, не ожидая организации учета запасов, пока на основе дефектных, разрозненных материалов о состоянии товарных запасов в торговле промышленными товарами (идущими на широкий рынок), составить довольно-таки „мозаичное“ представление о размерах и динамике товарных запасов, о тех „движущих силах“, которые определяют уровень и состав этих запасов. Мы попытались также на основе этих отрывочных сведений дать проектировку товарных запасов в разрезе перспективного плана и указать на те необходимые условия, которые могут обеспечить выполнение намеченной проектировки.

II. Уровень и динамика товарных запасов

Наш анализ и выводы построены в основном по данным годовых отчетов синдикатов и потребкооперации. Если за последние 3 года уровень и динамика товарных запасов в указанных системах не могут с достаточной полнотой характеризовать состояние товарных запасов в торговле промышленными товарами (широкого потребления) в целом, то как базис для последующих проектировок этот материал при условии его доброкачественности мог бы считаться вполне достаточным.

Потребкооперация реализует в 1927/28 году свыше 60% всей промпродукции, идущей на широкий рынок. По предварительным расчетам в перспективном плане предусматривается стопроцентное синдицирование планируемой промышленности, значительный охват синдикатами и кооперацией непланируемой и мелкой промышленности (посредством дачи заказов); роль потребкооперации в реализации промтоваров к 1932/33 году предполагается довести до 80—90%.

Приводимые ниже данные о динамике товарных запасов за истекшие 3 года — с 1924/25 по 1926/27 гг. — показывают следующее: (см. табл. на 97 стр.).

Общее сокращение товарных запасов во всех звеньях посреднического оборота, гораздо более интенсивное в оптовых звеньях и относительно замедленное в низовых. В 1926/27 году запасы в низовых звеньях почти стабилизируются. Заметно выше запасы в городской (включая и транспортные потреббщества) рознице, чем в сельской. Чем объясняется столь своеобразная динамика и картина распределения товарных запасов по звеньям?

Скорость обращения товаров в синдикатах и потребкооперации¹

(По звеньям)

Название организаций	Абсолютные данные			В оборотоднях			
				В $\frac{0}{100}\%$ к 1924/25 г.		В $\frac{0}{100}\%$ к пред. году	
	1924/25	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27
1. Синдикаты	69,6	46,8	41,0	67,2	58,9	67,2	87,6
2. Центросоюз. . . .	108,6	44,9	31,9	41,3	29,4	41,3	71,0
3. Краев. и обл. союзы	41,9	22,0	17,4	52,5	41,5	52,5	79,1
4. Губ. и райсоюзы .	55,0	40,8	35,1	74,2	63,8	74,2	86,0
5. Гор. и рабкоопы .	44,5	40,2	40,1	90,3	90,1	90,3	99,8
6. Трансп. П. О. . . .	56,6	53,4	52,8	94,3	93,3	94,3	98,9
7. Сельск.П. О. . . .	38,2	33,6	32,2	88,0	84,3	88,0	95,8

У нас принято считать, что основной причиной, определяющей уровень и динамику запасов, являются факторы конъюнктурного порядка. Мы не склонны преуменьшать значения конъюнктуры, тем не менее приведенная таблица с очевидностью показывает, что основным фактором, определявшим уровень и динамику запасов, является реконструкция системы товаропродвижения.

Огромные проценты, иллюстрирующие падение запасов, в оптовых звеньях² полностью корреспондируют процентам, определяющим роль транзита в оборотах соответствующих звеньев (см. табл. на стр. 98).

Средний процент транзита по 10 крупнейшим синдикатам, определявшийся в 1925/26 г. в 28,8% (в 1924/25 г. транзита почти не было), составляет в 1927/28 г. свыше двух третей синдикатского оборота. Транзит в оборотах Центросоюза достигает в 1927/28 году 84,7%, при чем наименьший процент транзита приходится на долю сложно ассортиментных товаров, по которым у промышленности нет центральной assortировочной базы (галантерея, кожаную), а также по группе „прочих“ промтоваров.

В обслугозах процент транзита несколько ниже, чем в Центросоюзе, так как часть этих союзов выполняет функции срединного звена (складские отделения облсоюзов вместо райсоюзов). Даже по райсоюзам намечился некоторый сдвиг. Имеются все основания предполагать, несмотря на отсутствие прямых данных, что в 1925/26 г.

¹ По потребкооперации даны запасы промышленных и сел.-хоз. товаров. Однако, для анализа динамики запасов это не имеет значения в виду значительного веса промтоваров в обороте потребкооперации. В 1926/27 г. по горно-вес с.-х. товаров составлял 32%, по сельпо 14%, по союзам 13%.

² Несколько замедленное снижение товарных запасов по синдикатам в 1926/27 г. по сравнению с 1925/26 г. объясняется также начавшимся в указанном году широким переходом фабричных складов трестов в ведение синдикатов, в первую очередь по текстильной промышленности.

Динамика транзита
(Транзит %⁰/₀ ко всему обороту)

	Синдикаты ¹			Центросоюз		Облсоюзы		Райсоюзы	
	1925/26	1926/27	1927/28	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27
Промтовары	28,8	43,4	67,6	—	84,7		72,1		12,8
В том числе:									
Бакал.-колон.	—	—	—	73,7	92,9		76,2		17,8
Чай	—	—	—	71,9	96,7		45,2		5,7
Махорка	87,6	84,3	85,0	100	100		71,7		5,2
Сахар	—	—	—	100	100	н е т	83,5	н е т	11,4
Спички	—	75,0	95,2	86,6	100		72,0		7,4
Соль	82,4	86,7	87,0	100	100	х	81,0	х	26,8
Мануфактура	21,6	44,9	72,9	69,4	91,7	Д а н н ы х	75,9	Д а н н ы х	11,1
Галантерея				19,9	27		44,9		9,0
Кожбувь (вкл. галоши)	20,0	42,7	75,0	48,1	77,9		62,0		7,8
По трем группам	—	—	—	56,3	78,4		—		—
Металлы	75,0	88,0	99,3	65,7	89,4	Д а н н ы х	61,1	Д а н н ы х	4,7
Стекло (фарф., фаянс)	53,8	69,3	81,1	71	84,5		73,0		3,7
Нефтепрод.	—	—	—	—	—		82,0		—
Проч. промт.	—	—	—	—	74,1		50,9		—
С.-х. товары	—	—	—	—	94,8		70,4		33,3
Все тов. снаб.	—	—	—	72,9	87,2		71,9		15,7

райсоюзами применялся транзит лишь в виде исключения, а для 1926/27 года он определяется в 12,8% от всего оборота срединного звена.

Как мы увидим из последующего анализа, ускорение оборачиваемости в низовых звеньях может быть в такой же степени объяснено причинами, лежащими на стороне конъюнктуры, как и изменением ассортимента, в котором увеличился вес быстро-оборачиваемых товаров (мануфактура, бакалейно-колониальные товары). Правильное установление основных причин и характера имевшего место значительного и всеобщего (во всех звеньях и по большинству товаров) сокращения товарных запасов имеет большое значение.

В самом деле, всякое сокращение товарных запасов может означать для народного хозяйства, с одной стороны, уменьшение маневренных ресурсов, с другой стороны — высвобождение иммобилизованных капиталов в целях их использования.

Быстро развертывающееся советское хозяйство, до сих пор жаждущее финансовой блокадой, испытывает огромную нужду в капиталах, покрываемую в подавляющей части за счет внутренних ресурсов.

¹ По 10 синдикатам с оборотом.

С другой стороны, планирование без маневренных резервов в условиях, когда лимитом в народном хозяйстве является продукция бесконечно распыленного, полунатурального крестьянского хозяйства, — становится делом весьма трудным и не всегда в достаточной мере эффективным.

Очевидно, задача советского хозяйства должна заключаться не в накоплении резервов вообще, но в накоплении только маневренных резервов при минимальном уровне технически необходимых товарных запасов в стране.

Поясним нашу мысль. В настоящее время при сохранении тех функций, какие несут райсоюзы в снабжении сельской розницы, совершенно неизбежным должно быть сохранение в этом звене товарных запасов. Предположим, что для доставки товаров на склад в райсоюз, распаковки товаров и для assortировки их в размерах, необходимых для нормальной отборки товара низовыми организациями, потребуется товарных запасов в размере до 30 оборотодней. Можно ли назвать эти запасы маневренными? Конечно, нет. Это технически необходимые запасы, вне которых райсоюз не может осуществлять своих прямых функций складской assortировочной базы для низовой сельской торговли.

Переброска этих запасов в другой район или опускание их ниже названной технической нормы обусловит дезорганизацию работы райсоюза, нарушение нормального при данной торгово-технической базе товарооборота на участке райсоюз — село. Представим себе, что года через три мы подойдем к возможности организации иной, отличной от существующей системы товаропродвижения. Предположим будет доказано, что организацией областных assortировочных, специализированных баз (текстильной, силикатной, металлической) в местах наибольшей концентрации производства или, наоборот, в потребительских центрах, взамен универсальных баз райсоюзов, удастся в значительной мере удешевить товаропродвижение, повысить качество снабжения и ускорить товарооборот, т. е. сократить технически необходимые запасы. Предположим, далее, что функционирование этих баз возможно будет при норме „технических“ запасов в 15 оборотодней. Тогда благодаря экономии, полученной из-за изменения путей товаропродвижения, возможно будет либо сократить товарные запасы на 15 оборотодней, дав более производительное направление этим капиталам, либо резервировать часть освободившихся фондов в виде маневренных резервов, могущих быть использованными по усмотрению хозяйствующего субъекта без нарушения нормального хода товарооборота.

Очевидно, в наших условиях отставания производства от потребления и недостатка капиталов задача заключается в том, чтобы возможно в большей мере сократить норму „технически-необходимых“ товарных запасов, а образование маневренных фондов произ-

вести в первую голову за счет сокращения этих технических запасов. Что показывает приведенная выше динамика товарных запасов? Имели ли мы проедание маневренных резервов на протяжении последних трех лет или, благодаря рационализации системы товаропродвижения, мы достигли только уменьшения и очень значительного в нормах технических запасов, необходимых при иной системе товаропродвижения. Мы разделяем последнюю точку зрения.

Экономической литературой за период с конца 1924/25 года неоднократно, в течение каждого года, отмечалось, что товарные запасы достигли минимальных норм, что товары едва успевают распродаваться, что дальнейшее падение запасов без резкой дезорганизации оборота — невозможно. Тем не менее, запасы продолжали уменьшаться не только в каждом из звеньев в отдельности, но и вследствие выпадения из оборота то одного, то другого складского звена без ущерба для развивавшегося товарооборота.

Вот почему даже имеющиеся к началу 1928/29 года мизерные товарные запасы мы считаем минимальными лишь для данного этапа развития товарооборота и полагаем, что норма „технически-необходимых“ запасов должна снижаться по мере укрупнения оборотов сельпо, роста транзитных операций райсоюзов, вследствие укрупнения, а возможно и специализации assortировочных баз и совершенной ликвидации складских операций верхних звеньев товарооборота.

По нашим, весьма ориентировочным подсчетам, сделанным в период разработки директив по составлению пятилетнего плана, общий размер запасов промышленных товаров во всем потребническом обороте определялся в размере 80 оборотодней. Прделанный в настоящее время иным методом расчет Наркомторга определяет размер товарных запасов в 75 дней. Это близкое совпадение является все же пока недостаточно убедительным, так как скольконибудь достоверных подсчетов, построенных на основе согласованных данных прямого учета, мы не имеем. По ориентировочным подсчетам и экспертным оценкам распределение этих товаров предполагается следующим образом: 23 дня — товары в пути; 20 дней — на складах оптового звена и 37 дней — на складах розничного звена.

В городской рознице, как мы уже указывали, уровень запасов несколько выше, чем в сельской (40 против 32 в 1926/27 г.). Объясняется это, во-первых, тем, что в запасах городской розницы имеется также часть „товаров в пути“, в то время как в сельской числятся только „товары на складе“, а также тем, что часть assortировочной работы выполняется самими горпо, в то время как для сельской розницы assortировка производится в райсоюзе.

Названные размеры запасов в настоящее время почти полностью являются лишь технически-необходимыми.

Велика или мала, расточительна или экономна норма наших технических товарных запасов по сравнению с тем, что имеется в капиталистическом хозяйстве?

На столь легко возникающий вопрос ответить далеко не так просто. Теоретически советское хозяйство при равных условиях должно дать более экономные нормы технических запасов, благодаря плановой организации производства и распределения.

Однако, практически сопоставить норму запасов в советской и капиталистических странах почти невозможно, так как, во-первых, мы не имеем примера аналогичных общих условий, во-вторых, отсутствуют данные о норме технически-необходимых запасов; имеются лишь данные о скорости обращения всех товаров (маневренных и технически-необходимых), притом по отдельным звеньям товарооборота, недостаточно отражающим действительные размеры товарных запасов на всем пути от производителя к потребителю.

Кроме того, различия в ассортименте торговли затрудняют также сопоставление уровня товарных запасов в соответствующих звеньях советской и капиталистической торговли.

Тем не менее, некоторые сопоставления представляют все же интерес. Так, по данным, опубликованным в „Schweiz Konsum Verein“ № 16 за 1926 г., оборачиваемость товаров в потребительских обществках капиталистических стран представляется в следующем виде:

Страны	1920	1921	1922	1923	1924
Великобритания . . .	6,99	8,61	8,13	8,82	9,19
Чехо-Словакия . . .	5,81	7,38	9,56	8,5	8,24
Швеция	7,13	9,31	8,53	7,81	7,56
Австрия	—	—	—	8,69	7,25
Норвегия	5,57	7,34	7,44	6,68	6,84
Германия	5,34	6,58	6,09	—	6,75
Швейцария	4,18	4,91	4,55	4,25	4,63
Финляндия	—	5,90	4,99	4,69	4,53

По данным Центросоюза, оборачиваемость товаров в горпо определялась в 1924/25 г. в 8,2 раза, в 1925/26 г. — 9,1 раза и в 1926/27 г. — 9,1 раза. Мы видим, что оборачиваемость товаров СССР равна оборачиваемости потреббществ Великобритании в 1924 г. и превышает оборачиваемость товаров потреббщества (в то же году) прочих семи стран.

Сравнение с американской торговлей дает следующее. По данным торговой переписи 8 городов С.-А.С., Ш.¹ средняя оборачиваемость оптовой торговли определяется 7 раз в год, розничная —

¹ См. № 8 „Советской торговли“, Ю л. Г и р ш, „Торговля перепись С.-А.С. Ш.“.

14 раз в год. По данным Центросоюза оборачиваемость в опте (область — райсоюз) колеблется от 21,0 до 10,5 раза, оборачиваемость в городской рознице — 9,1 раза. Таким образом, если скорость обращения товаров в оптовой торговле СССР превышает в $1\frac{1}{2}$ —3 раза оборачиваемость товаров в Америке, то в розничной торговле скорость товарного обращения в Америке превышает нашу в 1,5 раза. Правда, для полной сопоставимости нужно сделать поправку на ассортимент и нахождение в горно товаров в пути; можно полагать, что при указанных поправках оборачиваемость в американской и нашей рознице сближится. Тем не менее, благодаря значительной плотности населения, высокой покупательной способности населения, благодаря полной обеспеченности в бесперебойном снабжении промтоварами, американская розница значительно снизила свои запасы, достигнув оборачиваемости, значительно превышающей европейскую. Достаточно указать, что оборачиваемость автомобилей в рознице колеблется в Америке от 8—10 раз в год, оборачиваемость колониальных товаров — от 11—16 раз, дамского платья — от 7,5—8 раз и т. д. Приведенное сравнение наших товарных запасов с запасами в капиталистических странах показывает, что запасы розничной торговли, являющиеся в наибольшей степени функцией конъюнктурных колебаний, в СССР вовсе не являются столь малыми, как это обычно представляется. Как мы уже видели, скорость обращения в розничной американской торговле выше, чем у нас. Правда, запасы розницы в довоенной России были значительно выше,¹ но нельзя считать показательным „довоенный“ уровень наших запасов в условиях радикально-изменившейся структуры нашего хозяйства и, прежде всего, в области организации распределения.

Таким образом, если получившееся резкое сокращение запасов, происшедшее, главным образом, за счет оптовых звеньев товарооборота, объясняется, по нашему мнению, в основном реконструкцией системы товаропроведения, то даже и уровень запасов в низовых звеньях отнюдь не следует считать лишь результатом факторов конъюнктурного порядка. Эти запасы при достаточном непрерывном, организованном потоке товаров от производства к потребителю, могут считаться нормальными и в условиях менее напряженной конъюнктуры. Опыт Америки и потребностей Великобритании нас убеждает в этом.

III. „Движущие силы“ процессов образования товарных запасов

Происходившее сокращение товарных запасов шло, главным образом, на увеличение вложений в промышленность. Несмотря на

¹ См. статьи в № 4 „Советской торговли“: 1) Довнар-Запольского, „Запасы товаров в текстильной промышленности“ и 2) Кафенгауза, „Проблема накопления товарных резервов“.

резко сокращавшиеся из года в год условия расчета между промышленностью и кооперацией, последняя развивала свои обороты при недостаточности собственных средств, преимущественно, благодаря значительному сокращению остатков.

Однако, не только острая нужда в капиталах явилась препятствием к образованию маневренных резервов; неблагоприятное соотношение между спросом и предложением, обострявшееся в периоды массовой реализации сельскохозяйственной продукции, также способствовало трансформации товарных запасов посреднической торговли в промышленные капиталы. Нужно было проявить чрезвычайное искусство в надлежащем распределении товарных масс во времени и пространстве, необходимо было так увязать всю систему регулирования спроса и предложения, чтобы добиться условий образования переходящих маневренных запасов на протяжении года. Со стороны Госбанка до последнего года оказывался мощный, весьма реальный нажим на хозяйственные организации, под влиянием которого испарялись без остатка столь ограниченные возможности накопления переходящих маневренных резервов.

Только в 1927/28 году, благодаря концентрированному напору Госплана и ведомств, удалось образовать, впервые за последние три года, правда, пока еще весьма незначительный quasi маневренный фонд к IV кварталу, оцениваемый в 80 млн. руб. по отпускным ценам.

Для выявления перспектив и условий накопления маневренных товарных фондов остановимся более подробно на анализе и оценке факторов как способствующих, так и затрудняющих решение поставленной нами задачи: накоплению достаточных маневренных резервов при минимальной норме технически-необходимых запасов.

К факторам, затрудняющим решение нашей задачи, мы относим все, что вызывало до сих пор необходимость накопления больших „технических запасов“ по сравнению с капиталистическими странами, или что может в последующем обусловить увеличение запасов по сравнению с тем уровнем, какой мы имеем в настоящее время. Перечислим основные из них: 1) естественные условия (размеры территории, плотность населения); 2) технические условия (срок воспроизводства капиталов, транспортная техника, густота ж.-д. сети автотранспорт и т. д.); 3) сезонные диспропорции между спросом и предложением, требующие накопления сезонных переходящих запасов; 4) необходимость значительного расширения торговой сети не только в городской, но, главным образом, в сельской местности и на окраинах республик; 5) возможное изменение торгового ассортимента за счет роста удельного веса средств производства в сельском хозяйстве и предметов хозяйственного обихода, оборачиваемых более медленно, чем продукты питания, одежда и обувь; наконец, 6) задача по сосредоточию больших запасов в общественном секторе торговли.

Проанализируем значимость каждого из перечисленных факторов в отдельности. Товары в пути составляют около одной трети всех запасов промышленных товаров. Достаточно сопоставить данные о плотности населения и о территории по Европе и Америке, чтобы понять в сколь неблагоприятных условиях нам приходится решать задачу организации и техники распределения. Территория Европейской части СССР почти в 10 раз превышает территорию Германии и в 8,5 раз территорию Франции, а плотность населения составляет менее $\frac{1}{3}$ по сравнению с германской и $\frac{1}{3}$ французской. Сравнение площади всей СССР (Европейской и Азиатской части) вдвое больше территории Америки, а плотность населения в семь раз меньше американской.

У нас, к сожалению, нет данных о пребывании товаров в пути в Европе или Америке, но если принять во внимание, что огромная и слабонаселенная территория СССР покрыта весьма редкой сетью железных дорог и обладает крайне недостаточной сетью шоссейных местных дорог, ясно станет, что нахождение товаров в пути во много раз превышает пребывание в пути товаров в Америке и Германии.

Недаром Л. Б. Красин как-то сказал, что завершение социалистического строительства шло бы гораздо более быстрым темпом, если бы огромную территорию СССР можно было стянуть гигантской резиной.

Мы полагаем, что на протяжении ближайших пяти лет, благодаря более правильному районированию промышленного строительства, увеличению коммерческой скорости продвижения грузов, выпрямлению путей товаропродвижения, вследствие укрупнения низовых организаций и увеличения отправок с фабрик в пункты конечного назначения товара, — пребывание товаров в пути сократится не менее чем на 20%.

Если в ближайшее пятилетие будет развернуто широкое строительство дорог и автотранспорта в таком темпе, при условии высокой производительности затрат в этой области хозяйства, то финансирование этого строительства могло бы пойти в значительной мере за счет экономии в средствах, получаемой от ускорения оборачиваемости всей товарной продукции страны, так как уменьшение пребывания (всех) товаров в пути на один день дает экономию для народного хозяйства в 60 млн. руб.

Другим фактором, повышающим норму технически-необходимых запасов в СССР по сравнению с капиталистическими государствами, является нынешняя техника производства промышленных товаров.

В статье проф. Фишгендлера, посвященной проблеме товарных запасов,¹ так формулируется связь между организацией производства и уровнем товарных запасов: „Проблема относительно минимальной нормы запасов² есть также проблема относительно наивысшей техники и наивысшей организационной структуры капитала.“ Именно этим объясняется желание американцев иметь „Hand to month buying“, т.-е. минимальный запас, возобновляемый „изо дня в день“. И мы знаем, что там это действительно возможно, благодаря исключительно высокой организационной структуре капитала, технике“.

Нам неизвестно, что может дать качественная реконструкция нашего производства на протяжении ближайших 5 лет в области ускорения процесса воспроизводства капиталов. В существующих пятилетках фигурируют пока лишь количественные показатели роста капитальных затрат и производительности труда, тем менее, нам известно, какое это может вызвать сокращение в норме „технических“ запасов; одно несомненно, что в области организации производства кроются немалые резервы для последующего сокращения уровня технически-необходимых запасов.

Третьим крупнейшим фактором, влияющим на размер технически-необходимых товаров, является торговый ассортимент. Влияние торгового ассортимента до последнего времени было самым темным в проблеме товарных запасов, так как в универсальной торговле потоварный учет поставлен был весьма неудовлетворительно. В текущем году Центросоюзом впервые сделана попытка подсчитать размеры запасов отдельных товаров в системе потребительской кооперации. Полученные результаты не могут еще претендовать на безусловное доверие, да они и не всегда поддаются необходимой проработке. Подсчет произведен Центросоюзом по данным на 1/X, что, как мы уже указывали, лишает нас возможности дать оценку оборачиваемости сезонных товаров, кроме того, 1 октября и для прочих товаров является наименее показательной датой, так как к этой дате заключения баланса хозяйственные организации стремятся всеми мерами понизить уровень товарных остатков. Вторым дефектом работы является несопоставимость остатков и оборотов, зачастую данных в разных ценах (остатки — по себестоимости, обороты — по продажным ценам), что лишает иногда возможности дать экономическую оценку сделанным подсчетам, в виду отсутствия данных о потоварных наложениях на себестоимость соответствующих звеньев. Третьим дефектом этих подсчетов, почти общим для всех крупных статистических работ Центросоюза, является слабая представленность почти всех районов за исключением внеобластной группы, в отношении которой Центросоюз осуществляет функции Облсоюза.

¹ См. журнал „Вопросы торговли“, № 9—10 за 1928 г. Ст. проф. Фишгендлера, „Народнохозяйственный запас“.

² Подчеркнуто тов. Фишгендлером.

Как это ни странно, слабее всего (и количественно и качественно) подсчитаны товарные запасы краевых и областных союзов. Наконец, в товарные группы отдельных звеньев включен разный круг товаров. Мы не считаем поэтому возможным на основе указанного материала дать углубленный анализ связи между размерами товарных запасов и представляемыми промышленностью условиями расчета, хотя анализ в этой области мог бы значительно усилить и прояснить позиций самому Центросоюзу, как центру, организующему и регулирующему хозяйство системы. Мы отметим только основные эмпирические закономерности, какие можно было установить безошибочно даже в столь сыром, неоднородном материале. В приводимой ниже табличке соотношения запасов промышленных и сельскохозяйственных товаров элиминированы запасы сельскохозяйственных товаров, заготавливаемых соответствующими звеньями. Даны только складские запасы „товаров снабжения“.

Складские запасы пром. и с.-х. товаров в системе потребительской кооперации
(В оборотоднях)

	Г о д ы	Все товарное снабжение	В том числе:	
			Промтовар.	С.-х. тов.
Центросоюз	1925/26	15,7	19,1	5,5
	1926/27	10,0	9,5	11,5
Облсоюз	1925/26	12,5	10,5	15,0
	1926/27	10,4	10,4	9,5
Райсоюз	1925/26	37,4	40,5	11,4
	1926/27	28,6	31,7	5,7
Горпо	1926/27	32,5	38,9	8,3
Сельпо	1925/26	31,8	34,8	11,8
	1926/27	37,6	40,3	15,2

Приведенная таблица показывает, что в основных звеньях потребительской кооперации, осуществляющих складские операции, запасы сельскохозяйственных товаров в несколько раз ниже (в % к обороту или в оборотоднях) запасов промышленных товаров.

Следующим характерным явлением для динамики запасов является более медленное по темпу снижение складских запасов, чем общих запасов и в пути и на складе; по сельпо обеспеченность оборота запасами даже возрастает в 1926/27 г. Оборачиваемость важнейших товарных групп по звеньям кооперации приведена нами за 1925/26 и 1926/27 гг. по всем звеньям за исключением горпо, по которым дан лишь 1926/27 год.

Складские запасы важнейших товарных групп в системе потребительской кооперации
(В оборотоднях)

Товарные группы	Центро- союз		Облсоюз		Райсоюз		Гор- по	Сельпо	
	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
1. Мануфактура	3,2	3,0	3,3	2,9	10,8	6,8	24,7	24,4	25,8
2. Бакалейно-колон. товары	15,0	5,0	10,8	8,2	50,0	29,0	32,2	23,5	24,6
3. Кожобувь	21,1	6,3	17,8	12,3	55,3	51,1	16,0	52,4	59,2
4. Металлы и метизы.	24,5	21,3	34,5	35,6	123,0	96,0	67,6	70,0	76,0
5. Стеклольно-фарфоро- вые изделия	25,6	22,1	36,0	26,6	137,0	116,0	91,7	77,0	78,0
6. Галантерея	60,7	50,8	33,3	32,3	91,2	80,0	86,2	86,4	83,8
7. Нефтепродукты . . .	—	—	—	—	15,0	13,0	10,3	18,6	18,7
Все промтовары . . .	19,1	9,5	10,5	10,4	40,5	31,7	38,9	34,8	40,3

Данные по оборачиваемости нефтепродуктов в потребительской кооперации не характерны для всей нефтеторговли в целом, так как Нефтесиндикат своей обширной сетью нефтескладов фактически осуществляет функции единого в СССР оптового звена в нефтеторговле. Запасы нефтепродуктов в синдикате превышают размеры трехмесячного оборота. По остальным товарным группам роль кооперации весьма значительна как в оптовом обороте, так и в розничном, и потому приводимые данные можно считать характерными для всей торговли промтоварами. В крупно-оптовых звеньях наиболее низкие товарные запасы (ниже запасов всей промгруппы) по мануфактуре и бакалейно-колониальным товарам. В 1926/27 г. сильно снижаются запасы кожобуви в Центросоюзе вследствие значительного роста транзитных операций с кожановарами. В прочих звеньях потребительской кооперации мануфактура и бакалейно-колониальная группа промтоваров сохраняют также наиболее низкий уровень товарных запасов. Последовательно возрастающий уровень товарных запасов дают кожановары и обувь, затем металлы и метизы, стеклольно-фарфоровые изделия, близко к последним подходят запасы галантерейных товаров и готового платья. Оборачиваемость отдельных важнейших товаров внутри каждой из перечисленных групп весьма различна.

В мануфактурной группе наибольшую оборачиваемость показывают хлопчатобумажные ткани, затем идут шерстяные, при чем

оборачиваемость суконных товаров в 1926/27 г. несколько выше, чем оборачиваемость хлопчатобумажных.

Совершенно рекордную оборачиваемость в группе бакалейно-колониальных товаров показывает хлебное вино, запасы которого измеряются несколькими оборотоднями в низовых звеньях, затем идет сахар, запасы которого равны примерно трехнедельному сахарообороту низовки городской и сельской, затем идет чай, запасы которого на 1 октября 1925 г., 1926 г. и 1927 г. превышали месячный оборот и, наконец, наиболее значительный уровень запасов (достигающий $1\frac{1}{2}$ —2 месяцев) в бакалейно-колониальной группе дает соль. По предварительным подсчетам запасов на всем пути от производителя к потребителю, сделанных Наркомторгом для 18 товаров, обнаружена та же последовательность в распределении уровней запасов. Наиболее быстро оборачиваемыми являются: мануфактура и продукты питания, замедленной оборачиваемостью отличаются средства производства в сельском хозяйстве и предметы хозяйственного обихода (посуда). Конъюнктурные данные ЦСУ о динамике товарных запасов в государственной, кооперативной и частной торговле (см. табл. на стр. 109) выявляют ту же закономерность в распределении уровней запасов между отдельными товарными группами во всех социальных секторах нашего посреднического оборота как в опте, так и в рознице, несмотря на то, что размер и характер запасов в обобщественном и необобщественном секторах во всем остальном весьма отличны.

Оборачиваемость каждой из перечисленных групп зависит в основном от следующих причин: 1) от потребительских особенностей данного товара (быстрой или медленной амортизации товара, сезонности или непрерывности в потреблении и т. д.); 2) от условий производства данного товара (непрерывное или сезонное производство, массовое и стандартизированное или сложно-ассортиментное и т. д.); 3) от организации товаропродвижения (от количества складских звеньев, места основной assortировки в крупном или мелком опте, правильности распределения товаров и отсутствия обратных перевозок и т. д.) и, наконец, в условиях последних лет от дефицитности или достаточности тех или иных товаров.

Нужно сказать, что последний фактор (дефицитность или достаточность продукции) не столько влияет на самый уровень запасов этих товаров в стране, сколько на роль обобщественного и необобщественного секторов торговли в распределении их между потребителями.

Приводимые ниже конъюнктурные данные ЦСУ о товарных запасах показывают, что по недостаточным и сезонным товарам запасы частной торговли выше (в $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ к обороту) и, наоборот, по достаточным и несезонным товарам ниже, чем запасы соответствующих товаров в обобщественном секторе торговли.

Складские остатки в СССР в %⁰/₀ к месячному обороту на каждую пару месяцев за 1928/29 г.

(Розница. По данным ЦСУ)

	Ноябрь			Декабрь			Январь			Февраль			Март			Апрель			М а й ¹			Июнь ¹		
	Гос.	Кооп.	Частн.	Гос.	Кооп.	Частн.	Гос.	Кооп.	Частн.	Гос.	Кооп.	Частн.	Гос.	Кооп.	Частн.	Гос.	Кооп.	Частн.	Гос.	Кооп.	Частн.	Гос.	Кооп.	Частн.
Хлебофураж	45,3	52,9	80,6	68,9	56,2	76,3	61,8	44,5	76,1	59,9	63,3	88,0	59,7	61,8	74,4	60,9	49,2	54,2	94	62,6	75,3	101,8	61,5	77,1
Пищев.(с.-х.)	26,5	34,7	44,9	32,2	34,1	39,4	40,1	42,4	37,9	44,1	59,0	35,5	120,1	44,2	43,9	102,8	33,5	33,0	21,8	35,4	28,8	25,2	26,6	27,3
Бакал.-кол.	91,5	90,7	90,9	87,6	73,8	85,1	98,0	80,9	100,4	107,3	85,5	96,1	102,2	87,1	94,7	102,9	82,7	80,8	142,6	90,6	88,9	123,3	86,6	78,9
Мануфакт. .	74,3	67,5	96,1	66,0	63,6	90,0	83,4	87,3	134,4	101,2	101,1	151,7	103,5	95,2	133,0	127,6	101,6	154,5	101,7	86,5	137,8	106,6	99	130,1
Одежд., бел., гал. . . .	120,6	103,0	116,5	114,3	129,5	124,7	147,0	148,1	194,1	160,4	165,0	238,5	115,3	137,8	191,6	84,8	118,6	150,5	70,2	156,6	194,4	75,8	170,9	181,3
Металлич. .	303,8	231,3	178,1	375,4	288,0	180,6	426,7	309,8	220,8	452,7	331,7	230,0	337,2	226,4	255,4	393,4	253,0	264,4	413,1	314,1	208,9	387,2	260,2	191,7
С.-х. маш. и оруд. . .	621,6	255,1	65,7	345,7	296,5	52,3	541,6	174,0	233,3	492,9	366,4	350,0	239,3	153,5	—	383,7	190,7	—	467,3	186,4	—	309,6	176,6	—
Лесн. и проч. строител. материал.	394,7	181,6	165,2	548,8	232,4	201,2	347,9	404,7	298,2	220,4	433,4	296,1	397,7	366,2	249,1	463,5	417,7	255,5	221,2	188,8	160,9	183,3	140,8	117,4
Хоз. принадлежн.	236,9	183,7	115,9	233,7	172,8	93,2	242,8	161,8	137,4	267	203,0	197,5	164,8	298,4	190,3	187,7	298,6	189,8	190,6	327,9	248,6	164,4	310,5	180,3
Кож.-обувн.	94,2	116,3	138,7	129,3	155,7	134,1	257,5	251,5	228,6	260,3	237,0	234,6	167,6	202,4	137,1	169,7	158,3	120,6	160,6	155,9	106,5	160,4	158,4	107,7
Смеш. и универс. . .	126,3	86,8	148,7	139,9	78,7	175,8	303,6	128,2	225,5	356,8	129,8	232,1	193,3	102,3	114,8	389,9	100,2	99,2	219,1	110,7	216,4	219,1	103,2	238,5
Итого по всем отраслям .	135,9	88,1	117,3	140,4	82,2	118,8	201,9	124,7	164,1	216,8	129,7	140,5	157,6	105,7	141,5	156,9	102,5	128,6	156,1	113,8	134,1	156,1	107,3	127,6

¹ В мае и июне остатки даны только по лесным без „прочих строительных материалов“, по одежно-бельевой группе без галантереи.

Динамика развертывания реализационных оборотов по товарам периодически дефицитным говорит о том, что в период обострения товарного недостатка образуются преувеличенные запасы у потребителей. Так, например, данные о реализации сахара и соли показывают, что вслед за полосой товарного дефицита наступает резкое снижение оборотов вследствие сдержанных закупок потребителя, накопившего, как это ни парадоксально, сверхнормальные запасы во время выявившихся перебоев в снабжении товаром.

Тем не менее, дефицитность или достаточность отдельных товарных групп оказывает все же известное влияние и на уровень запасов. По данным Наркомторга, динамика запасов дефицитных товаров за последние три года противоположна динамике запасов достаточных товаров.

Изменения относительных запасов в %⁰/о к 1925/26 г.

	1926/27 г.	1927/28 г.
Группа дефицитных товаров		
1. Хлопчатобумажные товары . .	92,7	89
2. Шерстяные „	74,3	70,8
3. Кожтовары.	100	89,1
Группа достаточных товаров		
1. Хлебное вино	100	102,8
2. Соль.	97	114
3. Спички	117,6	119,6
4. Махорка	153	180

Если элиминировать эту последнюю особенность нашего товарооборота, то высокая оборачиваемость мануфактуры и бакалейно-колонияльной группы товаров объясняется быстрой амортизацией этих товаров (ускоряемой благодаря низкому качеству текстильных изделий) и относительно наиболее организованной системой товаропродвижения. Произведенное в текстильном производстве значительное сокращение сортов и марок текстильной продукции, на ряду с гигантски выросшими возможностями широкой ассортиментной работы у самых истоков производства, позволило значительно понизить норму технически необходимых запасов по сравнению с довоенным временем. Наоборот, запасы по группе галантерейных товаров — в виду необычайной сложности ассортимента, несобранности (мелкого и разрозненного) производства, слабой организации товаропродвижения и более длительного периода амортизации этих товаров, — значительно выше, чем по мануфактурной группе и превышают даже запасы хозяйственных товаров.

Средства производства в сельском хозяйстве, строительные материалы и предметы хозяйственного обихода, в виду относительной длительности их амортизации, сезонности потребления и слабой организации системы снабжения широкого рынка, относятся к группе медленно оборачиваемых товаров.

Мы так подробно остановились на выявлении роли ассортимента в образовании уровня, нормы технически-необходимых запасов, потому что этот фактор является одним из решающих при определении перспектив в области товарных запасов на ближайшее пятилетие.

Очевидно, одной из основных установок пятилетнего плана явится коренная реконструкция потребительского бюджета, в первую очередь крестьянского.¹ Для того чтобы реально обеспечить индустриализацию сельского хозяйства, на ряду и через интенсивную индустриализацию всего народного хозяйства, для того чтобы одновременно с увеличением производства сельскохозяйственной продукции повысить товарность этой продукции, — необходимо поставить деревню в реальную экономическую зависимость от городской индустрии, в зависимость, повышающую благосостояние деревни. Разрешить эту задачу возможно, очевидно, только путем интенсивного увеличения снабжения деревни средствами производства, стройматериалами, предметами хозяйственного обихода. Эта совершенно категорическая установка обусловит коренное изменение ассортимента в торговле промышленными товарами за счет увеличения веса группы медленно-оборачиваемых товаров при товарах, продаваемых по наиболее длинному пути, — на село. Если в настоящее время в потребительском бюджете крестьянства хозяйственное потребление составляет около $\frac{1}{5}$ всего потребления промтоваров, то к концу пятилетия потребление хозяйственных товаров крестьянством по нашим предварительным подсчетам перевалит за 35%. В том случае если бы нынешние отношения между оборачиваемостью товаров хозяйственного и личного потребления сохранились к концу пятилетия, то только вследствие намечаемого изменения ассортимента можно было бы ожидать замедления оборачиваемости всей промтоварной массы процентов на 25.

Наконец, последним из названных нами ранее факторов, влияющих на повышение уровня технически-необходимых запасов, является общая сезонная диспропорция между спросом и предложением. По данным Наркомторга о покупательных фондах города и села и реализации промтоваров, идущих на широкий рынок, соотношения между спросом и предложением в поквартальном разрезе рисуется в следующем виде (в %⁰/о к годовым итогам; см. стр. 112).

Так как общий размер предложения промтоваров не соответствует размерам платежеспособного спроса, а переходящих запасов для покрытия спроса в период сезонного его подъема в распоряже-

¹ См. об этом подробно в нашей статье „Задачи госпромышленности на рынке“, напечатанной в № 11 „Вопросов торговли“ за 1928 г.

	1925/26 г.				1926/27 г.				1927/28 г.			
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.
I. Покупательн. фонды . . .												
Всего населения.	29,3	22,0	23,2	25,6	27,7	21,9	24,4	26,3	28,6	22,2	23,6	25,6
В том числе:												
Сельского	33,0	21,3	21,2	24,5	29,6	20,8	23,2	26,4	31,4	21,6	22,2	24,8
Городского.	25,3	22,8	25,4	26,5	25,7	23,0	25,7	26,2	25,9	22,0	25,0	26,3
II. Реализац. промпродукции на широкий рынок . . .	25,0	26,5	24,4	24,1	27,0	25,5	24,7	22,8	26,7	26,1	23,9	23,3

нии промышленности и товаропроводящей сети не имеется, то поквартальный разрыв между спросом и предложением почти полностью можно измерить, если в приведенной выше таблице проставить абсолютную сумму, определяющую размеры спроса и предложения промышленных товаров. Сделанная нами грубая прикидка выявляет необходимость увеличения нормы технических запасов промтоваров в сфере обращения (при данном соотношении между спросом и предложением и приведенном поквартальном их распределении) в размере 4—5% годового производства, что означает увеличение текущих запасов, примерно, на 20%. Данный выше беглый очерк „движущих сил“ процессов образования товарных запасов позволяет более или менее конкретно наметить перспективные контуры запасов промпродукции в сфере обращения к концу ближайшего пятилетия.

IV. Накопление запасов промпродукции в перспективном плане

При проектировке возможного и необходимого накопления товарных запасов к концу пятилетнего плана мы исходим из той предпосылки, что диспропорция между спросом и предложением изживается на протяжении пятилетия и что на протяжении этого же пятилетия выполняется директива правительства о накоплении маневренных резервов, достаточных для страховки эффективности наших плановых директив и мероприятий.

Посмотрим, каким при этом должен быть уровень технически-необходимых запасов к концу пятилетия.

Имеющиеся в настоящее время запасы промпродукции, как мы уже отмечали выше, исчисляются Наркомторгом в размере 75 оборотодней, а нами в размере 80 дней. Мы считаем эти запасы почти целиком технически-необходимыми при данной структуре товарооборота. Эту норму технических запасов нужно повысить процентов на 15, для того чтобы обеспечить преодоление сезонных диспропорций. С этой поправкой нынешняя норма технически-необходимых резервов будет колебаться в пределах от 86 до 92 дней.

Ряд факторов на протяжении ближайшего пятилетия будет действовать в сторону повышения нормы технических запасов, ряд факторов будет действовать в сторону снижения. Важнейшие из них проанализированы в предыдущей главе.

Подведем итоги.

В сторону повышения размера технически-необходимых запасов будут действовать:

- ослабление конъюнктурного напряжения;
- усиление товароснабжения села и более отдаленных районов;
- рост мелкой розничной сети общественного сектора торговли;
- изменение торгового ассортимента вследствие изменения структуры производства и потребления.

Суммарная оценка всех перечисленных факторов повышает размеры технически-необходимых запасов на 25—30 дней.

В сторону снижения уровня технически-необходимых запасов будут действовать следующие факторы:

- Дальнейшая концентрация и ускорение процессов производства, стандартизация и уменьшение количества производимых сортов, расширение круга массовых производств.
- Рационализация товаропродвижения (в торговле и на транспорте) посредством дальнейшей концентрации оптового сбыта и благодаря этому более широким возможностям маневрирования ассортиментом; уменьшение складских операций в результате укрупнения низовой торговли; увеличение коммерческой скорости продвижения грузов; более правильное распределение товарных масс по районам и т. д.
- Ослабление сезонных диспропорций, благодаря контрактации сельскохозяйственной продукции и иному авансированию сельскохозяйственного производства, увеличению промышленного производства в периоды наибольшего подъема спроса, регулированию спроса (займы, стимулирование нетоварных расходов в сезоны подъема спроса), увеличение денежного накопления при условии укрепления денежного знака, что также должно влиять на выравнивание спроса на протяжении года и т. д.

Весьма ориентировочная прикидка возможной экономии технически-необходимых товарных запасов, благодаря действию перечисленных факторов, определяется нами в размере 30—33 дней.

Таким образом, к концу пятилетия уровень технических запасов должен возрасти по сравнению с нынешним примерно дней на 10.

Кроме того, необходимо образование страховых маневренных резервов в пределах одного месяца.

В какой мере усиленно разрешение указанных задач в области накопления товарных запасов при намеченных темпах производства и потребления и какие необходимы мероприятия, для того чтобы обеспечить соответствующим накоплением запасов устойчивость плановых проектировок,— должна показать специальная проработка условий равновесия народного хозяйства в пятилетнем плане.

Об удешевлении лесных материалов в строительстве¹

1. Уровень цен на лесные материалы вообще и в строительстве в частности

Проблема удешевления лесоматериалов в строительстве, казалось бы, разрешается общими мероприятиями по снижению себестоимости этих материалов. Однако, эти мероприятия разрешают лишь часть обсуждаемой нами проблемы, охватывая только те ценнообразующие факторы, которые зависят от самой лесной промышленности (заготовка, вывозка, распиловка, организационные и накладные расходы). Но помимо этих факторов имеется еще целый ряд других, которые обуславливают дороговизну лесных материалов, идущих на строительство. Сюда, прежде всего, относятся качество этих материалов (степень выдержанности), способы употребления древесины на постройках (технические условия), стоимость провоза и друг.

Именно здесь, в рационализации самого потребления лесоматериалов в различных видах строительства, можно найти целый ряд мероприятий, благодаря которым эти материалы обойдутся значительно дешевле, чем это имеет место в настоящее время.

Задача настоящей статьи проанализировать все те факторы, которые могут удешевить стоимость лесоматериалов в строительстве, оставляя в стороне задачи удешевления лесоматериалов вообще.

Как известно, индекс цен на лесные материалы в настоящее время составляет 2,45 и превышает не только общепромышленный индекс, но и целый ряд индексов цен на другие строительные материалы. На первый взгляд может показаться непонятным, почему лесные материалы, в стоимости которых играет главную роль сырье, т.е. попенная плата, устанавливаемая самим государством, имеют такой высокий индекс цен. Но оставим этот вполне естественный вопрос и посмотрим на динамику индексов цен на лесные материалы за последние пять лет по сравнению с общепромышленным индексом и на попенную плату (см. табл. на след. стр.).

Решающая роль стоимости сырья в образовании цен на лесные материалы будет еще более очевидна, если обратиться к себестоимости пиловочника, т.е. того сырья, которое идет в распиловку

¹ В порядке обсуждения. Ред.

Таблица 1

Д а т ы	Общепромышленные	На всю лесную продукцию	На пиломатериалы	На попенную плату
1/X 1923	2.745	1.602	1.536	1,19
1/IV 1924	2.191	1.501	1.470	
1/X 1924	2.054	1.504	1.488	
1/IV 1925	1.985	1.672	1.679	
1/X 1925	1.967	2.306	2.392	2,62
1/IV 1926	1.993	2.812	2.919	
1/X 1926	1.996	2.770	2.819	
1/IV 1927	1.916	2.499	2.477	
1/X 1927	1.857	2.493	2.467	2,09
1/IV 1928	1.856	2.493	2.467	
1/V 1928	1.854	2.455	2.438	

для получения досок, теса и других пиленых материалов. Для иллюстрации приведем динамику основных элементов себестоимости пиловочника за последние 3 отчетных года по сравнению с довоенным временем.

Таблица 2

Э л е м е н т ы	1913 г.	1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.	
	Коп.	Коп.	Индекс	Коп.	Индекс	Коп.	Индекс
Сырье:							
а) пиловочник.	5,68	7,76	1,36	22,14	3,90	17,71	3,12
б) смешан. сортим.	5,04	6,00	1,19	13,20	2,62	10,66	2,09
Заготовка, вывозка и сплав	7,88	13,11	1,67	20,62	2,62	19,48	2,47
Полная стоимость пиловочника.	13,56	20,87	1,54	42,76	3,15	37,19	2,74
Удельный вес стоимости сырья в полной стоимости	37% ₀	37,1% ₀	—	51,5% ₀	—	52,4% ₀	—

Вопрос о необходимости снижения попенной платы до того уровня, который дал бы возможность уменьшить стоимость лесной продукции по крайней мере до общепромышленного индекса, ставился неоднократно перед высшими регулирующими органами, но против радикального его разрешения приводились возражения, что это снижение может серьезно отразиться на государственном бюджете вообще и местном в особенности. Между тем, данные последних четырех лет показывают, что лесной доход систематически поступает с заметным превышением против смет: ¹

¹ См. „Контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 г.“, статья „Лесное хозяйство“, стр. 147.

В 1923/24 г. на	28,6 ⁰ / ₀
„ 1924/25 „ „	57,6 ⁰ / ₀
„ 1925/26 „ „	57,6 ⁰ / ₀
„ 1927/28 „ „	10,2 ⁰ / ₀

Главное же при этом упускается из виду, что снижая попенную плату, а следовательно, и цены на лесную продукцию, можно таким образом расширить рыночный спрос на лесные материалы, в частности за счет сокращения льготных отпусков леса на корню, и тем самым увеличить общий объем эксплуатации лесов и достигнуть, таким образом, еще большего поступления лесного дохода.

И в самом деле, как только серьезно был поставлен вопрос об удешевлении стоимости строительства, вопрос о снижении попенной платы вновь был поднят, но на сей раз уже не лесной промышленностью, а строительными организациями, и нашел свое отражение в постановлении СТО от 23 марта 1928 г., п. 7, которым поручено „государственной плановой комиссии СССР совместно с представителями БССР, РСФСР и УССР рассмотреть вопрос о размерах попенной платы, методах ее взимания, методах отвода лесосек, и войти в Совет Труда и Оборона с докладом по этому вопросу и с предложениями об удешевлении отпускных цен на строительный лес“. Но несмотря на это постановление ЭКОСО РСФСР успело уже высказаться по этому поводу в отрицательном смысле; таким образом, вопрос попрежнему остается актуальным. Здесь же уместно обратить внимание на назревшую необходимость пересмотра сортиментации леса, так как существующая в настоящее время система таксации деловой древесины по трем разрядам — крупная, средняя и мелкая — не соответствует ни назначению этих сортиментов, ни ценам на них. Не останавливаясь здесь на этом частном вопросе, укажем только на то, что новая сортиментация древесины, будучи построена соответственно сортиментации лесных товаров, должна одновременно привести и к более правильной расценке древесины вообще и ее отдельных сортиментов. Из приведенных выше таблиц ясно видны как уровень современных цен на лесные материалы, так и причины высокой стоимости таковых. При этом следует отметить, что индексы исчислены для оптовых цен франко — станция отправления; если же мы возьмем уровень цен франко — место постройки, то он будет еще выше: 2,85 для пиленого леса и 2,26 для круглого.

Этот высокий уровень цен на лесные материалы является одной из серьезных причин дороговизны строительства.

Деревянное строительство все еще преобладает у нас по сравнению с каменным и другими видами строительства, и потому здесь необходимо учесть соотношение между круглым и пиленным лесом в различных видах строительства. Количественное соотношение между круглым и пиленным лесом в каменных зданиях почти равно; в зданиях с применением железобетона оно равно 1:5, а в деревян-

ных — 3:1; внося поправку в эти соотношения на разницу цен между круглым и пиленным лесом, получаем, что ценностные соотношения резко изменяются и будут равны: для каменных зданий — приблизительно — 1:2 — 2¹/₂; в зданиях же с применением железобетона 1:10 — 12, а для деревянных 3:2 — 2¹/₂. При преобладании деревянного строительства это даст еще большее превышение индекса на лесные материалы над средне-взвешенным индексом по всем материалам строительства.

Действительно, более высокие индексы мы имеем лишь по войлоку и толю (3,70), удельный вес которых, однако, в общей сумме затрат на материалы, а тем более по всем затратам на строительство весьма не велик. Удельный вес лесоматериалов в строительстве и высокий индекс на лесные материалы обязывают нас с особым вниманием подойти к изучению причин, которые определяют высокую стоимость лесных материалов. На одной причине — дороговизне сырья — мы уже остановились, обратимся теперь к другим.

2. Употребление сырой древесины

Одной из наиболее серьезных причин, влияющих на дороговизну лесоматериалов в строительстве, является, употребление строительством плохо просушенной, а иногда и совершенно сырой древесины. Отсутствие сухой древесины является в настоящее время большим вопросом не только для строительства, но и для лесной промышленности. В довоенное время вопрос об удовлетворении потребности в выдержанном лесе разрешался в двух направлениях: с одной стороны, эту заботу брали на себя сами потребители, с другой — и лесопромышленные организации выдерживали достаточный запас сухого леса. В настоящее время несмотря на непрерывный рост производственных программ лесопромышленных организаций, рост потребности страны в лесоматериалах обгоняет их производство, и в результате ни промышленность, ни потребители не имеют возможности образовывать соответствующих резервов. На этом пути имеется целый ряд затруднений: недостаточный отвод лесосек в местах, доступных для эксплуатации при существующих условиях транспорта, недостаток средств для проникновения в отдаленные лесные массивы, отсутствие свободных денежных резервов для выдерживания древесины и образования сухих лесоматериалов и, главным образом, пиломатериалов и, наконец, крайне медленный рост капитального строительства и др.

В результате значительная часть пиленных материалов попадает на постройку прямо из-под пилы, а это, как известно, чревато для строительства целым рядом вредных последствий и излишних расходов по ремонту уже законченных сооружений и построек.

Непросушенная древесина коробится и растрескивается, легко загнивает и подвергается заражению всякого рода грибами. Коробление, усыхание и растрескивание непросушенной древесины вынуждают строительство нести излишние расходы, так как строительные части

и детали, сделанные из сырых материалов, рассыхаясь теряют между собой связь и разваливаются. Приходится поэтому производить в новых зданиях частые ремонты окон, дверей, полов и т. д., в связи же с ремонтом деревянных частей постройки возникает необходимость заново производить также штукатурку, окраску и пр. В результате, кроме расходов по оплате труда, имеют место затраты также на извест, кирпич, краски и другие материалы. Расходы эти, производимые одновременно и по частям, не учитываются обычно, когда речь идет об индексе строительства. Между тем, они составляют значительную статью расхода, и введение их в калькуляцию должно будет заметно отразиться на индексе строительства в сторону его увеличения. Употребление сухой древесины представляет для строительства огромное преимущество, вес просушенной древесины значительно меньше, чем сырой, прочность больше; сухая древесина в значительно меньшей степени подвержена гниению и деформированию, а поэтому она долговечнее. Далее, сухое дерево больше поддается консервированию, что особенно важно для материалов, несущих долгу и ответственную службу. Не останавливаясь дальше на этом вопросе, укажем, что естественная сушка дерева, которая обычно у нас практиковалась, требует довольно продолжительной выдержки, при чем срок ее зависит как от рода материалов, так и климата и условий хранения. По мнению проф. Оппенгейма, шпалы и переводные брусья, чтобы довести их до 10—15% влажности, необходимо выдерживать от 1 до 2 лет. Для пиленых материалов доведение их до 20% влажности требует не менее года сушки. Из изложенного видно, что выдерживание леса связано с необходимостью вложения в производство крупных средств на продолжительное время. В настоящее же время при отсутствии у нас свободных капиталов и тем более при наличии в деле искусственной сушки весьма благоприятных результатов естественная сушка становится делом нерентабельным и нецелесообразным ни с технической, ни тем более с коммерческой стороны. В Западной Европе и особенно в Северной Америке естественная сушка окончательно вытесняется искусственной, и лишь для особо высоких сортов древесины и притом для весьма небольшого количества сохраняется естественная воздушная сушка, обладающая некоторыми преимуществами. Приведенными соображениями далеко, однако, не ограничиваются преимущества сухой древесины. Как известно, влажность непросушенного дерева составляет для хвойных пород от 40 до 50%, а для твердых лиственных — от 35 до 40%; путем просушки процент влажности может быть доведен до 15—20, и таким образом, очевидно, что при транспортировке лесных материалов можно будет избежать перевозки огромного количества воды, которая содержится в непросушенных материалах. Этим путем можно достигнуть значительного удешевления лесоматериалов, не говоря уже о более полном использовании транспортных средств. Таковы те технические и экономич-

ческие преимущества, которые представляют собой употребление сухой древесины в строительстве. Если перевести все эти соображения на язык цифр, то получим следующий примерно эффект, который может дать употребление сухого леса в деле удешевления лесоматериалов (в % к стоимости пиломатериалов): а) от употребления сухой древесины — 10%, б) от перевозки ее (по сравнению с сырым материалом) — 2,3%.

В настоящее время, как мы уже указали, строительство употребляет почти целиком сырой лес. Таким образом, убытки его определяются не только указанными %, но и тем вредом, который впоследствии обнаруживается на возведенных постройках, но который пока, за отсутствием специального обследования, не поддается учету. Выводы отсюда ясны: во-первых, необходимо, с одной стороны, всячески усилить максимальное накопление выдержанного леса как на складах потребителя, так, по возможности, и на складах самой лесной промышленности (для чего необходимо систематически увеличивать ее оборотные средства) и, во-вторых, форсировать оборудование наших деревообрабатывающих предприятий искусственными сушилками. За ограниченностью места мы не можем привести здесь расчетов стоимости различных систем сушилок, но, пожалуй, это и не входит в нашу задачу; достаточно указать на преимущество искусственной сушки перед естественной. Искусственная сушка особенно развита в Америке, где ежегодно подвергается этому процессу 1.106 млн. куб. метров твердых пород и 35.420 млн. куб. метров хвойных пород. Что же касается сравнительной стоимости естественной и искусственной сушки, то, не приводя подробных расчетов, укажем, что стоимость искусственной сушки может быть доведена до 1 руб. 78½ коп. за куб. метр, в то время как естественная сушка обходится около 3 руб. 57 коп.

3. Мероприятия со стороны лесной промышленности и лесного хозяйства

В деле снижения себестоимости продукции лесной промышленности достигнуты за последние годы заметные результаты (см. табл. 3).

Отсюда видно, что в течение 1926/27 г. по сравнению с 1925/26 г. расходы по распиловке, цеховые и общезаводские, начисление на зарплату и другие снижены. Однако, в 1927/28 г. при одновременном дальнейшем снижении различных элементов зависимых расходов мы наблюдаем и рост других: по социальному страхованию, по охране труда, процентов за кредит, а в некоторых случаях и фоненной платы, т.-е. рост расходов, независимых от лесной промышленности. Таким образом, усилия лесной промышленности по снижению цен поглощаются ростом расходов, на которые воздействовать лесная промышленность бессильна. Мы не склонны считать, что лесная промышленность исчерпала полностью все зависящие от нее возможности удешевления себестоимости. Такие возможности еще имеются

Таблица 3

Сравнительная калькуляция стоимости 1 куб. метра пиломатериалов

Номенклатура расходов	Довоен. стоим. в руб.	О т ч е т н ы е				Сметная	
		1924/25 г.	Индекс	1925/26 г.	Индекс	1926/27 г.	Индекс
Стоимость сырья. . . .	8,54	10,97	128,5	18,09	211,8	22,23	260,3
» распиловки .	1,16	2,06	177,6	1,98	170,7	1,88	162,1
Цеховые и общезаводск.	1,09	2,39	219,2	2,47	226,6	1,96	179,8
Начисления и накл. рас- ходы на зарплату . .	0,035	0,79	2.257,1	0,97	2.771,4	0,76	2.171,4
Торговые расходы, на- логи и сборы	0,14	2,19	1.564,0	2,53	1.807,1	2,29	1.635,7
Прочие	1,06	1,43	134,9	1,47	138,7	1,38	130,2
Полная коммерческая себестоимость	12,02	19,83	164,9	27,51	228,8	30,50	253,7
	100%	164,9%	—	228,8%	—	253,7%	—
Тариф	3,53	—	—	—	—	7,06	—
Прибыль.	1,76	—	—	—	—	1,52	—
Полная стоимость фран- ко—пункт назначения.	17,31	—	—	—	—	39,08	—
	100%	—	—	—	—	225,8%	—

как по линии производственных расходов, так и торговых. Необходимо, однако, подчеркнуть, что при существующем положении сырьевой базы и основного капитала нельзя ждать больших успехов в этой области.

Мы упираемся в необходимость форсирования капитального строительства и, главным образом, строительства новых заводов. В 1925/26 г. лесной промышленности было отпущено на капитальное строительство всего лишь 17,2 млн. руб., или 2,1% от затрат по капитальному строительству всей промышленности; в 1926/27 г. — 25,5 млн. руб., или 2,5%. Валовая продукция лесной промышленности выросла за это время на 23%. Правда, в 1927/28 г. эти ассигнования несколько увеличились, но они все еще не достигли того уровня, который диктуется необходимостью расширения выработки лесной продукции. Перед лесной промышленностью стоит ряд проблем, разрешение которых в самом спешном порядке является актуальнейшей задачей. Необходимо ускорить проведение ряда мероприятий по рационализации и механизации лесозаготовок и вывозке,

¹ Высокий индекс торговых расходов, налогов и сборов, помимо фактического увеличения за счет социальных и других расходов в нашем хозяйстве, объясняется также тем, что часть расходов, которые в настоящее время проходят по группе „торговых“, в рубрике довоенной стоимости отнесены к группе „прочих“.

мелиорации сплавных путей и улучшению способов сплава, механизации погрузочно-разгрузочных работ и др. Все эти мероприятия могут дать весьма ощутительный эффект как в деле вовлечения новых массивов, так и удешевления лесной продукции; но здесь мы снова упираемся в сырьевую проблему. Как ни парадоксально звучит утверждение, что мы переживаем кризис лесного сырья, тем не менее это обстоятельство является фактом, который в настоящее время уже никем не оспаривается. Из приведенной ниже таблицы, помещенной во втором выпуске „Лесного хозяйства РСФСР и перспектив его развития“, видно следующее:

Таблица 4

Название районов	Назначено к от- пуску в 1926/27 г.	Часть общей по- требности сел. на- селения, подлежа- ющей из лесов, находящихся в лесовос- становительном отпуске на корню	Назначается к отпуску с корня из лесов, нахо- дящихся в непосред- ственном заведени- и лесных отдел.	Неудовлетв. часть потребности сел. населения	Возможный от- пуск площ., во- влек. в эксплуат. лесов общесоюз. значения
В тыс. куб. метров					
Сев.-Западн. . .	8.594	8.026	2.523	5.503	7.023
Северный . . .	13.649	8.647	4.305	4.342	14.904
Западный . . .	4.369	5.403	1.870	3.433	3.412
Нижн.-Волжск. . .	1.387	2.910	966	1.944	11.606
Центральн. . .	12.810	14.338	6.012	8.326	11.122
Ветл.-Вятск. . .	12.662	4.900	4.362	538	14.308
Уральск. . . .	8.994	7.730	2.679	5.031	22.438
Средн.-Волжск.	5.518	6.016	2.579	3.437	5.038
Центр.-Черноз. .	1.610	6.022	1.153	4.869	1.321
Сев.-Кавказ. . .	1.482	2.003	371	1.632	1.468
Сибирский. . .	3.903	23.564	1.246	22.318	51.772
Дальне-Восточ- ный край . . .	3.395	3.502	1.159	2.343	48.151

Очевидно, что только в Ветлужско-Вятском, Северном, Уральском, Сибирском, Дальне-Восточном районах имеется излишек в древесине; в остальных же районах фактический отпуск не покрывает даже общей потребности сельского населения.

Если же сопоставить годичный отпуск лесосек со всей потребностью в древесине (не только в отношении сельского населения), то напряженность нашего баланса сырьевых запасов и потребности в продукции окажется еще большей. Достаточно указать, что заканчиваемый в настоящее время пятилетний план развития лесной промышленности предусматривает увеличение выработки лесной продукции к 1932/33 г. минимум на 150%, между тем как пятилетний план отпуска леса допускает увеличение к тому же году лишь на 55%. Но и в настоящее время при наличии огромных пространств, покры-

тых лесом, лесная промышленность не имеет возможности полностью удовлетворить свою потребность в соответствующем сырье для лесозаводов. Для освоения же новых массивов необходимы крупные капиталы, которые лишь постепенно будут вливаться в лесную промышленность. Между тем, и доступные в настоящее время леса не использованы полностью; имеется полная возможность увеличить их продуктивность и использование путем установления сокращенных оборотов рубки, что давно уже практикуется в других странах; эта мера, тем менее, опасна для лесного хозяйства, что мы рассматриваем ее, как временную впрямь до открытия доступа в более отдаленные массивы. Этим путем возникнет возможность получить большее количество пиловочной древесины и притом из таких мест, откуда она по кратчайшим путем может быть направлена к пунктам производства, а следовательно, и сбыта, т.е. к местам, где производятся строительные работы; полнее будут загружены заводы и тем сокращены накладные расходы; лесная промышленность перестанет прибегать к получению сверхсметных отводов, за которые приходится уплачивать на 30% дороже; и в результате стоимость продукции должна будет неминуемо уменьшиться. Необходимо также обратить внимание на расширение лесокультурных работ и усиление охраны леса как от пожаров, так и разных вредителей, и на другие мероприятия, которые должны поднять качество сырья, а значит, и лесной продукции.

4. Мероприятия со стороны самого строительства

До сих пор главное внимание было направлено нами на те мероприятия, которые должны быть проведены по линиям, соприкасающимся с деятельностью лесной промышленности и лесного хозяйства. В дальнейшем остановимся на тех пережитках, которые вопреки изменившимся требованиям строительной техники и объективным условиям эксплуатации и произрастания лесов продолжают практиковаться в строительстве и влиять на образование цен. Требования, предъявляемые строительными организациями к древесине в большинстве случаев основываются на довоенной практике, когда древесина высокого качества доставлялась в изобилии из ближайших к местам потребления районов и была дешева. В настоящее же время, когда условия снабжения древесиной изменились, а самое строительство стало на путь рационализации, излишние претензии к древесине не вызываются уже никакой необходимостью. Одним из таких пережитков, требующих пересмотра, является вопрос о применении ели на равных правах с сосной. Количество сосновых насаждений как в средней полосе Союза, так и в прилегающих районах, по мере роста их эксплуатации постепенно уменьшается, эксплуатация лесов передвигается к северу, в районы, где преобладает ель. Соотношение между сосновыми и еловыми насаждениями в настоящее время равно приблизительно 25:75, между тем как потребители про-

должают настаивать на предоставлении им большего против возможного процента сосны. Не учитывая того, что равновесие между предложением сосны и ели нарушено, потребители продолжают искать сосновую древесину, не останавливаясь перед излишними затратами. Между тем, новейшие данные показывают, что во всех случаях, где древесина не соприкасается с водой, ель вполне может заменить сосну. В Западной Европе — в Германии и в Голландии — ель даже преобладает над сосной. У нас же процесс замены сосны елью продвигается крайне медленно, только в прошлом — 1927 г. — НКПС сделал серьезный сдвиг в этом деле, пересмотрев свои технические условия на приемку лесоматериалов и сильно расширив употребление ели в вагонностроении и в других видах строительства по службе тяги. Такой же частичный сдвиг мы видим и в авиостроительстве, которое допускает уже теперь больший процент ели, чем раньше.

Но если здесь благодаря научному обслуживанию этих потребителей древесины специальными лабораториями и институтами удалось добиться определенного сдвига в изживании пережитков, то значительно труднее провести это в области коммунального, жилищного и других видов строительства. Достаточно просмотреть технические условия различных управлений губинжа и отдельных строительных организаций, познакомиться с характером предъявляемого широким рынком спроса на сосновый материал, чтобы убедиться в том, насколько еще само строительство не прониклось убеждением, в том, что от него самого в большей мере зависит дело удешевления лесоматериалов. В самом деле, если провести одно лишь мероприятие по замене сосны елью во всех технически допустимых случаях, установив употребление сосны не более 20—25%, то общая стоимость пиломатериалов в строительстве сократится минимум на $1\frac{1}{3}\%$ (подробные технические расчеты не приводятся). Провести это тем более необходимо, что ограниченные запасы сосны должны идти для специальных видов строительства, как-то: шпал, машиностроения и других, которые пока еще должны пользоваться, главным образом, сосной. Но и помимо нерационального употребления сосны мы наблюдаем совершенно аналогичное явление и в отношении необоснованных требований строительства на высокие сорта, длинные, широкие размеры досок и т. п., что, в свою очередь, также отзывается на удорожании строительства. В самом деле по действующим у нас прейс-курantom лесопромышленных организаций разница в ценах первого, второго, и третьего сортов составляет 10—20%; скидка же на короткие и узкие размеры доходит до 40% и выше. Между тем, рассматривая сделки строительных организаций на закупки пиломатериалов, легко видеть, что они стремятся закупать более ценный материал, в то время как на постройках не малую часть этих материалов приходится разрезать не только по длине, но даже по ширине. Точно так же строительство предъявляет слишком большие

требования на высокие сорта, не считаясь с тем, что во всех случаях, где материал не несет ответственную работу, их можно заменить низшими сортами.

В общем если произвести подсчет, какую экономию можно было бы получить в строительстве при урегулировании этих вопросов, то она составит: 1) от расширения потребления коротких размеров — 1,3%, 2) от увеличения потребления низших сортов около 3,3%.

Правда, это слабое внимание к делу рационализации употребления лесоматериалов со стороны самих строительных организаций объясняется в значительной мере тем, что действующие преис-куранты лесопромышленных организаций не проводят достаточной разницы в ценах на отдельные сорта и размеры и не создают экономических импульсов к внедрению низших сортов, коротких и узких размеров. В этом отношении дело за ВСНХ и Наркомторгом, которые должны возможно скорее пересмотреть эти преис-куранты с указанных точек зрения.

Что же касается строительства, то здесь нужно ускорить введение стандарта на строительные детали, что окажет непосредственное влияние и на удешевление лесоматериалов, идущих на эти детали.

5. Мероприятия, зависящие от других ведомств

На первом месте здесь надо вновь поставить вопрос не только о снижении ж.-д. тарифов, и еще более водных фрахтов, но и об общем пересмотре самой действующей системы этих тарифов. Как известно, ж.-д. тарифы на лесные грузы были подняты 1 мая 1926 г. на 10% и 1 ноября того же года также на 10%. Затем в августе 1927 г. Тарифный комитет снова поднял ж.-д. тарифы: а) на лесные грузы первой и второй категории при расстоянии свыше 600 км с таким расчетом, чтобы на расстоянии 1000 км и выше повышение составляло 10%; б) по лесным грузам третьей категории повышение было начато с 748 км с тем, что на расстояние 1067 км повышение составило 5%, а на расстояние 1767 км — 10%. Таким образом, начиная с 1926 г., мы имели 3 раза повышение тарифа, при чем в первых двух случаях это повышение касалось всех видов грузов и притом независимо от расстояния перевозки; в последнем же случае повышение коснулось лишь грузов первой и второй категории, перевозимых на расстояние свыше 600 км, и третьей категории, начиная с 748 км.

Удорожание тарифа на 10% для первой и второй категории означает увеличение стоимости перевозки 1 тонны на 1 руб., или 17 рублей на вагон, что составляет 2% от стоимости лесных материалов первой категории и 3—4% от стоимости лесных материалов второй категории. Следовательно, в результате двух повышений мы имели повышение стоимости для грузов на расстояние 600 километров приблизительно на 34 рубля на вагон, или на 4% от стоимости

материалов первой категории и от 7—8% от стоимости материалов второй категории. Что же касается грузов третьей категории, то, как было указано, кроме этого повышения мы имели еще дополнительное повышение при перевозке на большие расстояния.

Как известно, ж.-д. тариф в стоимости лесных материалов составляет весьма значительный процент. Так, провозная плата в стоимости лесоматериалов для центральной области составляет 18%, а для Украины даже 25%. Для круглого леса франко — вагон Москва стоимость ж.-д. провоза доходит до 29%, а в отдельных случаях еще больше. Что касается водных фрахтов, то, как известно, в довоенное время они, как общее правило, были ниже ж.-д. тарифов при одинаковом расстоянии. В настоящее же время положение изменилось, и ж.-д. тарифы во многих случаях ниже водных фрахтов. Особо высокие фрахты введены Сев.-Западным госпароходством, которое еще в прошлом году повысило их. Хотя в других бассейнах водные фрахты и ставки по отдельным договорам ниже чем в Северо-Западном госпароходстве, но все же и здесь мы наблюдаем целый ряд случаев, когда эти фрахты отнюдь не ниже ж.-д. тарифов.

Если учесть, что в условиях систематического удаления производственных районов от пунктов сбыта лесной продукции стоимость привоза играет все большую роль в образовании цен на месте потребления, составляя в среднем 20—25% от этих цен, то совершенно будет понятным, почему необходимо вновь поставить этот вопрос, тем более, что мы вынуждены отыскивать пути снижения стоимости строительства. Правда, лесопромышленные организации за последнее время несколько меньше занимаются этим вопросом, так как они перешли к преимущественным продажам франко — станция отправления. Но совершенно ясно, что это не является решением вопроса, так как для образования цен на лесные материалы в строительстве не важно, кто оплачивает стоимость провоза, получатель ли груза, или их отправитель. Действующие ж.-д. тарифы построены так, что под одну и ту же категорию подпадают лесные материалы совершенно различных стоимостей. Наиболее ярким примером может служить тарификация круглого и пиленого леса по одной категории, при разнице в ценах больше, чем в двое. Но этого мало: внутри самих групп пиленого и круглого леса имеется также множество сортиментов совершенно различных расценок, вследствие чего подведение их под один и тот же ж.-д. тариф неправильно. Здесь уместно будет указать хотя бы на германскую систему ж.-д. тарифов на лесные грузы, которая построена на разветвленной тарификации отдельных многочисленных сортиментов лесных товаров в зависимости от их стоимости и назначения. Проведение такой системы у нас дало бы не только более справедливую расценку транспортировки отдельных лесных материалов, но также возможность установить определенную политику содействия удешевлению тех или иных материалов в зависимости от требований данного

времени. Точно также и водные фрахты должны быть в корне пересмотрены под углом зрения максимального отвлечения на воду с железных дорог лесных грузов, которые вообще слишком обременяют этот вид транспорта. При этом необходимо, наконец, унифицировать стоимость водных перевозок (и других услуг этого вида транспорта), по крайней мере, в масштабе данного речного бассейна и отказаться от системы расценок по отдельным сделкам с грузоотправителями. Проведение указанных мероприятий может и должно удешевить стоимость провоза лесных материалов в среднем на 20%, что даст возможность удешевить в пунктах потребления стоимость круглого леса на 6,2%, а пиленого леса на 3,3%. Переходя к вопросу о других источниках снижения стоимости, следовало бы отметить необходимость снижения процентов на кредит, которые ложатся большим бременем на себестоимость лесной продукции, вследствие преобладания в лесной промышленности заемных оборотных средств над собственными, можно было бы также коснуться и вопроса о дальнейшем снижении торговых и других накладных расходов и т. д. Но поскольку эти вопросы достаточно освещались как в общей, так и в специальной печати, мы не будем на них останавливаться.

Таким образом, если провести ту группу мероприятий, которая перечислена нами, то стоимость лесоматериалов в строительстве могла бы снизиться примерно в следующих размерах (в % к стоимости пиломатериалов франко—пункт назначения):

От снижения попенной платы	на	7
„ снижения ж.-д. тарифов и водных фрахтов . . .	„	3
„ экономии по перевозке сухих материалов . . .	„	2,3
„ увеличения % ели	„	1,4
„ расширения употреблен. коротких и узких размеров	„	1,3
„ увеличения употребления низших сортов . . .	„	3,3
		18,3

Здесь же уместно обратить внимание на то, что огромная часть организаций, затрачивающих большие средства на нужды рабочего жилищного строительства (в том числе сама промышленность), далеко не использует тех льгот, которые им дает специальное постановление ВЦИКа в области попенной платы. По имеющимся сведениям этими льготами пользуется, главным образом, организованная жилищкооперация, т.-е. лишь 12% тех организаций, которые занимаются рабжилстроительством; между тем, суммы, затрачиваемые на это строительство, распределяются следующим образом: жилищкооперация — 12%, промышленность — 33%, транспорт — 15%, исполкомы — 22% и индивидуальные — 18%.

Если же к этому прибавить то снижение себестоимости, которое сама лесная промышленность должна изыскать внутри самой себя и которое ВСНХ намечает для ближайшего года примерно в 5%, то в общем мы можем получить довольно заметное уменьшение стоимости лесоматериалов в строительстве.

Индустриализация хозяйства и задачи кредита в СССР

Во II книге „Социалистического хозяйства“ за 1927 г. помещена статья проф. З. С. Каценеленбаума „Индустриализация хозяйства и задачи кредита в СССР“. В нашей печати названная статья до сих пор не встретила критического отпора, которого она по существу заслуживает. Между тем, большинство положений, развиваемых автором в этой статье, глубоко неправильны. В журнальной статье трудно дать исчерпывающий анализ всем ошибкам проф. Каценеленбаума — их очень много, но остановиться на главных и основных абсолютно необходимо.

Проф. Каценеленбаум выставляет и защищает такие три положения:

1. Капиталистическая индустриализация везде и всегда идет не за счет внутрипромышленного накопления и не за счет иностранного капитала, а за счет Hinterland'a, при чем решающим методом этого накопления является кредит.

2. Индустриализация в дореволюционной России шла тем же путем: не за счет внутрипромышленного накопления и не за счет иностранного капитала, а за счет русского Hinterland'a и, главным образом, методами кредита.

3. Индустриализация в СССР не может идти иными путями и методами, чем во всем капиталистическом мире и в старой России. Поэтому политику советской власти в области финансирования индустриализации надо пересмотреть и построить как раз наоборот, чем она теперь построена. Кредит должен стать основным и решающим методом финансирования индустриализации.

Для Каценеленбаума, да и объективно, основным является, разумеется, этот третий тезис. Два первых служат как бы теоретическим обоснованием этого последнего тезиса и тех практических выводов, которые Каценеленбаум рекомендует сделать советской власти в отношении индустриализации СССР. Мы также остановимся, главным образом, на вопросах методов финансирования индустриализации СССР. Но коротко остановиться на экскурсах Каценеленбаума в историю капитализма и в историю дореволюционной России необходимо: иначе корни его ошибок будут не совсем понятны.

„Теория“ капиталистической индустриализации проф. Каценеленбаума

Во второй части статьи Каценеленбаум пробует дать нечто в роде теории капиталистической индустриализации. Он пишет: „Все те стороны, которые пережили в прошлом процесс индустриализации, достигли этого, главным образом, путем постоянного привлечения к промышленности капиталов „извне“, а не путем только собственного накопления прибылей внутри самой промышленности“. ¹ Само это „извне“, естественно, распадается на иностранный денежный рынок и Hinterland данной промышленности. Проф. Каценеленбаум иностранный денежный рынок сбрасывает со счетов. „Первостепенным фактором, основной базой, которая питала капиталонакопление промышленности, является то, что можно назвать Hinterland'ом промышленности,— все другие отрасли народного труда, которые существуют в данной стране“. ² Наконец, свою концепцию Каценеленбаум венчает таким тезисом: „В последнее время ³ основной формой, которая во всех странах привела к развитию промышленности, является кредит в различных его разновидностях и разветвлениях“.

В защиту этой схемы Каценеленбаум приводит ряд цифр, касающихся индустриализации Германии, ссылается на В. Зомбарта и, наконец, берется за трудное для него дело — комментирование Маркса. Основная мысль, которую в связи с этой своей схемой пробует (правда, с колоссальной нерешительностью) сформулировать Каценеленбаум, сводится к тому, что реальный прогресс капиталистической индустриализации шел „не по — Марксу“. Ибо, рассуждает Каценеленбаум, Маркс базировал развитие капитализма на внутрипромышленном накоплении; Маркс, с другой стороны, считал, что методы первоначального накопления к 60-м годам прошлого века (т.е. к началу периода индустриализации Европы) сыграли и сыграли свою роль; Маркс, наконец, „не разработал“ других методов накопления, напр., кредита...

Маркс, разумеется, со всем тем, что приписывает ему Каценеленбаум, не имеет ничего общего. Не верно, что Маркс „базировал“ развитие капиталистической промышленности только на внутрипромышленном накоплении. Не верно, что Маркс отрицал определенную роль методов первоначального накопления в ходе индустриализации европейских стран. Не верно, что Маркс „не разработал“, „не оценил“ роли кредита в развитии капитализма.

В системе Маркса, вопреки утверению Каценеленбаума, все эти вопросы формулированы с исключительной точностью. И если Каценеленбаум пробует его „разъяснить“, „разбавить“, то такая необ-

¹ Указ. статья, стр. 8.

² Там же.

³ Последние 50—75 лет.

ходимость могла возникнуть только потому, что подлинного Маркса Каценеленбаум не понял.

Он не понял учения Маркса о капиталистической индустриализации в условиях чистого капитализма и не понял взглядов Маркса на реальный прогресс индустриализации, как последний протекает в условиях конкретного капитализма.

Теоретическую картину индустриализации капиталистического хозяйства Маркс дал в своих бессмертных схемах т. II „Капитала“.

Схемы Маркса четко выделяют неизбежность при росте капиталистического общества: а) более быстрого роста отраслей I подразделения; б) увеличения удельного веса этого I подразделения в общественном продукте; в) ведущей роли I подразделения по отношению к остальному хозяйству и т. п. Маркс установил и закон, которым определяется темп и размер этой капиталистической индустриализации.

Таким законом при капитализме является закон средней нормы прибыли. Норма прибыли I подразделения, оказавшись выше средней, стимулирует вложение капитала именно в эту сферу; и, наоборот, если насыщение этой сферы капиталом окажется чрезмерным, норма прибыли здесь падает ниже средней и тем создается временная граница для индустриализации.

Разумеется само собой, что если этого потребуют капиталистические условия, т.е. если это допускает средняя прибыль, более быстрый рост I подразделения не может быть базирован только на внутреннем накоплении своего круга; перемещение стоимостей (и не только *т*, а и капитала) может произойти из II подразделения в I.

Какими способами? Маркс отвечает: путем перелива капитала, путем изменения цен, путем кредита.

Таким образом, даже в тех методологических рамках, в которых Маркс рассматривает процесс капиталистической индустриализации („чистый“ капитализм), он отнюдь не базирует процесс индустриализации на внутрипромышленном накоплении, как это показалось Каценеленбауму. Нечего и говорить, что индустриализацию в реальном капитализме Маркс тем более не мог базировать только на внутрипромышленном накоплении. Здесь Маркс не забыл ни методов первоначального накопления, ни кредита. Достаточно посмотреть хотя бы некоторые места „Капитала“. ¹

Маркс дал полную и многостороннюю картину индустриализации. Наоборот, Каценеленбаум представляет этот процесс чрезвычайно упрощенно и поэтому неверно. Он отрицает участие в индустриализации методов первоначального накопления, между тем, они играют при капитализме громадную роль. Он отрицает роль внутрипромышленного накопления, между тем, в ходе капиталистического развития растет и норма эксплуатации, т.е. возрастает

¹ К. Маркс, „Капитал“, т. I, 617 стр., т. III, 327 стр., изд. 1925 г.

внутрипромышленное накопление.¹ Из централизационных процессов капиталов проф. Каценеленбаум признает только один — кредит, на деле же их имеется несколько, при чем некоторые из них отнюдь не являются „мягкими“ (поглощение крупным капиталом мелкого и т. д.).

В результате всех этих односторонностей и ошибок вырисовывается у проф. Каценеленбаума общая картина хода капиталистической индустриализации: „при посредстве аппарата кредита весь чистый остаток национального дохода... направляется в одну отрасль—в отрасль индустрии“.²

Это и есть прикрашивание капиталистического хозяйства, где, якобы, дело идет совершенно мирным образом, на основе соблюдения принципов собственности, где каждый получает по заслугам, где царствует мир и гармония и где все мягко движется вперед по пути прогресса. Все это не дурно, но беда в том, что ничего этого нет в действительности. В действительности „капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до ног“³— вот что сопровождает жизнь капитализма на всех этапах его развития и во всех отношениях, в том числе и в отношении индустриализации.

Надо отметить еще одну сторону в концепции Каценеленбаума. Он считает, что в основном все страны индустриализировались на национальных дрожжах. Роль иностранного капитала в деле индустриализации Каценеленбаум преуменьшает (или, с оговорками, отрицает). Это тоже крупная ошибка. Надо же помнить и различать два положения: 1) индустриализироваться любая капиталистическая страна может и за счет внутренних средств; 2) практически ни одна страна не шла этим „естественным“ и потому медленным темпом. Иностраный капитал врвался в национальные границы, ломал старые связи и отношения, подгонял доморошенную промышленность—в отношении объема средств, техники, организационных форм и т. д., и этим сообщал индустриализации более быстрый темп и более широкий размах.

Общую роль иностранных центров в картине индустриализации отдельных европейских стран хорошо наметила Р. Люксембург:⁴

Новые капиталистические страны всегда развиваются при активном воздействии передовых капиталистических стран. Это не-

¹ В частности, Каценеленбаум неосторожно зачисляет Зомбарта в сторонники своей схемы. Как раз Зомбарт для Германии доказывал исключительную роль внутрипромышленного накопления и накопления за счет некапиталистического круга, накопления за счет сверхприбылей („Народное хозяйство Германии“, стр. 154—155).

² Цит. статья, стр. 11.

³ „Капитал“, т. I, стр. 754, изд. 1925 г.

⁴ „Заем переносил капитал в XVI и в XVII столетиях из итальянских городов в Англию, в XVIII столетии из Голландии в Англию, в XIX столетии из Англии в американские республики и в Австралию, из Франции, Германии и Бельгии в Россию и в настоящее время (1912 г. Л. К.) из Германии в Турцию, из Англии, Германии и Франции в Китай и при посредстве России в Персию“ („Накопл. капит.“, стр. 299).

избежно. И непонятно, как Каценеленбаум счел это возможным отрицать.

Таким образом, действительная картина капиталистической индустриализации гораздо сложнее, пестрее, разнообразнее, чем это представляется проф. Каценеленбауму.

Капиталистическая индустриализация в России

Свою схему капиталистической индустриализации Каценеленбаум проверяет на конкретном примере дореволюционной России. И, разумеется, неправильная схема не могла привести его к правильным взглядам на процесс индустриализации старой России. Посмотрим, к каким неожиданным результатам приходит проф. Каценеленбаум.

Он выставляет такие два положения: „Во-первых, я считаю, что и у нас, так же, как это было в иностранных государствах, индустрия развилась не за счет накопления собственных прибылей, а за счет привлечения средств „извне“, и, во-вторых, я решаюсь утверждать, что в этом общем накоплении капиталов „извне“ в последние десятилетия главную роль играли не иностранные капиталы, а наше собственное внутреннее накопление всех слоев населения“ (курсив автора. Л. К.).¹

Какие же соображения заставляют автора защищать эти свои исходные положения, которые он сам (15 стр.) называет „быть может слишком решительными суждениями“?

В развитии русской промышленности, по его словам, ярко выступают два периода: первый—60-е и частью 70-е годы; и второй—конец 90-х годов и 1908—1914 гг. В первый период мы имели, действительно, дело с реальным притоком капитала из-за границы. „Во всем же остальном позднейшем строительстве ж. д., как и в строительстве промышленности, иностранный капитал, по моему мнению, играл, во-первых, второстепенную роль, а во-вторых, условную роль“.²

Эти выводы проф. Каценеленбаума раньше всего вызывают соображения общего свойства: Россия не только в 60—70-х годах была страной, бедной капиталами, но и позже—достаточно посмотреть таблицу учетных ставок за весь этот период у нас и на зарубежных рынках. А известно, что при таких условиях иностранный капитал не мог оставаться равнодушным к „пустому“ русскому рынку. И он, действительно, не оставался.

Но для притока иностранного капитала нужны определенные условия: среди них твердая валюта прежде всего.

¹ Цит. статья, стр. 14.

² Там же, стр. 15.

В 60—70-х годах как раз этого не хватало: денежная реформа была проведена в 1897 г.; во весь предшествующий период ввоз капитала с этой стороны терпел ограничения и затруднения.

Для притока иностранного капитала не безразличен и государственный бюджет — и в этом отношении период, который Каценеленбаум рассматривает как „расцвет“ прилива иностранного капитала, не может считаться благополучным.

Прилив капитала, как давно установлено, находится в прямой связи с движением промышленного цикла. Подъем, а не депрессия предъявляет спрос на капитал, в том числе и на иностранный. И в этом отношении период, указанный Каценеленбаумом, отнюдь не представляет исключительного момента в развитии дореволюционной России: подъемы 95—900-х годов и 1909—13 годов были куда интенсивнее.

Одни эти общие соображения заставляют взять под сомнение тезис Каценеленбаума о том, что главная и основная масса иностранного капитала влилась в Россию в 60—70-х годах, а после этого ввоза не было вовсе.

Однако, в нашей литературе вопрос об импорте иностранного капитала, если и не разработан в совершенстве, то он достаточно разработан для того, чтобы в общих чертах судить о том, когда он вливался и в каких приблизительно размерах.

Во всех странах установление размеров иностранного капитала представляет значительные трудности. С большей или меньшей уверенностью можно говорить об абсолютных размерах иностранного капитала и его доли в национальной капиталистической системе только по акционированным предприятиям и по государственному долгу. Это не все, но это, в конечном счете, главное.¹

Когда берешь цифры государственной задолженности старой России, то вот что бросается в глаза: 1) государственный долг — сравнительно позднего происхождения: в 60-х годах он еще небольшой; в 1895 г. — 5,7 млрд. руб.; в 1914 г. — 8,8 млрд. руб.; 2) за этот период все время шел процесс „иностраннизации“ русского государственного долга: доля иностранной задолженности составляла в 1895 г. — 30%, в 1914 г. — 48%.² Такова динамика государственной задолженности.

Гораздо интереснее динамика вложений иностранного капитала в акционированные предприятия (промышленность, банки, благоустройство городов, торговых и транспортных предприятий).

Проф. Каценеленбаум сам признает, что величина акционерного капитала в России в 60—70-х годах вообще была не большая, не высока была и доля иностранного капитала в ней, тем не менее

¹ В дальнейшем мы будем вести речь только об этих формах иностранного капитала.

² Пославский, „Русский государственный долг“, 1925 г.

он считает, что только тогда импорт иностранного капитала служил средством индустриализации России.

Что хозяйственное оживление 60—70-х годов было отчасти результатом прилива иностранного капитала — в этом сходятся все.¹

Но на первых порах это оживление захватило преимущественно транспорт и организацию кредитного дела.²

Ввоз капитала к тому же скоро нашел для себя задерживающие причины: отсутствие твердой валюты и т. д.

Таким образом, то, что Каценеленбаум считает за „расцвет“ притока иностранного капитала в России, оказывается очень скромным притоком и притом по преимуществу направленным не на индустриализацию, а в сферу обращения (банки и т. п.).

Для характеристики роли иностранного капитала в более поздний период, для которого проф. Каценеленбаум вообще отрицал приток иностранного капитала, укажем на сводную таблицу (роста размеров акционерного капитала по промышленности, банкам, торговле, транспорту, городскому благоустройству и изменению доли иностранного капитала).³

Таблица обнаруживает, что эпоха промышленного подъема второй половины 90-х годов резко поднимает долю иностранного капитала в акционерной промышленности (с 26% до 38,8%). Годы 1900—1906, известные как годы тяжелой депрессии, естественно дают снижение доли иностранного капитала. Промышленный подъем 1909—1913 гг. опять дает значительное повышение доли иностранного капитала (с 38,6% до 45,5%).

Эти данные до такой степени ясны и общепризнаны, что в любой работе об иностранном капитале мы встречаем указание как раз на то, что 90-е годы — годы наибольшего притока иностранного капитала.⁴

Крупный приток иностранного капитала в 90-х годах не только являлся результатом слепой игры экономических сил, но был прямою целью правительства.

М. И. Боголепов правильно отмечает, что „весь механизм государственного хозяйства Л. К.“ зависел от постоянного притока иностранного капитала.⁵ Денежная реформа расценивалась, главным образом, как средство открыть дорогу иностранному капиталу в Россию.⁶

Протекционный винт, который царское правительство начало усердно заворачивать с 1877 г., служил той же цели.⁷

¹ Балабанов, Мукосеев, Боголепов.

² Мукосеев.

³ „Вестник Комм. Академии“, 1927 г., № 22, ст. Грановского, стр. 99.

⁴ См. М. И. Боголепов, С. Зак, П. В. Оль и др.

⁵ „Госуд. долг“, 161 стр.

⁶ Мукосеев, „Обществ. движ. в России“, I, 135 стр.

⁷ Мукосеев, там же.

Словом, фактическое положение дел и свидетельство всех исследователей вопроса говорят как раз обратное тому, что утверждает Каценеленбаум.

На чем же он основывает свои выводы? Основной его довод такой. С 70-х годов — аргументирует он — мы имели непрерывный активный торговый баланс. Если бы за этот период имел место приток иностранного капитала, то торговый баланс, хотя бы временно, должен был складываться против нас. Между тем, за 1871—1913 гг. Россия вывезла товаров на 33 млрд. руб., а ввезла на 27 млрд. руб.; активное сальдо достигло за этот период 6 млрд. руб. Значит, не может быть и речи о ввозе к нам капитала, несмотря на то, что наша задолженность за границей за это время увеличилась на 8 млрд. руб.

Ниже мы специально отметим, в каком смысле и при каких условиях торговый баланс может служить показателем ввоза и вывоза капитала. Теперь же взглянем на дело глазами проф. Каценеленбаума, но не так схематично, как это делает он. Во-первых, никуда не годится способ выведения сальдо по торговому балансу за громадный период в 43 года: суммарное сальдо может быть активным при пассивности сальдо по отдельным годам; во-вторых, Каценеленбаум без дальнейших рассуждений отвлекается от ввоза золота и военного снаряжения, считая что это не может поколебать общего результата — активности торгового баланса. Между тем, в этом периоде были годы с пассивным торговым балансом (1899 г.); а если присчитать движение золота (по счету которого баланс был всегда пассивен, причем в 90-х годах эта пассивность возрастала часто до 90 млн. руб. в год) и учесть ввоз военного снаряжения, то мы приходим к выводу, что в 90—900-х годах баланс был часто пассивен, а в другие годы активность его составляла ничтожную сумму 4,9 млн. руб. Следовательно, даже с точки зрения самого Каценеленбаума в период 90—900-х годов приток иностранного капитала в Россию мог иметь место и имел место, как указывает большинство исследователей.

Но дело не только в этой исторической неточности проф. Каценеленбаума. Неверна вся его постановка аргументации от торгового баланса. Если проф. Каценеленбаум согласен при установлении сальдо по торговому балансу принять во внимание ввоз предметов вооружения и ввоз благородных металлов, то почему он отказывается при этом включить в этот расчет оплаты „услуг“ (транспорта, страхования, расходы туристов и т. д.), т. е. все статьи платежного баланса, за исключением тех, которые связаны с кредитными взаимоотношениями данной страны и заграничной? А при учете этих обстоятельств интересующая нас проблема связи России и заграничной выступит несколько иначе, чем она рисуется проф. Каценеленбауму. Известно, что до войны Россия уплачивала ежегодно за услуги иностранного торгового флота 125 млн. руб.¹

По подсчету Гурьева ежегодные расходы русских туристов достигали 50—60 млн. руб.; тогда как иностранные туристы расходовали в России около 10—15 млн. руб. Несколько десятков миллионов рублей достигала оплата услуг иностранных страховых предприятий.

Если сопоставить активное сальдо по нашему торговому балансу с часто пассивным сальдо по счету ввоза и вывоза благородных металлов, с пассивным сальдо по счету транспортных услуг, страховых услуг, расходов туристов, то получится, что, как правило, Россия не могла своим активным сальдо торгового баланса покрыть пассивности других статей платежного баланса, а это и обусловливало необходимость ввоза капитала.

Но и вообще невозможно по торговому балансу безошибочно судить о характере взаимоотношений между странами. Пассивность торгового баланса у стран, вывозящих капитал, не целиком объясняется эффектами от этих капиталов, а и статьями невидимого экспорта; равным образом активность торгового баланса ввозящих капитал стран не целиком объясняется их задолженностью за границей, а и ввозом „невидимых“ услуг.

Правда, Каценеленбаум на подобные соображения возражает: я отрицаю приток реальных капиталов, с юридической точки зрения, в смысле аккумуляции долга и т. д. ввоз капитала имел место. Постановка больше чем странная. Отношения между странами носят ценностную форму. В этом смысле все отношения между странами одинаково реальны. Практически вопрос стоит так: в своем развитии капиталистическая Россия часто не могла обеспечить собственными средствами тот радиус развития, которым она шла: требовался ввоз капитала (именно капитала, как собственности).¹ Отрицать это можно только по недоразумению.

Потребность России в иностранном капитале (в 90-х годах особенно) можно доказать и фактически.²

Решительные суждения Каценеленбаума по отношению к довоенной России поэтому надо признать решительно неверными: доказать, что ввоз капитала в Россию не было после 60-х годов, ему не удалось. А зачем надо было это доказывать? Мотивы были у него хорошие: проблему индустриализации СССР — говорит он — мы должны упирать во внутренние ресурсы. Последнее правильно. Но сомнительно, чтобы правильная политика нуждалась в неправильной теории. А теория проф. Каценеленбаума явно неверная.

Индустриализация в СССР

Проф. Каценеленбаум — индустриалист. Он согласен с тем, что внутренних ресурсов страны достаточно для осуществления плана индустриализации СССР. С чем он не согласен и против чего он

¹ В каких материальных формах ввозился этот капитал — это другой вопрос.

² М. Гольман, „Русский империализм“, изд. 1926 г., 306 стр.

¹ „Контр. цифры нар. хоз. СССР на 1927/28 г.“, 176 стр.

восстает это — практикуемые советской властью методы финансирования индустриализации.

Средства на индустриализацию могут слагаться: 1) из накопленной самой промышленностью (прибыль и сверхприбыль); 2) из бюджетных дотаций; 3) из средств, предоставляемых аппаратом кредита.

Проф. Каценеленбаум в истории хозяйственного развития СССР намечает три периода: 1) до 1924/25 г. основным коньком промышленного развития являлся кредит (главным образом, эмиссия); 2) в 1925/26 г. — бюджет, внутрипромышленное накопление, кредит; 3) с 1926/27 г. берется новый курс на почти полное устранение кредита как метода индустриализации и перевод дела индустриализации исключительно на бюджет и внутрипромышленное накопление.

Анализ данных, относящихся к третьему периоду, приводит его к выводу: «Вся система индустриализации строится на внутрипромышленном накоплении и бюджете, почти с полным устранением кредитного ресурса, а в самом бюджете кредитный источник в свою очередь играет ничтожную роль» (курсив автора. Л. К.).

Каценеленбаум удивляется этому «курсу» финансирования индустрии. Еще больше он удивлен тем, что этот, с его точки зрения, неправильный курс единодушно поддерживается всеми органами (ВСНХ, Госплан, Наркомфин) и даже прокламирован IV Съездом Советов.

Между тем, он убежден, что результаты этого курса могут быть самые плачевные. Он даже доказывает, что уже теперь эти результаты отрицательны. Он тревожно указывает на недостаточный темп роста хозяйства, запроектованный «пятилеткой»; он уверяет, что в исходе пятилетнего развития мы будем у того же самого «разбитого корыта»,¹ у которого мы стоим и сейчас.

А почему? Не потому, что в стране нет ресурсов. Они имеются. Но величина этих средств и та часть их, которую можно обратить на индустриализацию, «находятся в очень тесной связи с теми методами, с которыми мы к этому делу подходим». ² А подходим мы, по убеждению Каценеленбаума, с негодными средствами.

«Совершенно ясно, что результаты, которые может дать эта система (финансирования индустриализации путем внутрипромышленного накопления и бюджета. Л. К.), могут быть исключительно отрицательными. Чтобы это понять, мы должны, раньше всего иметь в виду, что в условиях советского хозяйства между бюджетом и внутрипромышленным накоплением по существу большой разницы нет, при чем как бюджетное накопление, так и внутрипромышленное накопление представляет собой изъятие части доходов отдельных лиц в порядке повышения цен на товары». ³

¹ Каценеленбаум, цит. статья («Соц. хоз.», 1927, кн. II), стр. 24.

² Каценеленбаум, стр. 19.

³ Каценеленбаум, стр. 27.

«Эти приемы, — продолжает он в другом месте, — извлечения дохода, ослабляя стимул к труду, вместе с тем ослабляют и накопления доходов и шансы на индустриализацию». ¹

Уже теперь, говорит Каценеленбаум, обнаружился признак ослабления к труду: в деревне среди крестьянства (недосев технических культур в 1926 г.); в городе среди «ремесленников, торговцев, служащих — словом всего городского населения». ²

Такой неправильной и вредоносной политики финансирования индустриализации Каценеленбаум противопоставляет свой метод. «Какой же отсюда вывод? Вывод следующий. Если мы хотим поставить на правильные рельсы проблему индустриализации, мы не должны подходить к аккумуляции национального накопления — чистого национального дохода трудового населения — такими методами, которые подрывают стимулы к труду (курсив здесь и ниже — автора. Л. К.), а должны подходить такими методами, которые не вызовут такой реакции. Индустриализация при помощи бюджета и внутрипромышленного накопления, т. е. при помощи высоких цен на товары, относится именно к тем методам, которые подрывают стимулы к труду... Этому методу противостоит метод аккумуляции чистого национального дохода при помощи кредита — метод, которым шла индустриализация в прошлом и который в наших условиях означает низкие цены на промтовары и стимулирование труда. Отсюда, далее, следует, что финансовый план «пятилетки» Госплана должен быть заменен планом прямо противоположным». ³

Практически проф. Каценеленбаум предлагает в ближайшее пятилетие стремиться к тому, чтобы из 18 млрд. руб. накопления, необходимых для индустриализации, по меньшей мере 9 млрд. собрать при помощи кредита.

Нам кажется и в критической и в положительной их части взгляды Каценеленбаума содержат следующие основные моменты, которые необходимо разобрать: 1) индустриализация, поборником которой выступает Каценеленбаум, не является социалистической индустриализацией; 2) Каценеленбаум не уяснил положительных сторон и социальной роли существующих методов финансирования индустриализации (бюджета и внутрипромышленного накопления); 3) выдвигание кредита как единственного и основного метода аккумуляции национального дохода для переходного хозяйства навеяно ему аналогией с капиталистическими отношениями и непониманием природы хозяйства СССР и генерального пути развития последнего;

¹ Каценеленбаум, стр. 29.

² Каценеленбаум, стр. 29.

³ Каценеленбаум, стр. 29.

4) объективно рекомендуемый им курс означал бы перевод дела индустриализации с рельс социалистических на рельсы капиталистические; уменьшение удельного веса сектора и оживление частно-собственнических и капиталистических отношений в стране.

Не случайно, когда Каценеленбаум, аргументируя необходимость перемены методов индустриализации, ссылается на то, что так шло дело в старой России и во всем мире.¹ Образцы капиталистической индустриализации — вот, с его точки зрения, модель нашего развития. Другой перспективы он не видит и не знает. Что это действительно так, можно видеть из того, что проф. Каценеленбаум процесс индустриализации берет только как техническую задачу, вне социальных связей. Он, напр., доказывает, что в СССР нет противников индустриализации за малым исключением деревенских кулаков, что в этом отношении интересы пролетариата, среднего крестьянства, ремесленников, торговцев, служащих сходятся. Такая гармония интересов и мыслей слишком хороша, чтобы быть реальной. Иона, действительно, нереальна. А получилась эта гармония проф. Каценеленбаума потому, что он разрешает каждому социальному классу или слою в понятие индустриализации вкладывать желаемое содержание. Совершенно верно, что торговцы, частные капиталисты вообще, за индустриализацию, если она капиталистическая. Но они против индустриализации, если она идет по стальным социалистическим рельсам. Не надо доказывать почему эти слои против, ибо социалистическая индустриализация для них равнозначна вытеснению, социальной смерти. Что эти слои против социалистической индустриализации, об этом не только можно догадываться, но об этом можно услышать из уст и писаний ученых профессоров.

С другой стороны, пролетариат и среднее крестьянство против капиталистической индустриализации, ибо это означало бы утерю экономической и политической гегемонии первым и жестокий путь разорения для вторых. Наоборот, и пролетариат и среднее крестьянство за социалистическую индустриализацию.

Так смеется логика над проф. Каценеленбаумом: он начал с того, что постарался взять индустриализацию вне социального аспекта, а пришел (объективно) к тому, что отстаивает индустриализацию, нужную капиталистическим и близким им слоям, ибо та индустриализация, за которую ратует Каценеленбаум, не социалистическая индустриализация.

В отношении внутрипромышленного накопления и бюджета проф. Каценеленбаум беспощаден. Вскользь упомянув о роли бюджета в деле „перераспределения накоплений, образующихся внутри государственного хозяйства“,² и в деле социального уравнивания, он,

естественно, переходит к обрисовке отрицательных сторон этих методов в нашем хозяйстве. Отрицательные же стороны того и другого заключаются, по его мнению, в том, что то и другое означает политику высоких цен, а следовательно, конфискацию чистого дохода, паралич накопления, притупление стимулов к труду и прочее.

„Мы не должны,— закликает он,— подходить к аккумуляции национального дохода трудового населения—такими методами, которые подрывают стимулы к труду“. Не только не следует подрывать методы к труду, следует поддерживать всячески частные сбережения.¹

Когда читаешь эти и подобные места из статей Каценеленбаума, невольно приходят на память другие авторы.

„Если оно (обложение. Л. К.) принимает слишком большие размеры, оно влечет за собой печальные последствия... Самый лучший финансовый план это — тратить как можно меньше, и самым лучшим является наименьший налог“.

Так писал 120 лет назад известный „князь науки“ — блистательный Сей.

Целое столетие, органические перевороты в способах производства, происшедшие в хозяйстве СССР, перемена в роли бюджета, смена цели хозяйства, изменение задач общества, стимулов труда, организации труда и проч., и проч.— ни что в отдельности, ни все вместе не могли удержать проф. Каценеленбаума от повторения доводов Сея. Такие доводы у А. Смита, Сея, Рикардо и др. были выражением естественного стремления буржуазного общества вырваться из пут феодальных отношений. За ними стояла логика и потребности развития капиталистической системы, основанной на свободной игре экономических сил.

В наших условиях, условиях трансформации атомизированного хозяйства в единое целостное хозяйство, повторение подобных лозунгов производит впечатление непонятного анахронизма.

Проф. Каценеленбаум говорит о подрыве стимулов к труду.

О каком „труде“ идет речь?

Каценеленбаум, ссылаясь на сокращение в 1926 г. площади посева некоторых технических культур, делает отсюда вывод, что наши методы индустриализации дают уже отрицательные результаты в виде свертывания труда крестьянства. Соотношения цен на технические культуры, действительно, были установлены невыгодно для крестьянства. Но этого нельзя сказать о всех с.-х. ценах. Опыт последних лет доказывает как раз другое; хозяйство середняка при существующих ценах и налогах может развиваться и развивается. Достаточно взглянуть на цифры, приводимые контрольными цифрами за 1927/28 г.: движение основных фондов по сельскому хо-

¹ Цит. статья, стр. 29.

² Там же, стр. 27.

¹ Каценеленбаум, стр. 31, 32.

зяйству дает за 1924/25 — 1927/28 гг. увеличение на 19,6%, в том числе по скоту — 30,8%, по мертвому инвентарю — 23,8%, по постройкам — 14,1%.

Каценеленбаум уверяет, что наша политика цен и налогов приводит к печальным результатам и в городе: у тех 8 млн. трудящихся, пишет он, которые заняты в городе, также падает стимул к труду. Но из 8 млн. 4,5 млн. рабочих госпромышленности! Кто станет отрицать, что воля к труду, стимулы к труду, на ряду с имеющейся личной заинтересованностью в оплате труда, здесь диктуются и другими факторами: профсоюзная организация, трудовая дисциплина, сознание общественного характера работы и т. д. Это могут отрицать только люди, просмотревшие изменения, происшедшие в нашем хозяйстве и в смысле стимулов работы, и в смысле целей хозяйства, и в смысле нового отношения рабочего к процессу труда.

Таким образом, для подавляющей массы трудящихся теперешняя система отношений не исключает наличия стимулов к труду. Они имеются. Кто же остается? Остается капиталист, мелкий производитель города, верхние слои деревни.

Тут, действительно, существующих стимулов к труду недостаточно. Для этих групп расширение рамок частного накопления было бы желательно. Но для пролетарского государства путь выращивания этих слоев и содействие их частному накоплению, естественно, не приемлем.

Но если внутрипромышленное накопление и бюджет отнюдь не уничтожают стимулов к труду у подавляющей части трудящихся, то они, с другой стороны, имеют за собой известные положительные основания.

Возьмем внутрипромышленное накопление. Как-то странно слышать тезис Каценеленбаума о том, что внутрипромышленное накопление следует исключить из числа методов финансирования индустриализации. Если допускается Каценеленбаумом накопление в частном хозяйстве, то почему он отрицает правомерность его в госпромышленности? Тут Каценеленбаум делает явное насилие над собственной логикой.

Наоборот, то обстоятельство, что госпромышленность — основа социалистических отношений в стране — обязывает ее к накоплению прежде всего на собственной основе, т.-е. собственного прибавочного продукта. Остается вопрос о сверхприбылях. Политика снижения цен и направлена на то, чтобы эти сверхприбыли, чем дальше, тем ближе приближались к нулю. Правда, проф. Каценеленбаум к политике снижения цен относится скептически, но это не мешает ей оставаться и правильной и реальной.

Возьмем бюджет. Каценеленбаум совершенно не отдает себе отчета в том громадном значении, которое приобретает бюджет в переходную эпоху; он видит только его отрицательные стороны. Для него бюджет — только инструмент перераспределения средств

внутри государственного круга.¹ О социальной роли бюджета он упоминает лишь вскользь, заявляя к тому же, что сама эта роль ограничена определенными рамками.² Тут все поставлено на голову. Значение бюджета как перераспределителя средств внутри государства как раз второстепенно, ибо здесь мыслимы и другие формы перераспределения. Наоборот, как аппарат перераспределения накоплений между социальными секторами бюджет представляется наиболее эффективным способом.

Спору нет, что наш бюджет мобилизует большую часть национального дохода, чем бюджет буржуазных стран. Так, напр., отношение бюджета к национальному доходу в 1925/26 г. выражалось (в %) для:³

Германии	15—20
Великобритании	14—15
Франции	10—12
СССР	24

Но это надо поставить советскому государству не в вину, а в заслугу. Ибо если буржуазное правительство, беря незначительную долю национального дохода, при собирании остальной части его может полагаться на слепые законы рынка, конкуренции, кредита и т. п., советское государство принципиально не может свести свой бюджет к сумме административных расходов. Плановое начало, господствующее в хозяйственной системе СССР, обязывает к достижению плановости и в процессах движения накоплений; положиться здесь на свободную (или полусвободную) игру экономических сил не только нежелательно с точки зрения общего движения к плановому хозяйству, но и практически невозможно, так как стихийного регулятора в хозяйственной системе нет, по крайней мере, не «испорченного» и не дополняемого правительственными мероприятиями.

Каценеленбаум предлагает сделать кредит единственным методом аккумуляции накоплений.

Откуда эта пламенная вера в беспредельное всемогущество кредита? Источников тут много: во-первых, Каценеленбаум принадлежит к тем теоретикам, которые приписывают кредиту способность творить капитал;⁴ во-вторых, даже для капиталистических отношений он явно преувеличивает роль кредита в процессе индустриализации; в-третьих, Каценеленбаум не критически переносит кредит (с его задачами, методами, возможностями) из капиталистических отношений в отношения СССР, существенно иные. Последнее обстоятельство особенно сильно испортило Каценеленбауму всю перспективу, все пропорции, всякое чутье к реальной роли кредита в наших условиях.

¹ Каценеленбаум, стр. 27.

² Там же, стр. 27.

³ Эвентов, «План. Хоз.» 1926 г., № 12.

⁴ «Я действительно признаю некоторое творчество капитала при помощи кредита» («Некоторые проблемы кредита», стр. 97).

Раньше всего неверно его утверждение, что фактически в СССР кредита не существует для промышленности и что во всем хозяйстве роль его ничтожна и т. п.

У нас никто ни теоретически, ни практически важности роли кредита в переходный период не отрицает. Но прежде всего — мера. А эта мера как раз не на стороне проф. Каценеленбаума. Полным и эффективным образом система кредита может развить присущие ей свойства (в том числе и централизацию средств) только в условиях капиталистического общества. Это показано и установлено Марксом.

Последний признавал за кредитом в условиях капиталистического общества громадное значение. Предсказывал он положительную роль кредита и в эпоху трансформации капиталистического общества в социалистическое. Но Маркс никогда, в отличие от утопистов, не утверждал, что на одном коне кредита можно в'ехать в социалистическое общество.

В т. III „Капитала“ Маркс писал: „Не подлежит никакому сомнению, что система кредита послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства, построенному на ассоциированном труде, однако, только как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства“.

Каценеленбаум на дело смотрит иначе. На докладе в Исследовательском институте МГУ он говорил, что взгляды классиков на денежное обращение и кредит никогда не будут „архаическими“ и что он еще в 1920/21 г. предсказал неизбежность восстановления правильных принципов денежного обращения в советской России... Эта восстановительная точка зрения захлестывает его и теперь. Развития хозяйства вне русла „нормальных“ буржуазных отношений он не видит. Отсюда та гипертрофированная роль, которую он навязывает кредиту в ходе развития нашего хозяйства. Между тем, роль кредита сама по себе не может быть столь всемогущей. Не всемогуща она даже в рамках капиталистических отношений. Достаточно припомнить все критические периоды капиталистических стран (войны и т. д.): кредит как метод централизации средств дает осечку и широко восполняется более действительными мерами. Надо ли говорить, что в условиях СССР, перед которым стоит задача перемены русла развития, ставка только на кредит не может быть сделана?

Основой всего плана Каценеленбаума является убеждение, что всю сумму частных накоплений можно помощью кредита направить в русло индустриализации. Однако, сам Каценеленбаум чувствует, что этим накоплениям, как базе индустриализации, грозит двойная опасность: во-первых, они могут быть с'едены; во-вторых, они могут не пойти вовсе в индустриализацию, поэтому он пробует дать гаран-

тии против таких возможностей. Но гарантии эти маловеские В самом деле, чем он мотивирует неизбежность накопления доходов? „Потребление имеет известные рамки, само в большей степени зависит от доходов“ (32 стр.). Хорошо. Но ведь доход возрастает, — почему же не будет расти потребление? Оно будет расти. Строчкой ниже Каценеленбаум уже отказывается от этой гарантии и успокаивает более скромной перспективой: „Оно (потребление) не может на протяжении длительного периода времени непрерывно поглощать весь добавочный доход“... Но частично, очевидно, может поглотить? Может и будет поглощать.

Несокрушимым оптимизмом веет от доводов Каценеленбаума, и тогда, когда он дает гарантии, что все накопления „естественно“, „легко“, скоро и пр. могут быть при помощи кредита стянуты в русло индустриализации. Здесь также выступает нескрываемый схематизм, шаблонный перенос капиталистических условий на наши существенно иные отношения. Верно, что при капитализме централизационная сила кредита давала значительный эффект, хотя и там она не мобилизовала всех накоплений. Верно, что в дореволюционной России кредит стягивал крупные средства, но он явно стягивал не все средства: крупные остатки натурального хозяйства, природа мелкого производителя, недостаточный аппарат кредита и т. п. мешали кредиту собрать все свободные средства населения. Кое-что из этих условий (например, малая товарность хозяйства) остаются у нас и теперь. А оставаясь, они неминуемо будут мешать мобилизации путем кредита всего накопления. В условиях медленности накопления в стране такую роскошь едва ли можно позволить.

Напряженный характер доходной части бюджета, о котором говорит тов. Брюханов и который (характер доходной части бюджета) не нравится Каценеленбауму, вместе с кредитом и является средством использовать для целей индустриализации максимум чистого дохода населения. В этом железная логика, как и железная необходимость.

Наконец, на тот счет, что некоторые группы (Каценеленбаум говорит только о кулаках; можно говорить и о городских капиталистических элементах), могут просто не дать своих накоплений на дело индустриализации, а обратить их на свое хозяйство или инвестировать, помимо государства, в какие-нибудь иные сферы, Каценеленбаум вовсе не дает никаких гарантий. Он думает, что этот отток средств в сторону от индустриализации компенсируется общим ростом этих средств. Но очевидно само собой, что при равных условиях возрастающие средства (накопления) в возрастающей степени могут идти мимо индустриализации.

Стольбная дорога нашей революции и нашего развития идет и не может не идти по линии замены частной собственности собственностью коллективной. Естественно поэтому, что все мероприятия советской власти неизбежно сопровождаются и носят на себе отпе-

чаток этой основной тенденции и задачи — содействовать превращению частной собственности в собственность коллективную. В этом отношении та расстановка или то разделение труда между бюджетом (против капиталистических элементов) и кредитом (для аккумуляции сбережений трудящихся), которая практикуется у нас, не так уже бессмысленна и неосмысленна, как это представляется проф. Каценеленбауму. Напротив, его метод финансирования индустриализации через кредит предполагает консервирование частной собственности и даже ее поощрение и поддержку. Ибо если в одном месте Каценеленбаум высказывается за стимулирование частного накопления, то в другом месте он не возражает против повышения процентных ставок. Если взять те цифры, которые Каценеленбаум в пятилетие предлагает собрать путем кредита (9 млрд. из 18 млрд.), то не трудно понять, что это означает увеличение долга государства на 9 млрд. руб. и необходимость выплачивать по этому долгу крупные суммы процентов. Частное накопление (притом определенных групп) при этом бесспорно усилится; социальное накопление, наоборот, замедлится.

Все это, в конечном счете, означает одно — движение навстречу частному капиталу, движение при этом в таких формах, которые очень и очень благоприятны частному денежному капиталу.

Идея народнохозяйственного баланса и ее элементы^{1 2}

1. Общий анализ идеи

1. Баланс нормативный и аналитический. Подходя к рассмотрению основных вопросов построения народнохозяйственного баланса и наблюдая обсуждение их в нашей и западно-европейской экономической литературе, прежде всего, приходится констатировать явную недоговоренность о самом предмете обсуждения, явную неопределенность самого понятия народнохозяйственного баланса.

Если продумать до конца различные оттенки и направления в его истолковании, то нужно будет притти к утверждению, что это понятие не является внутренне единым, а что перед нами целая система понятий, которые отчасти связаны друг с другом в порядке соподчинения высшим, более обобщенным представлениям, различными видами или элементами коих они являются, отчасти же противостоят друг другу в порядке противоположения совершенно различных идей, связанных лишь формально общностью некоторых немногих элементов.

Поэтому исходной задачей нужно считать точное определение и разграничение всей совокупности относящихся сюда идей и их элементов, ибо различный смысл, вкладываемый в основные понятия, неизбежно становится причиной взаимного непонимания и длительных дискуссий, значительная часть коих просто отпала бы при полной ясности объекта исследования.

Подходя с таким заданием к понятию народнохозяйственного баланса, нужно с самого начала резко размежевать две совершенно различные идеи, которые порою бессознательно в нем совмещаются.

Первая идея представляет народнохозяйственный баланс как некую систему хозяйственного равновесия, внутренней пропорциональности или гармонии различных частей и элементов народного хозяйства.

Это равновесие, как таковое, мыслится чем-то отличным от любой конкретно данной народнохозяйственной системы, которая

¹ Статья представляет собою часть доклада, разработанного по заданию Бюро баланса народного хозяйства ЦСУ.

² В порядке обсуждения. Ред.

почти неизбежно бывает проникнута целым рядом внутренних противоречий, дисгармоний и диспропорциональностей.

Такую идею хозяйственного равновесия мы будем называть нормативной идеей равновесия, а адекватное ей понятие народнохозяйственного баланса — нормативным понятием баланса. Ибо в ней заложено представление о чем-то экономически рациональном, желательном или должном в противоположность системе экономически нерациональной, нежелательной, но тем не менее, наличной, эмпирически данной нашему познанию и действию.

Именно эта нормативная идея равновесия наталкивает на мысль, что понятие баланса неприменимо к капиталистическому хозяйству, так как оно насквозь пронизано классовыми, групповыми и экономическими противоречиями, да и по отношению к советскому хозяйству в его нынешнем виде является трудно применимым, ибо здесь происходит лишь строительство социализма и социалистическое хозяйство не дано еще в развернутом виде, ибо здесь существуют противоречия разных классов и социальных групп, десятки миллионов мелких крестьянских хозяйств, стихия рынка и проч.

Но есть и другая идея народнохозяйственного баланса, которая берет любую возможную хозяйственную систему как данное. Исходя из нее, нет никакой нужды искать какого-то относительного, условного или даже фиктивного равновесия в любом данном капиталистическом хозяйстве, а наоборот — нужно прямо признать, что не только в нем, но и в советском хозяйстве, как и во всяком хозяйстве, кроме чисто социалистического,¹ неизбежны экономические дисгармонии и противоречия.

И все же построение народнохозяйственного баланса такой далеко неуравновешенной системы является не только вполне возможным, но и необходимым. В данном случае в идее баланса мыслится не система хозяйственного равновесия, а система экономического равновесия, экономической неуравновешенности. Эта система, может быть, и стремится к определенному, условному равновесию, но никогда не достигает его. Как в соотношении общих итогов производства и потребления, так и в соотношении отдельных элементов системы, баланс сводится чисто формально путем прибавления к меньшей сумме разности между нею и большей суммой.

Эту вторую идею баланса мы будем называть аналитической идеей равновесия, а адекватное ей понятие — аналитическим понятием народнохозяйственного баланса. Ибо

¹ Методологическое требование, выдвинутое еще в середине 90-х годов Г. Дитцелем, о необходимости при абстрактном анализе экономических проблем давать два параллельных решения — для капиталистического и для социалистического общества, как двух предельных типов хозяйственной организации, — имеет в наше время большее значение, чем когда-либо (См. Н. Dietzel, „Theoretische Sozialökonomik“. Bd. I, Leipzig, 1895).

задачей является здесь не только выявление условного, реально неосуществляемого равновесия, но и меры этой условности, суммы разностей, которые отличают данную хозяйственную систему от реального равновесия и превращают ее в систему разности.

Если угодно, то основной подход здесь ничем не отличается от подхода чисто бухгалтерского, учетно-статистического, и задача здесь ставится бухгалтерская или статистическая: нужно учесть, то, что имеется в действительности, со всеми его противоречиями, разностями и недостатками.

Ведь и всякий частнохозяйственный, бухгалтерский баланс является гораздо больше системой разности, чем равновесия. Реального равновесия и здесь не бывает почти никогда, формальное же, счетное равновесие осуществляется именно указанным выше способом — прибавлением к меньшей из сравниваемых сумм сальдо, т.е. разности между большей и меньшей суммой — прибыли или убытка.

Величина этого сальдо и является показателем степени неравновесия баланса в целом. Большие того, неравновесие и сальдо между активом и пассивом являются и в частном и в народном хозяйстве неизбежными и необходимыми. В противном случае перед нами было бы стационарное, а не развивающееся, не эволюционирующее хозяйство.

Как бы ни оценивать относительное значение этих двух основных идей, их необходимо тщательно разграничивать. Их логические взаимоотношения представляются нам в следующем виде. В порядке абстрактного анализа примат, несомненно, принадлежит нормативной идее баланса, ибо лишь сконструировав логическую схему взаимно уравновешивающих друг друга элементов хозяйственной системы, можно исследовать влияние отдельных противоречий и диспропорциональностей между различными элементами на всю хозяйственную систему в целом, т.е. сконструировать логические типы различных конкретно данных народнохозяйственных систем. Наоборот, в порядке конкретного анализа примат принадлежит аналитической идее баланса, ибо стремиться к определенной рационализации или нормализации любой данной хозяйственной системы можно, лишь с полной ясностью определив и исчислив меру расхождения отдельных ее элементов. Лишь зная конкретное строение данного народного хозяйства и степень диспропорциональности ее частей, можно выдвигать те или иные проекты хозяйственной реконструкции, которые в своем существе всегда сводятся к противопоставлению аналитическому балансу данной хозяйственной системы — ее возможного нормативного баланса.

Иллюстрацией первого из этих тезисов могут служить схемы II тома марковского „Капитала“, которые в своей первоначальной форме дают не что иное, как нормальную систему равно-

внесия элементов капиталистического хозяйства и которым можно противопоставить различные виды систем неравновесия. Второй тезис в несколько ином выражении издавна выдвигался В. Г. Громаном в его утверждении, что плановое хозяйство может вестись только на основе народнохозяйственного баланса. Это утверждение расшифровывается именно таким образом, что построить рациональную или „нормализованную“ систему любого данного народного хозяйства можно лишь выявив детально ее эмпирически данную структуру путем построения аналитического баланса.

Таким образом, можно утверждать, что плановое хозяйство нуждается одновременно в обеих системах баланса как аналитической, так и нормативной, а для того чтобы их построить, их необходимо совершенно отчетливо различать.

2. Баланс бесконъюнктурный и оптимальный. Общее понятие нормативного баланса может быть определено следующим образом. Это—количественное выражение элементов народнохозяйственной системы в целях выявления наиболее рациональных соотношений между ними, дающих максимальный экономический эффект в течение определенного отрезка времени.

Рассматривая более детально содержание понятия нормативного баланса, мы можем, далее, различить в нем две основные идеи. Первая из них воплощает в себе представление о такой системе равновесия, которая обеспечивала бы совершенно плавный, бесперебойный процесс экономического развития. Прогресс и усложнение хозяйственной системы должны совершаться таким образом, чтобы равновесие отдельных частей в процессе развития не нарушалось, ибо такое нарушение означает неизбежно определенное снижение эффективности хозяйственной системы в целом, напрасную растрату средств, имеющихся в ее распоряжении. Такую идею равновесия мы будем называть идеей бесконъюнктурного равновесия, а соответствующее ей понятие баланса—бесконъюнктурным понятием баланса. Именно такое равновесие лежит в основе идеи бесконъюнктурного хозяйства, которая в последнее время довольно оживленно обсуждается на Западе.

У нас такую систему называют нередко также бескризисным хозяйством, но этот термин является слишком узким. В системе хозяйственного равновесия подлежат устранению не только кризисы, как явления товарного перепроизводства, товарного избытка или товарного голода, но так же и те конъюнктурные подьемы, которые обычно предшествуют капиталистическим кризисам и которые представляют собой не что иное, как перенапряжение и истощение производительных сил. Иными словами, подлежат устранению все колебания конъюнктуры вообще, а с ними и само понятие конъюнктуры, как понятие ненормального, неуравновешенного соотношения между

спросом и предложением или производством и потреблением товаров.

Однако, есть еще и другая идея нормативного баланса, которая внедряется гораздо глубже и стремится гораздо больше рационализировать соотношение отдельных элементов хозяйственной системы. Это идея такого сочетания различных отраслей народного хозяйства, которое в каждый данный момент давало бы максимальный хозяйственный эффект, было бы оптимальным для хозяйственной системы в целом. Здесь речь идет не только об устранении тех перебоев или „конъюнктур“, которые стихийно слагаются в процессе экономической эволюции, приводя к ненужной растрате или неполному использованию хозяйственных ценностей. Здесь речь идет о максимальном использовании наличного в каждый данный момент запаса сил и средств путем определенной перетасовки их для построения оптимальной комбинации элементов народного хозяйства. Эту идею мы будем называть идеей оптимального баланса народного хозяйства.

Каждая из этих двух идей может мыслиться независимо друг от друга, как совершенно самостоятельное задание при построении нормативного баланса. Однако, продумывая дальше взаимоотношения между этими двумя заданиями, мы приходим к следующему выводу. Вполне независимой является лишь первая идея бесконъюнктурного баланса, которая имеет заданием устранить ненужные трения и перебои в процессе развития. Вторая идея оптимального баланса, которая имеет заданием дать максимально эффективную в каждый данный момент комбинацию элементов хозяйственной системы, тем самым включает в себя и первое задание, которое, таким образом, оказывается лишь частью второго.

3. Баланс сальдовый и структурный. Переходя к рассмотрению аналитического понятия народнохозяйственного баланса, мы также должны различить в нем два самостоятельных вида в зависимости от объема заданий, которые ставятся при его построении.

Определение общего понятия аналитического баланса может быть дано следующей формулировкой: это—количественное выражение элементов данной системы народного хозяйства и их соотношений в целях выявления объективных результатов или степени эффективности системы в течение определенного отрезка времени.

Уже из этого определения видно, что аналитический баланс включает два различных задания: а) определение эффективности народнохозяйственного процесса и б) определение взаимоотношения элементов во время осуществления этого процесса.

Притом, так как здесь явно имеются в виду динамические соотношения, то сравнение системы элементов в начале и в конце периода должно также дать при сколько-нибудь неравномерном развитии целый комплекс внутренних сальдо (положительных и отрицательных) в пользу одних и за счет других элементов.

Баланс, который ставит себе задачей разрешение одной только первой задачи—определение итоговых результатов хозяйствования,—мы будем называть сальдовым (или результативным, итоговым) балансом.

Баланс же, который имеет целью разрешение второй задачи, мы будем именовать структурным балансом.

Как нужно мыслить взаимоотношения обоих типов аналитического баланса? Наиболее существенно здесь следующее.

Сальдовый баланс при определенных условиях может быть построен и исчислен совершенно самостоятельно и независимо от взаимоотношения элементов народного хозяйства, путем определения разности между суммой народного богатства в начале и конце балансового периода.

Напротив, структурный баланс, выявляющий соотношение элементов хозяйственной системы и их взаимные сальдо, конечно, неизбежно включает в себя и баланс сальдовый, как свое заключительное звено, хотя основное задание построения может быть совсем не в этом.

Получается известная аналогия с тем соотношением, которое мы видели выше между бесконъюнктурным и оптимальным балансом, хотя эти понятия лежат в совершенно иной плоскости.

4. Три типа структурного баланса. Однако, приведенных трех разграничений еще недостаточно, для того чтобы выявить основные типы народнохозяйственного баланса. Уже из общего определения аналитического баланса следует, что поскольку речь идет о соотношении элементов хозяйственной системы, и самое построение баланса будет различным в зависимости от того, каковы ее элементы и какие из них считать существенно важными для принципиальной характеристики системы.

Можно наметить три типа элементов в зависимости от того, будем ли мы подходить к этому вопросу с точки зрения чисто экономической, социальной или социально-организационной.

а) В самом деле, в основу построения баланса можно положить различные отрасли производства и хозяйственной деятельности вообще: сельское хозяйство, промышленность, торговля и пр.,—с целью исследовать по каждой из них отдельно соотношение между суммой создаваемых и потребляемых ими ценностей. Такой баланс мы будем называть хозяйственно-структурным. б) Можно отвлечься от различий этих отраслей и произвести исчисление по важнейшим общественным классам и группам: рабочие, крестьяне, ремесленники, предприниматели, землевладельцы и пр. При этом речь уже будет идти не о соотношении между производством и потреблением,—ибо ряд социальных групп капиталистического хозяйства ни в каком производстве не занят,—а о соотношении между их доходом и расходом. Такой баланс мы будем именовать социально-структурным. в) Наконец, можно взять за основу рас-

членения баланса различные типы социальной организации предприятий, т.е. размежевать предприятия социалистического, капиталистического, простого товарного и прочих типов. Такой баланс мы будем называть социально-организационным.

Можно создавать и различные комбинации этих разграничений результатом чего будут разные виды комбинационного структурного баланса с разной степенью сложности.

Каково же сравнительное значение этих различных классификаций элементов народного хозяйства для анализа эмпирического материала?

Наиболее устойчивой и универсальной среди этих классификаций является первая классификация—по отраслям хозяйства, ибо она остается независимой ни от каких перемен в социальном строении народного хозяйства, сохраняя свое значение и для простого товарного, и для капиталистического, и для социалистического хозяйства.

Вторая классификация имеет значение преимущественно для капиталистического хозяйства. В развернутом социалистическом хозяйстве она исчезает, ибо исчезает основа классификации—общественные классы.

Наконец, третья классификация имеет значение преимущественно для хозяйств переходного типа, каким является, напр., наше советское хозяйство. Логически рассуждая, и в чисто капиталистическом хозяйстве можно разграничить на ряду с частнокапиталистическими предприятиями целый ряд иных: государственно-капиталистические, муниципальные, кооперативные, большее число так называемых „смешанных“ предприятий, которые организуются совместно государством или муниципалитетами, с одной стороны, и частным капиталом—с другой; наконец, простые товарные предприятия крестьян, ремесленников и пр., не пользующихся наемной рабочей силой.

Однако, все эти различия не имеют актуального, жизненного значения прежде всего потому, что разные типы предприятий ведутся здесь по одним и тем же капиталистическим принципам—и государственные, и кооперативные, и пр. Даже простые товарные хозяйства являются капиталистическими в потенциале и постоянно переходят эту рубрику. Кроме того, здесь нет или почти нет активной борьбы различных социально-организационных форм. Борьба ведется лишь в порядке конкуренции, при чем слабейшие товарные хозяйства стремятся победить своих соперников всеми возможными способами, при чем, однако, ему совершенно безразлично, является ли его соперником „смешанное“, кооперативное или частнокапиталистическое предприятие.

Напротив, в хозяйствах переходного типа, во-первых, сочетаются прямо противоположные принципы организации предприя-

тий и, во-вторых, борьба между ними ведется не только в порядке общеэкономической конкуренции, но и во имя осуществления того или иного принципа.

Как известно, в хозяйстве СССР В. И. Ленин разграничил пять различных типов социального уклада: а) патриархальное хозяйство, б) мелко-товарное, в) частно-капиталистическое, г) государственно-капиталистическое и д) социалистическое.

В. Г. Громан различает в последнем типе две различные формы (α) государственно-социалистическую и (β) кооперативно-социалистическую, так что всего получается 6 социальных форм.¹

С. Г. Струмилин различает в своих схемах народнохозяйственного баланса только три социальных сектора: а) социалистический, б) капиталистический и в) простой товарный.²

В заключение заметим еще следующее. Какой бы тип классификации элементов ни класть в основу при построении баланса, возникает дальнейший общий вопрос — о принципах группировки этих элементов народного хозяйства. Здесь также возможны две системы.

Можно просто группировать их в порядке общей связи и последовательности различных групп по общеэкономическим признакам и соображениям. Но возможен и другой подход, поскольку конечной задачей построения баланса является все же определение эффективности народного хозяйства в целом, постольку интересно сгруппировать различные отрасли, социальные группы и пр. по признаку их отношения к общехозяйственному сальдо и доле участия в нем.

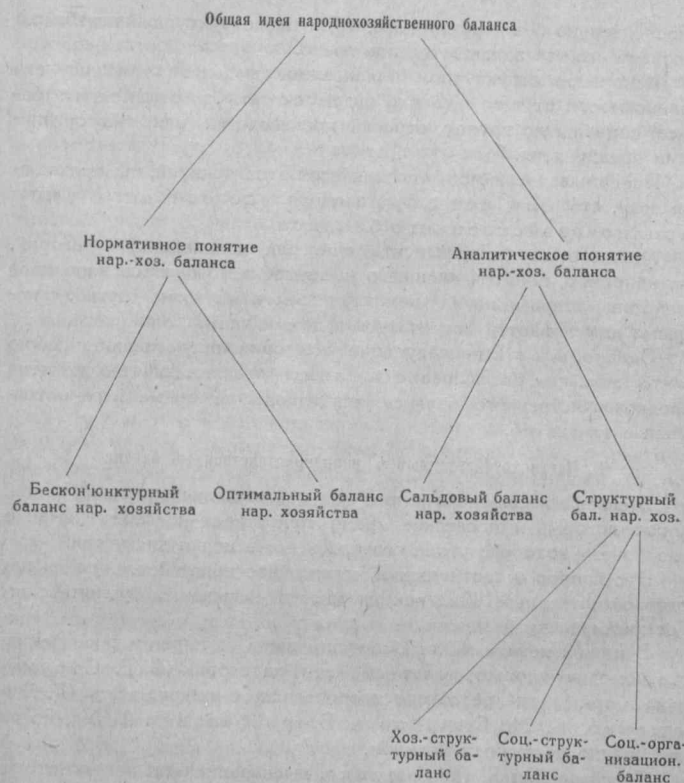
Тогда основным критерием группировки явится вопрос, дает ли каждая данная группа положительное или отрицательное сальдо в общехозяйственном балансе. Вторичным же критерием явится степень эффективности каждой данной группы, т.е. относительная величина сальдо по сравнению с общей суммой производства или дохода данной группы, с одной стороны, и по сравнению с общехозяйственным сальдо — с другой.

Этот момент может быть учтен в общей схеме народнохозяйственного баланса при наличии достаточного материала еще и в иной форме. А именно: сохраняя в общей группировке классификацию по общеэкономическим признакам, можно в пределах каждой данной группы различать отдельные подгруппы по указанному критерию степени эффективности, а значит и влияния на общий итог народнохозяйственного баланса.

5. Общая схема основных типов народнохозяйственного баланса. В результате мы получаем следующую схему основных понятий народнохозяйственного баланса.

¹ В. Г. Громан, «Баланс народного хозяйства». «План. Хоз.», № 11 за 1926 г., стр. 79.

² С. Г. Струмилин, «О методах построения баланса народного хозяйства», «Статистический Вестник», № 1 за 1927 г. стр. 56.

В общей идее баланса, несформировавшейся и недоразвитой, мы разграничили два направления мысли и, развивая их, построили два исходных понятия баланса: нормативное и аналитическое. Первое из них мы разложили затем еще на два понятия в зависимости от критерия, которым обуславливается искомое хозяйственное равновесие: понятия бесконъюнктурного и оптимального баланса. Соотношения этих понятий, равно как и лежащих в их основе критериев не является соотношением простого соподчинения более общей категории нормативного баланса. Оно скорее определяется различным объемом заданий, ибо если бесконъюнктурный баланс теоретически мыслим как совершенно самостоятельное построение, то оптимальный баланс неизбежно включает его в свой состав. Второе, аналитическое понятие мы также разложили на два вида в зависимости от объема заданий: сальдовый баланс мыслим и совершенно

самостоятельно без структурного, тогда как структурный неизбежно включает его как заключительное звено.

Наконец, в структурном балансе мы выделили три типа его в зависимости от того, что мы будем считать элементами баланса: социальную группу, отрасль производства или тип организации предприятия.

Продумывая взаимоотношения всех этих понятий, мы приходим к выводу, что ими исчерпываются все основные типы народнохозяйственного баланса.

Можно было бы различить еще ряд дальнейших категорий, как, например, понятия внешнего и внутреннего баланса народного хозяйства, материального и нематериального и многие другие, с которыми нам придется встречаться в дальнейшем.

Однако, все эти последующие категории представляют собою не что иное, как различные составные части общего понятия народнохозяйственного баланса, но отнюдь не новые и самостоятельные типы его.

II. Частнохозяйственный и народнохозяйственный баланс

В связи с изложенным имеет существенное значение один общий вопрос, который в последнее время привлекает к себе внимание и по поводу которого у нас создалась даже целая дискуссия.

Это вопрос о соотношении между частнохозяйственным и народнохозяйственным или, как их иногда называют, бухгалтерским и статистическим балансом.

В нашей печати были сформулированы четыре точки зрения, из коих одна отождествляет обе эти категории (С. Г. Струмилин), а три другие резко противопоставляют их друг другу (Л. Литошенко, В. М. Смирнов и Бюро баланса ЦСУ), но по совершенно различным мотивам.

Точка зрения Л. Литошенко, высказанная им в пояснительном тексте к „Балансу народного хозяйства СССР за 1923/24 г.“ изданном ЦСУ, сводится к тому, что различие частнохозяйственного и народнохозяйственного баланса заключается в самом задании их построения. Задачей бухгалтерского баланса является определение результатов хозяйственной деятельности, тогда как в народнохозяйственном балансе такая задача отсутствует по той простой причине, что здесь нельзя найти самого критерия результативности хозяйственного процесса.

На это В. Г. Громан весьма метко отвечает, что „если бы баланс народного хозяйства не мог определить результатов расширенного воспроизводства, то его не зачем было бы и составлять“.¹

¹ См. также В. Г. Громан, „Баланс народного хозяйства“ „План. Хоз.“, № 11 за 1926 г., стр. 78—79.

Его же „О теории баланса народного хозяйства и методах его построения“, „Статистический Вестник“, № 1 за 1927 г., стр. 46.

Возражение сформулировано вполне убедительно. В самом деле, если придерживаться указанной точки зрения, то становится совершенно непонятным, в чем же заключается основное задание народнохозяйственного баланса? Больше того: здесь совершенно утрачивается самый смысл этого понятия, оно не только становится расплывчатым и неопределенным, но как таковое просто перестает существовать. Поэтому, будучи последовательным, с этой точки зрения нужно отвергнуть самую категорию народнохозяйственного баланса, а не противопоставлять ее частнохозяйственному.

В совершенно иной сфере ищет различий между частнохозяйственным и народнохозяйственным балансом В. М. Смирнов. Для него объектом народнохозяйственного баланса являются лишь материальные ценности, тогда как в частнохозяйственном балансе первостепенную роль на ряду с ними играют кредитные отношения. „Развитие кредитных отношений вообще и банковской системы в частности, — пишет он, — крайне искажает и затуманивает эту основную формулу баланса. В нем появляются статьи под названием дебиторов... в активе и кредиторов..., покрывающаяся часть которых представляет собою просто фиктивный капитал, не имеющий во всей совокупности народного хозяйства никакого материального субстрата, хотя бы даже денежного.“

Больше того, если бы мы даже сбалансировали эти статьи... вводя в баланс лишь сальдо по дебиторам и кредиторам, то и тогда суммы денежных остатков отдельных предприятий, которые составят сумму денежных их капиталов, никак не могут совпасть с суммой общественного денежного капитала, который благодаря концентрации денежных капиталов в банках будет несравненно меньше их суммы. Вводя эти статьи в баланс народного хозяйства мы только мажорируем... его, при чем степень этого мажорирования из года в год будет различна: она будет зависеть от степени развития кредитных отношений... Разница между частнохозяйственным и народнохозяйственным балансом выступает здесь весьма резко“.¹

Итак, основным критерием этого противопоставления является наличие или отсутствие кредитных отношений на ряду с чисто материальными ценностями. Этот критерий в первую минуту столь импонирует своей четкостью и осязательностью, что все противопоставление кажется совершенно неотразимым.

Однако, при ближайшем анализе оно быстро теряет либо свою четкость, либо свою реальность, и, в конечном счете, в том и в другом случае оказывается неправильным.

Прежде всего, совершенно неясно, мыслит ли В. М. Смирнов, что в народнохозяйственном балансе материальные ценности имеют исключительное значение или только преимущественное по сравнению с частнохозяйственным.

¹ В. М. Смирнов, „По поводу тезисов т.т. Громана и Струмилина о балансе народного хозяйства“, „Статистический Вестник“, № 1 за 1927 г., стр. 67.

В первом случае его критерий утрачивает свою реальность и оказывается просто неверным, во втором случае — свою четкость, ибо превращается из принципиального в чисто количественный и тем самым не может ничего разграничить.

В самом деле, о полном исключении обязательств из народно-хозяйственного баланса не может быть и речи уже потому, что в него неизбежно входят обязательства по отношению к другим странам. Но больше того: посмотрим на любой сводный баланс крупного частного предприятия, имеющего ряд отделений, филиалов и т. п. Каждый из этих филиалов имеет свой баланс со своими расчетами и обязательствами по отношению к другим филиалам, заводам и пр. При составлении сводного баланса всего предприятия в целом все эти взаимные обязательства и расчеты балансируются и только их сальдо попадает в него. Стало быть, чем больше хозяйственная ячейка или предприятие, тем меньшую роль играют в нем обязательства и тем большую чисто материальные ценности. Народное хозяйство, как комплекс — наибольшего масштаба, стоит лишь на вершине этой лестницы и его сводный баланс в этом отношении ничем принципиально не отличается от баланса какого-нибудь Круппа или Форда, а тем более от сводного баланса какого-либо синдиката или треста.

Но, может быть, в этом случае общая сумма ресурсов народного хозяйства окажется преувеличенной?

Для разрешения этого вопроса необходимо резко различать понятия сальдового и структурного баланса или даже только сальдо народнохозяйственного баланса и его структуру.

В сальдовом балансе, имеющем целью выявить только чистую разность между производством и потреблением плюс сальдо внешних обязательств, все взаимные обязательства отдельных предприятий, конечно, утрачивают свое значение и взаимно нивелируют друг друга. Они не могут попасть в итоговое сальдо при правильном его построении.

В структурном же балансе, имеющем целью выявить не только общий народнохозяйственный итог, но и взаимоотношения элементов системы, их взаимное балансирование, — полный учет обязательств различных отраслей или социальных групп хозяйства, — безусловно необходим, ибо, в противном случае, именно передвижка сил внутри системы останется невыявленной.

Но ведь сумма сальдо этих обязательств, — аргументирует В. М. Смирнов, — значительно больше суммы „общественного денежного капитала“. Разве разность эта не фиктивна? На это нужно ответить, что она фиктивна только с точки зрения итогового сальдо всего народного хозяйства в целом. В аспекте же соотношений между отдельными отраслями, группами и пр. народного хозяйства она вполне реальна. Ибо с этой точки зрения нет никакой разницы между металлическими и бумажными деньгами, с одной стороны,

и между бумажными деньгами и кредитными обязательствами с другой, а значит и между звонкой монетой и обязательствами. Ибо все они представляют собою определенные правопритязания на большую или меньшую долю товаров и ценностей, находящихся в народном обращении.

Но в итоговое сальдо при правильном его составлении, повторяем, они попасть не могут.

Наконец, третье разграничение частно- и народнохозяйственного баланса выдвигают тезисы Бюро баланса народного хозяйства ЦСУ „Конечной целью бухгалтерского баланса, — значитесь здесь (22 тезис), — является определение результатов хозяйственной деятельности предприятий, прибыли или убытка за тот или иной период. Задача баланса народного хозяйства должна быть более обширной. Он должен показать не только конечный результат процесса расширенного воспроизводства, накопления или уменьшения народнохозяйственных фондов, но он должен определить изменения в общем уровне и структуре производительных сил и те зависимости различных элементов народного хозяйства, которые определяют для данного периода именно такую статику и динамику явлений“¹.

Итак, здесь частнохозяйственный и народнохозяйственный балансы противопоставляются друг другу лишь по объекту их заданий. Выражаясь терминами, которые мы установили выше, частнохозяйственный баланс мыслится здесь только как баланс сальдовый, а народнохозяйственный — как баланс структурный. С таким противопоставлением точно также нельзя согласиться. Задачей каждого правильно построенного частнохозяйственного баланса является далеко не только выведение голого итога прибыли или убытка, но и выявление всех элементов структуры данного предприятия — наличных у него „производительных сил“, кредитных отношений с другими предприятиями, а равно и всех условий, вызывающих именно данный уровень прибыли или убытка предприятия, т. е. в конечном счете данный тип его статики и динамики.

В противном случае, одни лишь голые цифры прибыли и убытка не могут дать никакого представления о его действительном положении, и объективных возможностях его рентабельной эксплуатации. Больше того, они не могут даже служить показателем его действительной рентабельности, ибо эта последняя является всегда категорией относительной, а масштаб для определения относительной величины прибыли или убытка только и может быть найден во всей совокупности объективных показаний и факторов, определяющих собою статику и динамику данного предприятия.

Правда, на деле балансы предприятий часто составляются так, что лишь затуманивают перед внешним миром его истинное положение. И искусство практической бухгалтерии капиталистического

¹ См. статью В. Зейлингера и Б. Гухмана в № 4 „План. Хоз.“ за 1928 год.

мира в значительной мере состоит в том, чтобы изменить объективные показания и скрыть их от слишком любопытных взоров. Но это дело именно специфической практики, а отнюдь не принципиального задания частнохозяйственного баланса. И в этих случаях не только общезакономерная, но и специальная биржевая пресса на Западе не стесняется называть вещи своими именами и констатировать, что „из опубликованного только-то баланса предприятия *NN* совершенно невозможно уяснить себе его истинного положения“.

Поэтому и здесь нельзя искать различия между кругом задач частнохозяйственного (бухгалтерского) и народнохозяйственного (статистического) баланса. Развернутый бухгалтерский баланс должен быть не только сальдовым, но и структурным балансом.¹

Тогда, может быть, следует признать правильной точку зрения С. Г. Струмилина, который по существу их просто отождествляет?

„Баланс народного хозяйства в целом, — пишет он, — может быть построен лишь на основе балансов отдельных отраслей хозяйства и социальных укладов. С этой точки зрения баланс народного хозяйства не может отличаться по своей структуре от частнохозяйственных балансов, на основе которых он строится“.²

Нам думается, однако, что и с этим тезисом согласиться нельзя, ибо между обоими балансами имеется весьма существенное, принципиальное различие, только совсем не там, где его искали предшествовавшие противопоставления.

Мы можем формулировать следующий тезис.

По отношению к материальным производительным силам никакой разницы между обоими типами баланса нет и не может быть. Оба представляют собою не только сальдовые (результативные), но и структурные балансы. Принципиальная разница между ними в их отношении к живым производительным силам — к человеческому труду. Частнохозяйственный баланс рассматривает хозяйственный процесс только как обращение капитала, т. е. „ценности, приносящей прибавочную ценность“ (К. Маркс).

Ценности этого рода учитываются бухгалтерским балансом лишь постольку, поскольку они получают то или иное материальное выражение (средства и материалы производства, строения, ценные бумаги, обязательства и пр.) и могут быть объектом частной собственности. Напротив, человеческий труд и рабочая сила являются в этом аспекте лишь внешними условиями „обращения“ капитала, лишь элементом издержек производства.

¹ В нашей статье „К анализу основных понятий внешней торговли“ („Вопросы торговли“, № 4, январь 1928 г.) мы выдвинули вопрос о превращении и обычного торгового баланса из сальдового в структурный.

² С. Г. Струмилин, „О методах построения баланса народного хозяйства и в частности народного дохода“, „Статистический Вестник“, № 1 за 1927 г., стр. 56.

Такая точка зрения, очевидно, неприемлема и невозможна для народнохозяйственного баланса. Элементами этого последнего неизбежно должны быть трудовые затраты, потребление населения и воспроизводство рабочей силы. Без учета наличной рабочей силы невозможно построение ни начинательного, ни заключительного баланса, без учета потребления населения как материального эквивалента труда и орудия воспроизводства рабочей силы невозможно составление оборотной ведомости народного хозяйства.

Больше того. В этой связи явно трансформируется самый критерий эффективности баланса при переходе от частного хозяйства к народному хозяйству. Если в первом единственным и вполне достаточным критерием является чистая имущественная разность, то во втором этого очевидно недостаточно, ибо прирост имущества может быть куплен ценою повышения эксплуатации труда и сокращения потребления населения, а убыль его может быть следствием роста этого потребления, повышающего не только количество трудовых ресурсов, но и квалификацию рабочей силы.

Очевидно, что здесь правильный критерий эффективности должен так или иначе включать также и категорию потребления.

Итак, мы нашли действительно существенное, принципиальное различие между частно- и народнохозяйственным балансом, но оно лежит совсем не там, где его искали разобранные выше противопоставления.

III. Критика идеи народнохозяйственного баланса Пауля Гермберга

Развитые только что положения непосредственно приводят нас к существу той критики идеи народнохозяйственного баланса, которая недавно была развита в немецкой литературе. Мы имеем в виду работу Пауля Гермберга, выпустившего несколько месяцев тому назад небольшую книжку под заманчивым названием „Народнохозяйственные балансы“.¹ Автор последовательно рассматривает в качестве возможных измерителей успешности народнохозяйственного процесса торговый баланс, платежный баланс, народнохозяйственный баланс, народное богатство и народный доход и приходит при этом к крайне неутешительным выводам, ибо ни одна из указанных категорий, по его мнению, не удовлетворяет тем требованиям, которые необходимо предъявить к правильному измерителю народнохозяйственной эффективности.

„В виду этого должен возникнуть вопрос, не правильнее ли при поисках масштабов народнохозяйственного успеха пойти другим... путем экономической статистики, и вместо того, чтобы определять совокупную величину, которую выражает этот успех, попытаться

¹ Paul Hermberg, „Volkswirtschaftliche Bilanzen. Handels, Zahlung und Wirtschaftsbilanz als Masstab Volkswirtschaftlicher Erfolgsrechnung. Leipzig, 1927.

установить, как типически отражается хозяйственное развитие в единичных хозяйствах. Тогда у нас получается задача охватить в качестве масштаба успешности народного хозяйства типический успех отдельных хозяйств... И далее, нужно спросить, не представится ли более правильным, в виду пестрых различий единичных хозяйств, с самого начала не пытаться определить типический успех в его количественном выражении (in seiner Grösse), но уже сначала ограничиться тем, чтобы схватить определенные симптомы, которые указывают на развитие в том или ином направлении, установить корреляции и, таким образом, в значительной мере окружить успех, который сам по себе не может быть установлен.

При этом всплывут опять определенные суммы или средние, которые играют роль в связи с рассмотренными народнохозяйственными балансами, как, напр., имущественные сдвиги по отношению к другим странам, сумма единичных доходов граждан данного государства и др., которые нужно оценить как симптомы в связи с прочими показателями¹.

Останавливаясь только на той части работы П. Гермберга, которая посвящена вопросу о народнохозяйственном балансе, нужно сказать, что здесь мы имеем первый опыт систематического анализа и критики этой идеи. Хотя эта часть по объему и невелика, в ней содержится несколько остро задуманных аргументов, которые безусловно заслуживают того, чтобы их проанализировать возможно более тщательно. Важнейшие из этих аргументов, не вполне отчетливо разграниченные у автора, могут быть кратко сформулированы следующим образом.

1. Рост суммы частных имуществ, которая статистически подставляется на место совокупного народного имущества, не может служить показателем эффективности народного хозяйства, потому что он может явиться следствием повышения частных доходов от чужого труда, т.е. изменения в соотношении сил между трудом и капиталом.

„Увеличение имущества,— пишет П. Гермберг,— может иметь основанием просто более высокую оценку капитальных благ имеющего и тем самым сводится к простой передвинжке сил между хозяйственными группами народа. Оно может означать также только усилившуюся возможность получить доход от чужого труда... напр., повышение арендных платежей повышает имущественную ценность благ“ (стр. 16—17).

2) В частном хозяйстве масштабом является меновая ценность, которая не пригодна для измерения соотношений с точки зрения народного хозяйства. Поэтому и суммирование „социального капитала“ практически невозможно в силу отсутствия единого масштаба ценности.

„Конструкция народного имущества или народного богатства имеет только тогда смысл, если удастся последовательно пройти путь до конца и заменить частнохозяйственный масштаб меновой ценности народнохозяйственным масштабом потребительской ценности, ибо различие между благом, как объектом частного имущества, с одной стороны, и народного имущества — с другой, равнозначное в конечном счете противоречию между рентабельностью и производительностью“ (стр. 19).

3) Балансовая схема учитывает лишь изменения в объеме производственного аппарата, которые могут быть следствием сжатия потребления населения.

„Может ли считаться балансовое сальдо, которое показывает, насколько возрос в течение года материальный производственный аппарат народного хозяйства, действительно при всех условиях масштабом успешности последнего в этом году? А если это увеличение произошло за счет необходимого потребления человека, если люди гибли и умирали в то время, как машинный аппарат постоянно расширялся? Не необходимо ли включить в расчет также и людей?“

Зачем вообще должен увеличиваться производственный аппарат хозяйства? В конечном счете только для того, чтобы лучше снабжать людей. Но правильно ли тогда искать ответа на вопрос об успешности хозяйства обходным путем, при помощи вопроса о расширении производственного аппарата? Не правильнее ли было бы спрашивать прямо об этом снабжении?“ (стр. 20).

4) Балансовая схема применима лишь в приобретательском хозяйстве, но не может быть мерилем успешности народного хозяйства.

„Самостоятельное приобретательское хозяйство (Erwerbswirtschaft), то частичное хозяйство, которое выступает на первый план в капиталистическом меновом хозяйстве и сепаратизация и отрыв которого от потребительского хозяйства составляет главное содержание экономической истории последних 150 лет, выполняет свою задачу в получении возможно большего излишка меновых ценностей“... „Баланс составляется только для самостоятельного приобретательского хозяйства. Там, где его отмежевание от хозяйства потребителя еще не проведено полностью, как, напр., в крестьянском хозяйстве, там составление баланса возможно лишь постольку, поскольку его можно, по крайней мере, фиктивно рассматривать, как чисто приобретательское хозяйство его владельца“... „Народное хозяйство никогда не может мыслиться в форме чисто приобретательской, но только как полное хозяйство, охватывающее как приобретение, так и потребление. Его задачей является возможно более широкое удовлетворение потребностей в настоящем и будущем и его успешность измеряется только тем, насколько разрешена эта задача. С балансовой схемой здесь, поэтому, вообще ничего нельзя сделать“ (стр. 21—23).

¹ Там же, стр. 33—34.

Рассматривая эти аргументы, сформулированные остро и резко и несомненно захватывающие существеннейшие элементы нашей проблемы, приходится все же сказать, что они не достигают той цели, ради которой они выдвигаются. Прежде всего, при более внимательном анализе становится ясно, что хотя П. Гермберг столь остро формулирует их с целью показать их принципиальное значение, хотя все его построение направлено на доказательство принципиальной неприменимости балансовой схемы к народному хозяйству в целом, все же в действительности ни один из его аргументов не имеет такого принципиального значения. Все они указывают либо на известную условность применяемых методов оценки или же на нежелательность применения тех конкретных форм построения баланса, которые в данном случае имеются в виду. В этом последнем случае указание дефективности трафаретно применяемых форм лишь выдвигает вопрос о переработке их с целью устранения отмеченных дефектов.

Что касается первого аргумента, указывающего на то, что увеличение ценности имущества может быть следствием не только возрастания его производственного значения, нового накопления ценностей и проч., но и результатом простой передвижки социальных сил путем повышения доходов от чужого труда, — то по этому поводу приходится сказать следующее. Здесь П. Гермберг указывает на теоретически бесспорную возможность, с которой приходится считаться при всяком сравнении и соизмерении народного имущества в различные периоды.

Однако, практическое значение этот момент приобретает лишь для периодов резких социально-экономических сдвигов катастрофического характера: периоды войн, наиболее острых хозяйственных кризисов и проч. Для мирных периодов может считаться статистически установленным факт весьма большого постоянства в соотношении долей труда и капитала. Изменения в этом соотношении приходят лишь чрезвычайно медленно — в едва заметных величинах, при чем каждое сколько-нибудь существенное изменение в этом соотношении неизбежно влечет за собою крайнее обострение социальной борьбы и само бывает следствием каких-либо весьма мощных экономических факторов. Поэтому при всей необходимости считаться со значением этого момента можно установить, что для коротких периодов, ограниченных отдельными годами, а тем более одним годом, соизмерение ценностей народного имущества, а значит и построение имущественного баланса вполне возможно.

Второму аргументу могут быть противопоставлены соображения совершенно иного порядка. Что меновая ценность является масштабом далеко не идеальным или вернее совершенно условным в этом также можно вполне согласиться с П. Гермбергом. Условность эта проявляется отнюдь не только в период резких колебаний общего уровня товарных цен или сдвигов в соотношении цен-

ности отдельных товаров, которые можно преодолеть исчислением в каких-либо ценностных единицах более спокойного периода, напр., довоенных ценах. Условность эта присуща самой природе ценностного измерения, присуща любым возможным „довоенным“ ценам.

Однако, при всей этой условности, система ценностного измерения, единственно возможная в меновом хозяйстве, имеет совершенно определенное объективное основание, определенную связь и соответствие с действительностью. Это соответствие обеспечивается тем, что средние цены товаров в системе свободного товарообмена устанавливаются не случайно, а на основании единообразных регулятивных принципов и отражают благодаря этому вполне закономерные соотношения между различными товарами в аспекте данной хозяйственной системы. Такая закономерность, устанавливающаяся на основе единообразных регулятивных принципов, дает возможность пользоваться меновыми ценностями в качестве определенного объективного мерила элементов хозяйственной системы, хотя и условного, чья значимость целиком ограничена пределами существования этой последней. Категория же общественной полезности, которую выдвигает П. Гермберг, во всяком случае не поддается в нынешних условиях какому-либо измерению и означает по существу отказ от всякого измерения элементов хозяйственной системы, а вместе с тем делает невозможным и какую-либо ориентировку в происходящих вокруг нас хозяйственных процессах.

Самыми существенными и вескими являются последние два аргумента П. Гермберга, которые теснейшим образом связаны друг с другом и представляют собою, если угодно, лишь две части одной и той же мысли. И здесь, как и в первых двух случаях, его утверждения являются безусловно правильными по существу, но объем закономерного их применения значительно уже, чем это следует из его формулировки, а выводы из них нужно сделать прямо противоположные тем, которые изложены выше. Обычная балансовая схема, действительно, учитывает только изменения в объеме производственного аппарата, совершенно не заботясь о том, какими способами достигнуто его увеличение и как изменилось потребление населения в течение балансового периода. Поэтому в таком частнохозяйственном построении балансовая схема действительно не может быть мерилom успешности народного хозяйства.

Но значит ли это, что она не применима совсем для этой цели? Значит ли это, что она не может быть перестроена таким образом, чтобы удовлетворять более широким задачам, чем те, которые имеет в виду бухгалтерия частного или любого мыслимого приобретательского хозяйства? Нам представляется, что на эти вопросы, вопреки П. Гермбергу, можно ответить только отрицательно.

Суть балансовой схемы состоит в таком сопоставлении затрат и поступлений, которое дает возможность выявить эффективность этих затрат, но критерий эффективности отнюдь не дол-

жен быть всегда одним и тем же и он отнюдь не состоит в учете одного только увеличения суммы наличных материальных благ или объема наличного производственного аппарата. Напротив, как мы уже указывали выше, этот критерий эффективности народного хозяйства будет неизбежно иным, чем в частном хозяйстве. Механическое перенесение формулированного только что критерия эффективности частного хозяйства на народное безусловно невозможно. В этом также П. Гермберг безусловно прав. Но это значит только, что для народного хозяйства нужно сконструировать другой критерий. И сделать это совсем не так трудно.

При этом безусловно необходимо отрешиться от каких бы то ни было представлений о должном или желательном. Нужно брать народнохозяйственный процесс таким, как он протекает в действительности, и в частности потребление населения в целом нужно рассматривать как условие воспроизводства живой рабочей силы и суммы трудовых ресурсов данного общественного хозяйства. Этот момент, совершенно не учитываемый в частнокапиталистическом хозяйстве, для которого рабочая сила является лишь покупаемым извне элементом производственного процесса, в балансе народного хозяйства должен играть совершенно равноправную роль с показателями суммы материальных ценностей, составляющих его фонд дальнейшего воспроизводства.

Поэтому если в балансе частного хозяйства сальдо состоит из одного лишь элемента — изменений в сумме материальных ценностей или величине производственного аппарата в конце балансового периода по сравнению с его началом, то сальдо народного хозяйства может быть правильно построено лишь с учетом еще второго элемента — изменений в сумме потребления в течение данного балансового периода по сравнению с предшествующим.

Лишь сумма обоих сальдо (или разность, если одно из них имеет знак плюс, а другое знак минус) может дать сводное сальдо народнохозяйственного баланса.

Таким образом, мы получаем новый, более сложный критерий эффективности, применимый и неизбежно необходимый для народного хозяйства в отличие его от частного. Но изменение и усложнение критерия эффективности несколько не нарушает возможности применения балансовой схемы для уяснения хозяйственного процесса и в том и другом случае, а лишь требует переработки и усложнения ее традиционных форм.

В указанной нами форме народнохозяйственный баланс окажется не чем иным, как сочетанием схем народного дохода и народного богатства, но сочетанием вполне своеобразным, творческим, выявляющим всю совокупность элементов народнохозяйственного процесса в их статике и динамике.

Так называемые „индексы физического об'ема производства“

I

Самое название „индексы физического об'ема производства“ („indexes of the physical volume of production“) показывает, что иностранные теоретики путем составления означенных индексов стремились измерить изменение натуральной продукции. Точно также в нашей русской литературе никто не сомневается, что „индексы физического об'ема производства“ дают представление об изменении продукции в натуральном измерении. Так „Обзоры Кон'юнктурного Совета Госплана“ называют натуральным исчислением показатели, выраженные в довоенных рублях. Проф. В. Я. Железнов в своей статье,¹ посвященной вопросу о натуральном и ценностном аспектах экономических явлений, указывает, что ученые очень часто прибегают при исследовании динамических проблем к натуральному исчислению посредством „индексов физического об'ема производства“, так как „даваемая ценностью характеристика экономических явлений указывает лишь на их сравнительное значение в данный момент или период“. В наиболее резкой и чрезвычайно прямолинейной форме этот вопрос разрешается Я. П. Герчуком. Означенный исследователь, разбирая вопрос о построении „индекса физического об'ема производства“, правильно и совершенно логично настаивает на том положении, что раз „индекс физического об'ема производства“ дает представление об изменении материальных результатов производственной деятельности общества, то взвешивание в данном индексе должно производиться по каким-либо натуральным элементам вне всякой зависимости от элементов ценностных.²

¹ Проф. В. Я. Железнов, „К вопросу о натуральном и ценностном аспектах экономических явлений“ („Вопросы кон'юнктуры“, том I, вып. 1, 1925 г., стр. 20).

² Я. П. Герчук говорит: „Что же касается применения этой системы весов, (т.-е. ценностной системы) при построении индекса изменения натуральных размеров производимых благ, то здесь подобная система взвешивания представляется нам абсолютно произвольной и логически несвязанной с стоящей перед нами задачей измерения об'ема процессов производства, как технических процессов“ („Индекс об'ема промышленного производства в СССР“. — „Вопросы кон'юнктуры“, том II, вып. 1, 1926 г., стр. 89).

Итак, „индекс физического объема производства“, по общепринятому мнению, измеряет изменения натуральной массы продукции, как таковой. Какой же следует применить метод, чтобы правильно составить индекс изменений продукции, измеряемых по разным отраслям производства в различных натуральных единицах (тоннах, метрах, штуках и пр.). Теоретически мыслимы два пути. Во-первых, можно производить измерение натуральных масс в одной какой-нибудь единице измерения, например, в весовых единицах, вследствие чего все разнообразие товаров различных производств поддается суммированию. Второй путь заключается в отказе от суммирования и в придании „индексу физического объема производства“ значения чисто-динамического показателя.¹ В этом случае в качестве весов при построении индекса можно принять какие-либо технические элементы, например, затрату двигательной энергии в том или ином производстве, и тем выдержать вполне чисто-натуральный характер индекса.

Наша задача заключается теперь в том, чтобы показать, что как первый, так и второй путь составления индекса производств не состоятельны, а следовательно, мы принципиально не можем подходить к рассмотрению этого индекса с натуральной точки зрения.

II

Доказательство абсурдности следования по первому пути очень просто. В самом деле, можно ли при составлении „индекса физического объема производства“ пользоваться для всех товаров единой мерой, например, весовой единицей — кило? Никаких непреодолимых технических препятствий для этого не существует. Мы можем выразить различные материи как дорогие, так и дешевые, в весовых единицах; мы можем взвесить также различные орудия, украшения, изделия, костюмы, яйца и пр., и все эти предметы займут определенное место в общей весовой массе товаров на ряду с весом угля, чугуна и пр. Полученный нами индекс будет истинным индексом физического объема производства, действительно отражающим собою его изменения. Едва ли, однако, исследователи согласятся

¹ Я. П. Герчук в своей вышецитированной статье пишет: „По самой своей природе индекс физического объема производства является индексом не суммирующим, а обобщающим, дающим сводную обобщенную характеристику изменений в размерах материального производства отдельных продуктов, имеющих качественно различную форму, различно измеряемых и, следовательно, не могущих суммироваться“ (стр. 89).

Мы позволим себе более подробно останавливаться на статье Я. П. Герчука, ибо резко-определенный и логически-выдержанный в отношении натурального аспекта ход мыслей данного исследователя дает возможность оспаривать натуралистическое направление в его наиболее яркой и последовательной форме. Таким образом, построение Я. П. Герчука может быть признано тем приемом, который в учебниках логики называется „доведением до абсурда“.

Это ни в коем случае не умаляет заслуг Я. П. Герчука, как популяризатора составления „индексов физического объема производства“.

применять подобное измерение. Придавать одинаковое значение кило чая и кило дегтя, кило шелковой материи и кило рогожи является с точки зрения экономической явным абсурдом. Никто из исследователей подобного взвешивания не предлагал и не предлагает, чем в значительной степени уже доказывается наличие какого-то иного, а не натурального подхода при измерении изменений произведенной массы экономических благ. Ведь в противном случае измерение продукции в весовых или других каких-либо натуральных единицах было бы наипростейшим способом составления „индекса физического объема производства“.

III

Рассмотрим второй путь построения „индекса физического объема производства“, а именно составление не суммирующего, а обобщающего показателя. Под этой формулой нам хотят преподнести такой индекс, который не представлял бы собою изменений какой-либо величины, а давал просто напросто представление о движении какого-то явления в самых смутных и общих очертаниях.

В этом вопросе нужно очень строго различать статистическую невозможность исчисления абсолютных величин и логическое отрицание необходимости абсолютных величин при изучении явлений. Всякое исследование, базирующееся на динамических показателях, а не на абсолютных величинах, в большинстве случаев является неизбежным вследствие отсутствия в распоряжении исследователя данных об абсолютных размерах явлений, каковы, однако, всегда мыслятся лежащими в основе относительных рядов. В самом деле, если изучение экономических явлений базируется, главным образом, на основе метода сопутствующих изменений, то мы можем оперировать или с изменением абсолютных величин, или с изменением различных индексов, если они правильно характеризуют изменения этих абсолютных величин.¹ Мы можем, например, исследовать изменение цены товара в зависимости от количества реализации и уплаченных денежных сумм, оперируя или с абсолютными или с относительными величинами. В самом деле, положим мы имеем дело с формулой $pq = m$, т.-е. цена, помноженная на количество

¹ Для того чтобы ряды относительных чисел правильно характеризовали изменения абсолютных величин, необходимо верно выбрать основание для исчислений процентов. Правильный выбор основания возможен только в том случае, если мы предварительно найдем экономически-обоснованную схему равновесия исследуемых явлений, каковая и будет служить основанием для исчислений процентных отношений. Таким образом, при динамическом исследовании выявляется громадное значение составления схем равновесия, что нами постоянно подчеркивалось в наших работах. См. „Исследование конъюнктурных колебаний методом сопоставления схематических отклонений“ („Экономическое Обозрение“, сентябрь 1925 г.), „Метод схематических отклонений в применении к исследованию динамики хлопкового рынка“ („Вопросы конъюнктуры“, том III, вып. 1, 1927 г.), а также книгу „Конъюнктура и рынки“, 1928 г.

реализованного товара, равна количеству уплаченных за данный товар денег. Если у нас нет абсолютных величин, то мы можем оперировать с их индексами, ибо равенство сохранится и в том случае, если мы два равенства разделим друг на друга. Предположим, в базисный период времени мы имели $\rho_0 q_0 = m_0$, а в период исследования $\rho_1 q_1 = m_1$. Тогда $\frac{\rho_1 q_1}{\rho_0 q_0} = \frac{m_1}{m_0}$, или $\frac{\rho_1}{\rho_0} \cdot \frac{q_1}{q_0} = \frac{m_1}{m_0}$. Между тем, $\frac{\rho_1}{\rho_0}$ есть индекс цен товара от базисного периода к периоду исследования, $\frac{q_1}{q_0}$ — индекс количества проданного товара и $\frac{m_1}{m_0}$ — индекс сумм уплаченных денег. Отсюда видно, что верность формулы сохраняется и при замене абсолютных величин индексами, с тем, однако, условием, чтобы эти индексы опирались на правильно схваченные отношения между абсолютными величинами. Итак, наши динамические относительные показатели должны представлять собою отражение движения абсолютных величин: они могут входить в строго-научное построение именно только как представители изменения этих абсолютных величин.

Всякий показатель, который будет давать некоторую обобщающую характеристику чего-то неопределенного, может быть полезен лишь как первая наметка скрывающегося за ним процесса изменения абсолютной величины; дальнейшее научное исследование должно привести к выработке такого показателя, который достаточно правильно характеризовал бы собою изменение абсолютной величины, как таковой.

Таким образом, если мы приходим к заключению, что научно-составленный динамический показатель представляет собою характеристику движения теоретически мыслимой абсолютной величины, то в таком случае пользование индексами является не чем-то принципиально отличным от пользования абсолютными величинами, а просто следствием отсутствия статистического выявления этих абсолютных величин.

IV

С первого взгляда подобное утверждение может показаться противоречащим значению такого показателя, как, например, индекс цен. Целый ряд исследователей думает, что общий индекс цен характеризует собою не изменение какой-либо величины, а движение довольно неопределенного процесса — изменения общего уровня цен. В действительности, однако, общий индекс цен характеризует собою изменение ценности некоторого набора товара или, иначе говоря, изменение покупательной силы денежной единицы в отношении означенного товарного набора. Это положение чрезвычайно отчетливо выступает при анализе агрегативной формулы индекса, к разбору экономического значения каковой мы и обратимся.

Обозначим через ρ с разными значками цены разных товаров, так что ρ^1 будет изображать цену первого товара, а ρ^2 цену второго товара. Для указания разных периодов времени мы припишем внизу ρ значки: 0, 1, 2. Таким образом, ρ_0^1 будет обозначать цену первого товара в базисный период времени, а ρ_0^2 — цену второго товара в тот же базисный период времени; ρ_1^1 представляет собою цену первого товара в первый период времени, а ρ_1^2 есть цена второго товара в тот же первый период времени. Положим, что натуральное количество проданного товара мы обозначим через q . Тогда q_0^1 будет количеством проданного первого товара, а q_0^2 количеством проданного второго товара в базисный период времени.

Идея агрегативного индекса очень проста. В базисный период времени обращалось некоторое количество единиц двух сортов товаров (положим, муки) при определенных ценах на единицу товара. В исследуемый период времени обращались другие количества этих двух сортов товаров при иных ценах. Если мы в базисный период смешаем вместе оба сорта муки, то цена единицы этой смеси выра-

зится формулой $\frac{\rho_0^1 q_0^1 + \rho_0^2 q_0^2}{q_0^1 + q_0^2}$, каковая представляет собою сумму цен-

ности количеств обоих сортов муки, деленную на количество всей муки. Если мы захотели бы знать, какова цена единицы точно такой же смеси не в базисный период, а в период исследования, то мы должны были бы взять такие же, как и раньше, количества муки первого и второго сорта, перемножить их на цены исследуемого периода и полученную сумму произведений разделить на количество

смеси. Эти действия могут быть выражены формулой $\frac{\rho_1^1 q_0^1 + \rho_1^2 q_0^2}{q_0^1 + q_0^2}$.

Если вышеприведенная формула представляет собою цену единицы (положим кило) смеси муки в базисный период времени, то только что приведенная формула есть цена кило точно такой же смеси в первый период времени. Чтобы найти изменение цены кило образованной смеси муки от базисного периода к первому, мы должны вторую формулу разделить на первую. Получаем следующее выражение:

$$\frac{\rho_1^1 q_0^1 + \rho_1^2 q_0^2}{q_0^1 + q_0^2} : \frac{\rho_0^1 q_0^1 + \rho_0^2 q_0^2}{q_0^1 + q_0^2} = \frac{\rho_1^1 q_0^1 + \rho_1^2 q_0^2}{\rho_0^1 q_0^1 + \rho_0^2 q_0^2} \text{ или } \frac{\sum \rho_1 q_0}{\sum \rho_0 q_0},$$

т.-е. хорошо известную нам формулу агрегативного индекса, взвешенного по количествам базисного периода. Мы можем, конечно, образовать смесь не по количествам базисного, а по количествам первого периода. Тогда получится агрегативная формула индекса цен, взвешенного по количествам первого периода. Наконец, можно образовать смесь из количеств первого и второго периодов и установить изменение цены единицы означенной смеси от базисного периода к первому. Тогда мы будем иметь одну из наилучших пред-

ложенных Фишером¹ формул, а именно:

$$\frac{\Sigma(q_0 + q_1) q_1 p_1}{\Sigma(q_0 + q_1) q_0 p_0}$$

От идеи изменения цены смеси двух сортов муки легко перейти к пониманию общего индекса цен, который ничем принципиально не отличается от вышеприведенных построений. В самом деле, здесь мы составляем смесь из очень большого количества товаров и наблюдаем, как изменится цена единицы этой смеси по разным периодам времени. Различие с вышеприведенным примером исчисления изменения цены смеси двух сортов муки заключается только в том, что муку разных сортов, действительно, можно перемешать, тогда как смешивать чай с селедками или с хлопчатобумажными тканями и углем в действительной жизни едва ли кто решится. Теоретически, однако, мы можем мыслить из этих товаров такую же смесь, как из двух сортов муки, и следить за изменением цены единицы этой смеси.

Таким образом, в общем индексе цен измеряется не изменение какого-то мифического общего уровня цен, а изменение цены совершенно определенной теоретически-мыслимой единицы смеси некоторой товарной группы. Вот почему, как только изменяется вес отдельных товаров в обороте, т.е. характер самой товарной смеси, так всякий индекс, в сущности, недостаточно правильно характеризует изменение цен. В самом деле, если мы взвесим индекс по базисному периоду, то мы как бы погрешим в отношении значения товаров в первом периоде времени, а если мы взвесим индекс по первому периоду времени, то в таком случае будет неточность в отношении значения товаров в базисном периоде времени. Вышеприведенная предложенная Фишером идеальная формула также не является выходом из невозможности точно установить изменение цены товарной смеси, когда самый состав этой товарной смеси меняется. Фишер просто образует некоторую искусственную смесь, которой не было ни в базисный период, ни в период исследования, но которая по своему составу близка к базисному периоду и к периоду исследования, ибо она представляет собою смесь из смесей обоих периодов. Все это еще раз подтверждает ту мысль, что индекс изменения общего уровня цен характеризует собой совершенно определенную величину, а именно — изменение цены единицы некоторой товарной смеси.

Представление о возможности измерения некоторого неопределенного изменения находит себе убежище в составлении так называемых единых показателей. Защитники этих единых показателей есылают на построение общего индекса цен, ибо, по их мнению, этот последний также устанавливает изменение некоторого неопределенного явления — общего уровня цен. Как было выше показано, подобный взгляд на общий индекс цен совершенно неправилен, а следовательно, защитники единого экономического показателя тер-

пят крах в своем последнем теоретическом убежище. Мы не будем останавливаться на специальных возражениях против единого показателя. Для нас важно лишь установить неприемлемость самой теоретической основы соединения разнородных элементов по произвольным весам для характеристики явления, даже принципиально не поддающегося выражению в абсолютной величине. Эта теоретическая неприемлемость вытекает из того положения, что всякий индекс должен отражать, как было выше указано, изменение хотя бы только теоретически-мыслимой величины. Конечно, в качестве некоторого ориентировочного приема для наблюдения движения тех или иных элементов единый экономический показатель (при соблюдении известных предосторожностей во избежание грубейших ошибок) может играть известную роль. Прогресс науки, однако, в том и состоит, чтобы от неопределенных ориентировочных приемов переходить к приемам, более точным и более правильно характеризующим именно тот элемент, который подлежит характеристике.¹

Из всех этих рассуждений явствует, что и путь нахождения индекса не суммирующего, а лишь обобщающего, дающего сводную характеристику изменений, принципиально не поддающегося количественному выражению явления оказывается не шагом вперед, а шагом назад к методологии построения динамических показателей.

V

Мы пришли к заключению, что „индекс физического объема производства“ нельзя строить ни на основе измерения в „физических единицах“, ни в форме обобщающего показателя (что давало бы возможность привлечь для взвешивания какие-либо исключительно натуральные моменты). Следовательно, остается один путь построения этого индекса на базе ценностных соотношений. Отсюда следует, что „индекс физического объема производства“ представляет собою индекс изменения ценностей.

Весь вопрос сводится теперь лишь к тому, чтобы уяснить себе, какую ценность мы имеем в виду. С точки зрения динамического анализа нужно различать два понятия ценности: номинальную ценность и ценность реальную (твердую). Если данные о продукции того или иного товара (или группы товаров) в разные периоды вре-

¹ В сущности, две первых линии Гарвардского барометра также представляют собою единые показатели фондового и товарного рынков, ибо они соединяют в себе движение ценовых коэффициентов и ценностных оборотов. Благодаря умелому соединению этих движений на основе предварительного математико-статистического анализа Персонсу удалось построить линии, отражающие положение дел на указанных рынках. Мы не сомневаемся, однако, что в дальнейшем переработка Гарвардского барометра приведет к установлению показателей точных экономических величин, которые будут давать надлежащее соотношение между ними, а не ориентировочную характеристику. Соединение экономически необоснованных показателей неоднократно заставляло Гарвардский институт пересматривать состав линий его барометра.

¹ Fisher Irving, „The making of index numbers“, 1923.

мени перемножены на цены соответствующих периодов, то мы будем иметь изменение номинальной ценности продукции данного товара или группы товаров за рассматриваемый промежуток времени. Если, например, цена единицы товара в первый момент времени равна 2 руб., то ценность 100 единиц товара будет равна 200 руб. Если в другой период времени цена единицы того же товара равнялась 3 руб., то ценность 200 единиц товара будет равна 600 руб. Если мы будем сравнивать означенные ценности в эти два периода времени, то мы получим сравнение номинальных ценностей. Таким образом, изменение номинальной ценности включает в себя как изменение количества благ, так и изменение цен (т.е. покупательной силы денежной единицы — измерителя). Реальная же ценность дает исчисления при неизменности измерителя (т.е. при неизменной покупательной силе денег или иначе — при стационарности цен).

Если бы цены на товар не изменялись, то в таком случае через посредство денег можно было бы сравнить ценности соответствующих количеств в разные периоды времени. Как быть, однако, в тех случаях, когда приходится измерять ценность товаров в динамическом разрезе при тех или иных ценовых изменениях. Ведь совершенно ясно, что сравнение номинальных ценностей не может дать правильного представления о реальном изменении вещей, ибо изменение номинальной ценности включает в себя и изменение цен. Разберем несколько случаев.

Представим себе такое изменение всех элементов народного хозяйства, при котором совершенно не меняются соотношения между ними. Положим, количество каждого товара увеличилось вдвое, вдвое увеличились потребности, вдвое увеличилось количество денег и т.д. В таком случае цены всех товаров, при прочих равных условиях, останутся одними и теми же. Следовательно, в этом гипотетическом случае вновь возможно правильное измерение ценности отдельных товаров, всей массы товаров и других экономических элементов в динамическом аспекте на почве сравнения номинальных ценностей через посредство денег.

Представим себе теперь такой случай, когда количество товаров во второй момент времени осталось такое же, как и в первый момент, а количество денег увеличилось вдвое. В этом случае при прочих равных условиях цена каждого товара, грубо говоря, повысится вдвое. Таким образом, если мы будем сравнивать по ценам первого и второго моментов ценность товарной массы в первый и во второй моменты времени, то мы получим увеличение ценности во второй момент в два раза по сравнению с первым моментом, несмотря на то что количество благ и в первый и во второй моменты времени совершенно не изменилось, а изменилось только количество денег. Ясно, что в данном случае имеется изменение самого измерителя. Покупательная сила денежной единицы во второй момент времени в два раза меньше, чем в первый момент. Следовательно, для того чтобы

правильно измерить ценность в первый и во второй моменты времени, нужно исключить из нашего подсчета ту ошибку, которая является следствием изменения самого измерителя. В разбираемом нами случае мы должны номинальную ценность товаров разделить на ошибку в измерителе, т.е. на два. В таком случае мы получим ценность товарной массы второго момента, равной ценности товарной массы первого момента.

Для ясности можно привести следующую аналогию. Положим, мы измеряем длину куска материи в метрах в первый момент времени и получаем цифру в 30 метров. Через известный период времени мы измерили совершенно такой же по длине кусок ткани, но не метром, а аршином, ошибочно приняв аршин за метр. Тогда в нашем куске оказалось, по нашему мнению, 45 метров (если принять с округлением метр равным полутора аршина). В действительности, конечно, длина куска материи остается равной тем же 30 метрам. Увеличение количества метров явилось следствием того обстоятельства, что изменился сам измеритель, уменьшившись в полтора раза. Для того чтобы правильно определить, не перемеривая старым измерителем длину куска ткани, мы должны уменьшить полученное нами число в полтора раза. Тогда мы получим вновь правильную цифру.

Возьмем теперь более трудный для понимания случай, а именно тот, когда увеличилось в обращении не количество денег, в количестве товаров, при чем пропорции между товарными массами отдельных видов товаров остались одними и теми же. Если количество денег осталось одним и тем же, а количество товаров увеличилось вдвое, то в таком случае при прочих равных условиях цена единицы товара должна уменьшиться вдвое. Общие номинальные ценности, т.е. количества товаров, перемноженные на их цены соответствующих моментов и в первом и во втором случае будут равными. Меж тем совершенно ясно, что при увеличении количества благ вдвое, вдвое должна увеличиться их общая реальная ценность. Ошибка происходит от того, что вновь изменился соответствующий измеритель, а именно: покупательная сила денег в первый момент в два раза выше, чем покупательная сила денег во второй момент. Отсюда, для того чтобы получить возможность правильного сравнения ценностей товарных масс первого и второго моментов, необходимо исправить ошибку измерителя, т.е. номинальную ценность второго момента увеличить вдвое.

Из всех означенных рассуждений явствует, что при сравнении ценностей тех или иных количеств в разные моменты времени нужно исправлять ошибку самого измерителя, которая проявляется в изменении цен.

Номинальную ценность экономических элементов, в которой исправлено изменение измерителя, мы будем называть реальной или твердой ценностью. Таким образом, мы пришли к заключению, что так называемый „индекс физического объема произ-

водства", с точки зрения экономического анализа, есть индекс, измеряющий изменение реальной ценности той или иной произведенной массы благ.

VI

Для исчисления индексов реальной ценности существует несколько методов, а именно: 1) исчисление ценности массы благ в разные периоды времени по ценам одного какого-либо периода; 2) построение по той или иной формуле относительного индекса реальной ценности производства и, наконец, 3) деление номинальной ценности в разные периоды времени на общий индекс цен.

Не трудно показать, что все эти три приема сводятся, в сущности, к одному и тому же, а именно: к уничтожению ошибки измерителя, т.е. в данном случае к элиминированию колебаний покупательной силы денежной единицы, или иначе движения общего уровня цен. В известных случаях представляется даже возможным перейти от одного способа к другому путем простых алгебраических преобразований соответствующей формулы. В самом деле, исчисление ценности товаров в разные моменты времени по ценам одного какого-нибудь периода представляет собою агрегативный индекс, формула которого, как известно, следующая:

$$\frac{q_1^1 p_0^1 + q_1^2 p_0^2 + \dots + q_1^n p_0^n}{q_0^1 p_0^1 + q_0^2 p_0^2 + \dots + q_0^n p_0^n} = \frac{\sum q_1 p_0}{\sum q_0 p_0};$$

$q_1^1 p_0^1$ есть количество первого товара в исследуемый период времени, помноженное на цену базисного периода; $q_1^2 p_0^2$ есть количество второго товара, помноженное на цену этого товара в базисный период и т. д. То-есть, иначе говоря, мы выражаем ценность различных товаров исследуемого периода в ценах одного какого-нибудь момента, в данном случае в ценах базисного периода. Знаменатель формулы представляет собою количество товаров базисного периода, помноженные на их цены также базисного периода.

Таким образом, агрегативный индекс представляет собою именно выражение первого приема, т.е. сравнение ценностей товарных масс разных периодов по ценам одного и того же периода.

Путем алгебраического преобразования можно формулу арифметического относительного индекса, взвешенного по номинальным ценностям базисного периода, перевести в вышеприведенную формулу агрегативного индекса, взвешенного по ценам базисного периода. В самом деле, формула относительного арифметического индекса, взвешенного по номинальным ценностям базисного периода, как известно, будет следующей:

$$\frac{\sum \frac{q_1}{q_0} \cdot q_0 p_0}{\sum q_0 p_0}$$

В числителе q_0 сократится, и тогда мы будем иметь $\frac{\sum q_1 p_0}{\sum q_0 p_0}$, т.е. ту же формулу агрегативного индекса количеств, взвешенного по ценам базисного периода.

Не трудно также убедиться, что, разделив отношение номинальных ценностей на агрегативный индекс цен, взвешенный по количествам первого периода, мы получим агрегативный индекс количеств, взвешенный по ценам базисного периода, или, иначе говоря, первую формулу индекса реальной ценности. В самом деле,

$$\frac{p_0^1 q_1^1 + p_0^2 q_1^2 + \dots + p_0^n q_1^n}{p_0^1 q_0^1 + p_0^2 q_0^2 + \dots + p_0^n q_0^n} : \frac{p_0^1 q_1^1 + p_0^2 q_1^2 + \dots + p_0^n q_1^n}{p_0^1 q_1^1 + p_0^2 q_1^2 + \dots + p_0^n q_1^n} = \frac{p_0^1 q_1^1 + p_0^2 q_1^2 + \dots + p_0^n q_1^n}{p_0^1 q_1^1 + p_0^2 q_1^2 + \dots + p_0^n q_1^n} \text{ или } \frac{\sum p_1 q_1}{\sum p_0 q_0} : \frac{\sum p_1 q_1}{\sum p_0 q_1} = \frac{\sum q_0 p_0}{\sum q_0 p_0}.$$

Итак, мы пришли к заключению, что все три метода построения есть в сущности установление движения реальной ценности той или иной товарной массы, т.е. исчисление ее изменения при одних и тех же твердых ценах.

VII

Не наблюдаем ли мы, однако, случаев, когда индексы реальной ценности достаточно правильно отражают изменение чисто натурального количества. Такой случай мы будем иметь, прежде всего, при рассмотрении изменения реальной ценности какого-либо одного товара. В самом деле, индекс чисто натурального количества от базисного момента к первому выразится формулой $\frac{q_1}{q_0}$, тогда как индекс реальной

ценности будет иметь вид $\frac{p_0 q_1}{p_0 q_0}$. В этом выражении p_0 в числителе и в знаменателе сократится, и мы вновь будем иметь индекс натурального

количества (т.е. первое выражение). Следовательно: $\frac{q_1}{q_0} = \frac{q_1 p_0}{q_0 p_0}$.

На конкретном примере это положение можно иллюстрировать следующим образом. Цена кило какого-нибудь товара равна 2 руб. Продано 10 кило товара в базисный и 30 кило товара в период исследования.

Изменение ценности товара равно $\frac{2.30}{2.10} = \frac{60}{20} = 3$, т.е. ценность товара

увеличилась в 3 раза. Это увеличение реальной ценности товара вполне совпадает с изменением натурального количества, ибо $\frac{30}{10} = 3$.

Подобное совпадение может иметь место только при рассмотрении изменения количества одного товара. Как только мы переходим к рассмотрению изменений количеств двух или нескольких товаров, так переход от индекса реальной ценности к индексу натуральных количеств становится невозможным. В самом деле, формула для индекса изменения реальной ценности количеств двух товаров следующая:

$\frac{q_1^1 \rho_0^1 + q_1^2 \rho_0^2}{q_0^1 \rho_0^1 + q_0^2 \rho_0^2}$. Числитель и знаменатель этой формулы представляют собою суммы ценностей количеств этих двух товаров при неизменных ценах, а никак не суммы натуральных количеств, индекс которых может быть изображен формулой $\frac{q_1^1 + q_1^2}{q_0^1 + q_0^2}$. Переход от одной формулы

к другой путем алгебраического преобразования совершенно не возможен (ибо мы никак не можем сократить ρ) за исключением одного маловероятного случая.

Этот случай заключается в том, что изменение количеств разных товаров за рассматриваемый период времени совершенно одинаково,

и, следовательно, $\frac{q_1^1}{q_0^1} = \frac{k q_0^1}{q_0^1}$ и $\frac{q_1^2}{q_0^2} = \frac{k q_0^2}{q_0^2}$. Тогда формулу индекса реальной ценности можно преобразовать следующим образом:

$$\frac{q_1^1 \rho_0^1 + q_1^2 \rho_0^2}{q_0^1 \rho_0^1 + q_0^2 \rho_0^2} = \frac{k q_0^1 \rho_0^1 + k q_0^2 \rho_0^2}{q_0^1 \rho_0^1 + q_0^2 \rho_0^2} = \frac{k (q_0^1 \rho_0^1 + q_0^2 \rho_0^2)}{q_0^1 \rho_0^1 + q_0^2 \rho_0^2} = k;$$

а формулу индекса натуральных количеств следующим образом:

$$\frac{q_1^1 + q_1^2}{q_0^1 + q_0^2} = \frac{k q_0^1 + k q_0^2}{q_0^1 + q_0^2} = \frac{k (q_0^1 + q_0^2)}{q_0^1 + q_0^2} = k.$$

Две величины, порою равные третьей, равны между собой, а следовательно:

$$\frac{q_1^1 \rho_0^1 + q_1^2 \rho_0^2}{q_0^1 \rho_0^1 + q_0^2 \rho_0^2} = \frac{q_1^1 + q_1^2}{q_0^1 + q_0^2}$$

На числовом примере означенное равенство можно выявить следующим образом. Пусть количество первого товара, произведенное в базисный период времени, равно 2 единицам, а произведенное в период исследования — 6 единицам. Цена единицы первого товара равна 2 руб. Второго товара произведено в базисный период времени 3 единицы, а в период исследования — 9 единиц по цене 1 рубль за единицу.

Таким образом, производство первого и второго товаров увеличилось в одно и то же число раз, а именно, в 3 раза.

В таком случае изменение реальной ценности выразится формулой:

$$\frac{6.2 + 9.1}{2.2 + 3.1} = \frac{12 + 9}{4 + 3} = 3,$$

а изменение натурального количества следующей формулой:

$$\frac{6 + 9}{2 + 3} = \frac{15}{5} = 3.$$

Следовательно, индекс реальной ценности совпадает с индексом натуральных количеств.

Таков единственный случай, когда индекс реальной ценности может правильно отражать изменение физического объема производства. Во всех остальных случаях составление означенного индекса преследует изображение движения не физического объема производства, а совокупности благ, измеряемых в тех или иных твердых ценностных единицах.

VIII

Правильность вышеприведенного конечного утверждения станет очевидной из сопоставления содержания анализируемого понятия в статическом и динамическом разрезах. Если с точки зрения производства и потребления продукты выступают, как натуральные элементы с присущими им физическими свойствами, то с точки зрения исчисления богатства (количества благ, как таковых) они представляют собою известные ценностные количества, измеряемые на основе той или иной денежной единицы. Исчисление общего объема продукции в 10 млрд. рублей совсем не обозначает физического объема производства, а именно ценность созданной продукции, т.е. общее количество благ с присущим каждому благу (отличным от других) ценностным значением. Таким образом, если при рассмотрении количества созданных благ в единый момент времени (т.е. в статике явления) никто не сомневается в ценностном его значении, то почему же в динамике созданные ценности превращаются в физические количества? Здесь мы также сравниваем между собою не натуральные количества, а совокупность экономических благ, созданных в два различных временных периода и измеряемых одной и той же денежной единицей, обладающей, однако, разной покупательной силой. Следовательно, как уже выше указывалось, весь вопрос сводится лишь к тому, чтобы исправить изменение измерителя, т.е. привести денежную единицу к однообразной покупательной силе.

Нам могут возразить на основе нашего же анализа формул индексов, что при изменении состава обращающейся товарной массы принципиально не представляется возможным с абсолютной точностью установить изменение покупательной силы денежной единицы, ибо всякое взвешивание соответствующего индекса будет не точным или в отношении базисного периода, или в отношении периода исследования, или, наконец (при скрещенных весах) разложится на оба периода. Понятно, что всякое динамическое исследование абсолютно правомерно только в тех случаях, когда условия опыта совершенно не меняются, т.е. когда люди, их потребности и производственная деятельность остаются одними и теми же. Экономист не может, однако, подобно химику изолироваться в опыте от всех прочих изменений за исключением сопоставляемых процессов. Сравнивая явления или в динамическом или в географическом разрезах, экономист всегда имеет, кроме изменений исследуемых величин, еще известные перемены и в условиях опыта. Весь

вопрос заключается только в отсутствии столь существенных изменений в условиях опыта, чтобы самое сопоставление интересующих нас процессов (при всех принятых предосторожностях) не оказалось бы научно недопустимым. Крайним примером подобного положения в плоскости нашего анализа будет тот случай, когда в один момент времени люди производили бы одни товары, а в другой момент времени совсем другие товары. В этом гипотетическом случае, в виду совершенного изменения условий опыта, совсем не представляется возможным установление изменения общего уровня цен или иначе — изменения покупательной силы денег. Поскольку, однако, на рынке обращаются одни и те же товары и поскольку соотношение между количествами обращающихся товаров претерпевает не столь крупные изменения, можно считать, что общий индекс цен представляет собою довольно правильную характеристику изменения покупательной силы денежной единицы.

Таким образом, поскольку динамический разрез рассмотрения может становиться аналогичным статическому при элиминировании изменения покупательной силы денег, постольку все те понятия, которые мы имеем в статике, могут быть перенесены и в динамику. Отсюда совершенно очевидно, что если в статике мы сравниваем ценности различных товарных масс, то и в динамике правомерно точно такое же сравнение.

Итак мы вновь возвращаемся к нашему конечному выводу: „индекс физического объема производства“ есть индекс реальной (твердой) ценности продукции или, если угодно, индекс реального объема благ (богатства). Точно так же при надлежащем исчислении мы будем иметь индекс реальной ценности внешнего или внутреннего товарооборота или просто индекс реального товарооборота и т. д.

Для того чтобы покончить с привкусом физических измерений при экономическом анализе индекса реального богатства, мы предлагаем в дальнейшем не употреблять термина — „физический объем“.

За и против потребителя

(К анализу издержек обращения в капиталистических странах)

I

Пертурбационные явления, имевшие место во всем мировом хозяйстве после войны, резко сказались и на экономическом положении широких потребительских масс. Разрушение производительных сил, вызванное войной и сопровождавшееся валютными потрясениями, имело своим последствием обнищание населения и катастрофическое сжатие емкости рынка. Небывалый кризис 1921 г., вызвавший падение резко поднявшихся до этого цен, отразил в себе эти последствия мировой войны и свидетельствовал о степени надорванности покупательных ресурсов во всех странах мира; лишь постепенно восстанавливалось мировое хозяйство, вступая в полосу новой — неустойчивой — стабилизации.

Одним из участков, на котором последствия войны оказались особенно чувствительными, были розничные цены. Проблема розничных цен, вопросы ценообразования приобретают небывалый до этого интерес. Во всех странах мира вводится учет розничных цен и организуется исчисление индексов стоимости жизни; в ряде государств образуются правительственные комиссии для изучения вопросов ценообразования и разработки необходимых мероприятий. Темой настоящего очерка и является анализ структуры розничных цен некоторых важнейших пищевых продуктов. Мы считаем, однако, целесообразным предпослать этому анализу краткую общую характеристику движения розничных цен.

Наблюдался ли отрыв розничных цен от оптовых? Имели ли место в европейских и американских странах „оптово-розничные ножницы“? Состояние статистического материала лишает возможности дать достаточно достоверный ответ на этот вопрос. Общее движение индексов (перечисленных в целях устранения влияния валютных изменений в золото) в важнейших странах показано в табл. 1 (стр. 182); при этом, однако, следует оговорить, что разнообразное построение индексов оптовых и розничных цен (разный состав товаров, разные веса и методы исчисления) делает сравнение очень грубым и недостаточно надежным.

Приведенные индексы дают возможность, как будто, сделать один любопытный вывод: в годы под'ема цен, до кризиса 1921 г., оптовые цены во всех странах значительно превышали в своем темпе под'ема по отношению к довоенному периоду розничные цены; зато падение оптовых цен в этот кризисный год оказалось гораздо более резко выраженным, в результате чего индексы несколько сближаются. Тенденции следующего периода гораздо менее ясны. В ряде стран динамика оптовых и розничных индексов не совпадает (Англия, Голландия, Чехословакия); при общей тенденции роста оптовых цен оба индекса в 1925 г.

Таблица 1

Индексы цен, перечисленных в золото ¹
(Для оптовых цен 1913=100, для розничных 1914=100)

Г о д ы	С.-А. С. Ш.		Англия		Германия		Швейцария		Франция		Голландия		Чехо-Словакия	
	Оптов.	Розничн.	Оптов.	Розничн.	Оптов.	Розничн.	Оптов.	Розничн.	Оптов.	Розничн. (Париж)	Оптов.	Розничн. (Амстердам)	Оптов.	Розничн.
1913—14	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1919	206	186	216	204	83	—	—	243	255	187	294	190	—	—
1920	226	215	213	208	108	136	—	226	212	157	250	180	130	—
1921	147	145	143	168	99	82	172	183	136	124	152	151	93	87
1922	149	139	145	160	—	59	166	151	142	127	153	135	138	154
1923	154	143	152	159	95	58	169	151	134	105	147	136	144	134
1924	150	143	158	152	123	127	165	155	134	104	148	135	145	132
1925	159	153	167	169	130	146	165	165	137	107	156	149	147	132
1926	151	157	153	163	134	144	147	160	117	93	144	147	139	126

¹ Заимствовано из сборника ЦСУ „Мировое хозяйство“. Индексы розничных цен до 1923 г. взяты за июль, за 1923—1925 гг. исчислены вами из индексов за месяцы январь — апрель — июль — октябрь, за 1926 г. исчислены нами, как средние за все месяцы. Золото пересчитано по индексу обесценения валюты на нью-йоркской бирже на те сроки, к которым относятся индексы розничных цен.

оказываются довольно близкими, а последовавшее в 1926 г. снижение оптовых цен привело в большинстве стран к превышению индекса розничных цен над оптовыми. Это в общем свидетельствует о большей устойчивости розничных цен, отношение которых к оптовым ценам определяется „темпераментностью“ последних. Так как, однако, состав обоих индексов далеко не одинаков, то делать более определенные выводы не представляется возможным.

Сопоставление более однородных групп, а именно, группы пищевых продуктов (табл. 2) во всяком случае не колеблет сделанного нами вывода, хотя и здесь мы несколько не обеспечены достаточной сравнимостью индексов.

Таблица 2

Индексы оптовых и розничных цен на пищевые продукты¹

Годы	С.-А. С. Ш.			Англия ²			Германия		Франция		Италия	
	Оптовый		Розн. пищев.	Оптовый		Розн. пищев.	Оптов. прод. сельского хоз.	Розн. пищев.	Оптовый пищевой	Розн. пищев.	Оптовый пищевой	Розн. пищев.
	Сел.-хоз. прод.	Пищевой		Сел.-хоз. прод.	Пищевой							
1913—1914	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1919	231	207	186	249	250	217	352	—	335	261	—	310
1920	218	220	215	233	229	262	1.215	—	459	373	—	445
1921	124	144	145	159	180	226	1.769	—	354	306	—	506
1922	133	138	139	149	200	175	—	—	324	297	569	492
1923	142	144	143	148	231	168	—	—	395	325	548	501
1924	143	144	143	171	224	171	111	127	487	375	562	522
1925	158	157	153	162	193	171	127	146	491	418	551	614
1926	142	153	157	151	209	163	125	144	635	554	683	655

Более ценным явилось бы сопоставление конкретных оптовых и розничных цен на отдельные товары. Хотя эти цены и публикуются отдельными учреждениями, однако, их изучение является делом чрезвычайно сложным в виду разнообразия сортов, учитываемых в опте и рознице; без специального и кропотливого отбора отдельных наименований товаров эта работа не может быть проделана. Приходится поэтому пользоваться специальными (к сожалению, редко проводимыми) исследованиями.

В основных чертах движение оптовых и розничных цен отдельных товаров совпадает; однако, анализ конкретного материала показывает довольно существенное различие, в общем подтверждающее сделанные на основе анализа индексов выводы. Приведем примеры. Из обширного материала, напечатанного в докладе Joint Commission of Agricultural Inquiry (обследование сельского хозяйства в С.-А.С.Ш.), мы выбрали следующие типичные данные:

¹ Заимствовано из сборника ЦСУ „Мировое Хозяйство“.

² Оптовый индекс за декабрь.

Таблица 3

Динамика оптовых и розничных цен в С.-А. С. Ш.
(В центах за фунт)

Товары	Показатель	1913 г.	Максимальн. оптовая цена		Максимальн. рознич. цена		1921 г. (март)	
			Цент.	Индекс	Цент.	Индекс	Цент.	Индекс
Мука пшеничная		Июль	Август 1917 г.		Сент. 1917 г.			
	Оптовая	1,37	5,56	409	5,31	390	1,37	100
	Розничная	3,00	6,60	220	8,10	270	4,80	160
	% накладки . . .	119	19	—	53	—	250	—
Р и с		Июль	Февр. 1920 г.		Май 1920 г.			
	Оптовый	5,40	12,80	237	12,20	226	4,50	83
	Розничный	8,70	18,30	210	18,70	215	9,80	113
	% накладки . . .	61	43	—	53	—	118	—
Сахар-песок		Июль	Май 1920 г.		Июль 1920 г.			
	Оптовый	4,50	22,50	522	21,20	471	7,80	173
	Розничный	5,50	25,40	462	26,70	485	9,70	176
	% накладки . . .	22	13	—	26	—	24	—
Сало свиное (Нью-Йорк)			Июль 1919 г.		Июль 1919 г.			
	Оптовый	11,10	35,80	322	35,80	322	12,30	111
	Розничный	16,00	42,50	266	42,50	266	19,90	124
	% накладки . . .	45	18	—	18	—	62	—
Бэкон (Чикаго)			Июль 1919 г.		Июль 1919 г.			
	Оптовый	12,70	33,90	267	33,90	267	15,40	121
	Розничный	29,40	61,50	203	61,50	203	51,60	175
	% накладки . . .	131	84	—	84	—	235	—
Бечина (Чикаго)			Июль 1919 г.		Июль 1919 г.			
	Оптовый	16,60	38,30	230	38,30	230	27,80	167
	Розничный	26,60	58,80	222	58,80	222	51,80	195
	% накладки . . .	60	53	—	53	—	86	—

Эта таблица наглядно иллюстрирует высказанную нами мысль. Даже учитывая всю остроту колебаний цен в военные и первые послевоенные годы, создававшую быстрые и неожиданные колебания в соотношениях оптовых и розничных цен, мы все же убеждаемся в том, что темпы колебаний в опте и рознице различны. В годы наиболее высокого подъема цен розничные накладки значительно отставали от довоенных, так как рост розничных цен шел далеко позади оптовых; зато в кризисный 1921 г. накладка резко возросла (по муке — от 119% до 250%, по рису от 61% до 118%, по салу — от 45 до 62%, по бэкону — от 131% до 235% и т. д.).

В последующие годы движение оптовых и розничных цен, повидимому, более совпадает, но в общем отмеченная нами тенденция сохраняется. Приведем пример из другой страны — Франции. Разница между оптовыми и розничными ценами на мясо в сентябре — октябре 1920 г. составляла к оптовой цене 96%; при падении цен (минимум) в январе — феврале 1922 г. она составила 102%; в период дальнейшего максимального подъема цен (май — июнь 1926 г.) она вновь составила только 82%.¹

Этот факт имеет существенное значение для оценки изучаемого нами явления: именно, в кризисные периоды, когда покупательная сила населения и без того сокращается, отрыв розничных цен от оптовых дает себя знать с особой чувствительностью; именно тогда раздаются с особенной настойчивостью жалобы на несовершенство аппарата обращения на излишнее посредничество, на дороговизну торговли и т. д., и т. д. Эти жалобы являются характерной чертой для всего послесвоенного периода и для всех стран.

Острота положения на розничном рынке вызвала, как мы уже упоминали в самом начале, образование в ряде стран правительственных комиссий по изучению состояния цен и условий ценообразования. Первой по времени была организована комиссия в С.-А.С.Ш. (1921 г.), отчет которой был использован нами в прошлогодней статье в „План. Хоз.“ (№ 9 за 1927 г.). Следует при этом оговорить, что благодаря систематически поставленному изучению внутренней торговли как в Federal Trade Commission, произведшей за время своего существования до двух десятков обследований разных отраслей торговли, так и в аппарате Министерства земледелия (Bureau of Agricultural Economics), а также благодаря исследованию ряда университетов и специальных организаций и учреждений, изучение ценообразующих факторов и, в частности, условий торговли находится в С.-А.С.Ш. вообще на очень высоком уровне. Зато в других странах (кроме Германии) материалы правительственных комиссий явились почти единственными для изучения этих вопросов.

Неоднократные обследования производились, прежде всего, в Англии. В 1923 г. был опубликован доклад комитета, учрежденного министром земледелия и рыболовства, Р. Сандерс, под председательством маркиза Линлисро (Departmental Committee of Distribution and Prices of Agricultural Produce). Сейчас же после падения правительства Макдональда была назначена (24/XI 1924 г.) новая Королевская комиссия по ценам на пищевые продукты (Royal Commission on Food Prices) под председательством О. Джемдес (отчет опубликован в 1925 г.). Наконец, вопросам издержек обращения уделено место и в недавно вышедшем IV томе трудов комиссии А. Бальфура по промышленности и торговле („Further Factors in Industrial and Commercial Efficiency“).

Более ранним и, повидимому, довольно подробным явилось обследование Правительственной комиссии в Швеции, учрежденной в июне 1920 г. в целях изучения торговли пищевыми продуктами (отчет опубликован в 1922 г.). Обследование охватило вопросы качества пищевых про-

¹ Исчислено нами по Bulletin de la Statistique générale de la France, янв. — март 1928 г.

дуктов, организации оптовой и розничной торговли, а также оптовых и розничных цен.¹

К более позднему времени (апрель 1926 г.) относится организация анкетной комиссии в Германии по обследованию производства и сбыта под председательством Ламмерса. В ней (в подкомиссии III) выделена особая группа по торговле под председательством Бернгарда. Работы комиссии, ведущиеся секретно, еще не закончены; они обещают дать интереснейший материал.

Наконец, в 1927 г. организована в Швейцарии министерством народного хозяйства Комиссия по ценообразованию (Preisbildungs Kommission) под председательством Керна, имеющая специальную задачу изучить вопрос о разрыве между оптовой и розничной ценой; в отличие от правительственных комиссий других стран она имеет характер научно-исследовательский. До настоящего времени из обширного списка назначенных ею к изучению товаров, согласно имеющимся у нас данным, закончено обследование цен на молоко.

Эти сведения, вероятно, не являются исчерпывающими. Во всяком случае, они в достаточной мере характеризуют интерес и общественного мнения и правительств к указанному вопросу. В значительной мере на материалах этих обследований мы построим в дальнейшем наш очерк.

II

Мы ограничиваемся в нашем очерке тремя пищевыми товарами: хлебом, мясом и молоком. Для того чтобы показать значение этих продуктов в бюджете городского потребителя, мы приведем следующие данные, заимствованные из материалов, лежащих в основании исчисления индексов стоимости жизни в приведенных в таблице странах (табл. 4)² (см. табл. на след. стр.).

Эта таблица, конечно, не отличается полной точностью, так как в разных странах в состав индекса включается разная номенклатура товаров; она все же для наших целей совершенно достаточна. Таблица показывает, что для разных стран взятые нами товары составляют от 40 до 70% всех затрат рабочих семей на питание. Разница по отдельным странам зависит от различных норм потребления продуктов, в соответствии с уровнем благосостояния рабочего населения, культурно-бытовых и естественных условий страны, а также от уровня цен. Нам представляется не лишним привести данные о нормах потребления, лежащие в основе исчисления индексов стоимости жизни в разных странах (к сожалению, состав стран не совпадает с табл. 4 вследствие отсутствия сопоставимых данных; см. табл. 5).³

¹ Сообщение об этом обследовании мы нашли в одном из изданий Международного Бюро Труда при Лиге Наций, подготовленном к Международной Экономической Конференции в Женеве (1927 г.).

² Таблица составлена и исчислена нами по данным, приведенным в кн. „The Cost of Living in Foreign Countries“ (N.-Y. 1927 г.) и содержащим в себе описание индексов стоимости жизни во всех странах мира.

³ Составлены и исчислены по тому же источнику.

Таблица 4

Удельный вес пищевых сел.-хоз. продуктов в бюджетах рабочих (по индексам стоимости жизни) (В % к бюджету питания)

Продукты	Велико- британия	Франция (Лилль)	Голландия (Амстердам)	Швеция	Чехо-Словакия
Весь бюджет	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе питание	60,0	65,0	44,8	42,8	56,2
В том числе (в % к расходам по питанию) хлеб и мука	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Мясо	20,96	15,33	18,5	14,7	29,4
Молоко	21,55	22,26	14,5	11,4	27,8
Молоко	7,49	4,21	12,3	12,9	11,2
Все продукты	50,00	41,80	45,3	39,0	68,4
Мясные продукты	5,69 ¹	2,79	Не вкл.	Не вкл.	6,0
Масло	12,28	7,60	14,0 ²	8,1	3,0
Маргарин	2,99	0,88	—	3,3	2,0
Яйца	5,69	2,10	2,3	4,0	2,6
Овощи	—	11,85	12,7	—	6,4
В том числе картофель	5,39	4,27	7,1	3,3	5,6

Таблица 5

Нормы потребления пищевых продуктов по рабочим бюджетам (на семью в неделю)

Продукты	Един. меры	Чехо-Слов. (5 чел.)	Франция (4 чел.)	Австрия (4 чел.)	Швейцария (2 взр. и 3 детей)	Швеция (4,4 чел. — 2,5 взр. ед.)
Хлеб и мука	кг	13,8	13,5	12,4	9,8	8,3
Молоко	литр	8,0	5,8	10,0	21,0	16,7
Мясо	кг	1,8	4,2	2,6	1,7	1,6
Масло кор.	„	0,25	0,4	0,4	0,3	1,6
Яйца	шт.	7,0	4,6	12,0	7,7	8,3
Картофель	кг	7,5	4,8	7,0	4,8	8,4

В странах с более высоким уровнем благосостояния рабочего населения (Швеция, Швейцария), с повышенным индексом реальной зарплаты (в Швеции в 1925 г. — 123,2, в Швейцарии — 123,4), качество питания значительно выше, чем в более отсталых странах. Все же именно эти продукты — хлеб, молоко, мясо — остаются важнейшими в питании населения.

Хлеб наравне с мясом является основным продуктом питания рабочих во всех странах, тем более существенным, чем беднее население. Хлебные розничные цены являются одним из важнейших факторов соци-

¹ Бакон.

² Все жиры.

альной политики; к цене ни одного из продуктов не так чувствительно рабочее население, как именно к цене хлеба. Изменение цены 4-фунтового хлеба в Англии на 1 пенс означает рост бюджетного индекса на $1\frac{1}{2}$ пункта и вызывает увеличение расходов населения в Великобритании и Ирландии на 100 млн. руб. в год.

Движение розничных цен на хлеб за последние годы выражалось в следующих цифрах:¹

Таблица 6

Г о д ы	Велико- британия (шилл. и п. за 4 ф.)	Франция (сант. за кг)	Голланд. (сант. за кг)	Швейца- рия (сант. за кг)	С.-А.С.Ш. (центов за фунт)
1914 (июль)	0—5 $\frac{3}{4}$	40	—	35	5,6
1920	1—0 $\frac{5}{8}$	100	—	—	11,5
1921	1—0 $\frac{7}{8}$	122	36,88	—	9,9
1922	0—9 $\frac{3}{4}$	104	30,63	—	8,7
1923	0—8 $\frac{3}{4}$	115	28,75	—	8,7
1924	0—9 $\frac{1}{4}$	128	29,17	55	8,8
1925	0—10 $\frac{1}{4}$	158	31,46	60	9,4
1926	0—10	224	29,06	56	9,4

Цены на хлеб в Англии на 74 $\frac{4}{10}$ выше довоенных при общем росте розничных цен на пищевые продукты на 63 $\frac{0}{10}$, в С.-А.С.Ш. — на 68 $\frac{0}{10}$ при росте общего индекса на 57 $\frac{0}{10}$; в Швейцарии оба индекса совпадают (+60 $\frac{0}{10}$). Только в 1926 г. установилась устойчивость цен на хлеб в течение всего года в Соед. Штатах и в Швейцарии. В Англии в начале 1927 г. наблюдалось снова некоторое повышение цен на хлеб.

Состояние цен на хлеб служило предметом особого внимания в Англии. И Комитет Линдиги и Королевская комиссия по пищевым продуктам уделили этому вопросу много времени. Особенного внимания заслуживают изыскания Королевской комиссии.²

Остановимся, прежде всего, на вопросе о структуре цены на печеный хлеб. Чьи расходы и прибыль и в каком размере покрывает потребитель, уплачивая свои 10 шилл. за 4-фунтовую булку? По материалам Комиссии, мы составили следующую таблицу, дающую ответ на этот вопрос (табл. 7).

Потребитель уплачивает в своей цене 41,3 $\frac{0}{10}$ канадскому и английскому фермеру, 11,3 $\frac{0}{10}$ — за транспортные и 20 $\frac{0}{10}$ — за производственные расходы (помол и печение); торговые расходы и прибыль (из которой часть относится к производству) составляют 27,4 $\frac{0}{10}$ розничной цены, в том числе 10,7 $\frac{0}{10}$ — прибыль и 16,7 $\frac{0}{10}$ — издержки распределения.

Эти величины получены путем внесения Королевской комиссией довольно существенных поправок в данные, использованные комиссией Линдиги на основании показаний Национального союза пекарей. Сопоставляя данные обеих комиссий, получаем следующие итоги для калькуляции пекарен (см. табл. 8).

Таблица 7

Калькуляция печеного хлеба в Лондоне¹
(Цена зерна на 5/XI 1924 г., хлеба 31/I 1925 г.)

С т а т ь и	В абсол. велич. (в шилл. и пенс.)	В $\frac{0}{10}$	
		К цене муки	К розн. цене хлеба
Цена производителя	39—11 $\frac{1}{2}$	65,1	41,3
Расходы по зерну	2—6 $\frac{3}{4}$	4,3	2,8
Транспорт зерна	9—0 $\frac{1}{4}$	15,0	9,5
Расходы по помолу	5—11 $\frac{1}{4}$	8,5	5,4
В том числе торговые	2—0	3,3	2,1
Прибыль мельницы	2—6 $\frac{1}{4}$	4,2	2,7
Транспорт муки	1—9	2,9	1,8
Цена муки	60—1	100,0	—
За вычет. отходов	51—0	—	63,5
Расходы пекарни	22—10 $\frac{1}{2}$	—	28,5
В том числе торговые	9—6	—	11,8
Прибыль пекарни	6—4 $\frac{1}{2}$	—	8,0
Цена хлеба	80—3	—	100,0

Таблица 8

	1914 г.	1923 г. (Нац. союз пекарей)		1924 г. (Корол. комиссия)	
	Шилл. и пенсы	Шилл. и пенсы	В $\frac{0}{10}$ к 1914 г.	Шилл. и пенсы	В $\frac{0}{10}$ к 1914 г.
Производ. расх. пекарен.	9—1	13—10 $\frac{1}{4}$	153	13—4 $\frac{1}{2}$	147
Торговые расходы	4—9	11—0 $\frac{1}{4}$	232	9—6	200
Прибыль	3—4 $\frac{1}{4}$	1—7 $\frac{1}{2}$	—51,5	4—0 $\frac{1}{2}$	111,5
Всего	17—2 $\frac{1}{4}$	26—6	154	26—10 $\frac{1}{2}$	156

Цена муки в 1923 г. выросла против довоенной по калькуляции Союза пекарей на 56,5 $\frac{0}{10}$. Таким образом, если исходить из его данных, хлебопечение перенесло к потребителю то же вздорожание путем резкого (вдвое) сокращения своей прибыли при громадном росте торговых расходов. В докладе Королевской комиссии нет сопоставления с довоенной ценой муки, но так как индекс хлеба (на 31/I 1925 г. — 10 $\frac{1}{2}$ п. или 182 $\frac{0}{10}$) значительно выше индекса наложения пекарни, то отсюда должно как будто следовать, что едва ли корень вздорожания цены хлеба лежит в хлебопечении. Сама комиссия, однако, никакого вывода в этом напра-

¹ Составлено по „Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich“ за 1927 г.

² Последующие данные взяты „First Report of the Royal Commission on Food Prices“ (1925 г.).

¹ Расхождение с табл. 7 объясняется тем, что здесь исключена скидка в 2 ш. 4 $\frac{1}{2}$ п.

² В калькуляции взяты 331 ф. пшеницы № 1 Сев. Манитобы и 58 ф. англ. пшеницы. Калькуляция исходит из 118 фун. отходов при помолу (стоимостью в 9 ш. 1 п.) и выхода хлеба в 93,5 $\frac{0}{10}$.

влении не делает, ограничиваясь только замечанием, что „в течение второй половины 1924 г. и текущем (1925 году) цены хлеба подымались в соответствии с ценами на муку и пшеницу“ (стр. 25).

В центре внимания комиссии лежит вопрос о том, не являются ли прибыли пекарен излишне высокими. В целях выяснения этого вопроса комиссия разослала анкету, по которой получены следующие итоги:

Таблица 9

Обороты и прибыль пекарен до и после войны в Англии

	Розничные		Кооперативные		Оптовые	
	Март 1913 ¹ июнь 1914	Дек. 1923 ¹ январь 1925	1913	1924	Сент. 1913 ¹ март 1914	Сент. 1923 ¹ март 1924
Число фирм . . .	15	15	10	15	6	6
Оборот по прод. в фунт. стерл. .	11.749	23.458	27.493	59.468	32.262	50.364
Валовая наценка ¹ в %/о к обороту .	29,7	35,2	32,3	34,7	28,2	35,3
Расходы „ . . .	23,1	29,1	18,0	24,2	23,7	31,7
Прибыль „ . . .	6,6	6,1	14,3	10,5	4,5	3,6

Валовая наценка пекарен возросла против довоенного благодаря росту расходов, при некотором даже уменьшении прибыли. Эти данные не совпадают с выводами, вытекающими из калькуляции хлеба.

Сопоставляя результаты своего исследования с данными Министерства финансов по подоходному обложению, комиссия приходит к выводу, что прибыль пекарен слишком высока и что „розничная цена на хлеб должна быть снижена“ (стр. 44). В этом комиссию особенно убеждают данные кооперативной торговли; потребительские общества, продавая хлеб по той же, а иногда и по пониженной цене, возвращают еще своим членам около 2 п. (о роли кооперации мы еще будем говорить особо). Отчет отмечает значительную затрату средств и энергии, вытекающую из неэкономной организации, из излишней конкуренции (три пекарни в одном маленьком городе в 3.000 чел. плюс потребительское общество, обслуживание квартир одной и той же улицы вразнос несколькими пекарнями); комиссия сознает, что здесь лежат возможности значительной экономии, но что меры в этой области „непрактичны в современных условиях“ (стр. 24).

Интересны указания комиссии о политике „твердых цен“ со стороны ассоциаций пекарей. В 13 из 21 обследованного города было установлено наличие единых цен, и в некоторых случаях при этом прямо указывалось на установление твердых цен со стороны союзов пекарей; представители торговли откровенно признавали, что в этом и состоит задача союзов.

В Южном Уэльсе пекари пытались прекратить снабжение мукой тех из конкурентов, которые продавали хлеб по пониженной (против твердой)

¹ Разница между ценой муки и прочих составных частей и продажной ценой хлеба и других продуктов.

цене. Точно также и мельники вставляли в свои договоры по снабжению пекарей пункт, по которому они имели право нарушить договор в случае понижения их покупателем цены хлеба против „нормы“. Отчет отмечает крупную роль, которую при этих условиях играет кооперация, как фактор, противодействующий этой политике твердых высоких цен.

С приведенной выше калькуляцией хлеба любопытно сопоставить аналогичную калькуляцию в С.-А.С.Ш. Не повторяя здесь таблицы, приведенной нами в № 9 „План. Хоз.“ за 1927 г.,¹ отметим лишь следующее: всякое сопоставление калькуляций двух стран может быть, конечно, только условным. Разнообразие методов торговли, географических условий сбыта (транспорт), равно как и методов самой калькуляции и ограниченность материала заставляют такое сравнение считать лишь некоторым грубым приближением к выявлению особенностей сбыта в различных странах. В частности, в данном случае следует отметить, что американская калькуляция имеет в виду оптовую пекарню и дальнейший сбыт хлеба через розничный аппарат, в то время как английская рассматривает пекарню, как розничное заведение. Это — первая причина громадной разницы в структуре цены, а именно: в то время как в Англии на долю производства и транспорта приходится 72,6% и только 27,4% — на распределение, в С.-А.С.Ш. (в 1921 г.) цена распадается почти на две равные части: 50,8% — на производство, включая транспорт, и 49,2% — на распределение. Но если даже исключить розничное звено, считая, что все его функции выполняются пекарней и притом без увеличения расходов последней (что невероятно), то и тогда на долю производства падает лишь 62,4% (против 72,6% в Англии). Учитывая возможное расхождение в номенклатуре статей, а также несовпадение периодов и все выше сделанные оговорки, мы все же должны будем признать это различие двух калькуляций достаточно типичным и показательным: распределительный аппарат в Соед. Штатах обходится значительно дороже, чем в Англии (и вообще Европе).

Переходим к другому важнейшему продукту питания — к мясу. Следует оговорить, что изучение условий ценообразования этого продукта представляет значительные затруднения в виду разнообразия сортов и качества продукта, получаемого из единицы живого скота. Сравнительное изучение оптовых и розничных цен здесь чрезвычайно осложнено. Торговец может получить очень высокую прибыль на одни сорта и части мясной туши при незначительной прибыли (и даже убытке) от других частей. Не останавливаясь поэтому на многочисленных данных, касающихся цен и наценок на отдельные сорта и виды мяса, приведем здесь лишь итоговые данные, охватывающие мясные предприятия в целом, по всему их обороту.

Заключение Королевской комиссии по ценам на пищевые продукты таково, что наценка в Англии на 1 фунт мяса нормально составляет 2 пенса, или 15—20% от оборота, при расходах в 1 1/4 по 1 1/2 пенса (10—15% к обороту) и прибыли в 1/3 или 2/4 пенса (5%).

Эти цифры обосновываются результатами анкетного обследования за 1924 г., давшего следующие итоги (по группам предприятий в зависимости от размеров оборотов):

¹ См. нашу статью „Издержки обращения в С.-А.С.Ш.“.

	Оборот в неделю до 50 фунт. стерл.	От 50 до 100 фунт. стерл.	От 100 до 300 фунт. стерл.	Свыше 300 фунт. стерл.	Коопера- тивы
Число анкет	27	86	126	29	79
Оборот в неделю (в фунт. стерл.)	36	75	159	473	720
Валов. наценка (в % к обор.)	16,4	17,4	17,2	17,5	23,1
Расходы	8,4	10,8	11,5	12,6	13,0
Прибыль	8,0	6,6	5,7	4,9	10,1

Высокая прибыль и низкие расходы в более мелких предприятиях объясняются тем, что оплата труда владельца включена в прибыль. Все же следует отметить возрастающую наценку по мере роста предприятия, вытекающую из возможности приобретения товара по более низкой цене при одинаковых продажных розничных ценах.

Сравнение с довоенными данными говорит (в отличие от хлеба) о росте прибыли при одновременном увеличении расходов, что свидетельствует об удорожании сбыта мяса. В цифровых величинах это выражается, согласно данным анкет, в следующем виде:

	Частные		Кооперативные		
	1912 и 1913 Лондон	1922 Англия и Уэльс (без Лондона)	1924	1913	1922 1924
Число фирм	120	115	165	37	97 79
Ср. размер обор. в фунт. ст.	6.869	6.035	8.520	18.761	29.636 37.478
Валов. наценка (в % к обор.)	16,7	16,2	16,6	18,9	23,5 23,1
Расходы	13,5	10,9	11,1	9,0	13,4 13,0
Прибыль	3,2	5,3	5,5	9,9	10,1 10,1

В Лондоне послевоенная прибыль составила 4,2—4,4% к обороту. Таким образом, удорожание сбыта несомненно. Комиссия также признала возможным снижение цены, констатируя особенную рентабельность этой отрасли торговли.

При этих условиях приобретает особенную значительность факт растущей концентрации розничной мясной торговли. «Конкуренция стала слабее, чем до войны», отмечает доклад, рассказывая о дальнейшем росте фирмы Union Cold Storage Co Ltd. Эта фирма, имеющая 2.356 розничных магазинов, продолжала поглощение других конкурирующих предприятий. Вместе с тем, она продолжала усиливаться и в оптовом сбыте, сохраняя благодаря своим холодильникам решающее значение на рынке. Отчет отмечает с некоторым недоумением удивительное однообразие цен, устанавливаемых по стране из оптового центра мясного рынка — Смифсфолда.

Быть может, наиболее показательными для организации снабжения городов являются условия ценообразования на третьем, интересующем нас рынке — молочном. Мы здесь не будем останавливаться на значении этого продукта для питания городского населения, в частности, детского. Общеизвестными являются и те особенности этого продукта, которые делают организацию его сбыта делом «деликатным» и сложным, требующим специального оборудования и умения.

Калькуляция одной кварты молока в Нью-Йорке (сорт В) в 1915 и 1916 гг. представляется в следующем виде:¹

	В центах	В % к %
Цена фермера	3,8	42,2
Расходы на селе	0,6	6,6
Пастеризация	0,4	4,5
Бутылки и упаковка	0,2	2,2
Доставка	2,4	26,7
Фрахт	0,9	10,0
Расходы по управлению	0,3	3,3
Всего расходов	4,8	53,3
Прибыль	0,4	4,5
Розничная цена	9,0	100,0

Более поздняя калькуляция, относящаяся к 1919 г. (Вашингтон), показывает увеличение доли производителя в цене товара (в соответствии с отмеченным в главе I отставанием роста розничных цен):

	Цент.	% к %
Производитель	7,25	48
Транспорт	0,75	5
Распределение:		
На селе	1,00	7
В городе	6,00	40
Розничная цена	15,00	100

От каких же факторов зависит уровень розничной цены на молоко? «Распределение молока в городе часто приводится как пример расточительной конкуренции», — начинает свой специальный обзор доклад Federal Trade Commission. «Картина 15 или 20 молочных фургонов, разезжающих по одной и той же улице, стоит перед глазами населения и вызывает к осуждению этой траты сил».²

Интересное исследование, получившее широкую известность, провел в г. Рочестере д-р Вильямс в 1911—12 гг. Он опросил 5000 домов или 1/10 всех домов города и получил исчерпывающую картину. По его подсчету, молочные фургоны проходят в обследованных 14 районах в день 420 миль, а могли бы, при единой системе сбыта, ограничиться 33,7 милью (только 8%). В одном из районов, например, 273 дома снабжаются 27 фирмами, которые делают объезд в 25 миль, в то время как при наличии одной фирмы достаточно было бы 2,6 миль.

Как это отражается на цене молока? Д-р Вильямс сделал следующий подсчет:

	При действующей системе	При единой системе	Экономия
Число занятых лиц	356	90	266
„ занятых лошадей	380	50	330
„ пройденных миль (в день)	2.509	300	2.209
Вложения в оборудование помещений (в долл.)	76.600	75.000	1.600

¹ По 5 крупным предприятиям в Нью-Йорке. Заимствовано из «Report of the Federal Trade Commission on Milk Products», 1921, стр. 175. Следует иметь в виду, что основной формой розничного сбыта молока за границей является доставка на дом.

² Там же, стр. 117.

	При действующей системе	При единой системе	Экономия
Вложения в транспортные средства (в долл.)	108.000	30.750	77.250
Стоимость распр. за день (в долл.)	2.000	600	1.400
Стоимость распр. за год (в долл.)	720.000	220.000	500.000

Возможная экономия в полмиллиона долларов составляет 2 цента на кварту или 26⁰/₁₀₀—таковы выводы, к которым пришел д-р Вильямс.

В 1919 г. совет г. Рочестера повторил обследование и пришел к следующим выводам о возможной экономии:

Расходы на 1 кварту (в центах)

	При действующей системе	При единой системе	Экономия
Фрахт или развозка	0,59	0,53	0,06
Труд	2,58	1,40	1,18
Прочие расходы	2,21	1,45	0,76
Потери на непроданное молоко	0,42	0,35	0,07
Всего расхода	5,80	3,73	2,07
В долларах за год	1.641.254	1.056.105	505.149

В данном случае экономия на расходах составляет 36⁰/₁₀₀ против 70⁰/₁₀₀ в подсчетах д-ра Вильямса. Возможно, сообщает комиссия, что здесь сказались происходившая в течение истекших семи лет концентрация молочной торговли.

Любопытно, по каким статьям затрат на труд происходит экономия.

	При действующей системе	При единой системе	Экономия
Раз'езды в розничном и оптовом сбыте	1,05	6,6	37
Прочие расходы на труд	1,53	7,4	52

Концентрация сбыта создает более выгодные условия, вопреки ожиданию, для производственных операций (затраты труда на упаковку, мытье посуды, пастеризацию, охлаждение и пр.), чем для распределительных.

Аналогичные расчеты были сделаны и для других городов. Так, в Нью-Йорке (1917) было признано возможным при единой системе уменьшить количество розничных фургонов с 4978 до 1650 и оптовых—с 1522 до 300. В Сан-Франциско один фургон делает (1917 г.) 40 миль в день; одну и ту же улицу он проезжает 8 раз в день, обслуживая в среднем двух потребителей в квартале. Бывают случаи, что он проходит $\frac{3}{4}$ мили, для того чтобы доставить молоко одному потребителю. При единой системе он мог бы обслужить не менее 5 кварталов и сэкономить 35 миль. Но дело не в одних только раз'ездах. Одновременно в сбыте участвует целая армия вояжеров, продавцов, агентов по рекламе, не учтенных в рочестерском обследовании. По подсчетам нью-Йоркского комитета, эти расходы по одному только предприятую составили 200 тыс. долл. в год.

Такова достаточно яркая картина сбыта молока в С.-А.С.Ш. Она сама по себе служит объяснением развития концентрационного процесса в молочной торговле. В Филадельфии еще в 1918 г. шесть фирм доставляла 43,4⁰/₁₀₀ всего молока. В Рочестере в течение 8 лет (с 1911 по 1919 гг.) удельный вес крупных фирм увеличился с 24⁰/₁₀₀ до 47⁰/₁₀₀ при со-

кращении общего числа торговцев с 173 до 136. Менее 5 крупных компаний покрывают в 1927 г. 74⁰/₁₀₀ всей потребности Бостона в молоке.

Новым фактором явилось выступление на рынке многолавок, торгующих за наличные и без доставки молока на дом. Это давало им возможность торговать молоком дешевле, чем прежними фирмам; последние вынуждены были идти в свою очередь на снижение цен. Разница в ценах (в пользу многолавок) составляла в Бостоне в 1922 г. 3,4 цента и упала в 1927 г., постепенно снижаясь, до 2 центов. В свою очередь это ускорило процесс концентрации основных снабжающих город фирм.¹

Те же проблемы стоят и перед молочной торговлей в Европе. Недавно опубликованные результаты обследования в Швейцарии² дают обстоятельное освещение этого вопроса.

Нормальным наращением цены на молоко в Швейцарии, согласно оценке проф. Петера, являются: 15—20⁰/₁₀₀ при покупке в сельской молочной, 20—30⁰/₁₀₀ при доставке на дом крестьянином или обычным розничником, 30—45⁰/₁₀₀ при доставке на дом из ближайшей ж.-д. зоны, 45—60⁰/₁₀₀ при доставке из средней и дальней зоны, 100—150⁰/₁₀₀ при доставке из средней и дальней зоны и продаже из бутылок.

В рамках этих цифр уложились и итоги обследования комиссии по ценообразованию, охватившего 3 города: Цюрих, Берн и Базель (в сант. за литр):

	Цюрих	Берн	Базель	
			На дом	Из лавки
Цена производителя	22,09	22,70	21,91	21,91
Оптовая наценка (включая страх. наценку) ³	6,91	5,17	7,14	7,14
Розничная наценка	6,00	6,22	5,95	4,95
Вся наценка	12,91	11,39	13,09	12,09
Розничная цена	35,00	34,00	35,00	34,00

Наценка в ⁰/₁₀₀ к цене производителя

Со страховой наценкой	58	50	60	65
Без нее	54	46	55	50
После 1 мая 1927 г. наценка составляла ⁴	11,34	11,31	12,89	11,89
В ⁰ / ₁₀₀ со страховой наценкой	48	48	56	51
В ⁰ / ₁₀₀ без нее	44	44	51	47

Оптовая наценка наиболее низка в Берне, так как Берн лежит в центре молочного района и значительная часть молока здесь же поступает в переработку. По обратным причинам наиболее высока наценка в Базеле.

¹ См. A. Schoenfeld, „Some Economic Aspects of the Marketing of Milk and Cream in New England“ (Dep. of Agricultural Circ. № 16, Oct. 1927).

² См. выше, глава I. Заимствовано нами из журнала „Schweizerischer Konsum Verein“ за 1927 г. (№№ 39 и 40).

³ Введена временно в целях уравнивания с ценой молока, идущего в переработку.

⁴ Наценка снизилась вследствие более близких районов снабжения и роста цен производителей.

В $\frac{\%}{\%}$ к розничной цене отдельные элементы составили:

	Цюрих	Берн	Базель
Цена производителя . . .	63,1	66,8	62,6
Оптовая наценка	19,7	15,2	20,4
Розничная наценка . . .	17,1	28,0	17,0
Всего . . .	100,0	100,0	100,0

Отличие от С.-А.С.Ш., прежде всего объясняется районом тяготения, являющимся для такого малотранспортабельного товара, как молоко, одним из существеннейших элементов цены.

Далее, среди оптовых расходов следует отметить два момента: 1) все растущую долю молока, поступающего в переработку (охлаждение, очистка) в крупных городах, что становится необходимым по мере увеличения поступления молока из более отдаленных пунктов и 2) расходы по регулированию поступления молока; союзы производителей организовали специальные молочные (Ausgleichmolkereien), являющиеся, по выражению обзора, «буфером» между производством и спросом, перерабатывающие возвращенное молоко и т. д.

В отношении розничной торговли обзор отмечает те же дефекты, что и американские обследования. Комиссия предлагает распределение продавцов по кварталам, прикрепление их к квартирам и аналогичные меры, долженствующие процентов на 50% увеличить нагрузку продавцов и этим сократить издержки. Обзор относится к этим мерам скептически и констатирует пока растущую дезорганизацию сбыта.

Любопытно, что аналогично американской многолавке в Базеле конкурентом выступает потребительское общество со своим более дешевым сбытом из лавок. Издержки лавок составляют на 1 литр молока всего 4,95 сант. против 5,95 при доставке на дом.

III

Приходится, с сожалением, отметить, что, как показывают использованные нами материалы, имевшие место до настоящего времени исследования далеко не с достаточной полнотой и глубиной вскрывают структуру цены на рынке и, в частности, условия образования розничных цен. Тем менее освещенными остаются те социальные явления в области торговли, которые оказывают решающее влияние на положение потребителя. Из отдельных замечаний, сделанных выше (в гл. II), видно, что эти вопросы частично затрагиваются официальными обследованиями, но совершенно естественно, что сколько-нибудь широкого освещения они в них получить не могут.

Между тем, послевоенные годы характеризуются значительными сдвигами в структуре торговли и в его социальной природе. Эти сдвиги шли по двум линиям: растущей капиталистической концентрации, с одной стороны, и развития кооперации, в частности потребительской, с другой.

Концентрация капиталистической оптовой торговли — явление не новое: ¹ немногие фирмы держат в своих руках важнейшие мировые рынки. Общеизвестна роль пяти американских компаний, составляющих Американский мясной трест, и английского треста группы бр. Вестей,

владеющих Union Cold Storage Co Ltd и его дочерними предприятиями. С другой стороны, вопреки официальному утверждению Королевской комиссии по пищевым продуктам, согласно заявлению члена комиссии В. Смит, вся торговля зерном с Индией находится в руках трех фирм и с Южной Америкой — от трех до пяти фирм. Мировая торговля пшеницей концентрируется в руках 7—8 фирм (Бунге, Дрейфус и др.).

Характерной чертой последних лет является все усиливающееся регулирование цен розничного рынка со стороны промышленности и оптовой торговли. Это явление теперь характерно не только для Соед. Штатов; выше мы приводили примеры и для английской торговли печеным хлебом. Комиссия Бальфура в своем последнем (IV) томе констатирует, что так называемые „proprietary goods“, т. е. товары, цены которых устанавливаются производителями, „охватывают большую часть товаров: автомобили, мотоциклетки, велосипеды, электрические лампы, мыло, патентованные средства, табак и кондитерские изделия; они обнимают также значительную часть торговли обувью, железными товарами и предметами домашней обстановки; точно также и в бакалейной торговле известная часть артикулов продается по цене, установленной производителями“.¹

Это капиталистическое регулирование цен является важнейшим фактом, с которым приходится иметь дело правительственным исследовательским комиссиям. Королевская комиссия по ценам на пищевые продукты осуждает эту систему, считая, что она удерживает цены на хлеб на слишком высоком уровне, но в виде конкретного предложения указывает лишь, что эта система требует „близкого и постоянного наблюдения и вмешательства, когда цены становятся неоправданными“. В отношении мясной торговли комиссия предлагает обязательную регистрацию розничных лавок и опубликование статистических данных о размерах запасов в холодильниках.

Кроме предложения об организации совета по пищевым продуктам в целях наблюдения за рынком и проведения указанных и аналогичных им мер комиссия ничего не выдвигает.

Не менее значительным фактом является рост концентрации розничной торговли, достигшей в последние годы грандиозных размеров. „В 1927 году концерн универсальных магазинов в Сильфридже сливается с одним из своих самых мощных конкурентов — фирмой Вайтли. Капитал Сильфриджа (акционерный капитал, резервный фонд, облигации) составляет 3,8 млн. фунт. стерл., капитал Вайтли — 2,1 млн. фунт. стерл. Оба слившихся концерна объединяют в своих руках более $\frac{1}{6}$ капитала всех лондонских универсальных магазинов. Их годичный оборот оценивается в 12—15 млн. фунт. стерл. Дивиденды составляют 20%. По дальнейшим сведениям обороты 15 универсальных магазинов Лондона составляли в год (1924) около 40 млн. фунт. стерл. В конце 1927 г. произошло слияние пищевого треста Стар и Ко, имеющего более 500 лавок по всей стране, с фирмой Колин Купер „International Tea Co Stores“, имеющей капитал приблизительно в 15 млн. фунт. стерл.“²

Не менее быстрым темпом идет концентрация торговли в С.-А.С.Ш., в Германии и др. странах. Обороты многолавок в С.-А.С.Ш., достигшие

¹ См. об этом Ю. Гирш, „Экономика торговли“, стр. 65—66.

¹ „Further Factors of Industrial and Commercial Efficiency“, прим. к стр. 111.

² См. журнал „Международная кооперация“ № 2 за 1928 г.

за последний год 6 млрд. долл. ($\frac{1}{10}$ всего розничного оборота), показали по отдельным отраслям грандиозный рост: в колониальной торговле — $230\frac{0}{10}$, в „аптекарской“¹ — $120\frac{0}{10}$, в торговле сигарами — $50\frac{0}{10}$, обувью — $35\frac{0}{10}$, в предприятиях с едиными ценами — $150\frac{0}{10}$.² Отсюда ясен темп прироста их удельного веса в розничном обороте.

На ряду с ростом концентрации идет развитие новых форм торговли. Швейцарская кооперация жалуется на конкуренцию крупных фирм, торгующих в развоз — с автомобилями-лавками; в С.-А.С.Ш. развиваются Piggly-Wiggly — лавки — магазины самообслуживания и т. д.

Эти новые формы сбыта — и особенно многолавки — означают, несомненно, внедрение более усовершенствованных типов розничной торговли, дающее возможность удешевить издержки торговли, и — в случае необходимости — торговать по более низким ценам.³ В материалах, опубликованных Международным бюро труда к Женевской экономической конференции, мы находим следующее сопоставление цен во Франции в предприятиях различного типа⁴ (в сант.):

Товары	Районы	Многолавка	Круп. бак.- колон. магазины	Мелкая колон. лавка	Кооператив
Шоколад обыкновен. (250 г)	Нижняя Нор- мандия . . .	{ 1.20 1.30	1.45	1.45	1.25
Шоколад Менье (1 кг)	Адур	6.80	—	{ 6.80 8.—	6.60
Фасоль сушен. ($\frac{1}{2}$ кг)	Нижняя Нор- мандия . . .	{ 0.80 1.00	0.95	1.—	0.80
Фасоль (1 кг) .	Адур	{ 1.60 2.20	—	3.—	1.60
Керосин (литр)	Нижняя Нор- мандия . . .	{ 1.15 1.40	1.15	1.35	1.15
" "	Адур	{ 1.40 1.50	1.60	1.70	1.40
Сахар (кг) . . .	Нижняя Нор- мандия . . .	{ 3.90 4.20	4.10	4.25	3.85
" "	Адур	{ 3.— 3.10	3.15 3.40	3.25 3.70	3.—
Сыр голл. (кг) .	Адур	{ 10.— 12.—	13.75	{ 12.— 14.—	9.—

Эта таблица живо иллюстрирует борьбу цен на розничном рынке, ведущуюся между кооперацией, крупной многолавкой и старым типом бакалейной торговли. Она с бесспорностью свидетельствует, что время мелкой и средней индивидуальной лавки прошло и что борьба разыгрывается между новыми высшими формами розничной торговли.

¹ В своеобразном американском понимании — смешанная торговля.

² „Schweizerischer Konsum Verein“, № 11 за 1928 г.

³ Подробное см. нашу статью в журн. „Вопросы торговли“ № 11 за 1928 г.

⁴ „Resultat de quelques-unes des enquêtes établissant la comparaison entre les prix de détail du commerce privé et ceux des sociétés coopératives de consommation“ стр. 8 и 15.

Успехи потребительской кооперации в послевоенные годы объясняются не только состоянием рынка (неустойчивостью цен, ростом дороговизны и т. д.), но и тем, что кооперация есть высшая организационная ступень торговли, соответствующая новым условиям хозяйства. При всей своей взаимной враждебности, капиталистическая многолавка и кооперация развиваются на общей основе — на растущей потребности в концентрации сбыта. С этой точки зрения Edeka Verein, эта оригинальная форма „кооперации“ розничников, построенная по типу кооперативного объединения, есть законное дитя времени, и совершенно не странно звучит, что организованные интернациональные объединения союзов розничной торговли. Мы этим не думаем ставить на одну доску потребительскую кооперацию с ее противниками — лжекооперацией и капиталистической многолавкой, но вместе с тем, приходится признать, что кооперация потребителей в капиталистических странах не есть тот орган защиты интересов потребителей, каким он должен быть.

Изучение потребительской кооперации, как ценообразующего фактора на розничном рынке в капиталистических странах, требует своего специального исследования; мы лишь бегло коснемся здесь этого вопроса. Это изучение тем более сложно, что здесь переплетаются два вопроса — образование конкретной продажной цены в потребительском обществе и размеры возврата премий члену общества. Как правило, потребкооперация торгует по средне-рыночной цене и ее выгода для потребителя, прежде всего, выражается в размере премии на забор. Если мы поэтому имеем в Германии и Англии наложение потребительских обществ как сейчас, так и до войны, в размере $20\frac{0}{10}$ к их обороту по продаже — наложение, примерно совпадающее с накидкой частной торговли или лишь несколько ниже ее, учитывая ассортимент потребкооперации, — то оценка этой величины должна, прежде всего, определяться ролью прибыли в ней и удельным весом торговых расходов потребобществ. Мы имеем здесь следующие показатели (в $\frac{0}{10}\frac{0}{10}$ к обороту):

		1903	1914	1925	1926
Потреб. общ. Гер- мании	Расходы	9,57	12,45	16,78	16,28
	Прибыль	11,04	8,37	3,93	4,29
	Наложение	20,61	20,82	20,71	20,57
Великобритания	Прибыль	14,0	13,6	—	—

Обследование Бальфуровской комиссии дало по 3 потребобществам Англии следующие результаты (в $\frac{0}{10}\frac{0}{10}$ к обороту):

	1913	1925
Расходы	7.8—12.6	10.4—16.5
Прибыль	8.4—10.4	6.3— 8.5
Наложение	18.2—21.0	18.9—22.8

Таким образом, прибыль в послевоенной кооперации значительно упала, а расходы ее возросли. Тем более серьезное значение имеет вопрос о ценах потребкооперации.

Упомянутый нами материал, собранный Международным бюро труда для Женевской конференции и посвященный сравнению кооперативных и частных цен, приводит не мало убедительного материала в пользу кооперации и ее влияния на уровень цен. Так, сопоставление в Швейцарии цен кооперативных с ценами предприятий, объединяемых

союзом швейцарских бакалейных торговцев, на ноябрь 1925 г., показывает, что у кооперации цены выше только на товар (мед), равны по 3 товарам и ниже по 25 товарам (от 1 до 14⁰/₁₀).¹

Любопытно исследование, сделанное для Швеции Г. Гейманом. Сопоставляя разные районы, экономически однородные, по степени кооперированности в них населения, он дает следующие ряды:²

Районы	Число членов кооп. на 1.000 чел. насел.	Сред. коэф. прод.	Рост розничных цен (в 0 ⁰ / ₁₀) (июль 1914 г. — июль 1926 г.)			
			Бакал. и проч.	Хлеб	Мясо	Рыба свежая
Швеция восточная (16 райоп.).	88,0	38,8	36,1	77,1	87,9	79,0
Швеция южная (10 райоп.).	78,2	42,6	32,8	75,4	91,7	63,8
Швеция восточная (6 райоп.).	44,4	43,6	41,0	103,9	96,5	80,9

Выводы из этой таблицы представляются в достаточной мере убедительными.

С другой стороны, и материалы, изложенные выше (в гл. II), говорят о полезной роли кооперации в Англии в отношении цен на печеный хлеб. Значительное мукомольное производство потребкооперации, более дешевое, чем частного мукомолья, как это показывает доклад Королевской комиссии, далее, наличие крупных и благоустроенных пекарен укрепляют ее положение на этом рынке. Цены на печеный хлеб в ней на $\frac{1}{2}$ до 1 пенса ниже, чем в частной торговле, и ее выступление нередко срывает политику фиксации твердых цен на рынке.

Однако, далеко не все факты говорят в пользу кооперации. Приведенные выше (в гл. II) таблицы, относящиеся к мясной торговле в Англии, свидетельствуют о более высоких накидках и расходах кооперативов по сравнению с частной торговлей разных типов; приложенный к докладу Королевской комиссии материал о розничных ценах на мясо подтверждает наличие, как правило, более высоких цен в кооперации (на 1—2 пенса). При этом следует [помнить, что потребкооперация вступила на Западе в тяжелый период. Ее конкурентом теперь является не мелкий частный торговец, а крупная капиталистическая розничная торговля, не боящаяся борьбы на почве цен. Успехи капиталистической торговли на рынке являются очень значительными; по размерам своих оборотов, а тем более по финансовым своим ресурсам, она превосходит кооперацию.³ Тем более заостряется теперь борьба за и против потребителя; к сожалению, защита интересов последнего не в надежных руках.

¹ „Resultats“, стр. 12.

² Там же, стр. 23.

³ Обороты одних универмагов в Англии составили в 1926 г. 300 млн. фунт. стерл., потреб. общ. — 185 млн., в Германии соответственно — 1,5 млрд. и 1 млрд. марок (6—7% всего оборота).

Издержки производства английской промышленности до и после войны

Изучение вопроса об издержках производства английской промышленности общественной организацией, тем более опубликование материалов об этой „коммерческой“ тайне, является необычным и для английского читателя. Впервые этот вопрос подвергался специальному исследованию Комитетом торговли и промышленности, организованным в 1924 г. Р. Макдональдом в бытность его премьером английского правительства. (Материалами исследования этого комитета, опубликованными недавно, мы пользуемся в этой статье.)¹

В задачи Комитета входит изучение следующих проблем:

1) Положение и перспективы английской внешней торговли и ее участие в мировой торговле. Исследование тенденции развития мирового рынка, главным образом, конкурирующих с Англией стран, выяснить величину этой конкуренции, ее вероятную продолжительность и возможные последствия.

2) Способность английской промышленности противостоять мировой конкуренции при создавшихся условиях. Исследование производственной возможности Англии, ее организации, включая продуктивность капитала, оборудования, труда и управления; соразмерность между наличным запасом и перспективами сырьевых материалов, возможные улучшения и утилизации последних путем развития новых производств; применение механической силы, транспорта, как фактора, влияющего на издержки производства; эффект государственного регулирования продукции и ее издержек.

3) Вопросы о взаимоотношениях занятых в производстве лиц, исследование методов оплаты труда, причин споров и волнений и изыскание методов их избежания и улаживания путем сотрудничества, организации комиссии по установлению заработной платы, принудительного арбитража и усиления объема соглашений.

Мотивов для изучения состояния английской промышленности с точки зрения ее конкурентоспособности на мировом рынке, следовательно, с точки зрения издержек производства, весьма и весьма достаточно. Укажем лишь, что темп роста чистой продукции далеко опередил темп роста механической лошадиной силы в английской промышленности. Число механических лошадиных сил в английской промышленности выросло с 8,0 млн. в 1907 г. до 13.750 тыс. в 1924 г., увеличение

¹ Further Factors in Industrial and Commercial Efficiency, London, 1928 г.

свыше 70%. На одно занятое в промышленности лицо рост равен 50% за этот период. Чистая же продукция возросла на гораздо больший процент. Данные переписи 1924 г. показывают, что в производствах, работающих на экспорт (А), а также во всех остальных (В) отраслях промышленности с общим количеством лиц в 5,5 млн. с почти одинаковым ростом занятости (А—18%, В—16%) в периоде между 1907 и 1924 гг. чистая продукция обогнала своим ростом темп увеличения количества механической лошадиной силы. Последняя показывает рост с 1907 по 1924 гг. на 54% для группы А и 71% для В, чистая же продукция за этот промежуток времени выросла соответственно по группам на 87% и 131% на одно занятое лицо в денежном выражении. При учете вздорожания цен чистая продукция на занятое лицо не намного изменилась в группе А, в то время когда она в группе В выросла все-таки свыше 25%. Если из группы А исключить каменный уголь, где чистая продукция дала увеличение лишь на 41%, то общий результат и для этой группы значительно ухудшится—вместо 87% получится 107% роста чистой продукции. Это в то время, когда в С.-А.С.Ш. рост механической лошадиной силы с 1904 по 1925 гг. не был обогнан ростом чистой продукции. То и другое дает почти одинаковый рост—около 64%.

О чем говорят эти данные? Они говорят о том, что при наличии значительного роста капитальных вложений и механической лошадиной силы чистая продукция (т.е. главным образом, издержки производства, если не считать прибыли) в английской промышленности относительно не только не падают (они не падают и в С.-А.С.Ш.), но показывают заметный рост. Средний взвешенный % роста всех издержек производства (включая и стоимость материалов) в экспортных отраслях промышленности равняется в 1925 г. (в некоторых случаях сопоставляется с 1924 или 1923 гг.) 184% против 1913 г.=100, при весьма значительном отклонении в ту или другую сторону в отдельных производствах. Издержки производства нефтяных двигателей возросли против 1913 г. на 20%, взрывчатых веществ на 33%, а пряжи из египетского хлопка на 275%. Среди остальных производств самый крупный рост показывает текстильная группа—225%, затем химическая—174%, общее машиностроение—166%, железнорудная—162% и судостроительная 147%.

Прежде чем приступить к рассмотрению цифрового материала по отдельным производствам, необходимо сообщить некоторые детали о методе составления статистических таблиц.

Помещенные ниже таблицы имеют целью показать:

1) Относительное значение составных частей издержек производства в общей их сумме, взятой за 100 на единицу продукции (см. графы 1 и 2 примерной таблицы).

2) Процент роста суммы издержек после войны в сравнении с довоенным периодом и удельный вес каждой из составных частей в этом суммарном проценте (см. гр. 3).

3) Процент роста каждой из составных частей между собой за сравнимые периоды.

Воспользуемся данными первой таблицы о каменноугольной промышленности для иллюстрации метода, который применялся при разработке статистических материалов по всем обследованным отраслям промышленности.

Примерная таблица исчисления издержек производства

Элементы издержек	Издержки тонн угля в 1913 г.	В % к сумме	Издержки тонн угля в 1925 г.	В % к сумме	Издержки 1925 г. к сумме из- держек (1913=100)	Элементы издержек 1925 г. в % к тем же эле- ментам 1913 =100
Материалы	13,00	11,4	22,26	10,3	19,6	171
Зарплата и жалов. . . .	85,45	75,3	160,74	74,3	141,6	188
Проч. издержки	15,05	13,3	33,22	15,4	29,3	221
Сумма	113,50	100,0	216,22	100,0	190,5	—

Первые две графы показывают суммы издержек тонн угля в 1913 и 1925 гг., а также их составные части в абсолютных и относительных величинах. Сумма в гр. 3 есть частное от 216,22 пенс. (1925 г.): 113,50 пенс. (1913 г.), равное 190,5%, где на материалы падает 19,6%, зарплату и жалование—141,6% и на прочие издержки—29,3%. Гр. 4 показывает рост каждого элемента в отдельности. Например, издержки на материалы в 1925 г.—22,26 пенс. возросли на 71% издержек 1913 года—13,00 пенс.

В дальнейшем по другим производствам абсолютные данные, помещенные в гр. 1 и 2 примерной таблицы, не публикуются. Подвергаются рассмотрению лишь относительные данные. Если издержки производства определенного количества каменного угля равны в 1913 г. 100 фунт. стерл. при чем на материалы из этих 100 фунт. стерл. израсходовано 11,4 фунт. стерл., на оплату труда рабочих и служащих—75,3 фунт. стерл. и на покрытие „прочих издержек“—13,3 фунт. стерл., то в 1925 г. на то же количество каменного угля затрачено 190,5 фунт. стерл., при чем на материалы 19,6, оплату труда—141,6 и на прочие издержки 29,3 фунт. стерл. Эти последние составляют в % к своей сумме (190,5)—материалы—10,3%, оплата труда—74,3% и прочие издержки—15,4%.

Ниже приводятся данные об издержках производства, охватившие около 50 предприятий различных отраслей промышленности. Повсюду будем встречаться с одними лишь относительными данными, помещенными в графах 1, 2, 3 и 4 примерной таблицы.

Степень нагрузки предприятия, как известно, весьма существенно влияет на движение размера издержек производства в целом, а также на перемещение размера отдельных составных элементов. Поэтому почти везде в таблицах указывается процент нагрузки до и после войны. Там же, где подобных данных не имеется, приводятся данные о валовой продукции в процентах за эти годы. Последние, конечно, характерны лишь в том случае когда мощность этих предприятий до войны и теперь осталась та же.

Единицы продукции всех рассматриваемых предприятий по возможности идентичны до войны и теперь, за некоторым исключением, о чем указывается в подстрочных примечаниях.

Что касается классификации материала, то необходимо отметить, что данные группируются, главным образом, по основным составным элементам издержек производства: материалы, оплата труда и проч. издержки. Группа „зарплата и жалование“ обычно охватывает все суммы, выплаченные за труд. Однако, в некоторых случаях часть зарплаты попала в „проч. издержки“ по подгруппе „содержание и амортизация строений и оборудование“ и „друг. расходы“. Там же, где данные более подробные, они квалифицированы в следующем виде:

1. Материалы. Здесь имеются в виду все основные и вспомогательные материалы, включая обычно и фрахт.
 2. Прямая зарплата. Здесь подразумевается оплата труда, которая может быть отнесена непосредственно к процессу производства.
 3. Косвенная зарплата — включает оплату труда, затраченного вне производственного процесса. Зарплата и жалование персоналу, работающему по снабжению включается сюда.
 4. Сумма зарплаты — включает предыдущие две группы.
 5. Жалование. Сюда включается оплата труда административного и руководящего персонала.
 6. Энергия и проч. Здесь подразумевается и топливо и электрическая энергия, а также отопление, освещение и проч.
 7. Амортизация и содержание. Эта подгруппа включает амортизацию, текущий ремонт и содержание строений и оборудование.
 8. Сборы и проч. Сюда включены: местные сборы, поимущественный налог, государственное страхование, компенсация по несчастным случаям.
 9. Прочие издержки. Здесь даются расходы, которые по тем или другим причинам не могут быть отнесены ни в одну из перечисленных групп.
- Проценты на капитал, налоги, кроме поимущественных, перевозка готовых изделий обычно не включаются.

Топливная промышленность

В помещенной ниже таблице данные касаются добычи каменного угля, производства кокса и газа. Стоимость добычи каменного угля в последних производствах играет, конечно, главную роль. Крупное значение имеет также расстояние, отделяющее угольные копи от коксовых печей и газовых заводов. Уже в зависимости от одного этого фактора (расстояние) цены тонны каменного угля колеблются в значительном проценте в разных предприятиях. Если к этому добавить влияние на цены, вытекающее из различного владения предприятиями, производящими и потребляющими каменный уголь, то колебания тонны каменного угля в первую половину 1925 г. выражались от 11 шилл. 8,19 пенса. до 15 шилл. 1,67 пенса. франко — место потребления. В первом случае печи работали на купленном угле из копей, близко расположенных. Во втором случае владельцами печей являются заводчики железоделательных предприятий

расположенных друг от друга на далеком расстоянии. Когда же добыча каменного угля, производство кокса и железоделательные заводы в одних руках, то при таком же, как в последнем случае, далеком расстоянии цена тонны каменного угля франко — печь — 14 шилл. 5,54 пенса. Цена тонны выработанного кокса колеблется в зависимости от этих условий на 3 шилл. 8 пенса.

Конечно, качество угля не может не иметь значительное влияние на цены кокса. В зависимости от этого издержки производства тонны кокса варьируют между 3 шилл. 6 пенса. и 6 шилл. 7 пенса. Одна зарплата колеблется от 1 шилл. 10,56 пенсов на одном заводе до 2 шилл. 5,27 пенсов на другом. Из работавших в 1913 году 21.000 печей только 6.000 были приспособлены к использованию побочных продуктов, в то время когда в 1924 г. из 12.000 действующих печей — 9.000 подобного типа. Громадное значение этого обстоятельства можно видеть в том, что в 1924 г. стоимость побочных продуктов составляла 31% стоимости валовой продукции коксовых печей против 18% в 1912 г. (см. табл. 1).

Издержки производства каменного угля возросли с 1913 г. до 1925 г. на 90,5%. Зарплата выросла более медленным темпом, чем жалование: на 85% и 121% при средне-взвешенном — 88%. Еще больше увеличились расходы на местные сборы, поимущественные налоги и соц. издержки. Большой процент падающий на прочие издержки (гр. 14) объясняется включением сюда расходов на энергию, отопление (гр. 11) и амортизацию (гр. 12). Кроме того, сюда включены специальные пошлины в размере 5,35 пенса., или 4,71% издержек тонны угля в 1913 г. и 6,33 пенса. в 1925 г. (май — июль), или 2,93% издержек. Что касается перемещения долей отдельных элементов издержек за рассматриваемый промежуток, то таковые произошли в группе „проч. издержки“ с 13,3% до 15,4% всех издержек. Растет также доля жалования, с 2,6% до 3,6% при снижении доли зарплаты с 72,7% до 70,7% и материалов с 11,4% до 10,3% всех издержек.

Затем в таблице приведены данные трех коксовых заводов. Если рассмотреть рост суммы всех издержек у каждого из них, то бросается в глаза громадная разница в проценте издорожания: 167,4 на заводе А; 207,5 на заводе В и 224,2 на заводе С. Главная причина здесь в том, что выработка завода А в 1924/25 = 94% выработки 1913/14 г., завод В = 81% и завод С = 51%. Перемещение доли отдельных элементов издержек имело место на всех трех заводах. Рост доли показывают на заводе А материалы (с 84,9 до 85,2), прочие издержки с 4,8% до 6,5%; падение же доли в издержках произошло в зарплате с 10,3% до 8,3%. На заводе В рост доли материалов шел более сильным темпом (с 78,7% до 81,2%) при снижении доли зарплаты на 2%. Завод С показывает снижение доли материалов и зарплаты. Растут лишь „прочие издержки“ (главным образом, за счет „содержания и текущего ремонта“) с 6,9% издержек в 1913/14 г. до 11,2% в 1924/25 г. Это вполне понятно, если вспомним, что выработка этого завода равна в 1924/25 г. лишь 51% выработки 1913/14 г.

При более выгодных условиях работает предприятие, к которому относятся данные о производстве газа. В 1913 г. оно работало с 80% потенциальной нагрузки, а в 1924 г. — с 97%. Доля материалов относительно возросла довольно значительно, некоторый рост показывает также зарплата (при внутренней перегруппировке), а снижение доли показывают „прочие издержки“ с 44,1% в 1913 г. до 43,0% в 1924 г.

Таблица 1

Издержки производства английской топливной промышленности

Производства	Г о д ы	Всего	Мате- риалы	Зарплата и жалование					Прочие издержки				
				Всего	Зарплата			Жалован. служ. и рук. тех.	Всего	Энергия освещ. отоп. и пр.	Амор. тек. ре- монта, со- держание	Местн. сборы, налоги и соц. расх.	Прочие издержки
					Пря- мая	Кос- вен.	Всего						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Каменный уголь	1913 в $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$. .	100,0	11,4	75,3	—	—	72,7	2,6	13,3	—	—	3,6	9,7
	1925 „ $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$. .	100,0	10,3	74,3	—	—	70,7	3,6	15,4	—	—	5,9	9,5
	1925 „ ф. ст. . .	190,5	19,6	141,6	—	—	134,7	6,9	29,3	—	—	11,2	18,1
	1925 к 1913 в $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$	190,5	171	188	—	—	185	266	221	—	—	315	186
2. Кокс завод А	1913/14 в $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$.	100,0	84,9	—	—	—	10,3	—	4,8	1,5	1,6	0,6	1,1
	1924/25 „ $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$.	100,0	85,2	—	—	—	8,3	—	6,5	1,7	2,1	1,2	1,5
	1924/25 „ ф. ст.	167,4	142,6	—	—	—	13,9	—	10,9	2,8	3,5	2,0	2,6
	1924/25 к 1913/14	167,4	168	—	—	—	135	—	224	180	215	323	246
3. Кокс завод В	1913/14 в $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$.	100,0	78,7	—	—	—	11,7	—	9,6	0,7	6,1	1,1	1,7
	1924/25 „ $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$.	100,0	81,2	—	—	—	9,7	—	9,1	0,7	5,7	1,0	1,7
	1924/25 „ ф. ст.	207,5	168,7	—	—	—	20,1	—	18,7	1,5	11,8	2,0	3,4
	1924/25 к 1913/14	207,5	214	—	—	—	172	—	195	204	193	176	206
4. Кокс завод С	1913/14 в $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$.	100,0	82,4	—	—	—	10,7	—	6,9	1,1	3,6	0,7	1,5
	1924/25 „ $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$.	100,0	80,7	—	—	—	8,1	—	11,2	1,6	6,8	1,0	1,8
	1924/25 „ ф. ст.	224,2	180,9	—	—	—	18,2	—	25,1	3,5	15,3	2,2	4,1
	1924/25 к 1913/14	224,2	219	—	—	—	170	—	366	333	428	324	265
5. Производ. газа	1913 в $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$. .	100,0	10,2	45,7	40,2	3,8	44,0	1,7	44,1	23,2		12,9	8,0
	1924 „ $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$. .	100,0	12,9	46,1	38,9	5,4	44,3	1,8	41,0	23,7		8,5	8,8
	1924 „ ф. ст. . .	182,1	23,4	84,0	70,8	9,9	80,7	3,3	74,7	23,7		15,5	16,1
	1924 к 1913 в $\frac{0}{0}$ / $\frac{0}{0}$	182,1	229	184	176	261	183	194	169	186		120	201

Железодельательная промышленность

Выработка чугуна в Англии после войны значительно сократилась против довоенной. Главной причиной этого является увеличение потребления железного лома в стальной промышленности. В 1924 г. потреблено 4.480.779 тонн чугуна и 4.194.418 тонн железного лома, в 1923 г. — 4.316.553 тонны чугуна и 4.671.912 тонн железного лома, в то время когда в 1913 г. потреблено 6.000.000 тонн чугуна и лишь 2.000.000 тонн железного лома. В связи с этим обстоятельством производство чугуна и гематита для дальнейшей переработки в сталь сократилось в обследованных предприятиях с 6.134.600 тонн в 1913 г. до 4.787.600 тонн в 1924 г. Очевидно, что это обстоятельство должно влиять на рост издержек производства на единицу продукции в 1924 г. против 1913 г. Из наличных в Англии к 31/XII 1925 г. 464 доменных печей 106 бездействовали уже по 5 лет и больше. Правда выработка доменной печи в 1924 г. превышает на 30% выработку 1913 г., но новые доменные печи с большой производительностью и значительной экономией по части зарплаты были введены в самые критические для промышленности дни. Поэтому рост выработки доменной печи в Англии сильно отстает от других стран. Так, в С.-А. С. Ш. средняя выработка доменной печи в 1924 г. была выше 110.000 тонн, в Германии и Люксембурге — свыше 73.000 тонн (метр.) и свыше 57.000 тонн (метр.) в Бельгии и Франции. Средняя же выработка одной доменной печи в Англии в 1925 г. была равна всего около 30.000 тонн (10,3 млн. тонн выработки при 358 действующих доменных печах), ниже выработки 1924 г. — 39,4 тыс. тонн.

В Англии имеются, конечно, и печи с большей производительностью. Так, средняя выработка доменной печи в Южн. Уэльсе и Лонмотшире равна в 1924 г. 90.324 тонн, Западного побережья — 57.248 тонн. Но низкая средняя выработка всех печей показывает, что таких с большой производительностью очень мало. Зато много, повидимому, таких, как в Шотландии со средней выработкой в 19.984 тонн (в 1924 г.) или в Нортенсе — со средней выработкой в 1924 г. в 27.278 тонн. Этим обстоятельством и объясняется тот различный процент роста издержек производства у разных фирм и отдельных предприятий.

Стальная промышленность Англии в противоположность производству чугуна показывает в 1924 г. повышение продукции против 1913 г., бывшего в свою очередь рекордным годом за довоенный период. Продукция стали в 1923 г. была равна 8.617 тыс. тонн, в 1924 — 8.332 тыс. тонн и в 1925 г. — 7.517 тыс. тонн против 6.742 тыс. тонн в 1913 г. Однако, потенциальная производственная возможность выросла в гораздо большей степени, так что и при увеличенной против 1913 г. продукции стальная промышленность работает с нагрузкой в 70%. Этот рост потенциальной производительности произошел как раз во время войны, при большой дороговизне. Хотя средства для этой цели были получены, главным образом, из государственного бюджета, амортизационные отчисления настолько велики, что они не могут не обременять издержки производства (см. табл. 2),

Производства	Г о д ы	Всего	Мате- риалы	Зарплата и жалование					Прочие издержки				
				Зарплата			Жалован- рук. служ. и технич. персоналу		Всего	Энергия, освещен. и отопле- ние	Амортиз. тек. рем. содержан. жалов.	Местные сборы, налоги, соц. расх.	Прочие издержки
				Всего	Пря- мая	Кос- вен.	Всего						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Томасов- ский чугуи	1913 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	82,5	8,9	—	—	—	—	8,6	2,9	3,8	0,6	1,3
	1924 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	80,5	11,0	—	—	—	—	8,5	2,3	3,9	0,8	1,5
	1924 в ф. ст. . . .	158,1	127,3	17,4	—	—	—	—	13,4	3,7	6,1	1,2	2,4
	1924 к 1913 в $\frac{0}{0}$. . .	158,1	154	195	—	—	—	—	156	126	160	197	194
2. Сталь в сляках	1913 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	73,5	14,8	—	—	—	—	11,7	2,6	6,9	0,7	1,5
	1924 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	71,5	16,5	—	—	—	—	12,0	2,5	6,8	1,8	1,6
	1924 в ф. ст. . . .	161,4	115,4	26,6	—	—	—	—	19,4	4,0	10,9	1,9	2,6
	1924 к 1913 в $\frac{0}{0}$. . .	161,4	157	179	—	—	—	—	165	151	158	254	181
3. Фасонные изделия	1913 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	63,6	21,8	—	—	—	—	14,6	3,4	8,3	1,0	1,9
	1924 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	60,2	22,9	—	—	—	—	16,9	4,4	8,6	1,7	2,2
	1924 в ф. ст. . . .	168,5	101,4	38,6	—	—	—	—	28,5	7,4	14,5	2,9	3,7
	1924 к 1913 в $\frac{0}{0}$. . .	168,5	159	177	—	—	—	—	196	219	174	292	205
4. Сталь полу- фабрика- тов	1913 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	70,8	16,3	—	—	—	—	12,9	2,9	7,5	0,9	1,6
	1924 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	68,3	18,1	—	—	—	—	13,6	2,9	7,5	1,4	1,8
	1924 в ф. ст. . . .	167,9	114,7	30,4	—	—	—	—	22,8	4,8	12,6	2,3	3,1
	1924 к 1913 в $\frac{0}{0}$. . .	167,9	162	187	—	—	—	—	177	167	169	247	194
5. Сталь в листах (8' и выше)	1913 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	62,9	23,0	—	—	—	—	14,1	2,5	9,1	1,0	1,5
	1924 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	60,8	23,1	—	—	—	—	16,1	3,6	9,0	1,6	1,9
	1924 в ф. ст. . . .	171,5	104,3	39,6	—	—	—	—	27,6	6,1	15,4	2,8	3,3
	1924 к 1913 в $\frac{0}{0}$. . .	171,5	166	172	—	—	—	—	196	241	170	288	222
6. Томасов- ский чугуи А	1913/14 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	84,3	8,6	8,0	0,2	8,2	0,4	7,1	0,1	3,8	0,4	2,8
	1924/25 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	80,9	8,7	7,3	0,3	8,1	0,6	10,4	0,2	5,5	0,8	3,9
	1924/25 в ф. ст. . . .	167,7	135,6	14,6	13,1	0,5	13,6	1,0	17,5	0,3	9,2	1,3	6,7
	1924/25 к 1913/14 . . .	167,7	161	169	164	228	166	237	247	414	238	375	240
7. Сталь в сляках А	1913/14 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	84,7	7,3	6,2	0,7	6,9	0,4	8,0	0,1	5,8	0,8	1,3
	1924/25 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	79,3	7,6	6,4	0,7	7,1	0,5	13,1	0,2	7,6	1,5	3,8
	1924/25 в ф. ст. . . .	154,8	122,8	11,7	9,9	1,1	11,0	0,7	20,3	0,3	11,7	2,3	6,0
	1924/25 к 1913/14 . . .	154,8	145	162	160	156	160	201	252	235	201	304	443
8. Сталь в листах и плоск. болованках А	1913/14 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	92,6	3,5	3,0	0,3	3,3	0,2	3,9	0,1	2,6	0,3	0,9
	1924/25 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	89,3	4,7	3,8	0,5	4,5	0,4	6,0	0,1	3,8	0,6	1,5
	1924/25 в ф. ст. . . .	157,5	140,7	7,3	6,0	0,7	6,7	0,6	9,5	0,1	6,0	1,0	2,4
	1924/25 к 1913/14 . . .	157,5	152	207	200	214	201	322	246	147	233	354	260
9. Чугун кра- сный железняк	1913 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	90,8	—	5,0	0,9	5,9	—	3,3	—	—	0,3	3,0
	1924 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	82,9	—	8,6	2,0	10,6	—	6,5	—	—	0,7	5,8
	1924 в ф. ст. . . .	134,0	111,1	—	11,5	2,7	14,2	—	8,7	—	—	0,9	7,8
	1924 к 1913 в $\frac{0}{0}$. . .	134,0	122	—	232	287	241	—	258	—	—	259	258
10. Плоское листовое железо произв.	1912 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	87,0	4,8	—	—	3,9	0,9	8,2	3,5	2,7	—	2,0
	1924 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	86,1	5,8	—	—	4,4	1,4	8,1	4,0	1,4	—	2,7
	1924 в ф. ст. . . .	183,3	157,8	10,8	—	—	8,1	2,5	14,9	7,3	2,5	—	5,1
	1924 к 1912 в $\frac{0}{0}$. . .	183,3	181	221	—	—	208	278	182	209	93	—	255
11. Белая жесть	1914 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	70,3	—	—	—	18,6	—	11,1	3,2	5,7	0,4	1,3
	1924 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	62,1	—	—	—	22,5	—	15,4	4,9	7,2	1,1	2,2
	1924 в ф. ст. . . .	167,8	104,1	—	—	—	37,7	—	26,0	8,2	12,2	1,8	3,8
	1924 к 1914 в $\frac{0}{0}$. . .	167,8	148	—	—	—	203	—	233	218	214	508	282
12. Прово- лока	1913 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	75,5	16,9	12,9	0,8	13,7	3,2	7,6	1,5	3,0	0,9	2,2
	1924 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	67,9	21,1	16,2	1,0	17,2	3,9	11,0	2,4	4,0	2,2	2,4
	1924 в ф. ст. . . .	153,1	104,0	32,3	24,9	1,5	26,4	5,9	16,8	3,7	6,1	3,3	3,7
	1924 к 1913 в $\frac{0}{0}$. . .	153,1	138	191	192	187	192	186	221	246	200	381	168
13. Прово- лочные сет- ки В	1913 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	59,0	28,6	17,9	6,2	24,1	4,5	12,4	2,2	5,4	1,8	3,0
	1925 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	57,4	28,4	16,3	7,2	23,5	4,9	14,2	3,1	5,2	2,8	3,1
	1925 в ф. ст. . . .	165,0	94,7	46,8	26,8	11,9	38,7	8,1	23,5	5,1	8,6	4,7	5,1
	1925 к 1913 в $\frac{0}{0}$. . .	165,0	161	164	150	192	161	179	189	227	159	263	170

В этой таблице три производства представлены по два раза каждое. Производство, отмеченное буквой А, отличается тем, что здесь сопоставляются данные предприятий, которые до войны работали при двух сменах, а после войны—при трех, при чем все они бездействовали по 8 месяцев в связи с забастовкой. Что касается производств 2—5, то их особенность заключается в том, что всюду имеются в виду издержки всех стадий производства от добывания и обработки сырья, изготовления полуфабрикатов до готовых изделий. Так, например, когда на сталь в листах (гр. 5) показывают 23% зарплаты и около 60% материалов, это означает, что на весь процесс производства, начиная с угля, кокса, чугуна и других вспомогательных сырых материалов, кончая готовым продуктом, было затрачено 23% всех издержек на зарплату. Эти данные представлены самыми крупными фирмами, которые вырабатывают 20% стали в слитках и полуфабрикатах и 25% стали в листах и фасонных изделиях во всей Англии.

Первая группа продукции по производству чугуна работала в 1913 г. при 84% нагрузки, и в 1924 г. при 58%; вторая группа работала в 1913/14 г. при 68% и в 1924/25 — при 48% нагрузки. Это обстоятельство должно влиять на эффективность производства. Доля материалов в обоих случаях падает. Что касается доли зарплаты, то в первой группе она выросла на 2,1%, а во второй группе, где работа перешла с двух на три смены, доля зарплаты удержалась на довоенном уровне. Сравнивать обе группы по „проч. издержкам“, поскольку в первую группу не включена амортизация, не представляется возможным. Сравнение же по годам показывает, что в первой группе существенных изменений не произошло, а во второй группе „проч. издержки“ дают рост с 7,1% в 1913/14 г. до 10,4% в 1924/25 г., главным образом, за счет амортизации, текущего ремонта и содержания, что объясняется переходом с двух на три смены.

Общий индекс возрождения за указанный период в первой группе равен 158,1%, при чем материалы показывают вздорожание на 54%, зарплата — на 95%, амортизация, текущий ремонт и содержание — 60%. Во второй группе, при общем индексе вздорожания 167,7, материалы вздорожали на 61%, зарплата — на 69%, а прочие издержки — на 147%.

Сопоставление элементов издержек производства стали в слитках и листах по приведенным двум группам, как уже сказано выше, не представляется возможным, так как группы 7 и 8 включают в стоимость потребленных ими материалов все издержки (зарплату, амортизацию, прибыль, налоги и пр.), произведенные на их производстве по всем предыдущим стадиям, а в группах 2—5 все эти издержки не проходят по „материалам“, а соответственно по статьям расходов. Поэтому эти производства приходится рассматривать отдельно, с точки зрения изменений, происшедших в них между 1913 и 1924 гг.

Рассматривая производство разных изделий из стали (группы 2—5), можно отметить, что везде доля материалов среди остальных издержек производства падает. Сталь в слитках показывает снижение доли материалов с 73,5% в 1913 г. до 71,5% в 1924 г., фасонные изделия — с 63,6% в 1913 г. до 62,2% в 1925 г. То же самое можно отметить в остальных производствах из стали (группы 4 и 5). Доля же зарплаты во всех группах возросла. Производство стали в слитках (гр. 2) показывает рост

доли зарплаты с 14,8% в 1913 г. до 16,5% в 1924 г. Фасонные изделия соответственно 21,8% и 22,9%, сталь — полуфабрикаты — 16,5% и 18,1%. Исключением является производство стали в листах, где доля зарплаты почти не изменилась. „Проч. издержки“ показывают довольно заметный рост в производстве фасонных изделий — с 14,6% в 1913 г. до 16,9% в 1924 г. Если из этой статьи не была бы исключена амортизация, являющаяся одним из важных элементов издержек производства, то изменения в этой статье были бы более значительными. Об этом свидетельствует уменьшение нагрузки за рассматриваемый промежуток времени. Так, предприятия, производящие сталь в слитках, работают с нагрузкой в 76% в 1924 г. против 94% в 1913 г. Производство стали-полуфабрикатов в 1913 г. действовало при нагрузке в 93%, а в 1924 г. — в 69%. Предприятия фасонных изделий в 1913 г. работали с полной 100% нагрузкой, а в 1924 г. — всего лишь с 78%, а в производстве стали в листах уменьшилась нагрузка с 100% в 1913 г. до 62% в 1924 г. При таком значительном уменьшении нагрузки предприятий неизбежно должна возрасти доля издержек на амортизацию.

Группы 7 и 8, сталь с слитках А и сталь в листах и плоских болванках А, представляя собой, как уже сказано выше, предприятие, работающее не на изготовленном у них самих, а на купленном со стороны сырье. Это видно из сопоставления издержек на материалы и зарплату этих групп с тождественными производствами гр. 2 и 5.

Доля материалов в этих двух типах предприятий колеблется в 1924 г. с 71,5% (1913 — 73,5%) при собственном сырье до 79,3% (1913 — 84,7%), при купленном сырье в производстве стали в слитках группы 2 и 7 доля зарплаты колеблется соответственно с 16,5% (14,8%) до 8,7% (8,6%), а в производстве стали в листах групп 5 и 8 разница в распределении издержек более значительная: по „материалам“ при собственном сырье с 60,8% (1913 — 62,9%) до 89,3% (92,6%), а по зарплате с 23,1% (1913 — 23,0%) до 4,7% (3,5%). И здесь, как видно, доля „материалов“ в издержках производства уменьшается довольно значительно: в группе 7 на 5,4% и 8 на 3,3%. Доля зарплаты имеет тенденцию к росту. Особенно сильно возросла доля „проч. издержек“: в группе 7 — с 8,0% до 13,1%, а в группе 8 — с 3,9% до 6,0%. Это является результатом снижения нагрузки предприятий, производящих сталь в слитках от 78% в 1913/14 году до 53% в 1924/25 году и производящих сталь в листах с 80% до 77%. Разницей в степени снижения нагрузки в этих двух группах предприятий, повидимому, и объясняется разница в росте доли „прочих издержек“ с 8,0% до 13,1% (+5,1) в одном случае и с 3,9% до 6,0% (+2,1%) в другом случае.

Прежде чем рассмотреть данные об издержках производства чугуна красного железняка (гематит), необходимо указать на следующее:

1) В предприятии, к которому относятся данные, в 1913 г. действовали 5 малых и одна большая доменная печь. Последняя новейшего типа большая печь, с продуктивностью значительно большей, чем остальные, в 1924 г. бездействовала.

2) Вся продукция в 1913 г. была потреблена для дальнейшей переработки самими производителями чугуна, а в 1924 г. вся она пошла в продажу, в связи с чем необходимо содержать специальный персонал для сортировки и упаковки; кроме того, надо иметь в виду, что продукция 1924 года равнялась всего лишь 63% 1913 года.

Все эти отрицательные явления имели соответствующее влияние на образование издержек производства. „Материалы“ показывают снижение с 90,8% до 82,9%. Доля зарплаты (жалование за 1913 и 1924 гг. включено в „прочие издержки“) дает повышение с 5,9% в 1913 г. до 10,6% в 1924 г. Относительно такой же рост показывают и „прочие издержки“ — с 3,3% до 6,5%.

Предприятия плоского и листового железа действовали в 1912 г. с нагрузкой в 75%. За 1924 г. нет данных о нагрузке. Поскольку данные об амортизации в этой группе отсутствуют, на основании распределения элементов издержек производства трудно судить, хотя бы приблизительно, о степени нагрузки в 1924 г. „Прочие издержки“ остались без изменения (8,7% против 8,2%), увеличилась лишь доля зарплаты с 4,8% до 5,8%. Доля же „материалов“ здесь, как во всех производствах, хотя в меньшем проценте, снижена с 87,0% до 86,1%.

Данные об издержках производства белой жести относятся к предприятиям, в которых оборудование, производительность и проч. остались в том же состоянии как в 1914 году. Значительные же изменения долей разных элементов издержек производства, имевшие все-таки место, объясняются, повидимому, сокращением производства. „Материалы“ понизили свою долю с 70,3% до 62,1%, а зарплата и группа „проч. издержки“ дали рост около 4% каждая.

Подобное же положение в производстве проволоки. Доля материалов значительно снижается (с 75,5% до 67,9%) при росте долей зарплаты и проч. расходов, при чем „проч. издержки“ в данном случае не включают амортизации и отопления.

В группу В вошли предприятия, вырабатывающие материалы для производства стальной проволоки и одновременно занимающиеся изготовлением самой проволоки и сеток из нее. Доля зарплаты здесь немного снижена. Возросли на 1,8% „проч. издержки“ при сокращении доли материалов на 1,6%.

Машиностроительная промышленность

По общему машиностроению нет данных за довоенное время об издержках производства. Сведения первой группы относятся к производству предприятий „Национальной федерацией машиностроительных предпринимателей“. Число фирм объединенных этой федерацией и сумма их оборотов видны из следующей таблицы:

Годы	Число фирм	Оборот в фунт. стерл.
1923	1.438	188.703.250
1924	1.149	190.499.790
1925	1.071	196.102.230
1926	1.030	187.764.330

Приведенные в таблице данные за четыре года, с 1923 г. по 1926 г., показывают рост доли материалов в 1924 г. То же самое, хотя значительно более медленным темпом, произошло в 1925 г., а в 1926 г. уже дает снижение до размеров 1924 г. Доля зарплаты за все время почти совершенно стабильна. При чем надо отметить, что в этой группе гр. 9 включает оклады директоров, их помощникам. Жалование служащим включено в графу „косвенной зарплаты“ (7); сюда же включены

взносы на страхование от безработицы и от болезни. Что касается доли „проч. издержек“, то она снижается до 1925 г. (на 1,8%), стабилизируясь на этом уровне и в 1926 г. (см. таблицу 3).

Сельскохозяйственное машиностроение в таблице представлено данными 29 фирм. При сопоставлении сведений 1913 и 1923 гг. надо иметь в виду существующее громадное разнообразие с.-х. машин, пропорция которых в 1923 г. уже не точно такая же как это было в 1913 г. Кроме этого, необходимо отметить, что продукция указанных предприятий в 1923 г. равнялась 45% продукции 1913 г. При таких обстоятельствах видим, что с.-х. машиностроение действительно находилось в 1924 г. в тяжелом положении. Доля материалов сократилась с 46,5% в 1913 году до 37,0 в 1923 г., прочие издержки растут с 17,2% до 25,3% всех издержек. Доля же прямой зарплаты сократилась с 26,9% в 1913 г. до 23,9% при громадном росте доли косвенной зарплаты (сюда включены и незаоводские служащие, кроме директоров, оклады которых в расчет не вошли) с 9,4% в 1913 г. до 13,8% в 1923 г.

В гр. 3 приводятся сведения об издержках производства ассоциации паровозостроительных промышленников, работающих, главным образом, на экспорт (производство железнодорожной компании не входит в данную группу). В 1925 г. экспортное паровозостроение Англии работало с нагрузкой в 30% против 80% потенциальной производительности предприятий в 1913 г. Это обстоятельство заметно даст себя чувствовать при рассмотрении данных об издержках производства. Доля материалов падает с 59,0% до 46,0%, косвенная зарплата растет с 6,0% до 9% и проч. издержки — с 9,0% до 18,0% и прямая зарплата с 26,0% до 27,0%. В то время когда расходы на материалы по послевоенным ценам возросли всего на 25% и на прямую зарплату — 66%, прочие издержки возросли на 220% и косвенная зарплата на 140%.

Снижение нагрузки на весьма значительный процент имело место и в предприятиях судостроительных машин и котлов. В 1913 году предприятия действовали с нагрузкой в 74%, а в 1924 г. всего лишь 34 (высчитано по мех. лош. силе). Изменение доли в издержках производства показывают „материалы“ в сторону уменьшения на 4% (63,0% — 59,0%) и зарплата — в сторону повышения с 23,0% до 26,0% и жалование — 2,0% до 2,8%. В проч. издержках происходит внутренняя перегруппировка. За счет сокращения доли „энергии, отопления и освещения“ на 0,6% увеличилась доля „амортизации, текущего ремонта и содержания“ на 0,5%. В общем эта группа увеличила свою долю всего на 0,2%.

Для предприятий конденсаторных установок нет сведений об изменении процента нагрузки в течение рассматриваемого промежутка времени. Доля „материалов“ и здесь, как во всех производствах, уменьшилась. Прямая зарплата почти стационарна. Прочие издержки, где включено и жалование, дают рост на 2,5% (с 11,1% до 16,6%).

Производство тяговых прессов также не показывает процента нагрузки в 1924 г. против 1913 г. Дается лишь продукция, которая (считая по весу всей продукции прессов) в 1924 г. равнялась 78% продукции 1913 года. Доля „материалов“ значительно падает с 79,5% в 1913 г. до 71,9% в 1924 г. При росте доли всей группы „зарплата и жалование“ с 13,9% до 17,9%, т.-е. на 4%, прямая зарплата увеличилась на 1,0% (с 8,8% до 9,8%), косвенная зарплата на 0,9% (с 1,8% до 2,7%) и жа-

Производства	Годы	Всего	Материалы	Зарплата и жалование					Прочие издержки				
				Всего	Зарплата			Жалов. сл. и руков. технич. персонал.	Всего	Энергия, освещен. и отопление и пр.	Амортиз. текущ. ре-монт, со-держание	Местные сборы, налоги, соц. раск.	Прочие издержки
					Прямая	Косвенн.	Всего						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Машино-стр. ит. промышл.	1923 в %/0/0 . . .	100,0	44,5	35,5	20,6	13,4	34,0	1,5	20,0	—	—	—	—
	1924 " %/0/0 . . .	100,0	46,1	35,4	20,5	13,4	33,9	1,5	18,5	—	—	—	—
	1925 " %/0/0 . . .	100,0	46,3	35,4	20,9	13,1	34,0	1,5	18,2	—	—	—	—
	1926 " %/0/0 . . .	100,0	46,1	35,4	20,5	13,7	34,0	1,5	18,2	—	—	—	—
2. Сел.-хоз. машино-строение	1913 в %/0/0 . . .	100,0	46,5	—	26,9	9,4	36,3	—	17,2	—	—	—	—
	1923 " %/0/0 . . .	100,0	37,0	—	23,9	13,8	37,7	—	25,3	—	—	—	—
	1923 " ф. ст. . . .	210,1	77,7	—	50,2	29,0	79,2	—	53,2	—	—	—	—
	1923 к 1913 в %/0/0 .	210,1	167	—	187	307	218	—	309	—	—	—	—
3. Паровозо-строение	1913 в %/0/0 . . .	100,0	59,0	—	26,0	6,0	32,0	—	9,0	—	—	—	—
	1924 " %/0/0 . . .	100,0	46,0	—	27,0	9,0	36,0	—	18,0	—	—	—	—
	1925 " ф. ст. . . .	160,0	73,6	—	43,2	14,4	57,6	—	28,8	—	—	—	—
	1925 к 1913 в %/0/0 .	160,0	125	—	166	240	180	—	320	—	—	—	—
4. Судостр. машинное строение и котлы	1913 в %/0/0 . . .	100,0	63,0	25,0	—	—	23,0	2,0	12,0	1,6	3,0	1,5	5,9
	1924 " %/0/0 . . .	100,0	59,0	28,8	—	—	26,0	2,8	12,2	1,0	3,5	1,7	6,0
	1924 " ф. ст. . . .	170,0	100,0	48,9	—	—	44,0	4,9	21,1	1,7	6,2	3,0	10,2
	1924 к 1913 в %/0/0 .	170,0	160	198	—	—	195	244	179	106	209	205	176
5. Конденсаторные установки	1913 в %/0/0 . . .	100,0	74,7	—	9,5	4,7	14,2	—	11,1	—	—	—	—
	1923 " %/0/0 . . .	100,0	71,8	—	9,4	5,2	14,6	—	13,6	—	—	—	—
	1923 " ф. ст. . . .	155,1	111,3	—	14,6	8,1	22,7	—	21,1	—	—	—	—
	1923 к 1913 в %/0/0 .	155,1	149	—	154	172	160	—	190	—	—	—	—
6. Тьюковые прессы	1913 в %/0/0 . . .	100,0	79,5	13,9	8,8	1,8	10,6	3,3	6,6	1,3	3,0	0,8	1,5
	1924 " %/0/0 . . .	100,0	71,9	17,9	9,8	2,7	12,5	5,1	10,5	2,0	4,7	1,7	2,1
	1924 " ф. ст. . . .	182,5	131,2	32,1	17,9	4,9	22,8	9,3	19,2	3,6	8,6	3,1	3,9
	1924 к 1913 в %/0/0 .	182,5	165	231	203	275	215	286	292	267	285	400	269
7. Нефтяные двигатели и части	1913 в %/0/0 . . .	100,0	61,6	26,5	13,6	6,5	20,1	6,4	11,9	0,7	3,8	0,6	6,8
	1924 " %/0/0 . . .	100,0	58,8	27,6	14,3	6,6	20,9	6,7	13,6	0,7	3,3	1,1	8,5
	1924 " ф. ст. . . .	120,0	70,6	33,1	17,2	7,9	25,1	8,0	16,3	0,8	3,9	1,4	10,2
	1924 к 1913 в %/0/0 .	120,0	115	125	126	122	125	125	137	116	103	223	150
8. Прядильные машины	1913/14 в %/0/0 . . .	100,0	41,4	38,2	32,2	4,3	36,5	1,7	20,4	4,6	6,2	1,3	8,3
	1924/25 " %/0/0 . . .	100,0	41,8	43,0	36,1	5,2	41,3	1,7	15,2	3,1	4,9	1,6	5,6
	1924/25 в ф. ст. . . .	172,4	72,1	74,1	62,3	8,9	71,2	2,9	26,2	5,4	8,5	2,7	9,6
	1925 к 1913 в %/0/0 .	172,4	174	194	193	207	195	171	128	117	137	208	116
9. Машины среднего размера	1913 в %/0/0 . . .	100,0	40,5	40,4	24,8	10,9	35,7	4,7	19,1	3,2	6,7	1,8	7,4
	1925 " %/0/0 . . .	100,0	38,3	37,3	19,4	10,8	30,2	7,1	24,4	3,6	6,7	3,5	10,6
	1925 " ф. ст. . . .	194,7	74,5	72,7	37,9	21,0	58,9	13,8	47,5	7,0	12,9	6,9	20,7
	1925 к 1913 в %/0/0 .	194,7	184	180	153	193	165	293	249	216	194	388	279
10. Велосипеды	1913 в %/0/0 . . .	100,0	42,9	32,8	23,7	7,8	31,5	1,3	24,3	6,6	7,2	1,0	9,5
	1924 " %/0/0 . . .	100,0	34,7	37,6	24,9	11,0	35,9	1,7	27,7	6,5	10,2	2,2	8,8
	1924 " ф. ст. . . .	162,8	56,5	61,3	40,5	18,0	58,5	2,8	45,0	10,6	16,8	3,5	14,3
	1924 к 1913 в %/0/0 .	162,8	132	187	171	231	186	215	185	161	232	354	150
11. Электрическое машино-строение	1913 в %/0/0 . . .	100,0	48,3	—	—	—	26,3	—	25,4	—	—	1,5	23,9
	1923 " %/0/0 . . .	100,0	42,5	—	—	—	28,5	—	29,0	—	—	4,7	34,3
	1923 " ф. ст. . . .	183,0	77,8	—	—	—	52,1	—	53,1	—	—	8,6	44,5
	1923 к 1913 в %/0/0 .	183,0	161	—	—	—	198	—	209	—	—	570	186
12. Моторы	1913 в %/0/0 . . .	100,0	46,9	—	14,4	10,8	25,2	—	27,9	—	—	—	—
	1924 " %/0/0 . . .	100,0	47,2	—	13,6	10,0	23,6	—	29,2	—	—	—	—
	1924 " ф. ст. . . .	145,0	68,5	—	19,7	14,5	34,2	—	42,3	—	—	—	—
	1924 к 1913 в %/0/0 .	145,0	146	—	137	135	136	—	152	—	—	—	—
13. Кабели	1913 в %/0/0 . . .	100,0	78,1	—	—	—	12,4	—	9,5	1,8	3,0	0,9	3,8
	1924 " %/0/0 . . .	100,0	64,9	—	—	—	22,3	—	12,8	2,0	3,8	2,0	5,0
	1924 " ф. ст. . . .	150,4	97,6	—	—	—	33,6	—	19,2	2,9	5,7	3,1	7,5
	1924 к 1913 в %/0/0 .	150,4	125	—	—	—	271	—	202	160	191	333	199
14. Судостроение (корпуса)	1914 в %/0/0 . . .	100,0	60,3	—	—	—	33,5	—	6,2	—	—	—	—
	1925 " %/0/0 . . .	100,0	60,5	—	—	—	33,3	—	6,2	—	—	—	—
	1925 " ф. ст. . . .	147,0	88,9	—	—	—	49,0	—	9,1	—	—	—	—
	1925 к 1914 в %/0/0 .	147,0	148	—	—	—	146	—	146	—	—	—	—

лование руководящему техническому персоналу и служащим на 1,6% (с 3,3% до 5,1%), группа „проч. издержки“ возросла с 6,6% до 10,5%.

Сведения об издержках производства нефтяных двигателей и частей относятся к предприятиям, которые в 1913 г. работали с нагрузкой в 90% потенциальной производительности, а в 1924 г. лишь с уменьшением всего на 5%, т.е. при нагрузке в 85%. Некоторые части, изготовленные предприятиями в 1924 г., обыкновенно приобретались со стороны в 1913 г. Однако, цифры остались сопоставимыми, так как были сделаны соответствующие поправки. И здесь, при почти стабильной нагрузке, доля „материалов“ падает (с 61,6% до 58,6%) и доля „проч. издержек“ растет (с 11,9% до 13,6%).

Продукция предприятий придильных машин в 1924 г. равнялась продукции 1913 г. Доля „материалов“, как редкое исключение, не понизилась, а возросла немного (с 41,4% до 41,8%), доля прямой зарплаты увеличилась (с 32,2% до 36,1%) при снижении косвенной зарплаты и проч. издержек соответственно на 0,9% и 5,2% всех издержек.

Прямо противоположные результаты показывает группа 9—„машин среднего размера“. Здесь заметный рост „проч. издержек“ (с 19,1% до 24,4%), громадное падение доли прямой зарплаты (с 24,8% до 19,4%) при росте в относительно большем размере, чем „проч. издержки“, расходов на жалование (с 4,7% до 7,1%). Все эти изменения должны быть обусловлены тем обстоятельством, что потенциальная производительность была использована в 1925 г. на 55% против полных 100% в 1913 г. Согласно расчету фирмы, издержки производства возросли бы всего лишь на 65% против фактических 94,7% при условии полной загрузки предприятий, как в 1913 г.

В велосипедном производстве потенциальная производительность выросла с 1913 г. по 1924 г. на 50%. Нагрузка же пала с 72% в 1913 г. до 65% в 1924 г. Большое снижение дает доля издержек на материалы (с 42,9% до 34,7%). Растет доля прямой зарплаты, особенно косвенной, первая с 23,7% до 24,9%, а вторая с 7,8% до 11,0%. Увеличилась также доля „проч. издержек“ с 24,3% до 27,7%, главным образом, за счет роста доли „амортизация, текущий ремонт и содержание“. При общем вздорожании издержек производства на 62,8% против 1913 г. продажные цены велосипедов повышались всего лишь на 34%. Объясняется это тем, что в 1913 г. производство дало значительные размеры прибыли, в 1924 г.—работает в убыток.

Издержки производства предприятий общего электрического машиностроения, как другие отрасли промышленности, показывают падение доли по материалам и рост таковой по „проч. издержкам“. Первые снижались с 48,3% до 42,5%, а вторые повышались с 25,4% до 29,0%. Возросла также доля зарплаты на 2,2% (с 26,3% до 28,5%).

Существенно выделяется от общего электрического машиностроения по динамике структуры издержек производства производство моторов. Доля материалов не падает, как в общей группе, а дает некоторый, правда, незначительный рост с 46,9% до 47,2%. Доля зарплаты сокращается с 25,2% до 23,6%. Группа „проч. издержки“ хотя и в меньшей мере, но и здесь выросла с 27,9% до 29,2%. Объясняется это обстоятельство тем, что нагрузка предприятий сократилась с 64% потенциальной производительности в 1913 г. до 35% таковой в 1924 г. Несмотря на

это, общие издержки производства вздорожали всего на 45% против 1913 г., что является результатом большой рационализации техники производства. При технических же условиях 1913 г. издержки производства в 1924 г. дали бы рост не на 45, а на 70%.

Выделяется также от общего электрического машиностроения, но в отрицательную сторону—производство кабелей. Доля материалов (включая лишь основные—медь и свинец) падает с 78,1% до 64,9%, т.е. на 13,2%. Доля зарплаты растет с 12,4% до 22,3%. Увеличиваются также доли „проч. издержек“ с 9,5% до 12,8%. Это явление тем более характерно в то время, когда при общем вздорожании издержек производства на 50% оборот предприятий в 1924 г. равнялся 250% 1913 г.

Почти без всяких изменений остались доли главных групп издержек производства в судостроении. Доля материалов вместо 60,3% в 1914 г. дает 60,5% в 1925 г. Доля зарплаты, наоборот, вместо 33,5%—33,3%. Вздорожание материалов на 48% при росте в 1925 г. цен на потребляемую в судостроении сталь всего лишь на 30% против 1914 г. вызвано значительным ростом цен на строительный лес и другие вспомогательные материалы. Данные относятся к производству корпусов для пассажирских и грузовых пароходов, при чем изготовление одного корпуса составляло в 1914 г. 71,9% и в 1925 г. 67,5% всех издержек производства парохода, включая и машинную часть.

Химическая промышленность

Основная химическая промышленность работала в 1924/25 г. с нагрузкой в 92% потенциальной производительности против 83% в 1913/14 г. Особых изменений в структуре издержек производства не произошло. Соответственно по сравнимым периодам материалы занимают 28,7% и 29,6%, зарплата 19,9% и 20,6% и прочие издержки 51,4% и 49,8% (см. табл. 4).

Другую картину дает производство взрывчатых веществ. При нагрузке в 1924 г. в 83% против 86% в 1912 г., т.е. при почти одинаковой нагрузке структура издержек производства подверглась значительным изменениям. Доля материалов сокращена с 71,3% в 1912 г. до 60,9% в 1924 г., доля зарплаты увеличилась с 7,1% до 10,3% и „проч. издержки“ дали скачок вверх с 21,6% до 28,6%. Эти данные относятся только к цеховым издержкам производства.

Приводимые данные об издержках производства красящих веществ относятся к предприятиям, которые занимаются и первичной обработкой сырьевых материалов. Данные о „материалах“ включают лишь стоимость этого основного сырья, без издержек на его обработку. Зарплата и другие расходы, затраченные на первичную обработку этого основного сырья, включены в соответствующие статьи издержек производства. И здесь произошли значительные изменения в структуре издержек производства. Доля материалов падает с 31,0% в 1913 г. до 27,8% в 1924 г. Зарплата увеличилась с 12,5% до 15,6% прямая, с 8,4% до 10,5%—косвенная. Стабильными остались лишь „проч. издержки“.

Предприятия, производящие хоз. мыло, работали в 1924 г. с нагрузкой в 90% против 96% в 1913 г. Здесь все основные группы издержек производства подверглись заметным изменениям. Доля материалов с 85,0% в 1913 г. пала до 79,9% в 1924 г. Зарплата увеличилась с 5,4% до

Таблица 4

Издержки производства английской химической промышленности

Производства	Г о д ы	Всего	Материалы	Зарплата и жалование					Прочие издержки				
				Всего	Зарплата			Жалован. служ. и рук. техн. персон.	Всего	Энергия, освещен., отоплен. и пр.	Амор., те-сборы, на-ремонт, со-держание	Местные расходы, соци. расх.	Прочие издержки
					Прямая	Косвен.	Всего						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Основн. химическ. промышл.	1913/14 в $\frac{0}{0}$. .	100,0	28,7	—	10,2	9,7	19,9	—	51,4	18,0	24,6	2,4	6,4
	1924/25 „ $\frac{0}{0}$. .	100,0	29,6	—	10,7	9,9	20,6	—	49,8	17,1	22,4	3,4	6,9
	1924/25 „ ф. ст. .	169,7	50,2	—	18,1	16,8	34,9	—	84,6	29,0	38,1	5,8	11,7
	1924/25 к 13/14 в $\frac{0}{0}$	169,7	175	—	177	173	175	—	165	161	155	245	182
2. Взрывчат. вещества	1912 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	71,3	—	7,1	—	—	—	21,6	—	6,4	—	15,2
	1924 „ $\frac{0}{0}$. . .	100,0	60,9	—	10,3	—	—	—	28,8	—	8,2	—	20,6
	1924 „ ф. ст. . .	133,4	81,2	—	13,7	—	—	—	38,5	—	11,0	—	27,5
	1924 к 1912 в $\frac{0}{0}$	133,4	114	—	193	—	—	—	178	—	172	—	181
3. Красящ. вещества	1913 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	33,0	23,2	12,5	8,4	20,9	2,3	43,8	5,8	11,7	2,6	23,7
	1924 „ $\frac{0}{0}$. . .	100,0	27,8	29,0	15,6	10,5	26,1	2,9	43,2	5,2	12,6	2,2	23,2
	1924 „ ф. ст. . .	220,7	61,3	64,1	34,6	23,1	57,7	6,4	95,3	11,4	27,8	4,2	51,2
	1924 к 1913 в $\frac{0}{0}$	220,7	186	276	277	275	276	275	218	197	238	189	216
4. Хоз. мыло	1913 в $\frac{0}{0}$. . .	100,0	85,0	6,7	—	—	5,4	1,3	8,3	2,0	1,9	0,4	4,0
	1924 „ $\frac{0}{0}$. . .	100,0	79,9	10,1	—	—	8,6	1,5	10,0	1,7	2,1	0,7	5,5
	1924 „ ф. ст. . .	170,5	136,2	17,2	—	—	14,7	2,5	17,1	2,9	3,5	1,2	9,5
	1924 к 1913 в $\frac{0}{0}$	170,5	160	256	—	—	272	189	207	146	182	313	240

8,6% и „проч. издержки“ с 8,3% до 10,0%. Значительный рост доли заработной платы в перечисленных производствах объясняется большим количеством в них малоквалифицированных рабочих, реальная зарплата которых обогнала зарплату квалифицированных рабочих.

Текстильная промышленность

Издержки производства пряжи из американского хлопка вздорожали в 1925 г. против 1913 г. на 110,3% в первой группе и на 108,0% — во второй. Почти тем же темпом росли издержки на материалы и рабсилу. Значительно превзошли общий рост издержек расходы на амортизацию, текущий ремонт, налоги и социальные нужды. Соответственно с этим менялась и структура издержек производства. Доля материалов снижена с 76,3% до 73,2% в первой группе и с 75,8% до 72,7% во второй группе. Доля заработной платы в обеих группах осталась стабильной. Доля же прочих издержек, особенно амортизация, налоги и сборы, дали заметный рост (см. табл. 5).

Обратную картину наблюдаем в производстве пряжи из египетского хлопка. Обе группы 3 и 4 показывают рост доли материалов в издержках производства, первая с 64,1% до 74,4% и вторая даже с 58,6% до 71,3% за промежуток между 1914 и 1925 гг. Доля заработной платы в обеих группах весьма значительно пала. Падает также доля прочих издержек.

Относительно более спокойно развивалось производство набивных и тонких хлопчатобумажных тканей. Все издержки производства набивных тканей вздорожали на 127,8%, материалы на 134%, зарплата — на 105% и проч. издержки на 112%. Доля материалов увеличилась с 76,3% до 78,5%, зарплата же пала с 20,7% до 18,7%. При продукции в 84% от 1913 г. прочие издержки немного снижены в 1925 г. с 3,0% до 2,8%, а амортизация с 1,2% до 0,8%. Доля заработной платы в издержках производства тонких тканей также уменьшилась с 23,2% до 21,5% при почти стабильном состоянии доли издержек на материалы — 73,9% в 1925 г. против 73,1% в 1913 г.

Среди издержек производства трикотажного мужского белья меньше всех вздорожали материалы. При общем вздорожании на 53% материалы вздорожали на 36%, прямая зарплата на 58%, косвенная на 223% и амортизация на 50%. Доля материалов пала с 67,8% в 1913 г. до 60,3% в 1925 г. Немного растет доля заработной платы, при громадном росте жалования с 3,0% до 5,5%. Издержки на амортизацию остались при той же доле, что в 1913 г. — 2,0% к общей сумме, несмотря на то, что указанные трикотажные предприятия работали в 1924 г. с нагрузкой в 43% против 83% в 1913 г.

Производство других трикотажных изделий не дает такого резкого снижения доли материалов, как предыдущая группа. Доля прочих издержек немного даже падает. Это, повидимому, объясняется ростом нагрузки предприятий. Продукция 1924 г. равнялась 125% продукции 1913 г.

Производство обуви и готового платья

Об издержках производства обуви приводим данные от четырех групп предприятий (см. табл. 6). В первую группу входят предприятия, производство которых в 1924 г. совершенно одинаково по ассортименту с таковыми в 1913 г. Несмотря на это значительно изменилась струк-

Издержки производства английской хлопчатобумажной промышленности

Производства	Г о д ы	Всего	Мате- риалы	Зарплата и жалование					Прочие издержки				
				Всего	Зарплата			Жалован. служащ. и рук. тех. перс.	Всего	Энергия, осв-щен., отоплен. и проч.	Аморт., тек. рем. и соде- жание	Местн. сборы, налоги и соц. расх.	Прочие издержки
					Пря- мая	Кос- вен.	Всего						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Пряжа из аме- рик. хлопк. 36 шилл. (кру- ченая)	1914 в 0/0/0 . . .	100,0	76,3	12,7	—	—	—	—	11,0	2,1	7,7	1,2	—
	1925 " 0/0/0 . . .	100,0	73,2	12,8	—	—	—	—	14,0	2,0	9,4	2,6	—
	1925 " ф. ст. . .	210,3	153,9	27,0	—	—	—	—	29,4	4,2	19,7	5,5	—
	1925 к 1914 в 0/0/0	210,3	202	213	—	—	—	—	268	199	257	470	—
2. Пряжа из амер. хлоп. 42 шилл. один. основ.	1914 в 0/0/0 . . .	100,0	75,8	13,2	—	—	—	—	11,0	2,1	7,8	1,1	—
	1925 " 0/0/0 . . .	100,0	72,7	13,1	—	—	—	—	14,2	2,0	9,4	2,8	—
	1925 " ф. ст. . .	208,0	151,2	27,4	—	—	—	—	29,4	4,0	19,6	5,8	—
	1925 к 1914 в 0/0/0	208,0	200	206	—	—	—	—	268	191	252	526	—
3. Пряжа из егип. хлоп. 80 шилл. двойн. основ.	1914 в 0/0/0 . . .	100,0	64,1	22,5	—	—	19,1	3,4	13,4	3,3	9,1	1,0	—
	1925 " 0/0/0 . . .	100,0	74,4	16,2	—	—	13,8	2,4	9,4	2,3	5,9	1,2	—
	1925 " ф. ст. . .	274,2	203,8	44,5	—	—	37,8	6,7	25,9	6,2	16,3	3,4	—
	1925 к 1914 в 0/0/0	274,2	318	198	—	—	197	200	193	186	179	350	—
4. Пряжа из егип. хлоп. 100 шилл. двойн. основ.	1914 в 0/0/0 . . .	100,0	58,6	25,4	—	—	21,5	3,9	16,0	3,9	10,8	1,3	—
	1925 " 0/0/0 . . .	100,0	71,3	17,9	—	—	15,2	2,7	10,8	2,5	6,9	1,4	—
	1925 " ф. ст. . .	274,6	195,7	49,1	—	—	41,8	7,3	29,8	6,9	19,0	3,9	—
	1925 к 1914 в 0/0/0	274,6	334	193	—	—	194	189	186	178	176	300	—
5. Набивные ткани	1913 в 0/0/0 . . .	100,0	76,3	20,7	19,0	1,1	20,1	0,6	3,0	1,2	1,2	0,4	0,2
	1925 " 0/0/0 . . .	100,0	78,5	18,7	16,6	1,4	18,0	0,7	2,8	1,1	0,8	0,7	0,2
	1925 " ф. ст. . .	227,8	178,8	42,7	37,9	3,2	41,1	1,6	6,3	2,4	2,0	1,5	0,4
	1925 к 1913 в 0/0/0	227,8	234	205	199	286	204	261	212	209	166	416	155
6. Тонкие ткани	1913 в 0/0/0 . . .	100,0	73,1	23,2	21,5	0,7	22,2	1,0	3,7	1,4	1,3	0,3	0,7
	1925 " 0/0/0 . . .	100,0	73,9	21,5	20,4	0,5	20,9	0,6	4,6	0,9	2,1	1,0	0,6
	1925 " ф. ст. . .	209,0	154,5	45,1	42,7	1,0	43,7	1,4	9,4	1,9	4,4	1,7	1,4
	1925 к 1913 в 0/0/0	209,0	211	194	199	147	197	144	254	137	328	717	194
7. Трикотажное мужское белье	1913 в 0/0/0 . . .	100,0	67,8	25,6	21,3	1,3	22,6	3,0	6,6	0,7	2,0	0,5	3,4
	1925 " 0/0/0 . . .	100,0	60,3	30,2	22,0	2,7	24,7	5,5	9,5	0,7	2,0	1,2	5,6
	1925 " ф. ст. . .	153,1	92,3	46,3	33,6	4,2	37,8	8,5	14,5	1,1	3,0	1,9	8,5
	1925 к 1913 в 0/0/0	153,1	136	181	158	323	167	283	220	157	150	380	250
8. Другие три- котаж. изделия	1913 в 0/0/0 . . .	100,0	65,8	26,3	19,1	—	7,2	—	7,9	0,5	3,0	0,6	3,8
	1924 " 0/0/0 . . .	100,0	64,5	28,5	21,5	—	7,0	—	7,0	0,4	1,4	0,6	4,4

Издержки производства обуви и готового платья в Англии

Производства	Годы	Всего	Материалы	Зарплата и жалование					Прочие издержки				
				Всего	Зарплата			Жалов. служ. и рук. техн. персон.	Всего	Энергия, освещен., отоплен. и проч.	Амортиз. тек. рем., содержан.	Местные сборы, налоги и соц. расх.	Прочие издержки
					Прямая	Косвен.	Всего						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Обувь А (средние данные по 4 фирмам)	1913 в 0/00 . . .	100,0	63,6	—	23,9	—	—	—	12,5	—	—	—	—
	1924 " 0/00 . . .	100,0	57,2	—	26,6	—	—	—	16,2	—	—	—	—
	1924 в ф. ст. . . .	204,3	116,8	—	54,4	—	—	—	33,1	—	—	—	—
	1924 к 1913 в 0/00 . . .	204,3	184	—	228	—	—	—	264	—	—	—	—
2. Обувь В (средние данные по 35 фирмам)	1913 в 0/00 . . .	100,0	70,5	—	21,3	—	—	—	8,2	—	—	—	—
	1924 " 0/00 . . .	100,0	62,1	—	30,2	—	—	—	7,7	—	—	—	—
	1924 в ф. ст. . . .	183,7	114,1	—	55,4	—	—	—	14,2	—	—	—	—
	1924 к 1913 в 0/00 . . .	183,7	162	—	260	—	—	—	172	—	—	—	—
3. Обувь С	1913 в 0/00 . . .	100,0	68,2	23,3	—	—	21,1	2,2	8,5	1,2	5,6	0,6	1,1
	1924 " 0/00 . . .	100,0	65,6	27,4	—	—	23,7	3,7	7,0	1,0	3,9	1,0	1,1
	1924 в ф. ст. . . .	168,1	110,3	46,1	—	—	39,9	6,2	11,7	1,7	6,6	1,6	1,8
	1924 к 1913 в 0/00 . . .	168,1	162	197	—	—	189	281	138	137	119	281	164
4. Обувь D	1912 в 0/00 . . .	100,0	65,9	28,5	25,0	3,5	—	—	5,6	1,1	—	0,3	4,2
	1924 " 0/00 . . .	100,0	61,4	32,0	27,2	4,8	—	—	6,6	1,2	—	1,1	4,3
	1924 в ф. ст. . . .	177,4	109,3	56,8	48,2	8,6	—	—	11,6	2,1	—	1,9	7,6
	1924 к 1912 в 0/00 . . .	177,4	165	199	193	246	—	—	207	191	—	633	181
5. Готовое платье А	1913 в 0/00 . . .	100,0	41,3	54,0	47,2	6,8	—	—	4,7	1,1	1,7	1,3	0,6
	1924 " 0/00 . . .	100,0	34,5	56,8	46,6	10,2	—	—	8,7	1,6	2,5	3,0	1,6
	1924 в ф. ст. . . .	218,5	75,3	124,1	101,8	22,3	—	—	19,1	3,5	5,5	6,5	3,6
	1924 к 1913 в 0/00 . . .	218,5	182	230	216	325	—	—	410	317	324	498	661
6. Готовое платье В	1913 в 0/00 . . .	100,0	37,5	—	50,0	—	—	—	12,5	—	—	—	—
	1924 " 0/00 . . .	100,0	34,0	—	52,5	—	—	—	13,5	—	—	—	—
	1924 в ф. ст. . . .	187,7	63,7	—	98,5	—	—	—	25,5	—	—	—	—
	1924 к 1913 в 0/00 . . .	187,7	170	—	197	—	—	—	204	—	—	—	—
7. Готовое платье С	1913 в 0/00 . . .	100,0	55,2	36,1	25,7	4,6	30,3	5,8	8,7	0,4	1,4	0,4	6,5
	1925 " 0/00 . . .	100,0	53,5	36,5	24,3	4,4	28,7	7,8	10,0	0,6	1,5	0,5	7,4
8. Готовое платье D	1924 в 0/00 . . .	100,0	65,6	25,4	—	—	21,6	3,8	9,0	0,6	0,8	1,2	6,4

тура издержек производства. Материалы снизились с 63,6% до 57,2%, прямая зарплата увеличилась с 23,9% до 26,6% и прочие издержки, куда вошли косвенная зарплата и жалование, дали рост от 12,5% до 16,2%.

Во 2 группу включены предприятия со значительно изменившимся ассортиментом мужской, женской и детской обуви. Структура издержек производства здесь иная. Материалы и зарплата занимают большее место, особенно после войны, чем в первой группе. В обеих этих группах нагрузка предприятий не установлена ни в 1913, ни в 1924 гг.

Следующие группы 3 и 4 относятся к предприятиям, по которым нагрузка известна для 1913 и 1924 гг.

Одна (3) работала в 1913 г. при нагрузке в 70% и в 1924 г. в 83%, а другая (4) соответственно по годам с нагрузкой в 88% и 82%.

Данные об издержках производства готового платья также приведены по четырем группам предприятий. А и В означает что в издержки производства верхняя ткань не включена. Здесь в материалы вошла лишь одна подкладка. Группы С и D дают издержки производства в полном объеме, включая и верхнюю ткань.

В заключение коснемся некоторых общих факторов, которые в той или иной степени влияют на изменения структуры издержек производства.

Со стороны „материалов“ действует целый ряд факторов, влияющих на долю остальных статей издержек, даже при стационарном положении последних в абсолютном отношении. В первую очередь иллюстрируем уже упомянутый выше фактор колебания цен на материалы. Так, продажные цены тонны клевадского чугуна № 3 стояли 2 фунт. 11 шилл. в начале 1914 г., 4 фунт. 15 шилл. 9 пенс. в начале 1924 г., 4 фунт. к концу этого года, 3 фунт. 18 шилл. 7 пенс. в марте и 3 фунт. 5 шилл. 9 пенс. в декабре 1925. Подобное же колебание показывают продажные цены нортамиронширского чугуна — падение цен тонны с 4 фунт. 7 шилл. 6 пенс. до 3 фунт. 15 шилл. 2 пенс. в 1924 г. и с 2 фунт. 12 шилл. 9 пенс. до 2 фунт. 19 шилл. 4 пенс. в 1925 г. Средние биржевые цены за тонну стали в болванках колебались от 8 фунт. 10 шилл. до 7 фунт. 10 шилл. в 1924 г. и от 8 фунт. 5 шилл. до 6 фунт. в 1925 г. Цены за тонну меди высшего качества колебались от 72 фунт. 5 шилл. до 64 фунт. 5 шилл. в 1924 г. и от 72 фунт. до 62 фунт. в 1925 г. Совершенно исключительным колебаниям подвергались цены на олово: с 143 фунт. 5 шилл. за тонну в марте 1922 г. до 277 фунт. 11 шилл. в марте 1924 г., и, упав в апреле 1925 г. до 237 фунт. 2 шилл., опять поднялись до 285 фунт. 1 шилл. в декабре. Цены на американский хлопок среднего качества в Ливерпуле с 65 пенс. в 1914 г. возросли до 2 шилл. 6 пенс. в 1920 г., затем опять упали до 1 шилл. 1 пенс. в 1924 г. и даже до 10 пенс. в 1925 г. Отсюда и получается, что одна и та же абсолютно выраженная зарплата будет представлять различные „доли“ в издержках производства: колебание вверх цен на материалы сокращает долю зарплат, а вниз — увеличивает ее.

Однако, и этот сильно действующий на распределение издержек производства фактор не одинаково влияет на различные предприятия одной и той же отрасли промышленности. Это зависит от того, входит ли данное предприятие в „вертикальную“ организацию своей отрасли

промышленности, где сырье, полуфабрикаты и готовые изделия могут переходить через все свои стадии производства без особого влияния рынка. Доля отдельных элементов издержек производства может значительно меняться в зависимости от этого обстоятельства.

Но сам факт приобретения по одинаковым рыночным ценам одного и того же материала двумя предприятиями еще не означает, что этот материал попадет в калькуляцию единицы продукции по одинаковой стоимости. Здесь главную роль играют различные транспортные условия в разных предприятиях, что значительно колеблет транспортные (особенно местного характера) издержки и, следовательно, калькуляционную стоимость материала.

Далее коснемся факторов, влияющих на изменение доли зарплаты за разные годы и в разных отраслях промышленности, которые вытекают из условий работы и оплаты труда рабочих, служащих, руководящего персонала и пр. Здесь следует обратить внимание на следующие различные стороны дела: 1) неодинаковый рост зарплаты в производствах, работающих на экспорт, подверженных конкуренции мирового рынка, и в производствах, пользующихся покровительством на внутреннем рынке; 2) различные ставки зарплаты в разных районах, что влияет на издержки производства предприятий, расположенных в различных районах; 3) относительно более быстрый темп роста зарплаты неквалифицированных рабочих, удельный вес которых среди общего числа рабочих различен в разных производствах, следовательно, и неодинаково влияет на изменение доли зарплаты в издержках производства; 4) переход в первые годы после войны на сокращенный рабочий день при обязательном сохранении прежнего недельного заработка, что, как показывает опыт, различно повлияло на разные отрасли промышленности. Последнее иллюстрируется следующими данными: в хлопчатобумажной промышленности при росте в 1925 г. против 1914 г. ставки за полную рабочую неделю в 161%, фактический недельный заработок вырос до 185—190% и при почасовой (тоже недельный заработок) на 186%; доля же зарплаты в издержках выросла за это время в последнем случае на 197%, а во втором — на 194%. В производстве готового платья недельная ставка выросла на 188% для мужчин и 207% для женщин при соответствующем росте фактического недельного заработка на 195% и 215%. Доля же зарплаты в разных предприятиях возросла на 197% и 216%. Рост доли зарплаты в сельскохозяйственном машиностроении на 218% (рабочих 187%, обслуживающего персонала в производстве 307%) сопровождается ростом недельных ставок разных квалификаций в машиностроении вообще на 145% (некоторые лишь до 176%) и заработка на 165% (некоторые до 200%). Паровозостроение при тех же общих для машиностроения ставках и заработках дает повышение доли зарплаты в издержках производства на 180% (рабочих 166%, обслуживающего персонала в производстве 240%). Объясняется это обстоятельство и тем, что при сокращенном теперь против 1914 г. рабочем дне больше прибегают к сверхурочной работе, оплачиваемой значительно выше нормального рабочего времени.

Затем играет здесь большую роль перемена в возрастном составе рабочих и обслуживающего персонала в промышленности. Данные переписи 1921 г. показывают, что против 1911 г. число занятых в промышленности детей ниже 14 лет сократилось на 75.000 человек. Рост общего

числа занятых лиц в производстве механических средств передвижения с 53.639 в 1907 г. до 200.272 в 1924 г. сопровождается ростом персонала до 18 лет с 9.013 в 1907 г. до 27.462 в 1924 г. Падение числа занятых лиц в производстве хлопчатобумажной пряжи и ткани с 572.062 в 1907 г. до 517.232 в 1924 г. произошло (за некоторым исключением сокращения свыше предельно взрослых женщин) за счет возраста ниже 18 лет.

Влияет также на долю зарплаты в издержках производства движение в соотношении между мужским и женским трудом в разных отраслях промышленности. Конечно, в тяжелой индустрии заметного изменения не наблюдается. Но в легкой индустрии, например, в обувной в 1907 г. женский труд занимал 28%, а в 1924 г. уже 35%. По данным общей переписи 1921 г. женский труд в числе занятых в стране лиц занимает 35,4% против 32,2% в 1911 г.

Применение новых методов производства за последние годы внесло значительные изменения в пользование рабочей силой. Так, в чугунолитейном производстве благодаря введению новых методов производства и улучшению оборудования, применение рабочей силы сократилось в 1923 г. на 32,1% против 1920 г. при росте выработки на 1 занятое лицо на 35,9%. За то же время и при подобных обстоятельствах в сталелитейном и прокатном производстве применение рабочей силы сократилось на 34,4% при росте выработки 1 рабочего на 37,2%.

Рост доли зарплаты в издержках производства наблюдается в тех отраслях промышленности, где после введения сокращенного рабочего дня не последовало соответствующего увеличения выработки. Такие случаи имеют место в хлопчатобумажной, шерстяной и в некоторых группах машиностроительной промышленности. Дело заключается в том, в какой степени эффективность работы машин может быть увеличена в той или другой отрасли промышленности. В этом отношении не все производства находятся в одинаковых условиях.

Доля зарплаты технического и руководящего персонала за последние годы почти во всех производствах обогнала долю зарплаты рабочих. Частично это объясняется уже упомянутым выше обстоятельством, что как раз этот персонал в меньшей степени, чем производственные рабочие поддается сокращению при депрессии. Затем играют значительную роль работы по рационализации, влияющие на рост технического персонала.

В общем зарплата во всей английской промышленности в 1925 г. возросла против 1913 г. на 70—75%. Принимая во внимание тот факт, что производства, работающие на экспорт, повысили зарплату только на 60—70%, считают, что в промышленности, работающей на внутренний рынок, зарплата повысилась на 75—80% против 1913 г.

Рассмотренные выше цифры подтверждают, что кризис, переживаемый английской промышленностью, является кризисом органического характера. Состояние промышленности таково, что до 1924/25 г. доля прорабатываемых материалов на единицу продукции все продолжала падать, а издержки производства — расти. За последнее время начали уже говорить о том, что наступил перелом в этом отношении. Судить об устойчивости и размере этого перелома, из-за отсутствия конкретных материалов, не представляется возможным.

Карабугаз и химическая промышленность¹

Трудами экспедиций 1897 г. и 1909 г. установлено, что на Карабугазе встречается почти химически чистая десятиводная глауберова соль (мирабилит) и что минимальный летний запас ее, выбрасываемый в холодное время морем, равен 150.000.000 тонн, т.е., что запас этот совершенно неисчерпаем. Таким образом, не подлежит сомнению, что мы в состоянии покрыть мировую потребность в глауберовой соли, как в материале для добывания соды, если считать мировое ее производство в 2 млн. тонн, на что необходимо 6 млн. тонн глауберовой соли; при этом понятно, что мы с избытком покрываем и собственную потребность в мирабилите для нашего содового производства в 85 тыс. тонн, на что необходимо около 250 тыс. тонн глауберовой соли, и для целей стеклоделия такое же количество.

До войны труды названных двух экспедиций оставались без внимания, и мы не только не пользовались нашим мирабилитом для каких-либо промышленных целей, но еще ввозили из-за границы искусственный сульфат, добываемый из поваренной соли и серной кислоты, как это видно из следующих данных² А. А. Лебединцева, которому принадлежат и приведенные выше цифры для производства леблановской соды:

1896 г.	1897 г.	1910 г.	1912 г.	Средняя цена
3,5 тыс. тонн	3,6 тыс. тонн	1,7 тыс. тонн	3,2 тыс. тонн	30 руб. за тонну

Иначе посмотрели на это замечательное по качеству и количеству природное богатство наше иностранцы: как только на Международном конгрессе геологов в С.-Петербурге (1897 г.) им стало ясно значение нашего мирабилита для мировой химической промышленности, группа англичан, французов и бельгийцев, при участии Лебединцева, Баранова, Гильда и других технологов, решила учредить синдикат для выработки содовых и других продуктов из карабугазского мирабилита, и только отказ Комитета министров в выдаче монополии на эксплуатацию помешал осуществлению задуманного иностранцами дела.

Но и после войны проблема Карабугаза медленно приближается к своему решению, и даже в 1922 г. проф. А. А. Яковкин указывает на глауберовую соль, как на „дешевый материал, не находящий почти

¹ Автореферат доклада в Осовиахиме 25/V 1928, составленный по предложению редакции.

² „Карабугаз и его промышленное значение“ (монография Н. И. Андрусова, Н. С. Курнакова и др. Изд. Комитета по изуч. естеств. произв. сил СССР при Академии Наук), стр. 62.

никакого применения".¹ И даже сейчас, по крайней мере, поскольку это видно из литературы по 1 января с. г., не приходится говорить о сколько-нибудь значительной промышленной переработке глауберовой соли на ценные продукты. Так, по данным Комиссии по изучению естественных производительных сил СССР,² за 1925/26 г. только рассчитано на добычу 3.280 тонн мирабилита, увеличивая постепенно добычу до 120.000 тонн в 1930/31 г., что соответствует 48.000 тонн безводного сульфата (тенардита).

Все исследователи Карабугаза единодушно сходятся на том, что здесь имеются налицо все благоприятные для заводской промышленности природные условия. Так, например, Лебединцев (1897 г.) характеризует Карабугазский залив, как „единственный в своем роде по размеру и в то же время судоходный бассейн с благоприятным для якорных установок грунтом, без всяких подводных камней и рифов, с небольшой глубиной и волной, соединенный к тому же проливом непосредственно с морем, а следовательно, и с промышленными центрами“. Н. И. Подкопаев, руководитель экспедиции 1909 г., обращает внимание на „великолепный естественный мол, образуемый каменной грядой, почти параллельно берегу, около 200 саж. длиной“. Один из наших лучших технологов, П. П. Федотьев,³ придает удобству положения Карабугаза в отношении транспорта особенное значение.

Близость Баку, а следовательно, и наличие дешевой нефти, наличие залежей каменного угля и известняка поблизости а также и безводной глауберовой соли (тенардита), на которые указывает Подкопаев,⁴ все это, конечно, факторы, обеспечивающие успех будущей химической промышленности Карабугаза, так же, как и найденные поблизости пресные колоды с хорошей питьевой водой.

Наконец, надо полагать, что климатические условия Карабугаза не могут служить серьезным препятствием к основанию и развитию здесь крупной химической промышленности. Мы видим, что в Чили, в совершенно безводной пустыне Атакама, еще и теперь работает около 75 заводов селитры вместо прежних 150, и что именно в самое последнее время там стали разрабатываться, на ряду с селитрой (и иодом), и другие минеральные богатства пустыни, как например, местная инфузурная земля (трепел) идет на выработку динамита, для чего одна северо-американская фирма посреди пустыни построила динамитный завод. Наконец, для разработки найденной здесь 2,5-процентной медной руды другой северо-американской фирмой здесь построен величайший в мире медеплавильный завод. А между тем, вот в каких красках профессор Кильского университета Ветцель⁵ рисует природные условия этой пустыни (1925 г.): „В этой высохшей, отравленной и сожженной тропическим солнцем местности даже бактерии гниения не могут развиваться какой-либо деятельности“, в виду чего трупы животных быстро высыхают и превращаются в мумии. Даже на морском берегу, в гавани

¹ „Карабугаз и его промышленное значение“, стр. 65.

² „Нерудные ископаемые“ (Словарь, изд. КЕПС при Академии наук), т. I, стр. 279 (1926).

³ Там же, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 46, 47.

⁵ „Zeitschrift für angewandte Chemie“, 192, стр. 303—309.

Токопила, нельзя встретить какого-либо растения. Бен (1848 г.) пишет, что вследствие сильных испарений, значительно превышающих естественное выпотевание, организм начинает выделять мало мочи, и сама моча принимает бурю окраску; в губах, носу, кончиках пальцев и корнях ногтей появляется боль. По Дарвину (1842 г.) здесь бывает один дождь в три года, а по новейшим данным — три дождя в год против 55 дождливых дней в году на Карабугазе.

Мы потому несколько подробно коснулись природных условий пустыни Атакама, что хотели на конкретном примере показать, что в своем стремлении к использованию природных богатств человек не останавливается перед самыми сильными препятствиями. На Карабугазе этих препятствий, к счастью, нет, и мы не сомневаемся в том, что при дружном содействии представителей науки и техники мы в самом скором времени на самом Карабугазе сможем основать ряд заводов для широкого использования наших природных запасов глауберовой соли (мирабилита и тенардита), равных которым как по количеству, так и по качеству, как уже сказано, нет в мире.

Впрочем по новейшим сведениям („Изв. ВЦИК“, от 9/I 1927, № 7) обследование Карабугаза с целью использования его природных богатств окончено, при чем выяснено, что пролив, соединяющий Каспий с Карабугазом, сможет питать электростанцию мощностью в 3000 лш. сил и добывание высокосортного сульфата может быть доведено до 166,7 тыс. тонн в год.

После этого краткого вступления мы можем приступить к описанию методов выработки ценных продуктов из глауберовой соли, — методов, испытанных частью нами обоими, частью одним из нас (Ракузиным), и бывших предметом наших сообщений в заседании Осоавиахима 25/V 1928 года.

Добывание соды и ее продуктов из природной глауберовой соли мокрым путем с одновременным использованием кристаллизационной воды для технических и сельскохозяйственных целей.

Природная глауберова соль, как известно, содержит 56% „кристаллизационной воды“, т.е. воды, с удалением которой она теряет свою кристаллическую форму. При устройстве завода в Баку или другом месте приходится, таким образом, перевозить на завод громадные количества воды, в виду чего все внимание химиков и технологов сосредоточено на проблеме обезвоживания мирабилита дешевым путем. Мы подошли к этому вопросу с другой точки зрения.¹ Прежде всего, обезвоживание мирабилита становится излишним при добывании соды мокрым путем, как например, по методу Сольвея или по баритовому методу, о котором сейчас будет речь. Затем мы задали себе вопрос, не является ли целесообразным использовать столь громадные количества воды, как высокую ценность в пустыне Карабугаза, т.е. имеем ли мы вообще право при обезвоживании мирабилита пускать столь ценный „отброс“, как вода, на воздух.

Исходя из этих соображений, мы и предлагаем добывать каустическую соду из мирабилита с помощью дешевого в настоящее время восьми-

¹ По этому поводу нами было сделано 17/II 1927 г. сообщение в Моск. общ. испыт. природы при ИГУ.

водного едкого бария. При смешении водных растворов обоих веществ, при температуре кипения воды, из двух дешевых материалов, мирабилита и едкого бария, мы получаем два продукта высокой ценности, а именно: в растворе каустическую соду, а в осадке, который легко отфильтровать сернокислый барий; последний может быть «регенерирован» или на едкий барий, снова идущий в работу или же применен, как лучшая белая краска, блан-фикс, или же, наконец, переработан на литопон, как это видно из прилагаемой схемы производства.

Описанный способ работы не нов: им пробаовали пользоваться, главным образом, в Англии, во второй половине прошлого века, но «регенерирование» едкого бария было тогда связано с непреодолимыми трудностями, в виду чего способ, несмотря на его бесспорные преимущества перед способом Леблана, был оставлен. Однако, знаменитый германский химик, Август-Вильгельм Гофман (1863 г.), живший тогда в Англии, восторженно призывал грядущих химиков к дальнейшей разработке этого метода, ибо, говорил он: «Содовая промышленность была бы революционизирована, если бы удалось найти дешевый способ добытия едкого бария». Момент, о котором мечтал А. В. Гофман, давно настал: дешевых способов добытия едкого бария сейчас имеется много. Кому же произвести эту революцию мировой химической промышленности, если не нам, имеющим в своем распоряжении неисчерпаемые запасы чистейшего мирабилита и залежи барита (тяжелого шпата) в Грузии и ряде других мест; а про наличие удобных для заводской работы условий на самом Карабугазе речь была выше. Наконец, мы хотели бы здесь заметить, что на Карабугазе, как части столь богатого нефтерождениями Каспийского моря, пробные бурения на нефть могли бы увенчаться успехом.

Полученный описанным способом раствор едкого натрия может быть применен или как таковой для нужд нефтяного производства, или же переработан на твердую («баранную») щелочь.

При отсутствии воды, необходимой для целей производства, такая вода может быть добыта путем обезвоживания, которое может быть произведено с ничтожными затратами с помощью «мятого пара» (отработанного), т.е. при температуре не выше 100°. Эта вода представляет собой не только растворитель идеальной химической чистоты, который даст и содовые продукты вполне чистые, так как и мирабилит химически чист, но и очень пригодную воду для питания паровых котлов, так как возможность накопления «котельной накипи» в данном случае совершенно исключена. Наконец, ясно, что этой же водой, в случае надобности, можно пользоваться и для целей орошения местности.

Работая мокрым путем, мы, конечно, получаем «бесплатную» щелочь, из которой можем пропуская углекислоты добывать более дешевую соду. Существующая на мировом рынке дифференциация цен на химические продукты не может иметь места внутри производящей эти продукты страны и, в частности, внутри СССР: внутри нашей страны произойдет полное обезличение содовых продуктов в смысле рыночных цен, в чем и заключается предсказанное А. В. Гофманом революционизирование содовой промышленности.

Способы получения остальных содовых продуктов указаны в прилагаемой схеме (стр. 236—237) и несколько подробнее будут описаны ниже.

Выше была указана несомненная выгодность предлагаемого способа, осуществляемого при работе с продажной глауберовой солью. Не подлежит сомнению, что прибыльность производства будет еще больше при работе с природным мирабилитом, себестоимость которого на месте может быть только немногим больше, чем стоимость навозки и доставки его на завод, каковую Яковкин в 1922 г. исчислял в 1 копейку золотом на пуд безводной соли (или около 0,4 к. глауберовой соли), т.е. около 60 коп. (24 к.) на тонну.¹ Как видно из данных КЕПС (1926 г.), калькуляция рыночной цены мирабилита пока возможна только ориентировочная, так как это был первый эксплуатационный год, и весь процесс еще не закончен; поэтому мы оперировали с оптовыми ценами (за центнер) фирмы Мерк в Дармштадте за декабрь 1925 г. и при цене кристаллической глауберовой соли в 120 марок за тонну, производство оказывается рентабельным, что легко подтвердить расчетом из следующих цен на сырые материалы и полученные продукты:

Материалы		Продукты	
Глауб. соль, крист.	120 мар. за тонну	Кауст. сода (93—95%)	650 мар. за тонну
Едкий барий	350 " " "	Сернокислый барий	600 " " "

Ясно, что цена природного мирабилита на Карабугазе должна быть несравненно ниже 120 мар. за тонну и что прибыль, даже при самых невыгодных, примитивных и т. д. условиях работы, не подлежит сомнению. Впрочем, это подтверждается следующими данными КЕПС: ² стекольный завод „Дагогни“ вырабатывает кристаллическую глауберовую соль кустарным способом, и то она ему обходится лишь в 13 р. 20 коп. за тонну, тогда как цена ее на 9/V 1928 г. была в Лондоне 2 ф. ст. 10 шилл. за тонну.

В заключение считаем нужным указать, что в данном случае полувыводы опыты являются излишними, так как получение каустической соды из сульфата («каустифицирование» его) давно испытано в заводском масштабе, а ряд дешевых способов добытия, а следовательно, и регенерирования едкого бария следует считать общеизвестными.

Упрощенные методы обезвоживания глауберовой соли и соды. До сих пор полагают, что только выработка дешевого метода обезвоживания мирабилита решает вопрос об использовании этого минерала, имеющего для нас столь громадное значение. Но и за границей держатся того же взгляда, и разными изобретателями предложены не лишние остроумные методы обезвоживания, при чем еще не на все методы выданы патенты. В СССР в числе химиков, интересовавшихся проблемой обезвоживания буры, соды, глауберовой соли и т. д., был М. А. Ракузин, работавший частью сам, частью совместно с его сотрудниками, А. Н. Несмеяновым и Д. А. Бродским. Десятиводная бора, по наблюдениям Ракузина и Несмеянова, ³ уже при температуре около 200° превращается в одноводную (моногидрат буры), а при температуре около 100°, т.е. при нагревании «мятым паром», она превращается в пятиводную (пентагидрат), т.е. ювелирную бору («Borax en croûte») французов,

¹ „Карабугаз“, стр. 69.

² „Нерудные ископаемые“, т. I, стр. 279.

³ Сообщение о научно-технической работе в республике. 1924 г., вып. XII, стр. 52—54.

как это показали Ракузин и Бродский,¹ которые решили произвести аналогичные опыты между прочим и на столь важных для химической промышленности кристаллических солях, как сода и глауберова соль. Опыт показал, что и сода, и глауберова соль при нагревании не выше 100°C в кратчайший срок вполне обезвоживаются. Промышленное значение этих опытов ясно: процесс обезвоживания производится в обоих случаях с ничтожными расходами на измельчение и т. д., тогда как до сих пор всюду сода и глауберова соль в безводном виде готовятся кальцинированием при высоких температурах (отсюда и рыночное название „кальцинированная“) с большой затратой топлива, при чем аппараты, в которых это производится, быстро изнашиваются.

Насколько расходы по кальцинированию до сих пор велики, видно хотя бы из следующего сопоставления цен Мерка в Дармштадте за центнер в декабре 1925 г.

Глауб. соль двойной очистки, кристаллическая.	%/о к м.	12.50
„ „ „ „ кальцинированная.	%/о к „	35.—
Сода двойной очистки, кристаллическая	„ „ %/о к „	14.—
„ „ „ „ кальцинированная	„ „ %/о к „	52.—

Таким образом, мы видим, что в будущем процесс „кальцинирования“ можно перевернуть не прокаливанием, а „мятым паром“, и полученные „кальцинированные“ продукты вполне безводны. Если бы у нас в СССР случайно нашлась старая установка для производства соды по Леблану (новые вряд ли легко достать), то у нас вполне возможно возродить способ Леблана с большей выгодой, ибо при наличии в СССР дешевого природного сульфата, где есть залежи мирабилита и тенардита, способ Леблана вообще выгодно может конкурировать с методом Сольвея, конечно, при условии утилизации отбросов. Но раз отпадает связанный с громадным расходом топлива процесс кальцинирования, то работа по Леблану у нас становится еще выгоднее, и ниже мы увидим, что этим выгода не исчерпывается.

В 1917 году А. А. Яковкин и Ю. А. Грожан получили от министерства финансов премию за способ обезвоживания глауберовой соли парами горячего спирта. Интерес к этой работе побудил Ракузина проверить эту работу на холодном спирте крепостью 95%. Опыт превзошел всякие ожидания: оказывается, что при суточном настаивании цельных кристаллов глауберовой соли со спиртом при комнатной температуре происходит полное обезвоживание, в результате чего получается порошок, не нуждающийся ни в каком измельчении. Слитая с порошка жидкость представляет водный спирт.

Таким образом, удастся без затраты топлива обезвожить глауберовую соль. Понятно, что отгонкой спирта, от полученного разбавленного раствора его, в ректификационном аппарате можно спирт „регенерировать“, чтобы снова пустить его в работу. Что же касается ничтожных количеств спирта, оставшихся в порошке, то их легко удалить с помощью парового змеевика.

А. А. Яковкин (1922 г.) исчисляет стоимость обезвоживания парами спирта по его способу в 6 руб. золотом с тонны, к чему прибавляет примерно 60 коп. за доставку на завод; при этом расход нефти равен 1 весовой части на 18 частей глауберовой соли. Ясно, что при холодном спирте стоимость обезвоживания должна быть значительно меньше. В заключение следует сказать, что способ Яковкина и Грожана не получил практического осуществления.

Наконец, интересно отметить, что холодным спиртом не удалось обезвожить ни буры, ни соды.

Так же, как пары спирта, по наблюдениям Яковкина и Грожана, действуют и пары древесного спирта и пары аммиака, что также указано в их патенте. Ясно, что так же должен действовать и всякий другой индифферентный пар или газ, например, воздух. Опыт подтвердил и это теоретическое предположение: оказывается, что струя воздуха в короткий срок 8 часов вполне обезвоживает цельные кристаллы глауберовой соли при комнатной температуре.

Остается сказать, что нам удалось обезвожить глауберовую соль также и древесным спиртом на холоду. Кроме очевидной выгоды и еще большей дешевизны этого способа, исключается всякая возможность злоупотребления спиртом, как напитком, что было одной из причин, помешавших практическому осуществлению метода Яковкина и Грожана.

Таким образом, нам удалось выработать три холодных метода „кальцинирования“ глауберовой соли. При дешевизне последней у нас и при тех значительных разнице между ценой кристаллической и кальцинированной глауберовой соли, о которых речь была выше, о сравнительной и абсолютной стоимости предложенных способов обезвоживания распространяться не приходится.

Отношение кристаллической соды к струе холодного воздуха представляет высокий теоретический, но еще более важный практический интерес. Опыт показал, что сода отдает струе холодного воздуха не все 10 молекул воды, как это делает глауберова соль, а только 9 молекул. Получаемый в результате „моногидрат“ (одноводная сода) представляет собой излюбленный продукт рынков Англии и Америки, так называемый „Crystal carbonate“, расцениваемый значительно дороже кальцинированной (вполне обезвоженной) соды; в декабре 1925 г. его цена была 63 мар. за центнер в Дармштадте против 14 мар. за исходную кристаллическую соду. Так велика в данном случае прибыль, достигнутая одной продувкой соды воздухом при обыкновенной температуре.

Понятно, что с помощью „мятого пара“ можно удалить из „моногидрата“ и последнюю (10) молекулу воды, чтобы получить „кальцинированную“ соду. Но так как последняя дешевле моногидрата, то ясно, что и нам придется ввести производство моногидрата соды, на который имеется такой спрос. Здесь полезно отметить, что моногидрат соды в спросе и в Германии, где он продается под названием „Soda Monohydrat“.

Вот в кратких чертах все, чего нам удалось достигнуть в области обезвоживания кристаллических солей вообще и глауберовой соли в частности. Мы видели, что для целей содового производства можно обойтись и без обезвоживания. Последнее неизбежно только в том слу-

¹ Журнал „Хим. Пром.“, т. II, 1925, стр. 237—240, „Zeitschrift für angewandte Chemie“, 1926 г., стр. 1345—1348; 1927 г., стр. 110—115; 836—840.

чае, когда кристаллизационная вода нужна для целей производства и т. д. (см. схему), а главным образом, для приготовления сульфата (кальцинированная глауберова соль), для нужд стеклоизделия, производства ультрамарины.

„Нет ничего практичнее, чем теория“, — сказал когда-то Больцман. Вот почему полезно объяснить описанные здесь столь замечательные явления обезвоживания при обыкновенной температуре — процесс, на осуществление которого всюду до сих пор тратятся громадные количества топлива. Объяснение мы нашли только после трех лет работы, но зато оно очень простое: из 9 исследованных нами кристаллических солей только сода и глауберова соль обнаруживают столь замечательное отношение к струе воздуха. Эти две соли содержат $62,86\%$ и 56% воды, рассчитанной на водную соль; но если пересчитать эти цифры на безводную соль, то получится водная нагрузка в $169,65\%$ и $126,76\%$. Таким образом, только эти две соли являются перегруженными водой и поэтому так легко отдают ее. Теперь мы в состоянии даже предсказывать отношение данной кристаллической соли, содержащей воду, к струе воздуха, что, конечно, практически важно, так как становится ясным и метод, следовательно и стоимость обезвоживания.

Преобразование обыкновенной соды в двууглекислую и обратно. Двууглекислая сода (бикарбонат) расщепляется значительно дороже, чем обыкновенная (кристаллическая сода). Так, например, в декабре 1925 г. она продавалась по 28 марок за центнер в Дармштадте против 14 марок за центнер кристаллической соды, из которой двууглекислая сода добывается пропусканием в нее струи углекислого газа. Процесс, как мы видим, аналогичен добытию „моногоидрата“ струей воздуха. Разница только в том, что углекислый газ не индифферентен к соде, а соединяется с ней, образуя двууглекислую соду, „бикарбонат“; но при этом выделяются те же 9 молекул воды, как при действии струи воздуха на соду, и понятно, что и эта вода может быть использована (см. схему).

Как известно, в процессе Сольвея бикарбонат получается, как полуфабрикат, кальцинированием (прокаливанием) которого получается сода, при чем удаляются вода и поглощенный углекислый газ. Нам удалось показать, что к тому же результату можно прийти путем нагревания бикарбоната при температуре не выше 100°C , т. е. с помощью „мягкого пара“. Экономия топлива очевидна.

Следует отметить, что тенденция упростить столь кропотливый и дорогостоящий процесс существует и в Америке, где Solvay — Process Corp. в Нью-Йорке взяла 4 патента на систематическое кальцинирование бикарбоната при температурах ниже и выше 100°C , получая при этом также промежуточные продукты различных свойств и ценности.

Электролиз сульфатов щелочных металлов в растворе и в расплавленном в кристаллизационной воде состоянии. Мы уже видели, что баритовый метод добытия соды из сульфата натрия мокрым путем в состоянии революционизировать содовую промышленность, совершенно обезличивая содовые продукты в смысле цен на внутреннем рынке. Такую же революцию предвидел Менделеев,¹ когда лет 30 тому назад вошел в практику метод эле-

ктролиза хлористых натрия и калия с целью добывания едких щелочей и хлора. Менделеев сразу понял, что „в недалеком будущем соду будут готовить из едкого натрия, а не наоборот, как теперь“. Да оно и понятно, так как при электролизе получается щелочь „бесплатно“, так же, как мы это видели при баритовом методе. Развивая теорию связи кристаллизационной воды¹ и идею более дешевого добывания химических продуктов, Ракузин и Зелинский остановились на мысли об электролизе природной глауберовой соли, расплавленной в кристаллизационной воде, каковое плавление происходит уже при $32,3^\circ\text{C}$. Идея эта тем более заманчива, что этим путем „бесплатно“ получается и едкий натр и серная кислота почти химически чистыми и в довольно крепких растворах, которые могут быть, смотря по надобности, разбавлены или сконцентрированы. Поскольку это видно из литературы, электролиз сульфатов калия, натрия и аммония считается электролитической аксиомой, но с промышленной точки зрения он еще не разрабатывался.

Наиболее хорошо пока изучен электролиз сернокислого аммония, с которым поэтому можно работать непосредственно в заводском масштабе. С другой стороны, известно, что добывание соды из сульфата по методу Сольвея также давно и с успехом производилось в заводском масштабе. Поэтому мы предлагаем производить обработку нашего мирабилита по следующему комбинированному способу.

Способ добывания соды из глауберовой соли по Сольвею и электролиз образовавшегося сернокислого аммония с целью регенерирования аммиака и добывания серной кислоты. При обработке по Сольвею поваренной соли, в осадке получают двууглекислую соду, а в растворе хлористый аммоний. Аналогично здесь в растворе получается сернокислый аммоний, который может быть или непосредственно применен, как прекрасное удобрение, или подвергнут в концентрированном растворе электролизу, в результате которого получаются аммиак, снова идущий в работу, и свободная серная кислота, почти химически чистая, которую в случае надобности можно спустить до концентрации в 66°Боме .

При переработке поваренной соли по Сольвею, мы весь хлор получаем в отбросе в виде почти не находящего себе применения хлористого кальция. По предлагаемому комбинированному с электролизом методу Сольвея работа идет без отбросов.

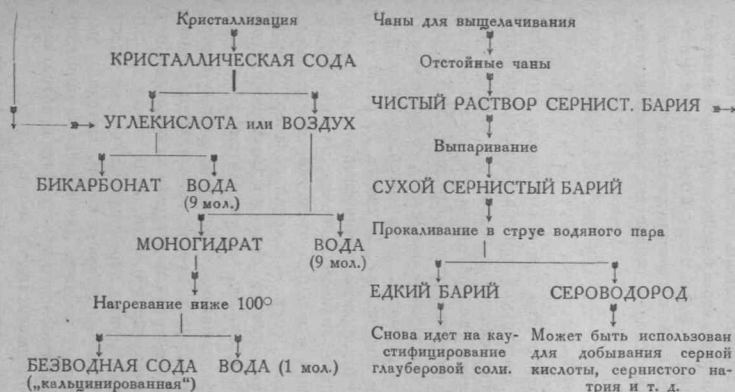
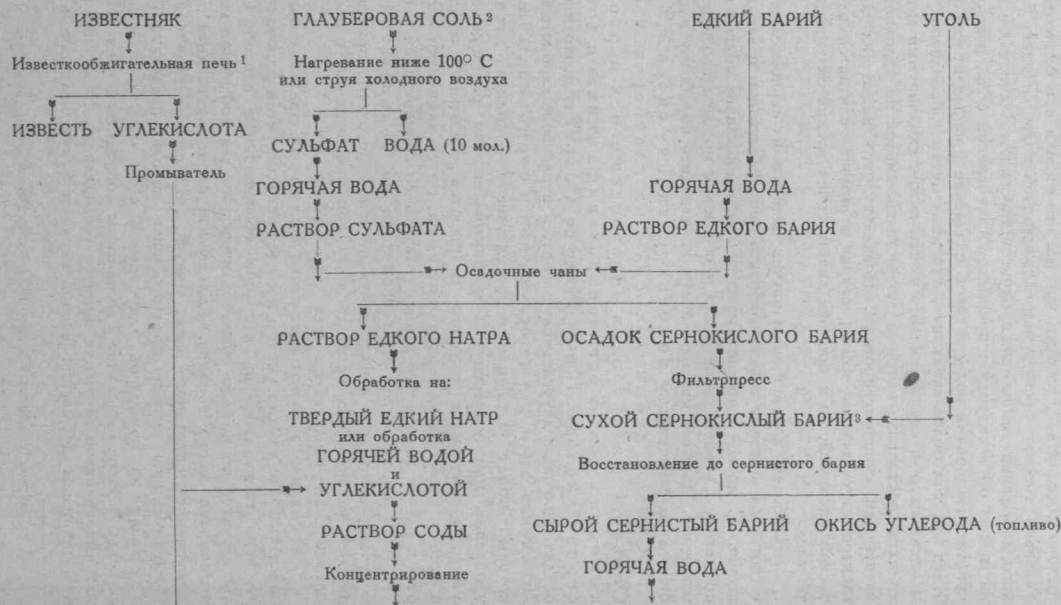
Громадное экономическое значение предлагаемого способа работы сейчас трудно учесть: прежде всего для регенерирования аммиака не надо гасить извести, как при обыкновенном способе Сольвея, а следовательно, не надо обжигать известняк для добывания извести, чем экономится много топлива. Дальнейшая экономия топлива достигается применением описанного выше способа „кальцинирования“ бикарбоната. Но важнейшую выгоду предлагаемого метода представит получение впервые из природной глауберовой соли свободной серной кислоты. Впервые станет возможным обходиться без сицилийской или американской серы или пиритов (колчеданов). Камерный и контактный процессы добывания серной кислоты будут излишними. Все обо-

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 40, стр. 677.

¹ Zeitschrift für angew. Chemie, 1927, Seite 967—973.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МИНЕРАЛЬНЫХ БОГАТСТВ КАРАБУГАЗА

(Крупным шрифтом обозначены материалы и продукты, мелким — операции)

¹ Теплота газов известкообжигательной печи, охлажденных водой для питания паровых котлов, может быть использована для обезвоживания мирабилита.

² Обезвоживание мирабилита ведется только при недостатке воды для целей растворения, и в этом случае полученный безводный сернокислый натрий идет на выработку стекла и ультрамарина.

³ Блан-фикс.

рудование, а следовательно, и обслуживание обоих заводов, содового и серной кислоты, достигает наибольшей простоты, вместе с чем и заводская территория значительно сокращается; отпадает целый ряд механических и химических операций, связанных с затратами энергии, необходимо уметь технического надзора и т. д.; все условия работы, в особенности на заводе серной кислоты, в санитарном отношении не оставляют желать ничего лучшего, в виду отсутствия печей для обжига серы, пиритов или цинковой обманки; наконец, и самая серная кислота, как уже сказано, получится совершенно свободной от мышьяка и др. примесей, от которых ее прежде приходилось очищать.

Как подешевеют содовые продукты на вышеуказанном рынке при разрешении этого вопроса, мы уже видели. Теперь то же станет и с серной кислотой. Таким образом, можно полагать, что в близком будущем никто с нами не сможет конкурировать на мировом рынке важнейших продуктов химической промышленности — соды (и ее продуктов) и серной кислоты, которые сейчас так расцениваются, например, в Лондоне.¹

Сода кальцинированная² 58% 6£ 2sh. 6p. за тонну
Серная кислота³ 168% 6, 10 " " "

Во время печатания настоящей статьи нам стало ясным, что кипящий раствор двууглекислой соды, получаемой при обработке глауберовой соли по Сольвею, может быть непосредственно подвергнут электролизу, при чем часть углекислоты выделится уже при одном нагревании; едкий натрий (каустическая сода — 76%) расценивается в Лондоне 15£ 7sh. 6p.

Итак, вот цены на продукты (не химически чистые), которые можно получить из нашего природного мирабилита, цена которого даже при кустарном его добывании, как мы видели, не выше 13 р. 20 коп. за тонну. Между тем мы видели, что он даже в обезвоженном состоянии должен стоить не дороже 6 р. 60 коп. золотом за тонну, из коих 6 руб. падают на расходы по обезвоживанию, и что при обезвоживании холодными методами цена глауберовой соли („кальцинированной“) еще дешевле. Наконец, для целей обработки на соду по Сольвею или по баритовому методу мирабилита обезвоживать не приходится.

Надо ли здесь указывать, как повлияют новые цены на соду и серную кислоту на цены целого ряда других продуктов, вырабатываемых из них и при помощи их; в первую очередь падут цены на суперфосфат, мыло, все кислоты, сульфаты, взрывчатые вещества, анилиновые краски и т. д., затем подешевеют и многие продукты, перечисление которых здесь заняло бы слишком много места. Словом, значение нового метода добывания соды и электролитической серной кислоты для нашего и мирового хозяйства неисчислимо, и нам нужно немедленно предпринять необходимые шаги к проведению этого метода производства⁴ в жизнь.

Методы превращения глауберовой соли в селитру. Действием едкого бария из глауберовой соли, как мы видели, можно добывать едкий натр. Аналогично можно с помощью азотно-

кислого (нитрата) бария из природного (необезвоженного) мирабилита добыть селитру, при чем побочным продуктом является блан-фикс. К тому же результату можно прийти с помощью дешевого в технике нитрата кальция, который добывается пропусканием газов, получаемых при добывании азотной кислоты из воздуха, в известковое молоко. Ракузин обращает внимание на необходимость пользоваться не кристаллическим нитратом кальция, который дорог вследствие того, что методы его кристаллизации держатся в секрете (постоянно берутся новые патенты), а вышеупомянутым техническим.

Остается напомнить, что действием соответствующих солей кальция (также стронция и бария) из нашего необезвоженного мирабилита можно получать любую соль натрия, на что давно указывал Менделеев и что практически чрезвычайно важно.

Закключение. От случайных, чисто теоретического характера наблюдений, длившихся годами, мы постепенно пришли к представлению и выработке методов заводской работы, знаменующих собою революцию в химической промышленности со всеми благотворными ее последствиями для народного хозяйства. Многие, что выпало на нашу долю доказать, противоречит господствующим взглядам. Кто, например, согласился бы, что можно „кальцинировать“ на холоду? А между тем, мы выше описали три таких метода, ждущих своего практического осуществления. Кто из химиков скажет, что обезвоженная глауберова соль, применяемая в лабораториях и на заводах эфирных масел как обезвоживающее средство, не поглощает влаги на воздухе? А между тем, это факт, доказанный не только в лаборатории, но самой природой, в которой встречаются и залежи тенардита, т. е. безводной глауберовой соли, не изменяющей своего состава в течение геологических эпох. Повидимому нет границ в использовании химической природы мертвой материи. „В химии все возможно“, скажем и мы вслед за Адольфом Вюрцем, который когда-то так выразил научный восторг свой по отношению к успехам органической химии. Химии вообще как научной дисциплине принадлежит будущее, завоевать которое можно только упорным научно-исследовательским трудом, при чем не должно забывать завета Бертолле: „...99 процентов труда и 1 процент философии“. Высоко ценя эту важную в творческой деятельности естествоиспытателя мысль, мы ставим превыше всего упорный лабораторный научный труд как полную поэтической прелести разновидность труда вообще.

¹ Die chemische Industrie. 1928. S. 559.

² Для соды, разумеется, заводская цена для потребления внутри страны.

³ Для серной кислоты цена без посуды или с возвратом ее.

⁴ „Карабагуз и его промыш. значение“, стр. 62.

Ф. Гирифельд

Развитие электрификации железнодорожного транспорта на Западе

Электрификация железных дорог становится одной из наиболее актуальных проблем в развитии транспорта на Западе. К разрешению этой проблемы привлекаются все большие круги техников и экономистов, в само электростроительство вкладываются огромные средства в расчете на большие возможности, которые кроются в развертывании этой работы. Успехи электрификации на транспорте настолько очевидны, что и у нас в СССР мы всем ходом народнохозяйственного развития подошли вплотную к постановке ряда вопросов в этой области. Контрольные цифры пятилетнего плана развития союзного транспорта предусматривают довольно значительные вложения в работы по электрификации железных дорог. Уже намечен ряд крупных объектов, где должны быть развернуты эти работы — Сурамский перевал, участок Хашура—Тифлис, один из участков Северных ж. д., Кизеловская линия на Урале. Между тем, у нас еще мало сделано по разработке вопросов, связанных с обоснованием электрификации транспорта: в значительной части невыясненными остаются пути и методы электрификационных работ. Если советская промышленность с момента разработки плана ГОЭЛРО совершенно четко овладела вопросами электрификации, определила наиболее целесообразные линии ее применения, накопила большой методологический и практический опыт, то наш жел.-дор. транспорт находится еще только в самом начале этой работы. Вот почему так важно всесторонне осветить практику электрификации железных дорог на Западе, попытаться на многообразном иностранном опыте обрисовать некоторые основные экономические предпосылки электрификации и проследить пути ее развития. Надо сказать, что и на Западе это дело представляется сравнительно новым. Электрификация начала внедряться в работу транспорта только в текущем столетии. Мировая война сильно замедлила работы в этом направлении, и лишь после окончания войны темп ее проведения значительно усиливается.

Как и во всяком новом деле, в работе по электрификации транспорта на Западе есть еще много необследованных и неизученных участков. Но все же основные тенденции в развитии этого дела, руководящие факторы и отдельные характерные вехи в поступательном движении уже более или менее вырисовываются.

Наиболее существенным представляется здесь, прежде всего, разрешить вопрос о том, каковы в странах Запады экономические предпосылки, способствующие внедрению электрификации на железных дорогах.

* * *

Решающий фактор в проблеме электрификации железных дорог это — построение топливного баланса той или иной страны. Анализ доминирующих статей этого баланса дает возможность грубо разбить все страны на две категории: страны дешевого угля и дорогого угля. Первая группа стран покрывает свое потребление топлива внутренней добычей, экспортируя к тому же уголь. Вторая группа не обеспечивает своей потребности внутренней добычей и вынуждена прибегать к импорту угля.

К первой группе стран относятся Англия, Германия и С.-А.С.Ш. Ко второй категории можно отнести Италию, Францию, Швейцарию, Австрию, Швецию, Норвегию и др. Насколько последние страны зависят от иностранного угля, видно хотя бы из того, что в 1926 г. было импортировано каменного угля во Францию — 15.408 тыс. тонн, в Италию (без репарационного угля) — 9.448 тыс. тонн, в Швецию — 3.108 тыс. тонн, в Швейцарию — 1.644 тыс. тонн, в Норвегию — 1.512 тыс. тонн.

Железные дороги, как потребители угля, имеют в общем топливном балансе каждой страны довольно большой удельный вес. Например, во Франции годовое потребление железных дорог доходит до 10 млн. тонн, в Италии — свыше 3 млн. тонн. Совершенно естественно, что страны дорогого угля изыскивают способы к уменьшению своей зависимости от иностранного рынка. Электрификация железных дорог и является именно таким способом, ведущим к сокращению импорта угля и позволяющим сберечь большие средства из народнохозяйственного бюджета. Отсюда вполне понятны причины того, что в странах, импортирующих уголь, электрификация жел.-дор. сети носит планомерный характер и постепенно охватывает все большее число линий.

Существенные преимущества к тому же представляют в большинстве этих стран природные географические условия: неровный рельеф, гористая местность и в связи с этим — обилие гидроэнергии. Пиренеи, Центральное плато и западные отроги Альп — во Франции, Швейцарские и итальянские Альпы, Шварцвальд, — дают широкие возможности использовать гидроэнергию. Электрификация в этих странах идет быстрыми шагами и распространяется как на пассажирское, так и на товарное движение.

Менее интенсивно протекает электрификация железных дорог в странах дешевого угля. Большие запасы твердого минерального топлива и сравнительно низкие цены на уголь не могут способствовать развитию электрификации. Побудительные стимулы здесь иные. Электрификации подвергаются лишь те участки, где паровая тяга становится бессильной; участки с большой и прогрессирующей густотой движения, где необходимо увеличить пропускную способность; сильные подъемы, где применение паровой тяги связано с чрезвычайными затратами. Электрифицируются также крупные узловые станции, на которых производится большая маневровая работа, опытные участки и, наконец, тоннели.

Известную роль в деле внедрения электрификации играет также и развивающаяся конкуренция со стороны автотранспорта: эксплуатация электрифицированных линий обычно обходится значительно дешевле паровых и дает большие преимущества в отношении скорости и удобства передвижения. Железнодорожные компании, электрифицирующие

свои линии, создают тем самым реальные средства для борьбы с автомобилем, все шире внедряющимся в коммерческий и бытовой обиход на Западе. Интересно отметить, что по электрифицированным линиям Южных ж. д. Англии в 1927 г. было перевезено 166 млн. пассажиров, что дает рост по сравнению с 1924 г. на 4,63% (при росте доходов на 4,89%); количество же пассажиров, перевезенных по линиям тех же дорог, эксплуатируемым паровой тягой, соответственно снизилось на 17,65%.

Таким образом, Южные английские дороги путем электрификации хоть до некоторой степени компенсировали свои потери от сокращения числа пассажирских перевозок по линиям паровой тяги.

Сильный рост крупных центров, жилищный кризис в них и расселение населения по пригородам резко увеличило за последнее время пригородное движение; это заставило электрифицировать пригородное движение. Достаточно взглянуть на огромные показатели пригородного движения и на густую сеть, которой опоясали себя крупнейшие центры — Берлин, Гамбург, Париж, Лондон, Нью-Йорк, Чикаго, для того чтобы понять, как велика здесь потребность в электрификации.

Но все эти преобладающие факторы (конкуренция с автомобильным транспортом, бурный рост пригородного движения) не должны изменить правильности нашего основного вывода: электрическая тяга применяется в странах дешевого угля только в тех случаях, когда паровая тяга оказывается бессильной или явно невыгодной. В ближайшее время в этих странах паровая тяга вряд ли будет в значительных размерах вытеснена электрической.

Внедрение последней до некоторой степени стимулирует и улучшение самой техники паровой тяги. На практике вводится ряд усовершенствований в конструкцию паровозов, рационализируется их эксплуатация и т. д. Это, так сказать, естественная реакция против электрификации — борьба паровой тяги за свое существование. Сколько будет продолжаться этот процесс борьбы и когда выяснится ее исход, сказать трудно. Но во всяком случае в области паровой тяги имеется еще ряд резервов к более экономичной эксплуатации.

* *

Выбор путей и системы проведения электрификации в различных странах определяется в известной степени состоянием и характером их энергетических ресурсов. Но не только состояние энергетических ресурсов дает направление электрификации. Существенную роль в политике ее проведения играет также и ряд других экономических факторов, — в первую очередь то соотношение и взаимодействие, которое установилось в работе таких основных отраслей народного хозяйства, как транспорт и промышленность. Сейчас на Западе определенно выкристаллизовались две основные линии в политике электрификации: одна из них возникла в Германии, другая — во Франции.

Германская система электрификации имеет два типа силовых установок и передаточных проводов — одни предназначаются для промышленности, другие — для железных дорог. Для снабжения железных дорог применяется система однофазного тока слабой частоты в 16²/₃ периода, а для промышленности — система трехфазного тока нормальной частоты

в 50 периодов. Германская политика электрификации применяется Швецией, Норвегией, Австрией и Швейцарией.

Во Франции же силовые станции вырабатывают исключительно трехфазный переменный ток промышленной частоты, которым обслуживаются и промышленность и транспорт. Французская система основана на последовательном кооперировании работы промышленных и транспортных предприятий. Эта система получила теперь более широкое применение: она принята в Голландии, Бельгии, Англии, Японии, южно-американских странах, Индии и Австралии.

Не может быть двух мнений о том, что система единого тока, применяемая во Франции, имеет большие преимущества. В частности, в наших условиях планового хозяйства правильное кооперирование электрифицированной работы транспортных и промышленных хозяйств — это единственный целесообразный метод, который широко может и должен быть внедрен в практику электрификации. Правильность подобного выбора осознана сейчас в ряде капиталистических стран, пытающихся в новом строительстве встать на такой путь, который позволил бы избежать параллелизма между силовыми станциями, обслуживающими промышленность и транспорт. Это видно хотя бы по тому, что техническая и исследовательская мысль упорно работает в направлении унификации системы тока. В этом отношении большой интерес представляет изобретенный однофазно-трехфазный преобразователь д-ра Кандо (Венгрия), который даст возможность применения однофазного тока промышленной частоты для железных дорог.

Поскольку французская система электрификации является наиболее рациональной, остановимся на ней более подробно. Наиболее любопытны во Франции виды кооперирования промышленности и транспорта и те формы, в которые выливается совместная работа по производству и снабжению электроэнергией. Типичные случаи здесь таковы: возьмем район, уже ранее электрифицированный для промышленных целей, по которому приходится провести электрифицированный участок железных дорог. В этом случае железные дороги вступают в соглашение с промышленными предприятиями и производят все установки, необходимые для преобразования тока и сооружения электропроводов. Описанный случай имел место, например, в практике Париж — Лион — Средиземноморской ж. д., которая вступила в соглашение с „Société d'Electrochimie, d'Electrometallurgie et des Acières électriques d'Ugine“ для снабжения током участка Кюло — Мадан и с „Société l'Energie électrique du Littoral méditerranéen“ для снабжения участка Марсель — Вентимиль.

Возьмем другой случай: в районе участка, намеченного к электрификации, отсутствуют промышленные установки. Тогда железные дороги сами производят все необходимые сооружения, но ведут их с таким расчетом, чтобы иметь в дальнейшем возможность взять на снабжение близлежащие промышленные предприятия.

Практика показывает, что самостоятельно построенные железными дорогами гидроэлектрические станции значительно расширили круг своей деятельности по сравнению с потребностью дорог. Эти гидроэлектрические станции превратились в предприятия, добывающие и передающие энергию для всего прилегающего промышленного района.

Ярким примером сращивания промышленной и железнодорожной электрических сетей является Южная ж. д. во Франции. Около десяти совершенно самостоятельных в финансовом отношении электрических станций, расположенных в районе Бордо, Тулузы и Монпелье, вступили в соглашение о совместном использовании энергии Пиренейских гидроэлектрических станций. Обьединенное общество „Union des Producteurs d'Electricité des Pyrénées occidentales“ охватывает в настоящее время двенадцать силовых станций, из которых три принадлежат Южной ж. д. Общая мощность обьединенных станций достигает 140 тыс. квт., при ежегодной производительности в 500 млн. квтч.

Передача тока происходит по единой сети: Южная ж. д. располагает 430 км линий напряжением в 150.000 вольт (из них 250 км двойных линий) и 730 км линий в 60.000 вольт.

Совместную эксплуатацию предполагается значительно расширить в дальнейшем — выгода, достигнутая от соглашения между промышленными и транспортными предприятиями, очевидна для обеих сторон. К 1930 г. намечено увеличить общую мощность обьединенных станций до 230.000 квт., годовая производительность при этом возрастает до 800 млн. квтч.

Подобное же соглашение было достигнуто при электрификации Париж-Орлеанской ж. д. Благодаря обьединению Париж-Орлеанской ж. д. с „Union d'Electricité“, стало возможным связать термические станции Женевилье и Витри с гидростанциями Эгузон, и таким образом обеспечить электроэнергией электрифицированные участки Париж-Орлеанской ж. д. Электрическая сеть Париж-Орлеанской ж. д. насчитывает 600 км линий напряжением в 90 тыс. вольт и 200 км линий в 150 тыс. вольт.

Приведенные примеры с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, в каких значительных размерах развернулась во Франции, даже в условиях капиталистической системы и неизбежности конкуренции, кооперированная электрификационная работа транспорта и промышленности. Совершенно очевидно, что подобный метод внедрения электрификации создаст очень большие выгоды и наиболее эффективен. В пользу французской политики электрификации говорит еще то обстоятельство, что сами электрифицированные дороги являются сравнительно небольшими потребителями электроэнергии. Так, потребление энергии швейцарскими дорогами, которые электрифицированы почти на 40%, составляет не более 8% всего спроса.

* * *

Перейдем к рассмотрению некоторых вопросов, относящихся к самой эксплуатации электрифицированных железных дорог.

Решающий фактор в установлении характера эксплуатации — это обьективные условия: география данной страны, размер ее территории. Проследим здесь вначале за некоторыми закономерностями, выявляющимися в работе паровых железных дорог. Анализ показывает, что вес товарного поезда будет находиться, как правило, в тесной зависимости от средней дальности пробега в данной стране, даже больше того, между этими двумя величинами (весом и пробегом) можно установить почти прямую сопряженность.

Все страны земного шара, в которых существует рельсовый транспорт, можно грубо разбить на две категории: страны со средней даль-

ностью более 300 км и страны со средней дальностью менее 300 км. К первой группе принадлежат: С.-А. С. Ш. — 534 км, СССР — 640 км, Канада — 540 км и Британская Индия — 316 км. Ко второй категории принадлежат все прочие страны: Франция — 150 км, Германия — 155 км, Англия — 87 км, Италия — 180 км, Бельгия — 98 км и т. д.¹

Проследим же за колебаниями в среднем весе поездов между отдельными странами в зависимости от той группы, к которой они нами относятся по средней дальности пробега:

Средний вес брутто товарного поезда

(В тоннах)

I группа	II группа
С.-А. С. Ш.—1926 г. 1.520	Германия—1926 г. 672
Канада—1926 г. 1.050 ²	Италия—1926/27 г. 290 ³
СССР—1926/27 г. 785	Швейцария—1925 г. 258

Столь значительные колебания в весе поезда брутто в этих двух категориях стран объясняются следующим: в странах, имеющих большую дальность пробега, условия рентабельности эксплуатации диктуют необходимость использования больших и тяжелых маршрутов, в то время как в странах с небольшим пробегом нужна в составлении тяжелых и громоздких поездов отпадает.

После электрификации железных дорог эта разница в характере эксплуатации еще более увеличивается: на электрифицированных линиях разрыв в весе поездов между отдельными странами (первой и второй категории) становится еще резче. Достаточно указать, что на электрифицированных участках железных дорог С.-А.С.Ш. товарные поезда весом в 3.200—3.500 тонн ведутся одним электровозом, в то время как на электрифицированных участках итальянских дорог средний вес брутто поезда определялся в 1926/27 г. всего лишь в 314,2 тонны (паровоз же тянул состав весом в 289,5 тонны).

В зависимости от этих основных условий эксплуатации страны различных категорий и разрешают вопрос о наиболее целесообразной мощности использования тяговых средств: страны с большей дальностью пробега встали на путь применения исключительно мощных электровозов; страны же другой категории используют сравнительно менее мощные тяговые средства. Отсутствие сопоставимых данных не дает возможности провести исчерпывающее сравнение мощности электровозов по отдельным странам, но зато чрезвычайно показательно приводимое ниже сопоставление веса электровозов в С.-А.С.Ш. и Европейских странах.

Средний вес электровоза (в тоннах)

(За период 1925—1927 гг.).

Итальянские гос. дороги	68,4
Швейцарские „ „ (в рабоч. состоянии)	74,0
Шведские „ „ пасс.	79,5
„ „ „ товарн.	68,0—134,0
Германские „ „	98,99

¹ Данные о средней дальности пробега относятся к периоду 1925—1927 гг.

² По приблизительным подсчетам.

³ Средний вес товарного и пассажирского поезда.

Париж—Орлеанская	69—76
Чикаго — Милвоки — Сан-Поль С.-А. С. Ш. (в рабоч. состоянии) товарн.	262
Чикаго — Милвоки — Сан-Поль С.-А. С. Ш. (в рабоч. состоянии) пасс.	286

Таковы в основном те предпосылки, которые определяют разрешенные вопросы о том, какие типы электровозов и какой вес поездов применяются в основных странах и районах для наиболее целесообразной эксплуатации.

* * *

Рассмотрев некоторые экономические предпосылки электрификации, проследив за известной последовательностью сопутствующих ей явлений, мы, тем самым, имели возможность обрисовать в общих чертах те основные пути, которые избираются на Западе для разрешения проблемы электрификации. Но освещение общих вопросов и предпосылок не дает еще исчерпывающей картины того, какова же практика проведения и существующее состояние электрификации в отдельных странах. Каждая страна придает этой практике своеобразный „локальный“ колорит, перед каждой из них встает на ряду с общими проблемами и ряд более мелких, текущих задач, которые разрешаются в соответствии с местными условиями и особенностями отдельных стран и районов. Эта практика кроет в себе много любопытных сторон, большей частью еще мало известных.

Перейдем поэтому к описанию развития и нынешнего состояния электрификации транспорта в каждой из крупнейших стран Запада и постараемся осветить, где это представится возможным, эффективность и экономические результаты осуществленных работ.

Швейцария. Пожалуй, нигде географические и экономические условия так не благоприятствуют электрификации ж.-д. сети, как в Швейцарии. Страна лишена угольных залежей. Промышленность и транспорт питаются импортным углем. Но зато в избытке дешевая гидроэнергия; источники ее расположены повсюду в Швейцарских Альпах.

Сама гористая местность создает ряд сильных подъемов и уклонов, которые доходят до 20⁰/₀₀, 30⁰/₀₀ и более. При таком рельефе страны применение паровой тяги связано с весьма большими затратами. Все это почти тридцать лет тому назад заставило приступить к осуществлению электрификации.¹ Надо сказать, что широкая электрификация ж.-д. сети проектировалась еще очень давно, но до войны электрификационная работа развивалась в общем очень медленным темпом. Одна из наиболее крупных работ до войны — электрификация Симплонского тоннеля.

Во всей полноте вопрос об электрификации железных дорог Швейцарии был поставлен только в 1919 г., когда в результате мировой войны произошло сильное повышение цен на уголь. К тому моменту швейцарские дороги вполне осознали недостаточную успешность разрозненного проведения электрификации от случая к случаю и встали на путь более планомерного ее осуществления. Дирекция швейцарских государственных железных дорог в августе 1919 г. разработала план электрификации жел.-дор. сети со сроком выполнения в 30 лет. В 1921 г. программа эта

была пересмотрена и срок ее выполнения значительно сокращен; для проведения электрификации парламентом была предоставлена субсидия в сумме 60 млн. франков. В настоящее время работы по электрификации швейцарской жел.-дор. сети ведутся весьма интенсивно.

Насколько быстрыми шагами проводится электрификация, видно из следующих цифр. В 1927 г. общее протяжение электрифицированных линий (государственных и частных дорог) составляло 2.005 км против 308 км в 1913 г. Общее же протяжение всей швейцарской сети составляет 5.300 км; таким образом, на электрическую тягу в настоящее время переведено уже 37,8% всей сети. Столь значительный удельный вес не достигнут ни в одной стране.

В текущем году ожидается дальнейший рост электрифицированной сети. По программе протяжение электрифицированных линий к концу 1928 г. должно быть доведено до 2.245 км, в том числе государственные дороги — 1.566 км. В ближайшее время предполагается электрифицировать линии Палезье — Берн, Винтертур — Сен-Галлен-Брюг, Рихтерсвилль — Зарганс, Берн — Биль и Мюнстер — Дельсберг.

Характерно, как рост электрификации отразился на динамике наличных тяговых средств. Количество электровозов возросло в 1925 г. до 386 против 96 в 1913 г. За тот же период количество паровозов на дорогах снизилось до 1.016 штук против 1.538 штук.

Увеличение объема электрификации позволило достигнуть существенных успехов в деле рационализации использования электровозов. Общий пробег электровозов возрос до 15.142 тыс. км в 1925 г. против 1.209 тыс. км в 1913 г., что дает увеличение в 12,5 раз, но наличие электровозов за этот период возросло всего лишь в 4 раза. Отсюда ясно, насколько повысилась производительность электровозов за это время. И, действительно, средний годовой пробег одного электровоза увеличился с 14.706 км в 1913 г. до 44.593 км в 1925 г., в то время как средний годовой пробег одного паровоза соответственно снизился с 36.602 км до 27.205 км.

В снабжении электроэнергией государственных дорог доминирующую роль играют те энергетические ресурсы, которые находятся в их собственных руках. Здесь насчитываются две группы мощных станций: Амштер — Ритом — Гешенен и Барберин — Вернае. Первая группа (Амштер — Ритом — Гешенен) обладает мощностью в 94,9 тыс. квт.;¹ она расположена в районе Готтардской линии и питается реками Рейс, Феллибах и Керстеленбах. Вторая группа Барберин — Вернае обладает мощностью в 33,9 тыс. квт.,² расположена в кантоне Валлис. В ближайшее время предполагается построить еще две силовых станций на реках Зил Ааре.

Часть остальных железнодорожных компаний не имеет собственных станций и получает ток для электрифицированных участков от частных коммунальных и кантонных электрических станций.

Швейцария, как страна с наиболее развитой электрифицированной сетью, имеет за собой обширную исследовательскую работу в деле выяснения эффективности электрификации. Конечно, проведенные изыскания дают такие показатели, которые достижимы в специфических

¹ Первая электрифицированная дорога в Швейцарии была открыта еще в 1899 г. между Бургдорфом и Туном, протяжением в 41 км.

¹ При производительности в 225 млн. квтч.

² При производительности в 45 млн. квтч.

местных условиях географии и экономики. Но сама исследовательская работа имеет не только чисто узкий местный интерес, — она вскрывает некоторые чрезвычайно любопытные данные и расчеты, дающие возможность при помощи их заняться проведением некоторых аналогий и разработкой обобщающих выводов.

Большой интерес представляет доклад представителя швейцарских государственных железных дорог А. Жюбена на Всемирной энергетической конференции в Базеле (в 1926 г.). В этом докладе приводятся обоснование планов электрификации и расчеты общей стоимости переоборудования швейцарских железных дорог на электрическую тягу к концу 1928 г., а также ряд данных об ожидаемой эффективности и экономии электрической тяги.

Стоимость оборудования исчислена следующим образом:

а) Оборудование силовых станций		Тыс. франков.
Гидроэлектрические станции (430 млн. квтч.)		147.000
Магистральные провода (917 км)		42.000
Подстанции (23)		46.000
		235.000
Содержание		
Работа, содержание, аренда		2.720
Проценты (235 млн. из 5%)		11.750
Амортизация в течение 100 лет		90
Возобновление машин и проводов		1.440
		16.000
б) Оборудование пути		
Питающие провода		105.000
Расходы по перестройкам, изысканиям и проч.		75.000
		180.000
Содержание		
Работа и разн.		2.500
Проценты (180 млн. из 5%)		9.000
Амортизация в течение 100 лет		100
Возобновление в течение 50 лет		500
		12.100

Итак, общие затраты по оборудованию силовых станций и пути составляют 415 млн. франк., ежегодные расходы по содержанию — 28,1 млн. франк., стоимость 385 электровозов — 190 млн. франк., а расходы по их содержанию и проценты — 19,2 млн. в год. При проведении этой широкой программы достигается экономия в размере от 475 до 500 тыс. тонн угля в год (из расчета, что движение будет соответствовать уровню 1913 г. в 9,5 мрд. тонно-км). При цене угля в 42 франка за тонну франко — граница получаемая на одном угле экономия в ценностном выражении составит 20—21 млн. франк. за год. Расходы на рабочую силу снизятся на 4,5—6,5 млн. франк. ежегодно, несмотря на то, что многие электровозы будут обслуживаться расширенным штатом — двумя работниками. Любопытно, что одно только устранение паровозного дыма даст по произведенным подсчетам в суммарном выражении около 1 млн. франк. экономии в год.

Еще, пожалуй, больший интерес представляет произведенный анализ сравнительной стоимости эксплуатации электрифицированных линий при различной густоте движения. В нижеследующей таблице приведены различные примеры густоты движения в $\frac{1}{1000}$ по сравнению с 1913 г. и экономия, достигнутая в каждом из случаев.

Протяжение электрифицированных линий 1.566 км.				
Густота движения в $\frac{1}{1000}$ к 1913 г.	80%	100%	120%	140%
Энергия, полученная от подстанц., в среднем на 1 км в день (квтч.)	440	550	660	770
Экономия угля в средн. на 1 км в день (7.500 ккал.) кг	665—700	830—875	1.000—1.060	1.170—1.225
Возрастание ежегодных затрат при переводе на электр. тягу (млн. франк.)	29	30	31	34
Экономия в результате электрификации (млн. франк.)	26	32	38	44

На основе этого любопытного сопоставления можно прямо вывести такую закономерность: получаемая при электрификации экономия увеличивается параллельно росту густоты движения. В соотношении показателей здесь намечается известный „переломный уровень“. При существующих в Швейцарии ценах на уголь (52 франка за тонну франко — тендер) электрическая тяга на дорогах обходится дороже паровой до тех пор, пока среднее потребление энергии на 1 км-день ниже 510 квтч. В 1926 г. швейцарскими дорогами именно и был достигнут этот уровень.

Если дело будет происходить в другой стране, то естественно при подстановке иных показателей (цены угля, средней стоимости производства электрификационных работ и т. д.) получится различная высота „переломного уровня“. В учет должен быть принят также ряд местных условий, которые могут дать иные итоговые цифровые величины. Но это отнюдь не меняет правильности и ценности выявленной функциональной зависимости между показателями густоты движения и достигаемыми размерами экономичности электрификации.

Давая общую оценку проведенным работам по электрификации, швейцарские дороги признают, что электрификация не только увеличила их производительность, но и дала им ряд финансовых выгод. В недавно выпущенном специальном издании проведено сопоставление расходов по эксплуатации ныне электрифицированных участков с расходами паровой тяги. Расчеты показывают, что при электрической тяге расходы по эксплуатации за 1927 г. на 6,6% ниже чем в том случае, если бы эти же участки эксплуатировались паровой тягой. Общая экономия определяется за год в 1,7 млн. франк. Швейцарские дороги считают это вполне удовлетворительным результатом, если к тому же принять во внимание, что электрификация дорог производилась тогда, когда цены на материалы были очень высоки при высоком проценте на капитал и т. д.

Показатели грузооборота и пассажирских перевозок швейцарских дорог выявляют определенную повышательную тенденцию; поэтому есть все основания ожидать, что эксплуатация электрифицированных линий будет в дальнейшем еще более рентабельной.

Германия. Германия — родина электрических железных дорог. Первая в мире электрическая железная дорога, протяжением в 300 мет-

ров по кольцу, была продемонстрирована еще в 1879 г. фирмой Сименс и Гальске на промышленной выставке в Берлине. Первая же электрическая дорога для пассажирского движения была открыта этой фирмой в 1881 г. в Гросс-Лихтерфельде около Берлина. После ряда обычных опытов электрические железные дороги стали привлекать внимание промышленных кругов и широкой общественности. Непосредственное содействие оказывало развитию электрических ж. д. прусское министерство общественных работ, которое в течение 1901—1902 гг. электрифицировало линию Берлин—Целендорф (первая паровая линия, переведенная на электрическую тягу). И в дальнейшем министерство общественных работ продолжало всячески содействовать исследовательским и практическим работам по электрификации ж. д. Однако, до войны электрификация в германском жел.-дор. транспорте не сделала больших успехов. К 1913 г. было переведено на электрическую тягу лишь 165 км пути. После войны электрификация начинает быстро прогрессировать, хотя в последнее время наступило новое замедление в темпе, связанное с финансовыми затруднениями германских дорог, главным образом, недостатком и дороговизной капитала. Динамика электрифицированной сети по годам и районам такова (протяжение в км на конец года):

	1914 г.	1918 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Берлинская городская, окружная и пригородн. ж. д.	9	9	9	9	32	58	58	79
Пригородные ж. д. Гамбург—Альтона	29	29	29	29	35	35	35	35
Силезия	35	165	180	254	257	257	258	258
Средняя Германия (Дрезден, Галле, Магдебург)	—	5	138	183	183	189	189	189
Баден	48	48	48	48	48	48	48	48
Бавария	55	96	96	96	96	370	418	614
Итого	176	352	500	619	651	957	1.006	1.223

Как видно из таблицы, электрифицированные линии сосредоточиваются, главным образом, в трех районах Германии: Баварии, Силезии и Средней Германии. Причины здесь вполне очевидны, они кроются в географических особенностях, а также в геологических условиях этих районов. Гористый характер местности в Силезии, с большим количеством крутых подъемов, делает применение паровой тяги невыгодным.¹ Бавария также отличается гористым рельефом и изобилует гидроэнергетическими источниками, не имея в то же время собственного угля. В Средней Германии разработка колоссальных запасов бурого угля обуславливает дешевизну и некоторый избыток электроэнергии. Вот те предпосылки, которые способствуют развитию электрификации в этих районах. Еще один стимул к электрификации это — сильно возросшее пассажирское движение крупных центров. В настоящее время закончена электрификация пригородного движения Берлина и Гамбурга.

Соответственно росту электрифицированных линий возрастает и количество электровозов. Если в 1913 г. (в современных границах) в распоряжении германских дорог находилось только 17 электровозов, то

¹ Кроме того, обилие угля дает возможность получения дешевой энергии на местных станциях.

к концу 1927 г. число их увеличилось до 316. Наличие моторных вагонов возросло за тот же период с 387 до 583.

Динамика пробегов электровозов и моторных вагонов за последние годы дает следующую картину (в тысячах лок.-км):

1913 г. (в совр. границах)	11.900
1925 "	13.492
1926 "	18.858
1927 "	22.579

Наибольшей эффективности удалось добиться в применении электрификации в горных районах Германии. Прекрасные результаты дала электрическая тяга на горных участках силезских ж. д. Так, в пассажирском движении представилась возможность увеличить вес поезда на 53% при одновременном росте скорости движения на 45%; в товарном — достигнуто увеличение нагрузки на 20% при увеличении скорости движения на 100%.

Товарные электровозы серии „С—С“ на участках с подъемом в 10‰ тянут составы весом в 1300 тонн со скоростью 40 км в час. Пассажирские электровозы серии „2—Д—1“ развивают скорость до 65 км в час на участках с подъемом в 10‰ при весе поезда в 550 тонн. Это не замедлило сказаться на снижении ряда элементов эксплуатационных расходов. Для наглядности приводим сравнение расходов по службе эксплуатации силезской горной железной дороги на 1000 лок.-км (исключительно стоимость электроэнергии и топлива) при электрической и паровой тяге (в марках):

	Электрич. тяга	Паровая тяга
Смазочные материалы	5,05	2,00
Обслуживающий персонал:		
а) паровозные бригады	58,40	107,00
б) кондук. бриг. и станц. служащие	21,60	23,00
Содержание строений и стационарных установок	41,95	7,95
Содержание и ремонт подвижного состава:		
а) содержание в участк. мастерских	11,35	24,40
б) ремонт в участк. мастерских	23,00	28,50
в) ремонт в главных мастерских	39,50	95,10

Большой интерес представляет произведенный в Германии специальный расчет использования рабочей силы на трех наиболее крупных электрифицированных сетях — в Силезии, Средней Германии и Баварии. Расчеты были произведены на три измерителя: на среднее месячное число тонно-км брутто, приведенных лок.-км и лок.-км. В основу были взяты данные за октябрь, ноябрь и декабрь 1925 г. В результате было установлено, что общая экономия в расходе рабочей силы, включая участковые мастерские, составляет в среднем по всем трем линиям 47%, т.-е., другими словами, при электрической тяге количество необходимой рабочей силы сокращается вдвое.

Как уже отмечалось, общество германских дорог проявляет усиленное стремление самостоятельно эксплуатировать силовые станции, необ-

ходимые для питания электрифицированных участков. Снабжение значительной части линий производится собственными силовыми станциями общества (Мульденштейн, Заалах и т. д.). Особенно в первые периоды электрифицированной работы германские дороги очень четко проводили политику самоснабжения, стремясь создать замкнутую энергетическую базу.

Сейчас последовательно, однако, осуществить этот принцип не везде удается. Обществу германских ж. д. приходится сталкиваться с чужими интересами — станциями местного значения. При этом железные дороги стараются обеспечить за собой определенное влияние в хозяйстве этих станций. Общество приобрело акции целого ряда чужих станций, добилось получения мест в правлениях силовых станций Вальхензе и Среднего Изара. Больше того, общество стремится непосредственно овладеть теми станциями, в которых оно не принимает участия (Миттельштейн — 28.000 квт., питающая силезские дороги, и станция Вилен — баденские дороги).

Австрия. Австрия наиболее типичная страна, применяющая электрификацию, как средство для освобождения внутреннего топливного баланса от импортной зависимости. По Сен-Жерменскому мирному договору Австрия лишилась почти всех своих угольных районов; это коренным образом изменило структуру ее топливного баланса.

Добыча угля в Австрии после войны резко понизилась: если в 1913 г. (в старых границах без Венгрии) было добыто 16.460 тыс. тонн каменного и 27.378 тыс. тонн бурого угля, то для 1926 г. соответствующие цифры будут — 157 тыс. тонн и 2.967 тыс. тонн.

Естественно, что Австрия принуждена теперь импортировать большее количество угля для удовлетворения нужд промышленности и транспорта; импорт топлива ложится тяжелым бременем на разрозненное и обнищавшее австрийское народное хозяйство. Между тем, страна обладает довольно значительными ресурсами водной энергии, рациональное использование которой могло бы дать возможность сократить ввоз дорогого иностранного топлива. Все это заставило австрийское национальное собрание еще в 1920 г. издать закон об электрификации государственных железных дорог. По закону предусматривалось электрифицирование в самое ближайшее время около 650 км главных путей. Сейчас эта программа в общем успешно проводится в жизнь: к концу 1926 г. на электрическую тягу было переведено уже 503 км, что составляет 8,66% общего протяжения австрийских государственных дорог. Осуществляя программу электрификации австрийские дороги, смогли использовать опыт, накопленный еще с довоенного времени при эксплуатации электрической тягой Марциальской (1911 г.) и Миттенвальдской ж. д. (1914 г.). Благодаря этому опыту австрийские дороги приняли систему однофазного постоянного тока, что дало им возможность непосредственно связаться с электрифицированными линиями Германии и Швейцарии. Таким образом, обеспечены были и правильные организационно-технические предпосылки для развития электрификации. Между тем, само проведение электрификации наталкивается в Австрии на серьезные финансовые затруднения. В виду недостатка капиталов внутри страны австрийские гос. дороги принуждены для выполнения намеченной программы привлекать средства из-за границы. Так, в 1925 г. работы по электрификации могли

проводиться только при помощи кредитов, предоставленных Лигой Наций, в размере 88 млн. золотых крон.

Эти средства затрачены на электрификацию линий Зальцбург—Бреннер, Унибрук—Бреннер и Верг—Куфштейн, общим протяжением в 303 км (в том числе 289 км двухколейных). Работы на этих линиях должны быть закончены к концу текущего 1928 г.

Недостаток средств сказывается и на самой эксплуатации электрифицированных линий. Так, австрийские дороги в своем отчете указывают на нехватку электровозов,¹ вследствие чего на некоторых линиях товарные поезда должны обслуживаться паровозами.

Такое положение не дает возможности максимально использовать преимущества электрической тяги. Но, тем не менее, австрийским гос. дорогам удалось уже в 1924 г., когда было электрифицировано лишь 388 км линий, сэкономить 58 тыс. тонн угля, что в ценностном выражении составило 18 мрд. крон.

В последующие годы экономия оказалась еще более значительной. Это дает все основания, несмотря на трудности финансового порядка, форсировать электрифицированные работы. По последнему проекту предусмотрено в течение уже ближайших десяти лет электрифицировать всю сеть австрийских гос. жел. дорог. В первую очередь намечены к электрификации линии Вена—Грац и Вена—Зальцбург. Но, конечно, реальность этого проекта в целом будет зависеть от того, какие финансовые ресурсы удастся мобилизовать австрийским дорогам, а следовательно, в значительной степени и от состояния внутреннего денежного рынка.

Италия. Италия — пионер в деле электрификации: первая европейская страна, которая осуществила в более или менее крупных размерах электрификацию жел. дорог. Италия почти совершенно не имеет собственного угля (годовая добыча составляет всего лишь 1,2—1,3 млн. тонн угля низкой калорийности) и принуждена импортировать ежегодно для нужд промышленности и транспорта до 10 млн. тонн (не считая репарационных поставок); на ряду с этим источники дешевой водяной энергии имеются в изобилии. Это и есть основная причина того, что Италия еще до войны приступила к электрификации промышленности и транспорта.

Первые попытки электрификации железных дорог были сделаны еще в конце прошлого столетия на горных участках Итальянских Альп. В 1901 г. был сдан в эксплуатацию участок Милан—Варез, протяжением в 73 км. Правительство, учитывая ряд преимуществ электрификации, принимает за это дело и приступает к электрификации целого ряда новых участков. Но, тем не менее, эти работы до войны не получают достаточного развития: на электрическую тягу было переведено лишь 349 км, которые обслуживались 141 электровозом.

Во время войны была разработана программа электрификации, которая предусматривала переоборудование на электрическую тягу до 2.000 км ж.-д. линий. Между тем, осуществление этой программы протекало очень медленно. В период с 1915 г. по 1920 г. прирост составлял немногим более 20 км в год. Лишь в послевоенные годы электрификационные работы развертываются быстрым темпом.

¹ Наличие электровозов на австрийских дорогах составляло: в 1924 г. — 77, в 1925 г. — 91, в 1926 г. — 112.

Следующая таблица дает картину развития электрификации на итальянских государственных железных дорогах после войны по сравнению с довоенным уровнем.

Годы	Протяжение электрич. лин. в км (на конец год)	Сделано виртуальных тонн.-км (в млн.)	Потребление электрической энергии (в млн. квтч.)	Экономия угля (тыс. тонн)	Наличие электропоездов	Пробег электропоездов (тыс. км)
1914/15	349	1.300	40	95	141	—
1919/20	467	2.337	70	150	213	—
1924/25	855	5.550	161	325	533	13.751
1925/26	914	6.604	224	360	584	16.428
1926/27	1.060	7.457	242	410	583	18.896

Итак, ежегодный прирост электрифицированных линий составляет в период с 1919/20 г. по 1926/27 г. около 100 км. Еще быстрее растет движение по этим линиям: количество виртуальных тонно-км дало рост за тот же период более чем в три раза. Пробеги электропоездов возросли с 8285 тыс. лок.-км в 1921/22 г. до 18.896 тыс. лок.-км в 1926/27 г.

При таком темпе сразу резко выявился ряд эксплуатационных преимуществ, даваемых электрической тягой. Средний вес брутто поезда электрической тяги составил в 1926/27 г.—314,2 тонны против 191,6 тонны в 1913/14 г., что дает рост на 64%, в то время как вес брутто поезда паровой тяги за тот же период вырос только на 23% (289,5 и 235,1).

Кроме государства, электрифицированные линии эксплуатируют также и частные ж.-д. компании.¹ Общее протяжение электрифицированных линий, находящихся в руках этих компаний, в середине 1926 г. равнялось 988 км. Из них следует отметить такие большие сравнительно линии, как Рим—Фиугги—Фрозиноне, с ветками на Фраскати и Гуарчино, длиной в 134 км, затем Centrale de L'ombrie—113 км и, наконец, участок Турин—Через в 43 км. В распоряжении частных компаний находится сейчас более 200 электропоездов. Общий пробег поездов по этим линиям за 1925/26 г. составил 5 млн. поездо-км.

Если учесть и линии частных компаний, то в настоящее время в Италии электрифицировано уже более 2.000 км, что составляет, примерно, 10% по отношению к длине всей сети итальянских ж. д.

Размеры ассигнований на электрификацию сети все более увеличиваются. В 1926/27 г. отпущено на работы по электрификации 190 млн. лир. В настоящее время в перестройке на электрическую тягу находится более 880 км. К концу 1928 г. одни только государственные дороги предполагают довести свою электрифицированную сеть до 1.800 км.

Экономический эффект осуществления электрификации весьма внушителен. Итальянским дорогам удалось впервые после войны безубыточно сбалансировать свой бюджет в 1924/25 г. именно тогда, когда они добились в результате электрификации значительного сокращения расхода

¹ В Италии имеется около 5.000 км частных ж. д.

угля и рабочей силы. По произведенным подсчетам за период с 1920/21 по 1926/27 г. была получена экономия в топливе, превысившая в общей сложности 2 млн. тонн.

Ближайшие перспективы электрификации транспорта в Италии представляются вполне благоприятными. Хозяйственное развитие страны, рост грузооборота, острый недостаток черного и избыток белого угля, своеобразные условия эксплуатации в гористой стране, при обилии под'емов и тоннелей,—все эти факторы, несомненно, будут способствовать быстрому темпу внедрения электрификации в практику итальянского железнодорожного транспорта.

Франция. О французской системе электрификации нами уже достаточно полно говорилось выше. Описывая характерные особенности политики проведения электрификации во Франции, мы тем самым обрисовали основной фон, на котором разворачивается электрификационная работа. Ограничимся здесь приведением основных данных о состоянии этих работ.

Попытки внести некоторую плановость в электрификацию во Франции сказываются в том, что сами работы разворачиваются по заранее установленной программе. Эта программа была выработана еще в 1920 г. и наметала перевод на электрическую тягу в общей сложности 9.000 км дальних линий, а также пригородное движение Парижа. Осуществление программы по электрификации дальних линий было распределено между тремя дорогами: Южной, Париж—Орлеанской и Париж—Лион—Средиземноморской. В 1927 г. общее протяжение электрифицированных линий уже достигло 1.066 км.

По отдельным дорогам состояние и работа электрифицированных линий таковы. На Южной ж. д. электрифицировано 768 км. Эти линии пользуются током Пиренейских гидростанций. В 1926 г. на электрифицированных линиях Южной ж. д. ежедневно циркулировало около 50 поездов, пробег которых составлял 400 тыс. поездо-км в месяц. Грузооборот этих линий равнялся 80 млн. тонно-км. Потребление энергии составляло 3 млн. квтч. в месяц. Дальнейшие работы по электрификации на Южной ж. д. протекают очень успешно. В течение ближайшего пятилетия предполагается перевести на электрическую тягу еще 1000 км пути; к концу этого пятилетия будет электрифицировано около половины всей сети Южной ж. д.

Париж—Орлеанская дорога в настоящее время эксплуатирует 230 км электрифицированных линий и ведет работы по электрификации главной магистрали Париж—Орлеан.

Париж—Лион—Средиземноморская дорога переводит на электрическую тягу участок Кюло—Мадан. Закончены уже работы по электрификации большой линии Шамбери—С. Пьер д'Альбани. В ближайшее время будет электрифицирован еще ряд участков (Канн—Гросс, Карнул—Вентимиль, Лион—Марсель—Вентимиль).

Пригородное движение Парижа и линии Париж—Версаль и Париж—Мулино электрифицированы государственными дорогами (протяжение—90 км).

Франция, ставшая с самого начала на рациональный путь электрификационной работы, страна большого будущего в этом деле. Все предпосылки для электрификации здесь налицо—и значительный ежегодный

импорт угля (15—18 млн. тонн в год) и большие сравнительно размеры потребления минерального горючего железными дорогами (до 10 млн. тонн в год), а также окружающая ее с юга и востока цепь горных кряжей (Пиренеи, Западные Альпы) с их мощными источниками гидроэнергии. Если учесть при этом рациональные методы проведения, то едва ли мы ошибемся, если дадим самую благоприятную оценку тем перспективам, которые на пути поступательного движения электровоза во Франции.

Англия. По сравнению с другими европейскими странами электрификация железных дорог в Англии проходит более медленным темпом, поскольку Англия, с одной стороны, в малой степени располагает гидроэнергией, а с другой — имеет огромные запасы высокосортных углей. Электрификационные работы в Англии обуславливаются следующими основными причинами: технической необходимостью, желанием устранить вредное действие паровозного дыма, стремлением увеличить пропускную способность и, наконец, конкуренцией со стороны автотранспорта. Электрификация распространяется пока почти исключительно на пассажирское движение. Это с полной очевидностью выявляется из следующих данных (в тыс. лок.-км):

Пробег электровазов и автомотрисс на английских дорогах с 1924 по 1927 гг.

Годы	Пасс.	Товарн.
1924	53.628	148
1925	61.517	124
1926	64.713	63
1927	76.143	122

Наиболее крупных успехов по электрификации своих линий добилась за последнее время южная группа ж. д., работа которой носит вообще весьма своеобразный характер; главное значение здесь имеет пассажирское движение (эта группа связывает старую Англию с берегами Ла-Манша и обслуживает большую часть пригородного движения Лондона); на остальных же трех жел.-дор. группах доминирующую роль играет перевозка грузов. Отсюда ясны те причины, которые обусловили быстрое развитие электрификации именно на Южных железных дорогах. В середине 1926 г. Южная дорога обладала электрифицированной сетью в 363 км; в работе по электрификации находилось еще 74 км пути. Таким образом, к этому времени было электрифицировано уже более 10% всей сети Южной ж. д. (3.611 км).

Как известно, Южная группа по закону 1921 г. образовалась из следующих трех самостоятельных линий: Лондон—Брайтон—Югобережная ж. д., Юго-восточная—Четхемская ж. д. и Лондонская—Юго-западная ж. д. На Югобережной дороге электрическая тяга была введена уже в 1909 г. Первоначально этот участок питался однофазным переменным током высокого напряжения посредством воздушной проводки. Остальные же две дороги с самого начала применяли постоянный ток, который подавался посредством третьей рельсы. Последствия подобного разнокалиберного строительства отрицательно сказываются в работе. Южная дорога принуждена в настоящее время для объединения своей электрифицированной сети переоборудовать линии Югобережной дороги на постоянный ток и заменять воздушную проводку третьей рельсой. Работы по электрификации Южных ж. д. в общем дали весьма благо-

приятные результаты и значительно повысили их конкурентоспособность. Это выразилось, прежде всего, в увеличении скорости движения поездов, что видно из следующей таблицы:

Скорость движения поездов на Южной ж. д.
(При паровой и электрической тяге)

От	До	Расстояние в км	Время (в минутах) При паровой тяге	При электрич. тяге	Число остановок
Ватерлоо	Хемптон Корт	24	45	33	9
Ватерлоо	Теддингтон	22	50	32	10
Виктория	Лондон-Бридж	14,5	33	23	8
Черинг-Кросс	Дартфорд	27	48	41,5	10

Общая стоимость работ по электрификации Южных ж. д. к середине 1926 г. составила около 8 млн. фунтов. К концу 1928 г. предусмотрено увеличить протяжение электрифицированных линий Южных ж. д. до 438 км.

О медленности темпа проведения электрификации на остальных английских дорогах может свидетельствовать то, что такая крупная дорога, как Лондон—Средне-Шотландская, обладающая протяжением в 11.183 км, эксплуатировала к июлю 1926 г. только 166 км электрифицированных линий, а Большая Западная дорога — лишь 10 км. На Лондон—Северо-Восточной дороге из общего протяжения в 10.810 км к середине 1926 г. было переведено на электрическую тягу только 74 км. В практике этой дороги показательна работа на одном участке — Шильдон—Ньюпорт, длиной в 29 км, который был электрифицирован еще в 1915 г. Длительный опыт эксплуатации и использования на этом участке электрической тяги для товарных поездов позволили добиться высокой эффективности в работе. С введением электрической тяги достигнуты следующие результаты: вес брутто угольного состава возрос до 1.400 тонн, вместо прежних 900 тонн, при скорости движения 40 км в час. Количество остановок, необходимых для локомотивов, снизилось при электрической тяге почти в четыре раза. В результате всего этого на участке Шильдон—Ньюпорт 5 электровазов заменяют в работе 13 паровозов. Расходы по содержанию подвижного состава сократились на 30%.

Соединенные Штаты. Электрификация ж. д. в С.-А.С.Ш. находит применение только в тех случаях, когда предъявляемые к данной линии требования не могут быть нормально выполнены путем использования паровой тяги, даже самой усовершенствованной, с применением наиболее экономных нововведений в ней. Тогда паровоз, утилизация которого доведена до технических возможного предела, уступает место электровозу. Но электрификация не имеет в С.-А.С.Ш. самодовлеющего характера. Она осуществляется лишь в меру ее экономических преимуществ. Она вклинивается в работу паровых линий тогда, когда сулит совершенно очевидные выгоды, и там, где технические возможности паровой тяги полностью исчерпаны.

Отсюда та высокая рентабельность, которая сопровождает электрификационные работы в С.-А.С.Ш., продуманность каждой детали и строгая последовательность в чередовании электрической и паровой тяги. Нигде на Западе так широко не осуществляется „комбинированный“ метод эксплуатации, нигде так рационально электрические линии не вкраплены в паровые магистрали, как в Америке. Здесь есть очень многое, что необходимо воспринять в нашей советской практике, во-пер-

вых, потому, что объективные условия для эксплуатации весьма родственны, а во-вторых, потому, что экономические предпосылки для внедрения электрификации чрезвычайно схожи с нашими.

Что же считают целесообразным электрифицировать в первую очередь в Америке? Тоннели, терминалы, под'емы, линии с максимальной густотой движения как пассажирского, так и товарного, — вот объекты, на которые направляется электрификационная работа. Любопытна практика электрификации тоннелей. Некоторые из них (Сен-Клерский, Каскадный и Гузакский) находятся на середине крупных магистралей и раньше эксплуатировались паровой тягой. Но с течением времени размеры движения настолько возросли, что эти тоннели стали тормозить движение и пришлось прибегнуть к электрификации.

Динамика электрифицированных линий дорог первого класса С.-А.С.Ш. дает за послевоенный период следующую картину (в км):

Годы	Главн. пути	Вторые и др. главн. пути	Станции и запасн. пути
1920	2.333	1.448	1.260
1923	2.470	1.464	1.308
1925	2.694	1.564	1.532
1926	2.894	1.719	1.556

Несмотря на абсолютно большое протяжение электрифицированных линий, по сравнению с европейскими странами, удельный вес их в общей сети жел. дор. С.-А.С.Ш., равной 400.948 км в 1926 г., еще очень незначителен и не достигает даже 1⁰/₁₀.

Динамика наличия электровозов на линиях дорог первого класса такова:

Годы	Товарн.	Пасс.	Всего
1920	153	211	364
1923	160	219	379
1925	170	192	362
1926	204	215	419

Наиболее крупные работы по электрификации произведены на дороге Чикаго—Мильвоки—Сан-Поль, проходящей через Каскадные и Скалистые горы. Опыт проведения электрификации на этой дороге представляется очень ценным. Она в широких размерах осуществляла „комбинированный“ метод эксплуатации, давший ей ряд преимуществ. В основном проведение работ свелось к следующему: в 1916 г. был сдан в эксплуатацию горный участок Харлотон—Авери, протяжением в 705 км, а в 1920 г. были закончены электрификационные работы на участке Отелло—Ситль-Такома длиной в 341 км. Лежащая же между этими участками линия Отелло—Авери, протяжением в 341 км, проходящая по более ровной местности (максимальный под'ем 0,5⁰/₁₀), эксплуатируется попрежнему паровой тягой. Сейчас густота движения настолько увеличилась, что представляется целесообразным электрифицировать и этот участок в ближайшее время. Таким образом, дорога Чикаго—Мильвоки—Сан-Поль будет располагать сплошной электрифицированной линией в 1.385 км.

Поскольку мы в перспективе генерального плана ставим вопрос об электрификации магистрали Москва—Донбасс, примерно такого же протяжения, опыт дороги Чикаго—Мильвоки представляет для нас особый интерес. Постепенное осуществление электрификации по участкам с применением ее на наиболее выгодных и технически удобных пунктах, даст ряд

преимуществ. Помимо экономического капиталовложения, такой метод электрификации дает также возможность правильно использовать производственный опыт, избежать недостатков, допущенных в предыдущей практике и тем самым значительно повысить качество самой работы.

Небезынтересны данные об эффективности электрификации на такой мощной магистрали, как Чикаго—Мильвоки—Сан-Поль. За период с 1916—1924 гг. (открытие первого электрифицированного участка Харлотон—Авери) была достигнута чистая экономия в расходах по эксплуатации в 12,4 млн. долл. (за вычетом расходов по оплате капитала и амортизации дополнительных капитальных вложений, вызванных электрификацией). Количество приведенных тонно-километров брутто (пассажирских и товарных) выросло с 1639 млн. в 1916 г. до 2.827 млн. в 1924 г.

Работа электровозов на дороге Чикаго—Мильвоки—Сан-Поль дает прекрасные результаты. На участке с под'емами в 1⁰/₁₀ электровоз тянет поезд весом в 3.500 тонн, на 2⁰/₁₀ под'емах—1.250 тонн и на 2,2⁰/₁₀—1.100 тонн, при средней скорости движения 24 км в час. На горных участках обычно применяются толкачи, что дает возможность почти вдвое увеличить вес поездов.

Внимания заслуживает также Виргинская дорога, осуществляющая в широких размерах перевозки угля; электрификация этой дороги была закончена в 1926 году. Виргинская дорога обладает в настоящее время 216 км электрифицированных линий. Электрификация дала следующие результаты: в 1924 г., когда дорога не была еще электрифицирована, общий расход по эксплуатации на 100 тонно-миль нетто составлял 64,30 цента, в то время как в 1927 г. (первый год после окончания электрификации) этот расход составил 52,47 цента, т.-е. снижение на 18,4⁰/₁₀. Таким образом, в общей сложности за один 1927 г. достигнута экономия в 3.841 тыс. долл.

* * *

Такова в основном практика электрификации жел.-дор. транспорта на Западе. Перенесение электрификации к нам — в советские условия — потребует всестороннего учета того многообразного опыта, который накопился в странах Запада. Нужна будет предварительная углубленная разработка ряда технико-экономических проблем и преломление их в нашей советской обстановке. Это последнее обстоятельство представляется особо важным. Конечно, при разработке подготовительных технико-экономических материалов можно пользоваться для каждого отдельного случая наиболее сходными данными из иностранной практики; выбирать при подсчетах и изысканиях аналогичные условия рельефа местности, сходные мощности и системы токов при построении энергетической базы и т. д. Но этого еще недостаточно. В учет должен быть принят ряд специфических наших условий эксплуатации и работы вообще; без этого невозможно добиться хоть сколько-нибудь правильных экономических проектировок.

В этом деле нельзя забывать один весьма ценный метод, широко практикуемый на Западе, это—опытная электрификация отдельных участков. Только правильная постановка опытно-исследовательских работ при всестороннем учете иностранного практического и научно-технического опыта избавят нас от многих просчетов и ошибок, неизбежных в каждом новом смелом начинании.

Экономико-географические предпосылки перспективного плана

При громадном пространстве нашей страны, неравновеликом значении отдельных ее частей в строе и развитии народного хозяйства, при определяющем значении немногочисленных центров сосредоточия промышленности и зон сельскохозяйственной продукции, при больших различиях в плотности населения и т. п., — задача равномерного распределения планового воздействия в пространстве лишена целесообразности и ничтожна по своим результатам. Поэтому искусство планового руководства требует оценки отдельных географических участков планового фронта, выбора наиболее ответственных точек и концентрации на них внимания и сил государства.

Д. И. Менделеев в 1906 г. определил, что центр поверхности России находится „между Обью и Енисеем в Енисейской губернии, немного южнее г. Туруханска“, центр же населенности по переписи 1897 года — в Тамбовской губернии, на северо-восток от Козлова и на запад от Моршанска.¹ Центрографическая лаборатория имени Д. И. Менделеева в настоящее время выяснила, что центры и поверхности и населенности СССР переместились. А именно: центр поверхности находится сейчас около г. Томска; центр же населенности (по переписи 1926 г.) переместился к г. Маркштадту.

На перемещение обоих центров повлияло, разумеется, отторжение в результате мировой войны 1914—1918 гг. наших западных территорий с значительной плотностью населения. Однако, независимо от этого фактора на перемещение центра населенности оказала существенное влияние миграция населения СССР за истекшие годы на восток, юго-восток и юг. Волна переселенчества, двигавшаяся за истекшие 30 лет в этих направлениях, в общем подтверждает предположение Д. И. Менделеева как о движении центра населенности навстречу с центром поверхности, так и вообще о перемещении хозяйственной жизни страны на восток и юго-восток.

Чтобы ориентироваться в путях и направлениях развития отдельных частей территории Союза, в наиболее характерных свойствах этих частей и наиболее важных задачах планового характера, стоящих перед ними, — прибегнем к следующей графической операции (см. картограмму). От современного центра поверхности (г. Томск) проведем параллель: на восток — до пересечения с береговой линией Тихого океана и на запад по той же параллели, несколько не доходя г. Тобольска, с тем, чтобы у этой точки параллель поднять тремя коленами приблизительно по уступам северо-восточной границы Уральского района (по сетке Госплана 1921 г.) и на уровне приблизительно 62° северной широты продолжить ее до пересечения с границей Финляндии (северная часть Ладожского

¹ Д. И. Менделеев, „К познанию России“. Спб., 1907, стр. 141—142.

озера), как это видно из картограммы. Этой линией условно можно разделить весь Союз на два сектора: южный — обжитой, с значительной плотностью населения и оседлый за исключением некоторых его частей (Казакстан, Калмыкия, часть Башкирии) и северный — неосвоенный почти на всем своем протяжении за исключением узких полос, идущих по течению главных рек и по двум находящимся здесь линиям железных дорог (Архангельской и Мурманской), необжитой, с чрезвычайно низкой плотностью населения, ведущего, как правило, кочевой образ жизни, связанный с северными промыслами (оленоводство, охота, пушной и рыбный промыслы).

Пересечем проведенную параллель меридианом, идущим от берегов Северного полярного моря до границы Танну-Туинской республики несколько восточнее центра поверхности и совпадающим, примерно, с 95° восточной долготы от Гринвича (см. картограмму).

Этой секущей (между бассейнами Енисея и Хатанги) территория Союза будет разделена на новые две части: восточную, находящуюся в зоне влияния экономики стран Тихого океана, и западную, входящую в орбиту влияния Европы. Рейсы Северного морского пути, с одной стороны, Колымские и первый опыт Ленских морских рейсов — с другой, — вот те две крайние, но далеко еще не совпадающие точки проникновения с запада и востока в северную часть этих двух делений Союза.

Произведенное деление Союза на четыре части позволяет нам сразу же произвести значительные пространственные ограничения в содержании планового строительства, внося в него в то же самое время необходимую четкость и определенность.

Остановимся, прежде всего, на северной необжитой части. Можно утверждать, что эта большая по пространству половина Союза как в настоящий момент, так и в ближайшем будущем, останется вне сферы концентрированных плановых мероприятий, несмотря на громадные свои лесные богатства. Важнейшей задачей по отношению к северной половине Союза в течение ближайшего времени должно быть производство разведок и изысканий как для определения наиболее интересных объектов хозяйственной эксплуатации, так и для выяснения способов транспортного подхода к их эксплуатации. В частности, здесь можно отметить такие задачи, как овладение лесами бассейна Онеги при помощи Лаче-Кубинского водного соединения или ответвления от Мурманской жел. дор.; овладение лесами бассейна Мезени путем соединения его с Архангельском лесовозной дорогой; южный подход к верховьям Сев. Двины (Кострома или Кинешма — Котлас с дальнейшим продолжением на Ухту при благоприятном результате разведок на нефть); овладение лесами и угольными месторождениями бассейна Печеры либо водным соединением Камы с Печерой, либо железнодорожной линией (Уфа — Пермь — Печера); снятие лесных грузов Тобола соединением его с жел.-дорожной сетью Урала (Тавда — Тобольск) и улучшение связи с Тобольским севером; овладение лесами Енисея проведением жел.-дор. линии Томск или Ачинск — Енисейск; сюда же, наконец, надо отнести и первую серьезную попытку хозяйственного сближения с громаднейшим бассейном р. Лены путем соединения его с Сибирскими жел. дор. (наиболее, видимо, обоснованный для этого путь — соединение Усть-Кута на р. Лене со станциями Тулуном или Тайшетом Сибирской жел. дор.). До осуществления этих транспортных проблем для подавляющей части северной половины Союза (за исключением бассейна Сев. Двины) рациональна для внутреннего рынка только эксплуатация таких высокотранспортабельных по своей ценности природных богатств, как золото, исландский шпат, платина, меха и т. п.); малоценные же, но массовые грузы широ-

Экономико-географические сектора СССР

кого потребления по необходимости будут вне сферы хозяйственной эксплуатации.

Перейдем теперь к восточной половине Союза, в особенности же к юго-восточной его части, расположенной к востоку от 95° восточной долготы и к югу от 57—58° северной широты (см. картограмму). Наиболее характерными особенностями этого сектора Союза являются: чрезвычайная удаленность его от центров государственной и хозяйственной жизни Союза и его основного ядра населения; чрезвычайно низкая плотность населения в особенности при сравнении ее с такими перенаселенными и в то же время сопредельными странами, как Китай, Япония, Корея; ничтожное количество капиталов, вложенных в народное хозяйство этого сектора, при обилии капиталов, ищущих применения в сопредельных странах — С.-А. С. Ш и Японии; громадные потенциальные богатства, скрытые в недрах (золото, серебро, цветные металлы, алюминий, уголь, нефть, железо и проч.), расположенные на поверхности (лес, перспективы посевов риса, соевых бобов, пшеницы, пушной зверь и проч.) или находящиеся в водах Дальнего Востока (рыба, тюлени и пр.) при продовольственном, топливном и металлическом голоде Японии и отчасти Китая. Не удивительно, что такое соотношение хозяйств этого восточного сектора Союза и Тихоокеанских стран создает положение крайне неустойчивого равновесия и требует самого серьезного к себе внимания и весьма быстрых и концентрированных мероприятий.

Данная нами характеристика по существу уже определила собой цикл этих мероприятий. К ним относятся: мероприятия по резкому повышению плотности населения путем массового переселения с устройством хозяйств, которые в самый краткий срок могли бы дать значительную товарную продукцию сельского хозяйства; крупные вложения капиталов в первую очередь в рыбную, лесную, нефтяную, угольную и друг. отрасли горнодобывающей промышленности и, наконец, ряд транспортных мероприятий для вывода грузовых потоков, освоения новых территорий, снабжения населения и улучшения рыночных связей.

Эта общая схема мероприятий подлежит дальнейшему уточнению по двум основным районам этого сектора — Лено-Байкальскому и Дальне-Восточному — в соответствии с особенностями географического расположения этих районов, природными ресурсами и близостью к сопредельным странам.

В частности, учитывая, что около оз. Байкал мы имеем главное для всего этого сектора сосредоточение энергетических ресурсов (Прииркутский угольный бассейн, иркутские богаче и энергия р. Ангара) вместе с большими природными богатствами (железо, алюминий, цветные металлы, глины, кварцевый песок, лес, бадан, сырье животного происхождения и проч.) и в то же время, принимая в расчет отдаленность этого района от емких рынков потребления как Запада, так и Востока, а равно и безопасное положение на случай международных осложнений, необходимо этот район сделать в будущем большим индустриальным центром, дающим транспортную продукцию, удовлетворяющую как потребности Союза, так и сопредельных стран Дальнего Востока. Наоборот, в Дальне-Восточном крае следует развивать в первую очередь сельское хозяйство и некоторые отрасли добывающей промышленности с ориентацией их на массовый экспорт.

Только путем описанных комбинированных мероприятий, проводимых с твердой последовательностью сосредоточенными усилиями Союза, можно будет через некоторый период времени создать достаточно мощный дальневосточный «упор», дающий устойчивое равновесие нашего восточного сектора с сопредельными странами.

Остановимся теперь на западной половине Союза и в особенности на том его юго-западном секторе, который расположен на запад от 95° восточной долготы и на юг от 62°—63° для Европейской и от 57°—58° северной широты для Азиатской частей Союза (см. картограмму).

Юго-западный сектор Союза, ориентируясь в международном отношении на страны Атлантического океана, занимая около четверти всей территории СССР с почти 97% всего населения, в хозяйственном отношении является наиболее дифференцированной частью Союза. Обладая наибольшими капитальными ценностями и наиболее плотными межрайонными связями, — как в прошлом и настоящем, так и в обозримом будущем, этот сектор будет наиболее активной в хозяйственном и общественном отношении частью Союза, требующим вследствие этого наиболее интенсивного планового строительства.

Заселенность этой части Союза, значительная исследованность ее и хозяйственная дифференцированность, как продукт длительного исторического развития, требуют значительно большего уточнения важнейших его экономико-географических факторов, чем это можно было допустить по отношению к северной и восточной частям Союза.

Из этих факторов надлежит, прежде всего, отметить неравномерную плотность населения отдельных географических участков, связанную с историей внутреннего заселения западной половины Союза и с основными занятиями его населения. На этой территории имеется три центра древнейшего заселения и цивилизации: Средняя Азия, в частности Узбекистан; Закавказье и предгорья Северного Кавказа и, наконец, так называемая Киевская Русь. Однако, ни народы Средней Азии, ни народы Закавказья не имеют значения в смысле их распространения на территории Союза. На протяжении длинного ряда веков, по разным историческим причинам они оставались без движения в месте своего пребывания и образовали в настоящий момент два небольших центра значительного уплотнения населения. Перейдя нормальные пределы тех средств существования, которые дает имеющейся здесь (особенно в Закавказьи — в Западной Грузии) уровень развития производительных сил, эти два участка вступают в сферу аграрного перенаселения.

Иную историю имеет Киевская Русь, как древнейший центр заселения Великой русской равнины. Под напором степных восточных кочевников население Киевской Руси пришло в движение уже в XII веке нашей эры и, подпираемое со степей востока и юга кочевниками, не имея возможности двигаться на достаточно заселенный уже предыдущими миграциями запад, а потом и север (Новгород-Псковский район) население Киевской Руси вынуждено было двинуться через непроходимые — Брынские и Муромские — леса на северо-восток в Волжско-Окское междуречье и отсюда дальше тонкими ручейками на север и восток, где оно столкнулось с движением населения, шедшего из Новгород-Псковского района. Если север и восток как в удельный, так и в последующие периоды нашей истории оставались в силу природных и климатических условий редко заселенными, то Замосковье или Волжско-Окское междуречье в XVI веке оказалось настолько густо заселенным, что перешло уже на трехполье и стало новым (после Киева и Новгород-Пскова) центром населенности. Начиная со середины XVI века, благодаря успешным военным действиям против татар, занимавших степь и лесостепь Великой русской равнины, население Московской Руси начало сползать на юг (ЦЧО), юго-восток (Среднее Поволжье) и отчасти на восток и северо-восток, создавая окружающий с трех сторон Замосковье первый колониционный

пояс. Но в то время как движение на северо-восток и север носило весьма ограниченный характер, движение на юг и юго-восток, в период с середины XVI по середину XVIII века, носило характер широкого колонизационного потока, быстро заселившего всю лесостепь. Это заселение еще ускорено было движением населения из правобережной лесостепи Украины в левобережную и дальше на территорию Курской и Воронежской губерний.

Исчерпание колонизационных возможностей первого пояса и значительное скопление в нем населения, с одной стороны, условия крепостного периода — с другой, заставили население южной и юго-восточной части первого колонизационного пояса двинуться дальше на юг (Новороссия), юго-восток (Дон, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье) и восток (Самарская и Оренбургская губ., отчасти Западно-Сибирская низменность), занимая уже типическую степь и создавая, таким образом, второй колонизационный пояс. Наконец, в пореформенной России движение населения идет, главным образом, на восток, достигая дальне-восточных окраин и спускаясь узкими лентами от главного Сибирского тракта на юг и север.

Такова в самых грубых чертах историческая схема заселения Союза. Как ни далеки от нас факты, связанные с историей заселения Союза, но отголоски их живы и до сих пор и представляют собой весьма важные факторы экономико-географического порядка, с которыми нельзя не считаться при построении перспективного плана и развертывании планового хозяйства.

Отметим, прежде всего, что с этой исторической схемой движения населения, как и с рядом других причин, коренившихся в природных условиях и занятиях населения, связано не только превращение Волжско-Окского междуречья из сугубо земледельческого района (XVI в.) в резко выраженный индустриальный. С ними связано также и такое развитие его индустрии, благодаря которому она, воздействуя на собственное сельское хозяйство, достигла наиболее высоких квалифицированных форм и еще на долгое время будет „повивальной бабкой“ в деле индустриализации других районов. Также точно сравнительно старое заселение первого колонизационного пояса, исторически сложившееся разделение труда между ним и центрально-промышленным районом, бедность ископаемых в лесостепной зоне и др. причины сделали то, что южный и юго-восточный секторы первого колонизационного пояса вместе с прежней Киевской Русью представляют собой в настоящий момент длинный „язык аграрного перенаселения“, тянущийся от границы с Галицией через право- и левобережную лесостепь Украины, Центрально-Черноземную область до Пензенской, Ульяновской, частью Нижегородской губерний и заканчивающийся в Чувашской и отчасти Татарской республиках (см. картограмму). Если сопоставить между собой такие показатели, как плотность с.-х. населения, обеспеченность хозяйств скотом и посевами, доходность и товарность хозяйств всей этой полосы, — не трудно видеть, что при значительных колебаниях в плотности населения (от 55 до 100 и выше) благодаря различию в системе сельского хозяйства и степени его интенсификации и индустриализации, весь этот „язык аграрного перенаселения“ нуждается в односторонних по существу мероприятиях, повышающих емкость территории и доходность сельского хозяйства (как равно в Закавказьи и в Средней Азии).

Если хозяйственное развитие второго колонизационного пояса, связанное с улучшением транспортной связи с центром и господством здесь культуры ценных „белых“ хлебов (яровая и озимая пшеница), поставило

под удар сельское хозяйство первого пояса с его культурой серых хлебов и вызвало здесь то перенаселение и „оскудение“, с которыми еще долго придется бороться, — то выступающая на арену хозяйственного оборота продукция сельского хозяйства (в частности, пшеница) третьего колонизационного пояса (Зап. Сибирь и Казакстан) ставит в ближайшую очередь вопрос о районировании сбыта этих конкурирующих между собой зон. Отсюда вытекает необходимость такой организации транспорта, при которой: а) продукция степи Украины, Сев. Кавказа и особенно Поволжья могла бы найти себе дешевый выход на экспорт через порты Черного моря и б) продукция Западной Сибири и Казакстана могла бы быть направлена по дешевым тарифам на снабжение потребляющей полосы, а в случае излишков и через порты северных морей. Конечно, эти перспективы сельскохозяйственной продукции степей не говорят, что уже сейчас имеет место наплыв ее, значительно превышающий потребление Союза и провозную способность ее транспортной сети (это верно только для выхода из Сибири и некоторых участков Сев.-Кавк. и Южн. ж. д.). Наоборот, первоочередной задачей по отношению к степям второго и третьего колонизационного поясов пока еще является задача значительного количественного увеличения ее продукции путем механизации обработки земли (тракторы) и дальнейших процессов с.-х. деятельности. Тем не менее, соотношение объемов товарных масс второго и третьего колонизационного поясов уже в настоящий момент таково, что необходимо приступить к организации указанного выше районирования сбыта.

Вторым фактором экономико-географического порядка, имеющим весьма существенное значение для экономики очерченного выше юго-западного сектора Союза (см. картограмму), является наличие в нем „языка пустыни“, идущего навстречу движению населения из второго в третий колонизационный пояс и непосредственно примыкающего к юго-востоку к „языку аграрного перенаселения“.

На территории Союза имеются два очага пустыни и примыкающих к ним громадных областей засухи и недостаточного увлажнения. Один — северный — центром своим имеет г. Верхоянск и распространяется громадной, вытянутой в широтном направлении полосой от Чукотского полуострова до Кольской, занимая, таким образом, весь север (тундру и часть тайги) Азиатской и Европейской частей Союза; второй очаг — юго-восточный — расположен на юго-восток от Аральского моря и, охватывая своим влиянием почти весь Казакстан, протыкает свое жало в Поволжье, а в засушливые годы тянется через весь степной юг Европейской части Союза, доходя до Карпат (см. картограмму).

Многолетняя изогипса в 300 мм годовых осадков смыкается с „языком аграрного перенаселения“ в юго-восточном углу Воронежской губернии; изогипса же в 350 мм во многих пунктах соприкасается с ним.

Нет нужды доказывать, что совпадение зоны влияния „языка пустыни“ со вторым колонизационным поясом, с „благодатным югом“, где далеко еще не исчерпаны сельскохозяйственные возможности и емкость территории, с зоной распространения пшеницы юго-западного сектора, губительное влияние „языка пустыни“ на полеводство и животноводство южных степей, периодически вызывающее неурожай и голод, которые в свою очередь нарушают финансовое и экономическое равновесие Союза, — что все эти обстоятельства требовали в прошлом и будут требовать в будущем самого настойчивого внимания к себе. Они будут требовать таких радикальных и в то же время сосредоточенных мероприятий планового характера, которые если и не уничтожат вовсе, то, по крайней

мере, должны будут значительно обезвредить историческое зло этого участка нашего сельского хозяйства. Нельзя сказать, чтобы этому злу мы уделили должное внимание; надо признать, что нами не найден еще секрет борьбы с «языками пустыни». Будет ли это широкая и в то же время выгодная ирригация, или мероприятия экономического, агро- и лесотехнического порядка или же сложная система мероприятий комбинированного порядка, ясно одно, что юго-восточный язык пустыни — фактор настолько важного и по своим последствиям значительного порядка, что без преодоления его возможность планового хозяйства не будет обеспечена.

Третьим фактором, имеющим весьма существенное значение для планового строительства Союза является пространственный разрыв, или точнее, ряд разрывов между месторождениями главных природных богатств (и прежде всего черными и цветными металлами, как основы современной техники) и энергетическими ресурсами (и прежде всего углем и нефтью), между исторически сложившимися индустриальными центрами и местонахождениями индустриального сырья, между центрами гущенных рынков потребления и производства предметов широкого потребления и т. п.

Остановимся вкратце на этом разрыве, в особенности на характеристике объема, структуры и географическом размещении природных энергетических ресурсов, в виду их определяющего значения для народного хозяйства. Насколько велико это значение, видно из того, что механическая работа всего населения земного шара не превышает 7% мощности существующих механических двигателей; лучшим же показателем степени развития материальной культуры современных стран может служить отношение мощности механических двигателей к работоспособности населения.

Доля энергетических ресурсов Союза в мировых запасах составляет около 10% при 14% территории и около 8% населения земного шара. Таким образом, наши запасы приближаются к средней мировой и как-будто с этой стороны не внушают тревоги.

Однако, это «как-будто» при ближайшем анализе не выдерживает критики. Это, прежде всего, можно усмотреть из соотношения отдельных видов ресурсов энергии, каковое по исчислению Л. К. Рамзина¹ представляется в следующем виде:

Запасы энергии	Уголь	Нефть	Торф (с прирост.)	Дрова	Солома	Ветер	Вода	Итого
Мировые	75,1	0,1(5)	3,6	4,6	0,5	11,1	5,8	100
СССР	50,8	0,6	26,7	8,1	0,9	8,9	4,0	100

Из этого сопоставления видно, что поскольку определяющее значение в энергетических ресурсах имеет ископаемый уголь, постольку соотношение запасов энергии, приведенное в этой таблице, для СССР менее благоприятно, чем для мирового хозяйства. Это особенно наглядно видно при переводе угольных запасов на 1 душу населения: при душевой обеспеченности в Союзе, равной 3.030 тонн, Канада имеет 89.000 тонн, С.-А. С. Ш. — 25.400, Польша — 5.170, Германия (в новых границах) — 4.070 и т. п. Благоприятное положение СССР заключается в высокой по сравнению с средним мировой доле нефти и торфа.

¹ Л. К. Рамзин. «Энергетические ресурсы СССР», Москва 1925, стр. 7; более поздние данные см. в книге В. Вейд, «Производительные силы мирового хозяйства»: т. I, М. 1927 г., стр. 45—47.

Действительная же слабость нашего энергетического хозяйства заключается в размещении основных видов их в пространстве. Это видно, прежде всего, из следующей таблицы размещения общих запасов угля (верхняя цифра обозначает мрд. тонн условного топлива, нижняя — процентное отношение):¹

Донецкий бассейн	Подмосковн. бассейн	Кузнецкий бассейн	Припуртук. бассейн	Минусинск. бассейн	Казахстан	Всего
68,17	8,33	330,0	52,1	6,0	4,95	474,38
14,4	1,8	69,6	11,0	1,3	1,0	100

Таким образом, энергетический центр Союза находится очень близко от центра его поверхности в Кузнецком бассейне. Общие запасы угля в Азиатской части Союза достигают 84% и на долю Европейской, следовательно, приходится лишь около 16%. Между тем, продукция цензовой промышленности (по данным 1925/26 г.) составляет для Европейской части Союза 91,2%, а для Азиатской всего лишь 8,8% (а без Закавказья даже 4,4%).

Таким образом, географическое размещение угольных запасов Союза прямо противоположно размещению его промышленных предприятий, если брать деление Союза на основные его части: Азиатскую и Европейскую. Но если даже не брать грубое деление Союза по континентам, а более точное по районам, то все же лишь Украина окажется в относительно благоприятном сочетании угольного месторождения с индустриальным центром; три же остальных района (ЦПО, Ленинградская область и Урал) исторической культуры промышленности должны считаться с пространственным отрывом от них высоко калорийного угольного топлива.

Также точно и месторождения нефти на 84,5% всех запасов Союза сосредоточены на Кавказском перешейке, при чем остальные 15,5% также размещаются вдали от внутренних рынков потребления (9,1% Эмба—Урал, 3,4% Сахалин и 3% в остальных пунктах). Изучая далее географию лесных массивов, видно, что на долю Азиатской части последних приходится около 80% на долю Северной посылы Европейской части Союза, в значительной мере еще недоступную (как, например, бассейн Печеры) приходится еще 14% всей площади и лишь 6% лесных массивов приходится на обжитую и транспортно-доступную территорию, близкую к рынкам промышленного и бытового потребления.

Значительно более благоприятно, по крайней мере для северных индустриальных районов, расположение торфяных запасов; но зато мало благоприятны для них источники водной энергии, имеющей на русской равнине слишком малое падение.

Подводя итоги этой краткой характеристике географии энергетических ресурсов в сопоставлении с центрами индустрии, можно сделать следующий вывод: ресурсы энергии расположены на окраинах, часто весьма отдаленных и трудно доступных; между тем, немногочисленные наши промышленные пятна и емкие рынки топливного потребления расположены либо в центре, либо в местах, весьма удаленных от источников энергий. Из этого общего правила можно сделать исключение только для Украины и Кавказа.

Из описанного расположения источников энергии вытекает и нерациональный характер структуры нашего топливного потребления, что видно из следующей таблицы (по данным топливной группы Комиссии

¹ «Запасы углей в СССР», Ленинград, 1927 г. Изд. Геолог. Ком.

генерального плана Госплана СССР в ‰ за 1925/26 г.) запасов и потребления основных видов условного топлива:

	Уголь	Нефть	Дрова	Торф	Всего
Запасы	62,5	0,6	10,0	26,9	100
Потребление	54,8	17,6	22,9	4,7	100

Другими словами, при значительном недоиспользовании определяющего вида топлива — угля, а равно и при скромной доле потребления торфа (все же несравненно большей чем в мировом хозяйстве), мы сжигаем с громадной быстротой нефть и дрова.

Эта нерациональность топливного режима становится особенно наглядной, если от общего потребления по Союзу перейти к структуре потребления условного топлива по некоторым из районов:¹

Районы	Уголь	Дрова	Нефть	Торф	Всего
ЦПО	31,4	30,0	21,2	17,4	100
Ленинградский	44,5	38,6	14,6	2,3	100
Уральский	43,2	50,5	4,5	1,8	100
Нижне-Волжский	10,7	8,0	81,1	0,2	100
Западный район (с Белоруссией)	43,4	44,2	6,2	6,2	100

Как видно, три основных промышленных района РСФСР — ЦПО, Ленинградский и Уральский — до сих пор еще базируются преимущественно на потреблении древесного топлива; еще более это относится к Западному району, который уже в достаточной мере почувствовал истощение лесосек; Нижнее же Поволжье при всей близости его к Донецкому бассейну продолжает потреблять в подавляющей доле нефть.

Не останавливаясь, далее, на проблеме энергии; не производя аналогичного анализа в отношении географии черного и цветных металлов, качественной характеристики их месторождений и расположения их по отношению к топливу и центрам обработки; не касаясь географии пшеницы, ржи, животного сырья и отношения их к рынкам потребления и ряда других вопросов, демонстрирующих громадную роль „пространственных разрывов“ в экономике Союза, отметим еще раз, что решение этой, или вернее цикла этих проблем, должно играть самую существенную роль в деле планового руководства народным хозяйством СССР — вообще и того наиболее важного сектора его в частности, о котором сейчас идет речь. Такие задачи перспективного планирования, как задача всемерного использования местных энергетических ресурсов с трансформацией их в электрическую энергию, как задача приближения промышленности (особенно металлургии) к центрам нахождения топлива и сырья, придания „транспортальности“ сырью путем обработки его в полуфабрикат повышенной стоимости и т. п., — должны составить предметы главного внимания предстоящего планового строительства.

В заключение остановимся еще на одном факторе экономико-географического порядка, имеющем громадное значение как для народного хозяйства всего Союза, так, в частности, и для юго-западного его сектора. Мы имеем в виду дистанционный фактор, с которым уже столкнулись в значительной мере при анализе пространственных разрывов.

¹ Данные взяты из подготавливаемого к печати Ф. Г. Дубовиковым „Промышленного атласа“ и относятся только к пром.-техническому потреблению топлива, что ведет к преуменьшению доли древесного топлива.

Пространство, занимаемое юго-западным сектором, несмотря на то, что оно составляет всего лишь около четверти территории Союза, все же представляет собою очень большое препятствие для интеграции его хозяйства, развития интенсивного межрайонного сотрудничества и ликвидации тенденций отдаленных районов к созданию замкнутого „самоудовлетворяющегося“ районного хозяйства. Преодоление, поэтому, пространства, „сжатие“ его, если так можно выразиться, должно играть весьма важную роль в деле перспективного планирования.

Вообще говоря, эта цель может быть достигнута при помощи двух способов: или путем придания товару свойств „транспортальности“ первичной или окончательной обработкой его на месте производства, повышения, таким образом, его стоимости и понижения значения транспортной слагаемой (как, например, перемол пшеницы в муку, превращения руды в концентраты, угля в кокс и т. п.); или же путем такой организации транспорта, которая позволила бы перебрасывать большие массы товаров с увеличенной скоростью по удешевленным тарифам от места производства к рынкам сбыта.

Первый способ не всегда может быть применим. Когда речь идет о необходимости переброски массовых грузов в их первичном виде, как, например, о переброске угля, леса, зерна, — то единственный путь борьбы с дистанционным фактором заключается в реорганизации транспорта. Смысл происходящего этим путем „сжатия“ пространства заключается в следующем: если стоимость перевозки угля, составляющую допустим $\frac{1}{100}$ коп. с пудо-версты, возможно понизить до $\frac{1}{300}$ коп. с пудо-версты, то с экономической точки зрения это будет означать не что иное, как приближение угольного месторождения к месту потребления в три раза. Другими словами, если бы удалось так реорганизовать жел.-дор. магистраль, соединяющую Москву с Кузнецким бассейном (около 4.000 км), то расстояние его от Москвы было бы экономически равновелико расстоянию Москвы от Донецкого бассейна (свыше 1.200 км). По отношению, скажем, к заволовской пшенице, если бы был найден такой же способ доставки ее к Ростовскому порту, это обозначало бы приближение Самарских степей к морскому порту на такое же расстояние, на котором сейчас находится запорожье и даже ближе.

Лучшим способом решения транспортной проблемы под углом зрения преодоления пространства является использование водных путей и водных соединений, которые при достаточном грузообороте и удачном направлении, дают возможность без особого труда понизить стоимость перевозки в несколько раз против существующих ж.-д. тарифов. Однако, связанность речных путей их естественным течением (в наших условиях течение рек расположено в меридиональном направлении, между тем как территория СССР вытянута в широтном направлении), сезонность работы нашего речного транспорта, обусловленная суровостью климата, и, наконец, ничтожное протяжение доступной морской береговой линии, — ставят перед плановым строительством помимо использования важнейшей водной магистрали (Волга—Дон—Азовское море) Юго-Западного сектора весьма важную задачу сверхмагистральной организации основных направлений железнодорожного транспорта. Этими основными направлениями надо признать путь, связывающий г. Москву, как экономический центр Союза с Сибирью (Сибирская сверхмагистраль), для переброски на Урал кузнецкого угля и в потребляющую полосу сибирского хлеба; и путь, соединяющий Ленинград и Москву с Донецким бас-

сейном, а также и одним из портов Черного моря, для переброски донецкого топлива на Север и к Керченским железорудным месторождениям. Если последний путь вызывает в последнее время некоторые сомнения, благодаря быстрому росту эксплуатации местных энергетических ресурсов в ЦПО и Ленинградской области и широко развертывающемуся здесь электростроительству, с одной стороны, и благодаря возможности подать в Поволжье уголь из Донецкого бассейна по Волго-Донскому каналу, с другой,—то сооружение Сибирской сверхмагистрали есть повидимому единственно возможный способ приобщения Западной Сибири к интенсивному хозяйственному сотрудничеству с европейскими районами Союза и преодоления того громадного расстояния, которое отделяет хозяйственный центр Союза от центра его поверхности и его энергетического центра.

Идея сверхмагистрализации основных транспортных направлений, поставленная на очередь дня еще планом ГОЭЛРО в 1920 г., до сих пор не начата осуществлением из-за размеров необходимых для этого затрат, с одной стороны, и неполной разработанности технической и экономической стороны этого дела—с другой. Однако, колоссальный рост транзита из Сибири через Урал, сооружение на Урале Магнитогорского металлургического завода, острая потребность в расширении продукции сельского хозяйства Сибирских степей,—несомненно ставят уже в порядок дня ближайшего перспективного плана вопрос о сооружении Сибирской сверхмагистрали. Если при этом техническая сторона сверхмагистрали (трасса, снижение уклонов, подготовка пути, введение мощных паровозов и подвижного состава, маршрутные перевозки, элеваторостроительство и т. п.) более или менее уже выяснена, то, к сожалению, экономическая сторона вопроса еще до сих пор страдает недоработанностью основных проблем. Поэтому проектная разработка сибирской сверхмагистрали, в частности, вопроса о комбинировании железнодорожного хозяйства с сельским, лесным и угольным, в целях перераспределения железнодорожных расходов (мысль выдвигаемая Е. Я. Шульгиным), с одной стороны, и вопроса о влиянии сверхмагистрали на сельское хозяйство европейских районов, особенно на Заволжье, для которого надо своевременно дать транспортный выход к Черному морю, с другой,—проектная разработка этих вопросов должна быть важнейшей задачей ближайшего периода нашего планового строительства.

Таковы те наиболее общие экономико-географические предпосылки, на которые должно быть, по нашему мнению, обращено самое тщательное внимание при первой попытке построить перспективный план.

Опытное сельскохозяйственное дело по районам СССР и задачи его в реконструкции крестьянского хозяйства

...„Мы должны пойти в обновлении земли не только по следам Америки, но в будущем далеко опередить ее“.

(Из отзыва В. И. Ленина о книге американца Гарвуда „Обновленная земля“)

В борьбе за повышение урожая в деле рационализации и реконструкции отсталого сельского хозяйства СССР надлежащая постановка опытного сел.-хоз. дела и распространение знаний и умений в области усовершенствования сельского хозяйства имеют колоссальное решающее значение. В настоящее время, когда в деревне произошли громадные сдвиги в культурном и политическом отношении, уже не приходится вести только элементарную агитацию за улучшение крестьянского хозяйства. Вопрос заключается в том, чтобы показать широким крестьянским массам, как надо это делать, какими путями и силами. Отвечая на этот вопрос, Н. К. Крупская в своем введении к известной книге проф. Н. М. Тулайкова об организации распространения сельскохозяйственных знаний в Соед. Штатах Америки совершенно правильно заметила, что наибольших и ощутительных результатов в деле улучшения сельского хозяйства среди крестьян путем наглядного обучения можно добиться лишь при одном условии: „Если в каждом типичном сельскохозяйственном районе будут созданы могучие очаги сельскохозяйственной культуры“, которые должны направлять в надлежащее русло работу всех заинтересованных местных сил и организаций — земотделов, школ, работников земли и леса. Такими очагами сел.-хоз. культуры, ведущими постоянную и упорную борьбу за поднятие уровня сельского хозяйства и крупную исследовательскую работу в каждом важном сел.-хоз. районе Союза, по глубоко-верному суждению Н. К. Крупской, должны явиться и у нас в Союзе, как и в Соед. Штатах Америки, прежде всего, высшие сел.-хоз. учебные заведения и сел.-хоз. опытные станции. Но деятельность как тех, так и других, станет наиболее ценной и эффективной только при условии, если она будет вытекать из практических потребностей и нужд района и носить не узко-академический и схоластический характер, а характер массовой живой работы, с вовлечением в процесс практической работы по проверке новых улучшенных приемов ведения сельского хозяйства широких крестьянских масс, совхозов, колхозов и с увязкой и планомерным распределением функций между сел.-хоз. учебными заведениями и опытными станциями, органами НКЗема, агрономическим персоналом и пр.

На этот путь живой, массовой работы по поднятию сельского хозяйства должны встать и уже встают наши опытные сел.-хоз. учреждения, по примеру Соед. Штатов Америки, и на этом пути мы вправе ожидать от них еще более ценных результатов в деле „обновления“ — реконструкции нашего, направляющегося в русло коллективизации крестьянского хозяйства, чем это сделано американскими опытными станциями в отношении фермерского хозяйства; мы вправе ожидать этого потому, что, с одной стороны, наше опытное сел.-хоз. дело в общем возникло гораздо раньше американского, а с другой — в ряде наших районов сеть опытных сел.-хоз. учреждений гораздо гуще, чем во многих штатах Сев. Америки. Действительно, если провести сравнение организации опытного сел.-хоз. дела в России и в Америке или в Германии, то окажется следующее.

В Соед. Штатах опытные сел.-хоз. учреждения начали возникать лишь с 1875 г., а более широко только с 1887 г. (после издания акта Hatch'a) и уже к 1900 г. они были организованы в каждом штате — почти при каждом университете или сел.-хоз. колледже, при чем к указанному году в Соед. Штатах было всего около 53 опытных станций, а в 1912 г. — 65, не считая филиалов. В Зап. Европе опытное с.-х. дело гораздо старше американского, и по отношению к территории сеть опытных учреждений здесь более густая. Так, во Франции первое опытное учреждение возникло еще в 1835 г. (при Буссенго) и к 1900 г. здесь было уже около 59 опытных учреждений, а в Германии начало организации опытных станций относится еще к 1851 г. (при Саксонском обществе сельских хозяев) и к 1900 г. на территории Германии имелось уже около 65 опытных сел.-хоз. учреждений и контрольных станций (в том числе общих опытных станций было 38 и специальных 15). Наконец, у нас в России опытные учреждения, число коих теперь достигает до 215 (без филиалов и центральных учреждений), массовое развитие хотя получили почти одновременно с американскими (45 лет тому назад), но первое опытное учреждение возникло еще в 1840 г. вместе с первой сел.-хоз. школой в Горках, и в настоящее время количество их абсолютно и по отношению к размерам обслуживаемой ими посевной площади значительно превосходит американские масштабы.

В общем, если произвести расчеты по 1926 г., то окажется, что на каждое опытное сел.-хоз. учреждение приходится: а) территории — в Америке 110.000 кв. км, в СССР около 100.000 кв. км, во Франции — 9.300 кв. км и в Германии около 7.800 кв. км; б) сельского населения — в Америке около 100.000 человек, в СССР — около 570.000 чел., во Франции — около 500.000 чел. и в Германии до 600.000 чел.; в) посевной площади — в Америке около 2 млн. га, в СССР — до 400 тыс. га и во Франции и Германии только около 215 тыс. га на одно опытное учреждение.

Из этого беглого сравнения густоты сети опытных учреждений у нас в СССР и в Соед. Штатах Америки можно усмотреть, что в общем по Союзу количественно опытная сеть оказывается почти в 4 раза больше американской и каждое опытное учреждение обслуживает почти вдвое меньшее число жителей и посевов, нежели в Америке. Правда, при неравномерном распределении сети опытных учреждений в целом ряде районов СССР мы имеем чрезвычайно слабую обслуженность посевов и населения опытными учреждениями, как, например, в юго-западной Украине (на одно опытное учреждение здесь приходится около 1,2 млн. жителей и до 750 тыс. га посевов), но все же по ряду других районов эта обслуженность оказывается даже большей, нежели во Франции или Германии, примером чего может служить Узбекская ССР, где на каждое опытное учреждение приходится не более 270 тыс. жителей и 115 тыс. га

посевов. Насколько неравномерно распределена сеть опытных сел.-хоз. учреждений по отдельным районам СССР, наглядно можно судить по прилагаемой в следующей части статьи схематической карте СССР с районным распределением опытных станций и полей.¹

Несмотря на сравнительно удовлетворительную организацию, с количественной стороны — у нас, в ряде районов опытного дела, тем не менее достижения наших опытных учреждений до самого последнего времени весьма слабо проникали в массу крестьянского населения и воздействие их на улучшение нашего сельского хозяйства по сравнению с ролью американских опытных учреждений в улучшении фермерского хозяйства Соед. Штатов, можно сказать, было совершенно ничтожно. Основной причиной слабого воздействия наших опытных сел.-хоз. учреждений на крестьянское сельское хозяйство, несомненно, являлась именно та схоластичность, замкнутость, оторванность их от живой широкой практической работы среди масс крестьянского населения о преодолении которой нашими сел.-хоз. учебными и опытными учреждениями говорила Н. К. Крупская; кроме того в этом виновата, разумеется, сравнительная бедность наших опытных учреждений средствами, силами и оборудованием.

Вот почему в настоящее время, когда все силы и средства брошены на реконструкцию нашего отсталого сельского хозяйства, необходимо еще и еще раз напомнить о том, что только при надлежащей организации дела пропаганды и показа сел.-хоз. знаний, о чем говорила Н. К. Крупская, и опытные сел.-хоз. учреждения и наша деревенская трудовая школа действительно не на словах, а на деле станут настоящими реконструкторами крестьянского сельского хозяйства. И совершенно очевидно, что те надежды на роль сельской школы, как массового реконструктора нашего отсталого крестьянского сельского хозяйства, которые возлагают на нее некоторые работники в области планирования нашего сельского хозяйства, могут быть осуществлены лишь при условии, с одной стороны, достаточной грамотности в агрономическом отношении сельского учителя, что достигается соответствующей серьезной постановкой преподавания сельского хозяйства (теоретического и практического) в педагогических техникумах, а с другой — установлением постоянного организационного контакта в работе учителя, агронома и активистов-крестьян с районными опытными сел.-хоз. учреждениями, в опытной и исследовательской работе которых они должны черпать и пополнять свои знания по сельскому хозяйству и его рационализации.

Поэтому, говоря в приводимом ниже очерке о перспективах развития и улучшения сельского хозяйства в отдельных районах СССР и о роли опытных сел.-хоз. учреждений в реконструкции его, мы ни на минуту не должны забывать, что дело подема и рационализации нашего сельского хозяйства может быть прочным и успешным лишь в результате согласованной плановой работы опытных учреждений и заинтересованных в этом деле учителей, агрономов и широких масс самого крестьянства, — в лице тех 10.000 и более человек крестьян-опытников, которые уже теперь являются активными сотрудниками и пропагандистами опытных учреждений и состоят корреспондентами крестьянской сел.-хоз. лаборатории при газете „Беднота“ и пр.

Уже почти 45 лет существует сел.-хоз. опытное дело в России, но только после войны, в результате Октябрьской революции, оно стало приобретать соответствующее его задачам значение в стране неустойчивого земледелия. Революционное десятилетие характеризуется не только

¹ Указанная карта со списком опытных станций будет напечатана по второй части настоящей статьи в № 10 „План. Хоз.“.

значительным организационным укреплением сети опытных учреждений в СССР и расширением сферы воздействия опытных достижений на широкие крестьянские хозяйства, но и более планомерным порайонным изучением нашего сельского хозяйства и притом не одних только элементов сел.-хоз. техники и естественно — исторической обстановки, но и экономической обстановки, организационно производственных моментов сельского хозяйства отдельных районов.

К сожалению, наша опытная сел.-хоз. литература очень бедна всякого рода сводками по части достижений опытных с.-х. учреждений как по Союзу в целом, так и по отдельным районам, и судить о положении опытного дела и о его достижениях даже в основных районах СССР представляется весьма затруднительным. Между тем, несомненно, наши опытные учреждения в целом за 45 лет своей работы накопили довольно ценный материал, требующий теперь, когда мы вступили на путь широкой реконструкции сельского хозяйства, сугубой критической проработки и сводки.

За последние годы такого рода итоги и сводки работы и достижений опытных учреждений сделаны были только по трем районам (областям Госплана СССР) — по Средне-Волжской, Нижне-Волжской и Северо-Западной области; в настоящее время к этим работам надо добавить только что вышедшую сводную работу „Сел.-хоз. опытное дело РСФСР“ за период с 1917 по 1928 гг.¹

Чтобы ответить на вопрос, каковы должны быть задачи опытных учреждений с точки зрения хозяйственной специализации каждого района и межрайонного сотрудничества — этих основных принципов госпланаовского экономического районирования СССР, и в какой степени существующая организация районных опытных учреждений соответствует указанным задачам, — обратимся к конкретным порайонным описаниям особенностей сельского хозяйства и состояния опытного дела.

Предварительно, однако, приведем некоторые сравнительные данные о положении и организации работ русских опытных сельскохозяйственных учреждений до войны и в настоящее время.

За последние годы советское опытное сельскохозяйственное дело претерпело громадную эволюцию как в количественном, так и в качественном отношении: по сравнению с довоенным временем мы не только имеем большее число опытных учреждений, но и самая постановка дела на них стала более углубленной и жизненной.

В самом деле, если исключить из общего числа 264 довоенных опытных сельскохозяйственных учреждений в России все опытные станции и поля отшедших от нее районов Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Румынии (Бессарабии) и пр., то в 1913 году на нынешней территории СССР было всего около 150 опытных учреждений, в том числе 9 учреждений центрально-общегосударственного значения, 52 районных госбюджетных учреждений и 90 учреждений местного бюджета; между тем, к концу 1926/27 года по всему Союзу насчитывалось уже около 280 основных

¹ Этот новый сборник, в котором приняли участие 15 авторов — специалистов по опыльному делу, представляет большую ценность в смысле освещения почти всех сторон сел.-хоз. опытного дела, начиная от сжатой характеристики особенностей порайонного сельского хозяйства и эволюции опытного дела и кончая краткими обзорами важнейших результатов научно-исследовательской деятельности опытных учреждений РСФСР, — и потому его содержание может быть с успехом использовано для характеристики опытного дела по районам СССР. Издан сборник в 1928 г. Государственным институтом опытной агрономии.

опытных сельскохозяйственных учреждений (не считая филиалов, опытных участков и контрольных станций по контролю удобрений и семян), в том числе 25 центральных учреждений общесоюзного значения, около 160 районных опытных учреждений на госбюджете и остальные на местном бюджете. В частности, по РСФСР число опытных учреждений увеличилось с 112 в 1913 г. почти до 170 в 1927 г., в том числе количество госбюджетных учреждений возросло с 52 до 100; по Средней Азии за то же время число опытных учреждений возросло с 11 до 26; в ЗСФСР — с 10 до 29 опытно-исследовательских учреждений различного типа.

Параллельно с количественным ростом опытных учреждений значительно возрос после войны и штат научного персонала опытных учреждений, а также бюджет последних, особенно по РСФСР. Так, по всем районам РСФСР штат научного персонала опытных учреждений увеличился с 206 единиц в 1913 г. до 1.104 единиц в 1926/27 г., а бюджет их возрос за тот же период с 3,5 млн. руб. до 8,0 млн. руб., при чем на 1 опытное учреждение (госбюджетное) отпускалось до войны около 57 тыс. руб., а в 1926/27 г. почти 112 тыс. руб. Иначе говоря, опытное дело после гражданской войны не только было сохранено, но к 1928 г. почти в пять раз стало мощнее (по числу научных работников) и в 2,5 раза лучше обставлено в смысле средств, чем до войны.

Но в результате революции опытное сельскохозяйственное дело СССР не только количественно выросло и улучшилось, — оно при этом в корне реорганизовало свою структуру, изменило методы работы и проведения в жизнь своих достижений. Эта реорганизация опытного сельскохозяйственного дела, начатая в РСФСР вилотную с 1924 г. и законченная к июлю 1927 г., в основном сводится к следующему:

- а) к установлению тесной и неразрывной связи опытных учреждений с земорганами и агроперсоналом и к приданию работе опытных станций практического характера, с ликвидацией довоенных нежелательных уклонов в сторону чистого академизма;
- б) к приближению опытного дела к широкой массам хозяйствующего трудового крестьянского населения, с всесторонним вовлечением его в опытно-показательную работу;
- в) к созданию программной увязки работ опытных учреждений с экономической проблемой планового восстановления и развития сельского хозяйства.

Практически указанные реорганизация опытного дела сказалась в том, что, с одной стороны, произошла частичная дифференциация опытных учреждений на госбюджетные и местобюджетные, выразившаяся в передаче от НКЗема с госбюджета на местный бюджет сначала мелких районных опытных учреждений, а после выхода закона от 23/VII 1927 г. (о децентрализации управления) и крупных областных опытных станций в районированных местностях; с другой стороны — были точно разграничены функции опытных учреждений различного масштаба — центральных, областных и районных — и тем самым изжит параллелизм в их плановой работе; с третьей стороны — в корне пересмотрены программы работ опытных учреждений в связи с новыми условиями сельского хозяйства — после революции и непа — и подведены итоги прежних достижений опытных станций с экономической оценкой их по районам; наконец, с четвертой стороны — установлена более четкая, деловая связь опытных учреждений с земорганами, с крестьянским населением каждого района и достигнуто широкое участие самих крестьян в опытном деле путем введения института крестьян-опытников.

Новое и особенно ценное, что резко отличает современное реконструируемое советское опытное сельскохозяйственное дело от довоенного, это то, что вся работа областных и районных опытных станций строится теперь на изучении основных запросов крестьянского сельского хозяйства, при чем опытные учреждения, следуя за развитием производственных процессов этого хозяйства, варьируют как целевые программно-плановые задания, так и методы продвижения своих достижений в крестьянские хозяйства. Затем ценно также и то, что в настоящее время налажена самая тесная связь опытных учреждений с местной жизнью и с крестьянским хозяйством — через плановые земорганы, агроцети, кооперацию, колхозы и совхозы, крестьян-опытников, школы, парт-и профорганизации.

Для объединения научной работы опытных учреждений по всему СССР создан Государственный институт опытной агрономии, а по отдельным дисциплинам исследовательская работа выполняется особыми институтами: Всесоюзным институтом прикладной ботаники, Государственным почвенным институтом, Никитским ботаническим садом (по субтропическим культурам и виноградарству) и пр.

Благодаря связи опытных учреждений с плановыми земорганами, осуществляемой путем ежегодных областных совещаний, за последние годы значительно улучшены финансирование опытных учреждений из местного бюджета и увязка опытной работы с нуждами областей. Точно также более тесное участие местного агроперсонала в обсуждении планов опытных учреждений, и наоборот — участие опытников в обсуждении планов агроработы позволяет находить правильные пути к реорганизации сельского хозяйства в соответствии с местными условиями и перспективным планом развития сельского хозяйства вообще.

В смысле связи с крестьянским населением, осуществляемой опытными учреждениями путем устройства курсов для крестьян, лекций, консультаций, экскурсий, выставок и проч. (в 1927 г. на 64 опытных станциях НКЗема РСФСР было проведено около 4.000 лекционных часов, по 50 часов на одно опытное учреждение), — особо важное значение приобретает связь опытных учреждений через посредство крестьян-опытников. Насколько этот новый метод пропаганды работы опытных учреждений в обстановке крестьянского хозяйства жизненен и важен для крестьян, показывает колоссальный рост числа крестьян-опытников за последние 3 года (по НКЗему РСФСР): в 1924 г. крестьян-опытников почти не было, в 1926 г. число их достигло уже 8.500 чел., а в 1927 г. — почти 10.000 чел. Надо при этом отметить, что этот вид связи опытных учреждений с крестьянским хозяйством интересен еще и в том отношении, что соответствующие опыты на крестьянских полях ставятся крестьянами-опытниками по своему личному почину или по инициативе районного опытного учреждения по всем правилам научного сельскохозяйственного опыта — с правильным учетом опыта (со взвешиванием, промерами) и нередко с освещением результатов по бюджетным данным, соответствующее же районное опытное учреждение только руководит и обрабатывает результаты такого крестьянского опыта, а местный участковый агроном проводит использование этих опытов в своей агропропаганде в районе.

Как видно, революционные сдвиги также глубоко изменили ныне сельскохозяйственное опытное дело, и оно все более и более становится массовым, вовлекая в свое русло новые и новые слои крестьян активистов-опытников; перед областными опытными станциями уже встает вопрос об организации при них особого бюро крестьян-опытников.

Показательно также то, что несмотря на некоторое отставание опытных учреждений с изданием своих научных трудов издательство популярной сельскохозяйственной литературы — с изложением в ней достижений опытных учреждений — значительно возросло («Новая деревня», Госиздат), хотя все же далеко недостаточно: в 1926 году, например, было издано по РСФСР около 6 миллионов экземпляров популярной опытной сельскохозяйственной литературы; между тем как в Америке только одно Центр. бюро опытных с.-х. станций издает ежегодно и рассылает бесплатно фермерам свыше 1 миллиона специальных бюллетеней по важнейшим вопросам опытного с.-х. дела.

Каково же число опытных сельскохозяйственных учреждений в отдельных районах СССР, как они распределены и достаточно ли обслуживают нужды сельского хозяйства этих районов? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать особенности сельского хозяйства каждого экономического района — области, а в связи с этим и задачи местных районных опытных учреждений, вытекающие из перспектив развития основных, ведущих отраслей районного сельского хозяйства.

1. Северо-Восточная область. Основной — ведущей отраслью народного хозяйства этой необитаемой малонаселенной (от Архангельска до Вологды и от Онеги почти до Обдорска) области с ее огромными лесными богатствами является и останется лесоводство и лесобрабатывающая промышленность, ориентирующаяся как на экспортный сбыт продуктов лесопиления, так и на переработку древесины для внутреннего рынка (целлюлоза, бумага). В этом отношении дальнейшее развитие и реконструкция хозяйства района находится в тесной зависимости, с одной стороны, от улучшения транспортных условий (железнодорожных и водных), а с другой — от создания крупных комбинатов лесопильного, целлюлозного и бумажного производства.

В отношении сельского хозяйства Северо-Восточная область распадается на три зоны: а) на северную или тундрово-белооморскую, населенную самодцами, неземледельческую зону, с преобладанием оленеводства, рыбного и зверобойного промыслов; б) на промежуточную зону оазисного земледелия и развитого молочного скотоводства, с некоторыми перспективами развития культуры ячменя, льна, огородных и большими возможностями для роста молочного хозяйства на базе улучшения кормовых угодий и путей сообщений и в) на южную зону — с распространением травопольно-паровых и льняно-картофельных севооборотов и развитым молочным хозяйством.

Главнейшие задачи опытно-исследовательского дела в северной зоне должны сводиться к улучшению условий разведения оленеводства и выработке мер борьбы с эпизоотиями оленей, а также к изучению рациональных методов зверобойного промысла. В зоне оазисного земледелия и молочного хозяйства, где скотоводческое хозяйство является основным стержнем развития крестьянского хозяйства, дальнейший прогресс сельского хозяйства прежде всего зависит от увеличения и правильного использования кормовых ресурсов путем улучшения заболоченных кормовых угодий и пр., при параллельном улучшении техники содержания и отбора пород скота, наиболее приспособленных к суровым северным условиям, а в области полеводства — от улучшения методов расчистки леса и использования болот под пашни и луга.

Отсюда само собою вытекают и задачи местных опытных сельскохозяйственных учреждений как в области изучения рациональных приемов ведения хозяйства, улучшения заболоченных кормов, угодий и торфяных болот, так особенно и в области улучшения скотоводства.

Наконец, в южной зоне — в Вологодском районе, где рисуются наиболее широкие перспективы развития сельского хозяйства Северо-Восточной области, главным образом, на базе молочного хозяйства (с переработкой молока на масло и использованием молочных остатков для промышленного свиноводства), реконструкция хозяйства и задачи опытных сельскохозяйственных учреждений мыслятся, прежде всего, в направлении мелиорации угодий (улучшение заболоченных лугов, торфяных болот и расчистка лесов). В области полеводства и улучшения землеустройства эти задачи сводятся в основном к введению травопольно-картофельно-льняных севооборотов и других мер, обеспечивающих развитие культуры льна, картофеля и отчасти зерновых хлебов (при высокой цене на них). Важной задачей является также улучшение использования кормовых ресурсов, молочного скота и методов переработки и использования молочных продуктов. Проблема же подъема урожайности здесь выдвигает на очередь вопрос об удобрении полей торфяной подстилкой и фосфоритами.

Современное состояние сельскохозяйственного опытного дела в Северо-Восточной области таково, что оно и по числу опытных учреждений и по специализации в общем может более или менее удовлетворительно обслуживать основные отрасли сельского хозяйства области: по полеводству и животноводству имеется давнишняя Вологодская опытная станция, по животноводству — Холмогорская зоотехническая опытная станция, по культуре болот — Архангельская опытная станция. Кроме того, имеются три других районных и одна контрольная станция. По сравнению с довоенным временем, когда в Северо-Восточной области было 4 опытных станций, в настоящее время число опытных учреждений здесь возросло до 7.

В смысле интенсивности обслуживания опытными учреждениями населения и посевной площади области оказывается, что Северная область (в силу малочисленности населения и посевов в ней) стоит впереди многих других областей СССР. Так, в ней на одно опытное учреждение приходится всего лишь около 371 тыс. жителей, и 57 тыс. га посевов (в 1926 году) и 240 тыс. голов крупного скота, тогда как в соседней Северо-Западной области на одно опытное учреждение приходится почти 550 тыс. жителей и 200 тыс. га посевов и 320 тыс. голов крупного скота. Однако, при огромной территории Северо-Восточной области опытные учреждения ее разбросаны весьма редко и на каждое опытное учреждение приходится не менее 174 тыс. кв. км малокультурных пространств, т. е. почти в 6 раз больше, нежели обслуживает одно опытной учреждение в Северо-Западной области (28 тыс. кв. км).

II. Ленинградская Северо-Западная область относится к типу индустриальных промышленных районов с преобладанием легкой индустрии и с большими перспективами для развития металлической, лесозаготовительной и судостроительной промышленности; вместе с тем, хорошие условия луговодства, животноводства и отчасти земледелия с огородничеством, при наличии огромного городского потребительского рынка, дают все шансы на дальнейшее развитие здесь интенсивного сельского хозяйства, главным образом, в области молочного хозяйства (с луговодством), огородничества и картофельно-льноводческого полеводства.

В смысле реконструкции сельского хозяйства в северо-западной части области на очереди стоит переход от подседной формы лесного земледелия к трехполью, с дальнейшей расчисткой из-под леса и болота кормовых и полевых площадей для развития земледелия и скотоводства, — при чем проблема подъема урожайности выдвигает вопрос об усилении удобрения полей навозом и фосфоритами.

В Приленинградском районе, кроме указанных моментов, в связи с ростом значения молочного хозяйства, все большее и большее значение приобретают мероприятия по проведению рентабельных мелиораций и дренажа лугов, а в области полеводства — развитие культуры картофеля и огородных растений.

Наконец, в более южных районах области структура сельского хозяйства диктует необходимость развития травопольно-молочного хозяйства, улучшение культуры льна-моченца и картофеля, а в связи с этим и задачи опытных сельскохозяйственных учреждений области должны сводиться к выработке рациональных и рентабельных приемов улучшения лугов и травосеяния, к введению правильных полевых севооборотов и методов культуры картофеля, льна, огородных и т. д., к изучению вопросов удобрения полей (навозного, фосфоритного и пр.). На ряду с этим должно быть поставлено изучение вопросов молочного скотоводства, выработки улучшенных приемов переработки и использования молочных продуктов (маслоделие, свиноводство и пр.).

По организации опытного сельскохозяйственного дела Северо-Западная область принадлежит к одной из наиболее обсужденных областей; на ее территории, помимо 5 районных опытных станций и 2 контрольно-семенных станций, имеется целый ряд научно-исследовательских учреждений общесоюзного значения, как, например, Институт прикладной ботаники, Институт опытной агрономии, Главный ботанический сад, Государственный почвенный институт, Бактерио-агрономическая станция и др.

При большой численности населения области (5,5 млн. человек в 1926 г.), значительной посевной площади (1,9 млн. га в 1926 г.) и солидном количестве скота (5,96 млн. голов), — нагрузка каждого опытного учреждения здесь довольно большая: на одно опытное учреждение приходится 550 тыс. душ населения, 200 тыс. га посевов и 320 тыс. голов крупного скота. В виду особого значения мелиораций (при обилии озер и заболоченных пространств) в области имеются две специальные опытные станции мелиоративного характера: Новгородская болотная станция и Ладжская агро-мелиоративная опытная станция.

III. Западная область с Белоруссией является районом весьма интенсивного земледелия, аграрного перенаселения и большого разнообразия типов сельского хозяйства, характерной чертой которого в целом является развитие молочного скотоводства и свиноводства, с одной стороны, усиление роли льноводства и промышленного картофелеводства — с другой, при значительной роли лесного и торфяного хозяйства и промыслов по переработке продуктов сельского и лесного хозяйства.

В связи с перспективами дальнейшей интенсификации сельского хозяйства и значительной аграрной перенаселенностью Западной области (плотность населения в ней достигает с Белоруссией почти 42 чел. на кв. километр против средней плотности по всему СССР около 7 чел.), очередными задачами в области реконструкции сельского хозяйства этого района (а следовательно, и для опытно-агрономического дела) является, с одной стороны, развитие мелиораций неудобных и заболоченных земель, а с другой — перестройка кормодобычания на искусственных выгонах и лугах и путем травосеяния и, наконец, широкое применение искусственных удобрений (особенно фосфоритов и известкования), а также и люпинового зеленого удобрения в районах песчаных почв, с рациональным использованием песков.

При пестротке почвенных (суглинок, песчаные почвы, болотистые, лесные) и хозяйственно-экономических условий разных районов этой

области основные мероприятия по реорганизации крестьянского хозяйства должны осуществляться в рамках таких преобладающих типов хозяйства, начиная с севера области: а) травопольно-льняного хозяйства с интенсивным молочнок-продуктовым скотоводством и техническими культурами; б) южнее следует район с травопольно-картофельным типом хозяйства; в) далее идет травопольно-конопленный район и еще южнее г) гречишно-картофельный.

Опытно-сельскохозяйственное дело в Западной области развито сравнительно удовлетворительно, обслуживая почти все основные отрасли местного сельского хозяйства, в частности, и по культуре болот; с организацией же в Белоруссии Института сельского хозяйства достигается и научное объединение опытно-исследовательского дела.

В среднем — при площади посевов около 5 млн. га в 1928 году по всей области (с Белоруссией), при количестве всего скота около 13,5 млн. голов (в переводе на крупный 5,5 млн. голов), при численности населения около 8,8 млн. человек и при общем числе опытных учреждений в области около 9 (с Белоруссией), — каждому опытному сельскохозяйственному учреждению области приходится обслуживать не менее 620 тыс. га посевов, 650 тыс. голов скота и 950 тыс. человек населения — на территории около 19 тыс. кв. км на одно опытное учреждение.

IV. Центральная-Промышленная область, являясь основным индустриально-промышленным районом с доминирующей ролью текстильной промышленности, с густой сетью железных дорог, многочисленными промышленными центрами и сосредоточием в них огромных масс квалифицированного пролетариата, — в сельскохозяйственном отношении весьма разнородна, поскольку в состав ее входят районы с разнообразными естественно-историческими условиями, начиная от северной лесной Костромской губ. и кончая лесостепной — Тульской.

По природным и экономическим условиям ЦПО в сельскохозяйственном отношении может быть разделена на 3 типовых хозяйственных района: а) пригодно-подмосковный — картофеле-молочный; б) восточно-картофельный район с песчаными почвами и в) северо-западный — льноводческий (со стланцевой культурой льна).

При наличии огромного городского рынка для потребления продуктов молочного-огородного хозяйства и растущего спроса крупной областной текстильной промышленности у сельского хозяйства области имеются все данные на дальнейшее развитие и превращение из отсталой отрасли хозяйства в интенсивную и высокорентабельную; это относится, главным образом, к продукции молока, картофеля и льна — основных элементов развития сельского хозяйства района.

Кроме указанных отраслей, также представляются некоторые перспективы для развития садоводства и огородничества (в отдельных подрайонах), а на юге области для улучшенного парозернового хозяйства.

Основные задачи опытно-агркультурной работы в области, на основании сказанного выше, должны сводиться в первую очередь к разрешению проблемы комбинирования доминирующих культур (картофеля, льна) в правильные севообороты с культурой кормовых трав (клевера и др.) и кормовых корнеплодов при самом серьезном отношении к вопросам улучшения техники обработки и удобрения полей (фосфоритная и известковая проблемы) во всей области. В ряде районов развивающегося интенсивного молочного хозяйства необходимо, кроме того, перейти к углубленной проработке вопросов мелиорации земель, создания искусственных выгонов и рационального кормления молочного скота, улучшения его содержания и пород.

По аналогии с идеей организации в производящих хлебных районах СССР крупных «зерновых фабрик» — совхозов, — в Центрально-Промышленной области (с ее огромным городским потребительским рынком) также имеются все предпосылки для организации крупных государственных совхозов и кооперативных колхозов молочного-огородного направления. При рациональной организации эти хозяйства могли бы с успехом, как это показывает блестящий опыт фермы Тимирязевской сельскохозяйственной академии и Подмосковского бутырского хутора, выполнять для Москвы и др. промышленных городов роль молочных и огородных фабрик и способствовать плановому снабжению трудового населения городов доброкачественными и дешевыми продуктами потребления.

В отношении опытного сельскохозяйственного дела Центрально-Промышленная область является наиболее богатой областью как по количеству, так и по качеству опытных учреждений. Здесь, кроме ряда общесоюзных исследовательских учреждений — при Тимирязевской сельскохозяйственной академии, Зоотехническом институте и пр., имеются 22 опытных сельскохозяйственных станций и опытных полей, в том числе 16 на местном бюджете, не считая сети контрольно-семенных станций (9) и метеорологических станций (197); по сравнению с довоенным временем сеть опытных учреждений в области возросла почти на 10 единиц. Все основные отрасли сельского хозяйства и культуры области обслуживаются специальными опытными учреждениями, помимо соответствующих отделов общих сельскохозяйственных станций (Московской областной и др.). Например, по животноводству имеются опытные станции: Ярославская, Новозыковская, по культуре картофеля — Богородское картофельное опытное поле, по льну — Бежецкое опытное поле, по пчеловодству — Тульская станция, по культуре болот — Яхромское опытное поле и пр.

Несмотря на большую цифру населения области (16,4 млн. человек в 1926 г.), значительную посевную площадь (8,4 млн. га в 1926 г.) и большое количество скота (19,5 млн. голов всего и 7,0 млн. крупного), при довольно развитой сети опытных учреждений в области, — каждому из них приходится обслуживать значительно меньшую площадь посевов (336 тыс. га), меньшее число населения (656 тыс. чел.) и голов скота (281 тыс. крупного), нежели в соседней Западной области, где к тому же и пути сообщения гораздо хуже. Однако, и в ЦПО сеть опытных учреждений далеко недостаточна и неравномерно распределена для более или менее правильного обслуживания всех специальных районов области. Слабым местом опытного дела ЦПО, Сев.-Зап. и Западной областей, кроме того, является недостаток «специальных» опытных учреждений по основным ведущим культурам некоторых специализировавшихся районов области.

V. Вятско-Ветлужская область (Волжско-Камский край), со включением в нее также Татарской и Чувашской АССР и Марийской авт. обл., расположенная в бассейнах волжских рек Ветлуги, Вятки и Камы, — при большой лесистости является и долго будет являться в своей северной части преимущественно лесопромышленным районом, и потому проблема рационализации лесного хозяйства, правильного использования древесины стоит перед областью, как главная и первоочередная. Вместе с тем, в силу значительной распаханности земель в лесной зоне и особенно в южной части области (Татреспублика), в силу затем малоземелья и отсталости сельского хозяйства и малокультурности населения, — вообще в области дальнейшие перспективы развития народного хозяйства диктуют необходимость, с одной стороны, коренной реконструкции сельского хо-

зяйства в направлении поднятия товарности земледелия и расширения масло-молочного скотоводства, с другой — улучшения условий развитых здесь сельскохозяйственных кустарных промыслов, кожевенной промышленности и, наконец, разработки богатейших в Союзе местных фосфоритов как в целях широкого промышленного их использования, так и удобрения полей в области.

В сельскохозяйственном отношении Волжско-Камский край распадается на три основных подрайона:

а) северный лесно-луговой, сходный по условиям и типу хозяйства с Вологодским, обладает широкими перспективами для развития, с одной стороны — молочного хозяйства на базе развития травопольных севооборотов и улучшения лугов, а с другой — рентабельного полеводства, основанного на культуре улучшенных сортов льна, картофеля, отчасти овса и клевера на семена;

б) переходный подрайон парово-зернового хозяйства (при многоземельи), с перспективой перехода на многопольные севообороты (с культурой многолетних трав) и продвижением культуры пшеницы и

в) южный малооземельный подрайон (главным образом, Татарская республика) — преимущественно серых зерновых хлебов с небольшими перспективами развития интенсивного сельского хозяйства.

В этом последнем подрайоне поднятие продуктивности полеводства может идти, главным образом, в направлении перехода от простого трехполья к системе улучшенных зерновых севооборотов с усилением культуры картофеля и конопли; улучшение же скотоводства возможно на базе усиления кормовых ресурсов, помимо гуменных кормов, посевами однолетних трав и на юге — люцерны.

Опытное дело в Волжско-Камском крае после революции значительно расширилось по сравнению с довоенным временем, и в настоящее время здесь имеется 9 опытных сельскохозяйственных учреждений, из них 2 опытных станции на госбюджете и 7 — на местном бюджете; однако, обслуживание ими крестьянских хозяйств все же слабое, на каждое опытное учреждение приходится не менее 800 тыс. населения, 622 тыс. га посевов и более 380 тыс. голов крупного скота при общей посевной площади в области около 5,5 млн. га (в 1926 г.) при 3,46 млн. голов крупного скота и 7,2 млн. душ населения.

VI. Средне-Волжская область, в состав которой входят губернии Самарская, Пензенская, Ульяновская и Оренбургская, делится на две части: западную — возвышенную и восточную — низинную, степную, и в общем в силу неустойчивости метеорологических условий хотя и с преобладающими хорошими почвами — суглинистыми черноземами и лесостепными суглинками, — является районом экстенсивного засушливого зернового хозяйства.

В соответствии с различием естественно-исторических и хозяйственных условий западной части области, характеризующейся сильной переизмененностью и распаханностью земель, и восточной степной, засушливой и менее населенной, — задачи реорганизации и улучшения сельского хозяйства в них требуют различных мероприятий. В западной части основные мероприятия должны быть направлены на интенсификацию сельского хозяйства путем, с одной стороны, усиления культуры технических растений, травосеяния и корне-клубнеплодов, а с другой — на развитие интенсивного животноводства — с молочно-мясным и свиноводческим уклоном. В степной же юговосточной части области общей и главной проблемой для засушливого Заволжья является борьба с засухой как путем применения правильного орошения и различных агрикультурных мероприятий, направленных на регулирование водного

режима и сохранение почвенной влаги, так введения в севообороты, наряду с пшеницей, других засухоустойчивых культур, селекционных сортов, разнообразия культур — пропашных, технических и кормовых (кукурузы, подсолнечника и др.).

В области же животноводства здесь должно быть обращено особое внимание на развитие мясного и мясо-шерстного скота с использованием для этого залежей, зерновых остатков и сеяных трав, получаемых с выведенных травопольных клиньев.

Перспективы широкого развития сельского хозяйства — с доведением до высокого уровня выхода товарной продукции зерновых экспортных хлебов и животноводства — в значительной степени зависят от поставок в области сел.-хоз. опытного дела. В этом отношении Средне-Волжская область обслужена довольно удовлетворительно и здесь имеется около 10 собственно опытных сел.-хоз. станций, помимо ряда контрольно-смежных станций и развитой метеорологической сети (160 станций и дождемерных пунктов). В числе опытных учреждений области имеется весьма солидная и одна из лучших опытных сел.-хоз. станций СССР — Безенчукская — со многими отделами, обслуживающими различные специальные отрасли с.-х. опытного дела. В среднем на каждое опытное учреждение области приходится около 724 тыс. населения, 620 тыс. га посева (в 1926 г.) и 330 тыс. голов крупного скота — при общей численности населения области в 1916 г. около 6,5 млн. чел., посевной площади около 5,5 млн. га и до 2,98 млн. голов крупного скота.

Почти необслуженными опытными учреждениями остаются садоводство и лесоводство, играющие значительную роль в экономике некоторых районов области: садоводство в Приволжской полосе и лесоводство в северо-западной части области.

VII. Нижне-Волжская область, включающая обширную территорию от южных районов Самарской губ. (Пугачевский уезд) до Астрахани, в силу особенностей географического расположения на мощной водной магистрали — Волге — и разнообразия природных условий, позволяющих развертывание различных типов сельского хозяйства — от экстенсивно зернового и скотоводческого до интенсивно-земледельческого и огородно-фруктового (в Прикаспийской зоне) с культурой ценных технических растений (вплоть до хлопка), — имеет в экономике народного хозяйства СССР весьма большое значение.

В основном Нижне-Волжская область может быть охарактеризована как район высокотоварных экспортных пшениц, а также развитого рыболовства и соляных промыслов. Выдающееся значение в экономике СССР местного товарно-зернового полеводства выдвигает перед областью на первый план (в виду резких колебаний урожайности, как результат периодических засух — с катастрофическими неурожаями, в роде 1921 г.) осуществление мероприятий по борьбе с засухой. Однако, в силу различия почвенно-климатических и хозяйственных условий, отдельные районы этого обширного края характеризуются особыми чертами сельского хозяйства, которые могут быть определены следующим образом:

а) Северный подрайон — характеризуется развитым парозерновым хозяйством, чересполосицей и аграрным перенаселением; перспективы развития его не велики и зависят от интенсификации сельского хозяйства путем усиления технических культур, травосеяния и продуктивного молочного животноводства.

б) Следующий к югу район (засушливый) — экстенсивного зернового земледелия, с преобладанием пшеницы, сравнительно малонаселенный; это основной район области — с большими перспективами, и здесь реорганизация земледельческого хозяйства, прежде всего, зависит

от проведения широких мелиоративных оросительных и агротехнических мероприятий, направленных на борьбу с засухой, и должна вестись в направлении широкого применения тракторной и машинной обработки, организации крупных сельскохозяйственных предприятий — совхозов (зерновых фабрик) и колхозов и широкой культуры экспортной пшеницы (с созданием семенного фонда от селекционных сортов), а также внедрения других засухоустойчивых культур — кукурузы, проса и горчицы, — с расширением пропашного клина.

Для развития скотоводства (главным образом, мясного и мясо-шерстного направления, с откормом скота на гуманных кормах) в этом районе также имеются все предпосылки.

в) Более южный район, характеризующийся комплексными почвенными условиями, значителен распространением засоленных пространств, а в прикаспийской части — песчаных наносов, — является районом экстенсивного полухищнического залежного хозяйства (за исключением более культурного хозяйства Немцев Поволжья, ведущих многопольное земледелие и хорошее молочное хозяйство) и развивающегося овцеводства. Реорганизация хозяйства этого района в области полеводства мыслится в направлении, сходном с организацией земледелия в Республике немцев Поволжья, а также — по типу оазисного хозяйства — с культурой технических растений, арбузов, тыкв (на корм скоту) и пр. В области скотоводства реорганизация мыслится на основе улучшения пород мясо-шерстного скота и организации призовочной территории, с кормовыми базами для подкорма скота в районах чечевичного и полукочевого населения, затем на базе расширения сельскохозяйственной зоны и травосеяния на мелиорированных — орошенных оазисами землях, а также в результате песчозакрепительных работ.

г) Наконец, в особом южно-прикаспийском интразональном районе, так называемой Ахтубинской поймы — дельты Волги, имеются все предпосылки для дальнейшего развития и рационализации многоотраслевого интенсивного и орошаемого земледелия с широкими перспективами для культуры огородно-овощных растений, садов и виноградников, а также таких ценных технических растений, как хлопок, кенаф, клеверина и друг.

В соответствии с этими разнообразными типами сельского хозяйства Нижне-Волжской области и задачи сельскохозяйственного опытного дела в ней весьма разнообразны, начиная от изучения и выработки засухоустойчивых сортов и приемов сухого земледелия в районах экстенсивного зернового хозяйства и кончая выработкой рациональных приемов орошения, борьбы с сорняками и культуры новых южных растений (хлопка, кенафа и др.) в южных районах искусственного орошения и интенсивного хозяйства.

Для обслуживания сельского хозяйства с таким районным разнообразием типов хозяйства Нижне-Волжская область располагает количественно и качественно довольно солидным составом опытных сельскохозяйственных учреждений в числе 17 единиц (не считая контрольных семенных станций и 94 метеорологических станций и дождемерных установок) во главе с Саратовской областной сельскохозяйственной станцией, в том числе 11 из них находятся на госбюджете и 6 — на местном бюджете; при этом, помимо опытных станций общего типа, в области имеется несколько опытных учреждений специального типа: по садоводству (Астраханская), пчеловодству (Саратовская), орошению (Тингутинская) и друг.

В среднем на каждое опытное учреждение области приходится: населения не более 312 тыс. чел., посевов всего около 140 тыс. га и скота крупного лишь около 190 тыс. голов при общем числе населения области около 5,5 млн. чел., посевной площади (в 1926 г.)

около 2,3 млн. га и количестве крупного скота около 3,25 млн. голов. Иначе говоря, опытные учреждения области обслуживают местное сельское хозяйство почти в два раза лучше, нежели даже в Центрально-Промышленной области.

VIII. Центральная-Черноземная область, в состав которой входят губернии лесостепной и переходной степной полосы — Орловская, Тамбовская, Курская и Воронежская, — характеризуется как район аграрного перенаселения, усиленной распаханности земель, преобладания маготварных серых зерновых хлебов и низкой доходностью регрессирующего крестьянского хозяйства. Этот район «оскудения центра» уже привлекал особое внимание Союзного правительства, и после издания в сентябре 1925 года специального постановления ВЦИКа здесь приступлено к проведению ряда основных мероприятий для восстановления сельского хозяйства как по линии борьбы с засухой, землеустройства, мелиорации, так и агрикультурного воздействия, направленного на реконструкцию и интенсификацию местного сельского хозяйства.

В соответствии с различием природных условий северных и южных районов Центр.-Черноземной области, по характеру сельского хозяйства и задачам агрикультурно-опытных мероприятий она может быть разделена на два подрайона: северо-черноземный (лесостепной) и средне-черноземный (переходно-степной). Особенностью первого из них является однообразное паровое зерновое хозяйство и аграрная перенаселенность, а для второго подрайона характерны переходные формы хозяйства от трехполья к пестрополью, с разнообразием культур (кроме зерновых) свеклы, винокуренного картофеля, подсолнечника, табака и пр., меньшая распаханность земель и сравнительно не слишком большая густота населения.

Основная задача реорганизации сельского хозяйства в первом подрайоне, учитывая малую возможность увеличения здесь земельных фондов, дробности крестьянских хозяйств и другие условия, должна сводиться к мероприятиям, направленным, с одной стороны, к изменению состава яровых культур и повышению урожайности, а с другой — к усилению развития мелкого промышленного животноводства (особенно птицеводства). Перспективами развития полеводства в этом районе предусматривается, помимо улучшения производства серых хлебов для потребляющей полосы СССР, развитие бобовых зерновых культур (чечевица, горох, фасоль), культуры семенного клевера, расширение культуры картофеля на винокурение, отчасти конопли и улучшение кормового баланса, в частности путем введения занятых паров.

В соответствии с указанными проблемами деятельность опытных учреждений этого подрайона ЦЧО должна быть направлена прежде всего: а) на разработку технических приемов обработки и вопросов удобрения полей и б) на улучшение сортов растений и приемов земледелия.

В южном подрайоне ЦЧО имеются значительно большие перспективы для развития сельского хозяйства и его индустриализации, особенно на базе свеклосахарной промышленности, винокуренной, крахмально-паточной, табачно-махорочной, маслосеменной, пеньковой, баковой, яичной и консервной.

В области полеводства прогресс мыслится, во-первых, в направлении улучшения зернового хозяйства и, в частности, в развитии посевов пшеницы и кукурузы, значительного роста трудоемких сортовых технических культур — сахарной свеклы, картофеля, подсолнуха и, во-вторых, в направлении расширения травосеяния в целях улучшения кормового баланса и развития молочного хозяйства, особенно по линии роста многолетних трав (в частности, приусадебной люцерны), а также кормовой

тыквы. В области же животноводства, имевшего здесь в довоенное время значительное развитие, перспективы развития намечаются как в направлении улучшения старых отраслей — коневодства (улучшение крестьянской лошади через госконзаводы) и экспортного птицеводства, так и по линии развития свиноводства и мясного скота, особенно в южных пшенично-кукурузных и молочных районах, а также по части разведения улучшенных местных пород овец.

Тип и объем реорганизации и развития указанных отраслей и индустриализации сельского хозяйства ЦЧО существенным образом зависят от мероприятий в области широкого роста коллективизации и связанной с ней тракторизации (при недостатке тяговой силы), а также от темпа промышленности, перерабатывающей продукты сельского хозяйства, и организации промышленно-сельскохозяйственных комбинатов — свекло-сахарных, крахмало-паточных, маслобойных, мукомольных и др. и отчасти в связи с разработкой фосфоритов и друг. ископаемых богатств.

В связи с разрешением указанных проблем по реконструкции сельского хозяйства, задачи опытных учреждений южного подрайона ЦЧО весьма разнообразны как в области полеводства, так и животноводства. В частности, первоочередными программными вопросами опытно-исследовательских учреждений по полеводству должны явиться: разработка методов обработки полей, изучение паров, испытание улучшенных и устойчивых сортов технических культур и пр.

Для выполнения широких опытно-исследовательских задач, стоящих перед ЦЧО в связи с реорганизацией и развитием сельского хозяйства, ЦЧО располагает достаточно развитой и солидной сетью опытных сельхоз. учреждений и таким научно-исследовательским центром, как Воронежский сел.-хоз. институт.

Помимо контрольно-семенных станций и метеорологической сети, на территории области имеется около 18 опытных сел.-хоз. учреждений, из них 7 опытных станций и полей, содержащихся на местном бюджете, а в числе госбюджетных опытных учреждений особое значение имеет центр-областная опытная станция в Воронеже с целым рядом солидно-организованных отделов.

При сравнительно небольшой территории ЦЧО (около 186 тыс. кв. км), при населении около 10,3 млн. человек, площади посевов около 8,0 млн. га (в 1926 г.) и количестве скота около 4,0 млн. голов (крупн.) в среднем на каждое опытное учреждение ЦЧО приходится не более 10 тыс. кв. км, около 536 тыс. чел. населения, около 200 тыс. голов крупн. скота и 400 тыс. га посевов.

IX. Северо-Кавказский край, в состав которого входят 15 округов и 6 автономных областей (без Дагестанской АССР), весьма не однороден в природном и сел.-хоз. отношении и схематически может быть разделен на три зоны: а) северо-восточную или засушливую-степную (придонскую); б) западную — влажную (прикубанскую) и в) южную — предгорную и причерноморскую.

Разнообразные и благоприятные природные условия, близость к морским путям и успешная производственная деятельность населения выдвигают Северо-Кавказский край на одно из первых мест в экономике народного хозяйства СССР, и в перспективе значение его, как важнейшего района по продукции экспортных зерновых хлебов (особенно пшеницы), усиливающегося роста технических и специальных культур и товарного животноводства, а также как района развивающихся субтропических культур (на Черноморском побережье) и широкого курортного дела, несомненно, будет все более и более возрастать.

В соответствии с различием природно-хозяйственных условий названных трех основных районов края и характер развития сельского хозяйства, равно и задачи опытно-агрономического дела в этих районах имеют свои особенности.

В северо-восточном засушливом степном районе, где имеются еще значительные земельные излишки, развитие и реорганизация сельского хозяйства в значительной степени связаны с осуществлением мелиоративных работ и ростом тракторизации, а также колхозного и совхозного строительства. На ряду с развитием зернового хозяйства (при широкой механизации) и при наличии больших пастбищ в этом районе, имеются все шансы также на широкое развитие коневодства, а в отдельных подрайонах — свиноводства, молочного скота и мериносового овцеводства; кроме того, значительные возможности имеются здесь и для расширения виноградарства.

В районе Кубани, являющемся благодаря теплоту и влажному климату, хорошим почвенным условиям и пр., ценнейшим сел.-хоз. оазисом РСФСР, — имеются почти исключительные возможности для роста улучшенных форм экстенсивного хозяйства — с производством экспортной пшеницы, ячменя, подсолнечника (масл.) и интенсивных садовогородных культур, особенно в припорошевой зоне, — а также для развития ценных технических культур, как табак, сахарная свекла, кенар, сорго, клеверина, соя и др., с переработкой сырья на местных промышленных предприятиях. Вместе с тем, здесь же налицо все условия и для широкого развития виноградарства и виноделия, а также — для промышленного свиноводства (с устройством бэкконных фабрик), молочного скотоводства и яично-птичьего дела.

Наконец, в южном субтропическом районе Черноморского побережья имеются широкие возможности для культуры ценных сортов фруктов, винограда, высокосторных табаков, лекарственных трав, мандаринов (Сочинский район) и пр.

Разнообразие природных и хозяйственных условий этого богатейшего края и малая изученность отдельных его районов, в частности, горной и субтропической зоны, ставят на разрешение опытного агрономического дела края целый ряд больших и разнообразных задач, начиная от выработки приемов рационализации экстенсивного зернового хозяйства засушливой северной степной зоны и кончая изучением методов культуры новых растений в условиях влажно-теплого климата субтропической зоны Черноморского побережья Кавказа.

Для разрешения этих сложных задач в области сельского хозяйства, Сев.-Кавказский край в настоящее время располагает почти в два раза большим числом опытных и сел.-хоз. учреждений по сравнению с довоенным временем, и на его территории имеется около 20 сел.-хоз. опытных станций и полей различного типа (общих, зоотехнических, садовогородных, шелководственных и друг.), несколько контрольно-семенных станций и 10 метеорологических станций.

В среднем каждое опытное учреждение края обслуживает около 419 тыс. жителей, 255 тыс. голов крупного рогатого скота, 400 тыс. га посевов и не более 15 тыс. кв. км территории, считая, что в 1926 г. все население края составляло около 8,3 млн. человек, посевы — около 8 млн. га и количество крупного скота около 5,1 млн. голов; иначе говоря, обслуженность территории и населения опытными учреждениями в Сев.-Кавказском крае более полная, нежели в ЦПО и ЦЧО.

X. Уральская область и Башкирия. Уральская область, простирающаяся на огромном пространстве по обоим склонам Уральского хребта и от истоков р. Печеры, в бассейне р. Камы и на юге до вер-

ховьев реки Урала,—включает в своем составе 16 округов и Башкирскую АССР и представляет по климату и естественно-историческим условиям большое разнообразие.

В основе народного хозяйства этого обширного района, расположенного на путях от европейских промышленных районов СССР к сибирским и средне-азиатским, лежит добывающая и обрабатывающая горнозаводская и лесная промышленность союзного значения; в сельскохозяйственном же отношении, в силу слабой связи путями сообщения производящих земледельческих и скотоводческих подрайонов с рыночными центрами, у области пока не имеется больших перспектив на развитие трудоемких культур, и лишь в пределах генерального плана возможна значительная интенсификация сельского хозяйства.

По естественно-историческим условиям Уральская область в сельскохозяйственном отношении может быть разделена на два района:

а) Северный район—с возможным развитием крупного рогатого скота, продвижения пшеницы и роста травосеяния и бобовых культур, причем на базе правильного использования гуманных кормов и травосеяния в перспективе представляется возможным развитие молочного хозяйства, особенно после проведения путей сообщения как союзного значения (сверхмагистрализация Сибирской железной дороги, Северн.), так и внутриобластного характера.

б) Южный засушливый район, сравнительно малонаселенный и многоземельный, с значительными перспективами для реорганизации и рационализации экстенсивного зернового хозяйства по методам сухого земледелия. На ряду с рационализацией и развитием зернового хозяйства на базе выведения засухоустойчивых сортов, улучшенных паров, искусственных залежей и пр., в этом районе имеются все предпосылки для развития мясо-молочного скотоводства—на базе земледелия, обилия естественных выгонов, залежей и пр. (успехи молочной кооперации), а также для разведения свиней с продукцией бэкона.

Район собственно Башкирский характеризуется значительным удельным весом экстенсивного сельского хозяйства; в перспективе же в связи с необходимостью снабжения хлебом промышленных районов Уральской области, с одной стороны, а с другой—благодаря хорошим почвенным условиям в районе р. Белой (черноземные почвы), богатству лесами, сенокосами и выгонами, и при условии улучшения транспортных условий Башкирии (постройка линии Оренбург—Уфа—Пермь—Печера), для этого района представляются возможности значительного хозяйственного развития как в смысле повышения посевов пшеницы для вывоза и роста технических культур (в частности, подсолнечника—с развитием маслобойной промышленности), корнеплодов и трав, так и по линии животноводства: в одних подрайонах молочно-мясного направления и свиноводства (с устройством бэканных фабрик), в других—мясного и мясо-шерстного (с улучшением качества овец путем метизации), в третьих—косячного коневодства. Наличие больших запасов фосфоритов и калийных удобрений (Стерлитамакское месторождение) в Уральской области, на ряду с мелиоративными мероприятиями в засушливых районах области и Башкирии и мероприятиями по улучшению обработки полей (с тракторизацией) обеспечивают возможность здесь широкого применения указанных удобрений и значительного повышения урожайности полевых культур и лугов (особенно калийных—на лугах, а также под корнеплоды, технические растения).

Малая изученность Уральской области и Башкирии в сельскохозяйственном отношении, ничтожное количество имеющихся здесь опытных сельскохозяйственных учреждений до войны (2 опытных станции) ставят

перед опытным делом области весьма большие и разнообразные задачи в области научно-исследовательской работы по всем отраслям сельского хозяйства. Конкретно эти задачи сводятся к необходимости выработки рациональных приемов ведения и реорганизации земледелия и животноводства, начиная от применения методов сухого земледелия, улучшения лугов, мелиорации и минеральных удобрений и кончая улучшением пород товарных отраслей скота, условий содержания его и использования рыночных продуктов животноводства.

После войны опытное сельскохозяйственное дело в Уральской области значительно выросло, и в настоящее время по всей области (вместе с Башкирией) имеется около 8 опытных учреждений и 148 метеорологических станций и дождемерных пунктов. В общем на каждое опытное учреждение области приходится посевов около 580 тыс. га, скота 580 тыс. голов (крупн.), населения около 800 тыс. чел. и территории около 180 тыс. кв. км.

Эти данные показывают, что опытные учреждения еще весьма слабо обслуживают население Уральской области.

XI. Сибирский край, в состав которого входят, за исключением Якутской АССР и Дальневосточного края, все запроектированные Госпланом СССР экономические области Сибири—Западно-Сибирская, Енисейская, Центрально-Кузнецкая и Ленско-Байкальская,—является сравнительно малообжитым, малонаселенным районом. Основная функция этого района в народном хозяйстве всего СССР заключается в снабжении внутренних районов СССР и Средней Азии дешевым товарным хлебом, продуктами мясного и молочного скотоводства (маслоделание), увеличение выхода которых, как и рост технических культур, связано с развитием железнодорожных путей (сверхмагистрализация Сибири и постройкой подъездных южных и северных тасжных колонизационных дорог), с усилением колонизации тасжных и друг. районов и широкой организацией тракторного дела, колхозов и крупных государственных совхозов; кроме того, хозяйственное развитие края связано с технической и организационной реконструкцией сельского хозяйства, соответствующей особенностям отдельных зон, начиная от полувасушливой зоны и кончая северными подтаежными районами.

Расчленив Сибирь на основные экономические районы области по сетке Госплана СССР, начинаем с характеристики наиболее отсталого в хозяйстве и культурном отношении северного района Сибири—Якутской АССР.

Якутская область—АССР—самая обширная по территории, самая малонаселенная, самая холодная и наименее изученная область всего СССР. Будучи по пространству почти равной Европейской части Союза ССР (около 4.000 тыс. кв. километров) и охватывая весь северо-восточный район Сибири и бассейны величайших рек—Лены (с Алданом и Вилюем) и Колымы—от побережья Северного Ледовитого океана (тундровой полосы) до Джунгарского хребта и Охотского моря на юге,—Якутия имеет всего лишь около 290 тыс. жителей (с минимальной плотностью лишь около 0,08 чел. на 1 кв. км), значительная часть которых к тому же находится на весьма низком культурном уровне и ведет полукочевой охотничий и рыболовный образ жизни (юкагеры, чукчи, тунгусы, якуты) в суровых условиях тайги и тундры, ничтожную площадь посевов—около 33 тыс. га (вместо 38 тыс. га в 1917 г.) и малое количество домашнего скота (не более 400 тыс. голов крупного). Благодаря суровому климату (Якутия по морозам у Верхоянска, достигающим в январе—феврале 50 градусов, является центром мировой стужи), преобладанию непроходимых пространств тундры и тайги, отсутствию железно-

дорожных путей сообщения, — хозяйство Якутии слабо развито, носит полунатуральный характер и базируется, главным образом, на лесном промысле (почти 80% пространств области покрыто лесом — лиственницей, сосной, елью, кедром), на оленеводстве, пушным и рыбным промыслами и скотоводстве, при чем не менее 90% хозяйствующего населения области сосредоточено в долинах среднего течения реки Лены и по нижнему течению притоков ее — Алдана и Вилюя, и лишь в южной горной части Якутии — центре союзной золотопромышленности — преобладает население разнообразного племенного состава и экономическая жизнь носит более разнообразный характер.

Несмотря на суровый климат этот обширный сев.-восточный угол СССР при богатстве его необятных ценных лесов, изобилующих ценными пушными зверями, при богатстве многоводных рек и озер Якутии промысловыми породами рыб (нельма, мускул, омуль, чир и др. из семейства лососевых) и огромных количествах полезных ископаемых, является страной больших хозяйственно-производственных возможностей вообще и сельского хозяйства отчасти; но широкая эксплуатация богатств края, изолированного от всего Союза, благодаря бездорожью и непроходимым необятным пространствам, и живущего в условиях полунатурального хозяйства, возможна лишь при осуществлении постройки железной дороги, соединяющей Якутию с Сибирской магистралью, а также улучшении судовой связи ее с Сибирью и Дальним Востоком путем захода судов из Северного моря в устья рек Лены, Калыма, Индигирки и др. Только эти транспортные связи способны дать толчок развитию всего хозяйства Якутии.

По природным и хозяйственным условиям Якутская область может быть разделена на пять следующих районов:

1) заполярный район, простирающийся широкой полосой вдоль берега Сев.-Ледовитого океана, с основными занятиями кочевого населения рыболовством, оленеводством, пушным промыслом и собаководством;

2) скотоводческий район к западу от р. Лены, где преобладающим занятием населения (кочевых якутов) является разведение крупного рогатого скота для собственных нужд, рыболовство с охотой, оленеводство и отчасти хищническая добыча золота (в районе Вилюя).

3) район скотоводческо-земледельческий (Якутский округ), занимающий пространство на юге до устья р. Толбы и среднего течения Алдана; в основе этот район скотоводческий, но со значительным распространением среди оседлых якутов, русских крестьян и кочующих туземцев земледелия, извозного промысла, звероловства и на окраине — оленеводства.

4) земледельческо-извозный район округов Олекминского и Ленского (к границе с Иркутской губ.) с основным занятием русского населения земледелием, извозным промыслом и лесным;

5) горнопромышленный район — во всей южной части Якутии — в основном является районом эксплуатации золотоносных месторождений и побочных промыслов, связанных с обслуживанием этой промышленности и отчасти оленеводства и звероловства.

Наибольшее значение в сельском хозяйстве Якутии имеет скотоводство — основа благосостояния местного населения, при чем оно распространено здесь повсеместно за исключением приморской тундры (у Ледовитого океана), но, главным образом, в Якутском и Вилюйском округах (95% всего стада Якутии), и почти на 80% основано на разведении крупного рогатого скота; выносившие к суровым зимам якутские лошади, главным образом, содержатся в табунах на подножном корму и являются

незаменимым вьючным животным; овцеводство в Якутии не получило развития в силу тяжелых климатических условий и конкуренции со стороны оленеводства, (шкурки оленей дают теплые шубы); свиноводство более распространено у русских и отчасти у туземцев, благодаря требованиям на мясо и сало городского населения и наличию у крестьян значительных молочных остатков.

Земледелие сравнительно новый промысел в Якутии и связано с переселением сюда в XVIII веке крестьян. Несмотря на суровый климат хлебные культуры продвигаются здесь далеко на север, и пшеница, например, растет у 63,5° сев. широты в Вилюйском округе. Наибольшее развитие земледелие получило в южных округах Якутии (Олекминском) в долинах больших рек и ведется примитивно в паро-переложной системе, с расчисткой площадей под лен; основной культурой является ячмень (около 55%), затем идет рожь (28%) и пшеница (16%) при коротком вегетационном периоде в 107—125 дней.

Кроме хлебопашества, некоторое развитие получило огородничество в пригородных русских и туземных селениях, особенно в Олекминском округе.

В общем, однако, местная продукция хлебов далеко не покрывает всех потребностей населения Якутии, и за исключением некоторых районов Олекминского округа она нуждается в ввозном хлебе. Тем не менее, в перспективе необходимо предусмотреть рост посевных площадей до удовлетворения местных нужд в серых хлебах, к чему побуждает и развитие золотой промышленности. Дальнейшее развитие земледелия и скотоводства (главным образом, мясного и мясо-молочного направления с усилением масоделания) Якутии, помимо зависимости от разрешения транспортной проблемы, в значительной степени зависит от улучшения приемов земледелия и содержания скота и прежде всего от внедрения в крестьянское хозяйство улучшенного европейского сел.-хоз. инвентаря и усиления заготовок сена для кормления скота на зиму (сенокосение).

В отношении обслуживания сельского хозяйства опытным с.-х. делом Якутия оказывается наиболее обездоленным районом СССР и в настоящее время на всю колоссальную территорию этой области имеется лишь одно опытное сел.-хоз. учреждение (Восточно-Сибирская опытная станция). Это почти на 4000 тыс. кв. км территории, на 290 тыс. населения и 400 тыс. голов крупного скота.

XII. Енисейская область, простирающаяся по всему бассейну реки Енисей от Северного моря до Красноярска (около 2.550 тыс. кв. км), занимает второе место в СССР после Якутской АССР и так же, как и последняя, является районом наименее обжитым и населенным (за исключением южной части — Прикрасноярской), малоизученным, с суровым холодным климатом, лишена почти жел.-дор. путей сообщения. В силу суровых климатических условий, с распространением границы вечной мерзлоты на юге до р. Верхней Тунгузки (южнее г. Енисейска и 60° сев. широты), преобладающая тундровых и таежных пространств и лесных массивов, земледелие в этой области развито только в южной части, прилегающей к линии Сибирской жел. дор., в районах с островами лесостепи и черноземных и суглинистых почв Красноярского, Канского округов и по долине р. Енисей, т.-е. в районах русской колонизации; в остальной же большей части и особенно к северу за пустынным пространством Подкаменной Тунгузки, где преобладает тунгузское население, отчасти якуты, а севернее — самоеды, основными занятиями населения являются частично скотоводство, рыболовство, охота и оленеводство.

Перспективы развития хозяйства Енисейской области, прежде всего, возможны в направлении лесной промышленности и горнодобывающей,

основанной на добыче золота, угля, меди, а вместе с ростом этих основных отраслей открываются значительные возможности земледелия в южных районах. Однако, эти возможности могут быть осуществлены лишь в результате развития железнодорожного строительства, особенно с проведением северной магистрали через Енисейск — Якутск и таких подвозных путей, как Томск — Енисейск, а также в результате колонизации соответствующих районов и производства широких мелиоративных работ. При этих условиях этот обширный край, производящий и теперь достаточное количество хлеба для прокорма местного населения, будет в состоянии, помимо основных продуктов общесоюзного значения (золото, медь, графит, лес), давать значительное количество сел.-хоз. продуктов на вывоз. Такому росту хозяйства области в значительной степени может способствовать также и улучшение водных путей, являющихся теперь основными путями сообщения области, особенно могучая река Енисей, удобные подступы в устье которой с Северного моря для морских пароходов дают возможность непосредственного сообщения области с северными портами СССР и с внешним миром.

Задачи опытного сел.-хоз. дела области — при преобладании в земледелии посевов пшеницы и ржи, а в скотоводстве — крупного молочного скота и лошадей — должны быть, главным образом, направлены на изучение малоизвестных естественно-исторических и экономических особенностей ее сел.-хоз. районов.

При наличии в Енисейской области в настоящее время всего лишь 2 опытных сел.-хоз. учреждений, расположенных к тому же только в Южно-Прикаспийской зоне, обслуживание сельского хозяйства области при ее колоссальной территории (более 2.500 тыс. кв. км) и значительном населении (около 1,3 млн. человек) совершенно не обеспечено. На каждое опытное учреждение области при данных условиях приходится около 1.250 тыс. кв. км, 600 тыс. человек населения, не менее 450 тыс. голов крупного скота и 280 тыс. га посева.

XIII. Западно-Сибирская область — третья по размерам территории область в СССР, также сравнительно слабо заселенная и мало освоенная на севере.

Простираясь более чем на 2.000 кв. км от Северного моря, от вечной мерзлоты и тундры на юг, почти до района Семипалатинска с каштановыми степными почвами, и занимая низменности бассейна р. Оби и ее притока Иртыша, Западно-Сибирская область характеризуется значительным разнообразием почвенно-климатических, а следовательно, и сельскохозяйственных условий. Так, на севере, в тундре, с ее жалкой растительностью мхов и лишайников, редкое самоедское население занимается оленеводством; в полосе западно-сибирской тайги с лесными массивами сибирского кедра и лиственницы — основным занятием вогулов и русского населения является лесной промысел, звероловство, рыбный промысел и скотоводство; южнее идет лесостепь и степь с черноземными почвами, на крайнем юго-востоке — с каштановыми почвами, и здесь основным занятием преобладающего русского населения, занимающего наиболее пригодную для сельского хозяйства полосу вдоль Сибирской железной дороги, является земледелие и скотоводство, которые носят товарный характер (вывоз пшеницы, продуктов маслоделия, кож, шерсти); в этой же южной степной зоне южнее железной дороги довольно значительный процент населения составляют киргизы-казаки, основным занятием которых является скотоводство, местами в сочетании с земледелием.

Перспективы народного хозяйства Западной области основаны на развитии товарного земледелия, животноводства и лесного промысла,

продукты которых, главным образом — пшеница, масло, кожи, шерсть, отходы пушнина и рыба (р. Обь) должны явиться главными статьями вывоза в европейские районы СССР, и в этом, прежде всего, значение области в общесоюзном народном хозяйстве; развитие же промышленности в области связано с лесным промыслом и с переработкой продуктов сельского хозяйства.

Важнейшим условием дальнейшего роста посевных площадей и улучшения зернового хозяйства области должно явиться развитие тракторного дела и совхозного строительства.

Задачи опытного сел.-хоз. дела области весьма разнообразны в соответствии с большим разнообразием природных и хозяйственных условий, начиная от выработки засухоустойчивых сортов и приемов сухого земледелия в южных степных районах пшеничного хозяйства и кончая работами мелиоративного характера в северной полосе и применением приемов рационального скотоводства.

Однако, существующая сеть опытных учреждений области далеко недостаточна для обслуживания нужд сельского хозяйства, тем более, что имеющиеся в области 3 опытных сел.-хоз. учреждения расположены только в южной прижелезнодорожной полосе ее; северная же часть области опытных учреждений не имеет.

При населении области почти около 2,5 млн. человек, — при посевной площади около 2 млн. га и количестве скота (крупного) не менее 2,3 млн. голов, — на каждое опытное учреждение области приходится не менее 830 тыс. человек, около 770 тыс. голов скота и 600 тыс. га посева.

XIV. Центрально-Сибирская или Кузнецко-Алтайская область как по своим природным богатствам, в виде громадных запасов каменного угля (Кузнецкий бассейн), больших запасов железных руд, а также наличия значительных медных, серебряно-свинцовых и цинковых месторождений, — так и по благоприятным для развития сельского хозяйства почвенно-климатическим условиям (климат средней России и почвы от подзолов на севере до черноземов на западе и востоке) и, наконец, по центральному положению в Сибири и на перекрестке железнодорожных путей в Дальне-Восточный край, Казахстан, Туркестан, при наличии широких водных путей по Оби и Енисею, — является действительно жемчужиной Северо-Азиатской части СССР. Перспективы для развития народного хозяйства этой области исключительно благоприятны и велики, и показателем этого может служить сказочно-быстрый американский рост центрального города области — Новосибирска, расположенного на перекрестке Сибирской железнодорожной магистрали и водной артерии Средней Сибири — р. Оби.

В сельскохозяйственном отношении Центрально-Сибирско-Кузнецкая область представляет район наиболее богатый скотом, посевами и ценными товарными культурами; уже в настоящее время область располагает большими излишками сельскохозяйственных продуктов — пшеницы, мяса, масла и прочего для вывоза их в Европейскую Россию, Среднюю Азию и восточные районы Сибири. В будущем же при развитии здесь сети дополнительных путей сообщения, росте промышленности и оборудованной сети элеваторов, хладобоек, сыроварен (на Алтае) и развитии свеклосахарного производства, которому благоприятствуют природные условия (в Минусинском районе и на западных склонах Алтая) и наличие емкого сибирского рынка (при дороговизне перевозки сюда украинского сахара), для роста сельского хозяйства открываются еще более благоприятные и широкие перспективы; особенно значительных сдвигов в хозяйстве надо ожидать со времени окончания постройки Туркестано-

Сибирской железной дороги, которая откроет широкую возможность для вывоза в хлопководческие районы Туркестана сибирского хлеба, леса и других продуктов.

Основным занятием преобладающей части русского населения области является в настоящее время земледелие и молочно-маслодельческое хозяйство; остальное население, главным образом, живет от скотоводства и отчасти от подсобных промыслов—охоты и рыболовства.

Преобладающей культурой в полеводстве является пшеница (около 40% от всей посевной площади 1926 г.), затем идет овес, далее рожь и технические растения; из домашних животных преобладают коровы, за ними идут лошади, свиньи и овцы.

С развитием мукомольного дела в области, наряду с ростом молочного хозяйства, открываются значительные перспективы для развития мясного скотоводства и, в частности, для свиноводства (для использования побочных продуктов мукомолья и молочного дела); точно также имеются здесь все шансы на развитие тонкорунного овцеводства.

Одним из основных условий широкого развития зернового хозяйства и технических культур в Центрально-Сибирской области, как и в Западно-Сибирской, должна быть широкая тракторизация и крупное совхозное строительство.

В связи с огромными возможностями для развития и реконструкции сельского хозяйства области, на плечи опытно-исследовательских учреждений области ложатся большие задачи по изучению условий ведения сельского хозяйства и разработке новых организационных и технических форм основных отраслей сельского хозяйства по отдельным районам области в аспекте тех перспектив развития сельского хозяйства, которые отмечены выше.

Существующая сеть опытных сел.-хоз. учреждений Центрально-Сибирско-Кузнецкой области, уже развернувших достаточно солидную исследовательскую работу, состоит всего из 5 опытных учреждений (с контрольными станциями) и, конечно, недостаточна для разрешения тех разнообразных и широких задач по реорганизации сельского хозяйства, которые падают на опытное дело в области. При общем числе жителей в области около 4,2 млн. человек, при посевной площади почти около 3,3 млн. га (в 1926 г.) и при количестве крупного скота не менее 4,2 млн. голов в настоящее время каждому опытному учреждению области приходится обслуживать не менее 855 тыс. жителей, 850 тыс. голов скота и около 650 тыс. га посева, т.е. значительно больше, нежели в других областях Сибири.

XV. Ленско-Байкальская область (Ангарский район) и Бурято-Монгольская АССР, расположенные в бассейне р. Ангары с озером Байкалом и верховьям р. Лены, по своему географическому положению является связующим звеном между основными районами Сибири, Европейской России и важнейшим нашим окраинным районом Дальнего Востока. Будучи хорошо связанной железнодорожными и водными путями с обеими крайними частями Союза и располагая колоссальными и разнообразными природными ресурсами в виде водной энергии, лесных богатств, золота и графита общесоюзного значения, каменного угля и железа (Черемховско-Ангарский район), Ленско-Байкальская область в перспективе и процессе разрабатывающейся борьбы империалистических государств Европы, Японии и Америки за обладание рынками прибрежных стран Великого океана должна стать прочной хозяйственно-промышленной базой для нашего Дальнего Востока. Развитие указанных главных ведущих отраслей хозяйства области (угольной, металлургической, лесной, электрической и др.) также в значительной степени будет стимулировать

рост сельского хозяйства области, имеющего в настоящее время слабое развитие и недостаточную продукцию, не покрывающую даже потребностей местного населения. Этому росту сельского хозяйства, главным образом, зерново-продовольственного полеводства (с преобладанием ржи), с некоторыми перспективами для развития технических культур—льна, конопли, табака и картофеля, а также травосеяния и правильного лугового скотоводства, в связи с улучшением животноводства,—могут способствовать колонизация края при наличии громадной площади возможной колонизации до 10 млн. гектаров, повышение рыночных цен и потребностей, в связи с ростом местной фабрично-заводской промышленности и мероприятиями по переходу земледелия от залежного и парового хозяйства к многополью.

В области животноводства качественное и количественное развитие его находится в прямой зависимости от реконструкции и направления местного полеводства, и при усилении травосеяния и улучшении лугов в земледельческих районах (главным образом, в Иркутской губ.) имеются значительные перспективы для развития молочного скота, а в районах скотоводческих Забайкалья и Бурято-Монгольской республики—для развития мясного, мясо-молочного скота и овцеводства, особенно в результате улучшения условий пастбищного скотоводства, подбора пород и принятия мер против свирепствующих в области эпизоотий.

На ряду с ростом земледелия и скотоводства, также еще надолго сохранит свое значение охотничий промысел у туземцев (тунгусов, карagasов) особенно по ловле и разведению пушных зверей—белок, серебристо-черных лисиц, соболей и песцов, а также рыбный промысел на Ангаре и Байкале; имеются также шансы на развитие в Прибайкальской тайге нового промысла—по сбору растения бадана, дающего хорошее дубильное вещество.

В общем, в соответствии с различием естественно-исторических условий отдельных районов Ленско-Байкальской области, типы сельского хозяйства и будущее развитие их в области можно охарактеризовать следующим образом:

1) на севере области (Киренский округ, часть Тулунского, район побережья Байкала) преобладают смешанные формы хозяйства: земледельческое, скотоводческое-промысловое, охотничье-оленьеводческое и рыболовно-земледельческое и скотоводческое;

2) в южной части Иркутской губ. и центральной части Забайкалья преобладающую роль играет полеводство и

3) в юго-восточной части Забайкалья основное занятие населения—скотоводческое-земледельческое, а в горных степях—скотоводческое, с преобладанием выпаса скота почти круглый год.

В соответствии с указанными особенностями хозяйства отдельных районов и намечаемыми выше перспективными сдвигами в развитии сельского хозяйства должны строиться и задачи местных опытных сел.-хоз. учреждений.

Для выполнения этих задач в области имеется всего три опытных сел.-хоз. учреждения и каждому из них приходится обслуживать не менее 630 тыс. населения, 420 тыс. голов крупного скота и около 200 тыс. га посева, при общем количестве населения области около 1,9 млн. человек, скота 1,28 млн. голов и при площади посевов около 600 тыс. га в 1926 г.

(Продолжение следует)

И. А. Бялый и А. Литвин

Частный капитал и промкооперация в Иркутске

Настоящая статья представляет собой изложение некоторых выводов нашего исследования деятельности частного капитала в г. Иркутске. В виду того что материал, имевшийся в распоряжении Статотдела, оказался совершенно непригодным для экономического анализа, мы вынуждены были пользоваться исключительно первичным материалом. Так, например, обороты частной торговли по отраслям мы не могли выяснить иначе, как путем обработки личных дел частных торговцев. Связанные местонахождением первичного материала, мы вынуждены были ограничиться одним только г. Иркутском и совершенно оставили в стороне вопросы, связанные с развитием частного капитала в деревне.

Эволюция частной торговли

Частная торговля в Иркутске за последние 2 года претерпела весьма серьезные изменения.

С 11.616 тыс. руб. в 1924/25 г. общая сумма торговых оборотов возрасла до 12.684 тыс. руб. в 1925/26 г. и снизилась до 8.825 тыс. руб. в 1926/27 г.

Очевидно, что причины роста оборотов в 1925/26 г., равно как и падение их в 1926/27 г., аналогичны причинам соответствующих изменений размеров общесоюзного оборота частной торговли (так называемая новая торговая практика и ее ликвидация, вызванная обострением товарного голода). Однако, целого ряда отраслей это явление не коснулось совершенно, что можно видеть из следующей таблицы:

Обороты некоторых видов торговли в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. по Иркутску

	1924/25 г.		1925/26 г.			1926/27 г.		
	Число пред- приятий	Обороты	Число пред- приятий	Обороты	Отношение к 1924/25 г.	Число пред- приятий	Обороты	Отношение к 1925/26 г.
Кожи	—	370.100	—	467.700	1,26	18	587.000	1,27
Обувь	—	15.800	11	390.500	24,70	—	571.900	1,47
Веревка	—	23.900	—	39.500	1,65	2	36.500	0,92
Гончарная	—	14.900	—	19.700	1,32	7	23.400	1,18
Жестяноч. изделия	—	100.000	—	119.900	1,20	5	62.400	0,52
Готовое платье	3	19.200	17	158.500	8,20	22	297.300	1,87
Шалочная	3	23.600	3	30.000	1,27	4	53.200	1,77
Старые и новые вещи	—	145.200	14	102.600	0,70	16	117.000	1,13

За исключением веревки и жестяных изделий все приведенные в таблице отрасли частной торговли испытывают из года в год сильный рост. На причины такого быстрого роста оборотов в этих отраслях указывает, прежде всего, тот факт, что все они соответствуют распространеным в Иркутске отраслям кустарной промышленности. Очевидно, что связь с кустарем значительно укрепляет позиции частной торговли капитала.

На перевку имеется очень высокий спрос и он не может быть использован частным торговым капиталом исключительно вследствие того, что наличные в Иркутске кустари-веревочники полностью загружены заказами кооперации и потому отказываются брать на переработку сырье от частных торговцев.¹

Что же касается оборотов в области торговли жестяными изделиями, то они сокращаются совершенно по другой причине: вполне достаточное количество кустарей-жестяничков не может быть использовано частными торговцами потому, что они не могут снабдить этих последних соответствующим сырьем.

Таким образом, и веревка и жестяные изделия, несмотря на то, что падение их оборотов вызвано разными причинами, свидетельствуют, вместе с тем, об одном и том же обстоятельстве: частный торговец (в одном ли Иркутске?) может увеличивать обороты только теми товарами, которые производят для него кустари из его же (торговца) материала.

В обстановке обостренного товарного голода, при отказе со стороны государственных организаций снабжать частную торговую сеть ходовыми товарами, частная торговля стремится использовать высокую конъюнктуру путем своего превращения в раздатчика и руководителя домашней промышленности.

Вышеприведенные цифры роста частных оборотов в отраслях, связанных с кустарными промыслами при чрезвычайной сильном падении общей суммы частных оборотов, свидетельствуют о том, что частному торговому капиталу удалось это стремление реализовать в весьма солидной степени.

В правильности этого вывода мы имели возможность убедиться на основании целого ряда дополнительных фактов, часть которых считаем необходимым здесь привести. Из данных вышеприведенной таблицы видно, что в то время как обороты частных обувных предприятий в 1924/25 г. были в 24 (!) раза меньше оборотов кожевенных, в 1925/26 г. они отстают от оборотов кожевенных предприятий всего только на 15%², а в 1926/27 г. уже полностью их догоняют. В свете изложенных выше соображений не представляет никаких трудностей установить как причины столь сильного отставания оборотов обуви от кожи в 1924/25 г., так и причины того, что обороты этими товарами в 1926/27 г. сравнялись.

В 1924/25 г. кожу покупали кустари, которые значительную часть своей продукции сбывали непосредственно потребителю. В 1925/26 г. сильно обостряются затруднения с кожевенным сырьем и улучшается сбытовая конъюнктура на сапожные изделия. Становится легче и выгодней продавать кожу и готовую обувь и все труднее добывать кожсырье.

¹ По материалам Промсоюза нам удалось установить, что веревочники (одиночки) находятся в условиях, резко отличающихся от условий существования всех остальных кустарей-одиночек: потребительская кооперация полностью обеспечивает их сырьем в порядке переработки. Веревочники, таким образом, предпочитают «кооперативной раздатчика» частному. Впрочем, в процессе работы над материалом нам пришлось столкнуться с большим количеством деталей, подтверждающих то же, что и случай с веревочниками, т.е. тот факт, что кустарь, как правило, сдает свой товар частнику лишь в том случае, если без участия последнего он не может получить необходимое ему сырье.

Торговец кожей, произведший самую трудную операцию — заготовку кожи, не соглашается предоставить кустарю наиболее легкую и выгодную операцию — продажу готовой обуви. Отпуск кустарю полуфабриката он все чаще и чаще начинает обуславливать обязательным возвращением ему готовой обуви. Таким образом, сырьевой и товарный голод побуждают его превращаться из торговца в раздатчика, в руководителя домашней мануфактуры. Приведенные цифры об оборотах обувью и кожей показывают, что в 1926/27 г. этот процесс уже достиг весьма значительных размеров.

Отчетливое изменение характера деятельности частного торгового капитала чрезвычайно ярко отразилось на жизни иркутской „барахолки“. В 1924/25 г. обороты старыми вещами на „барахолке“ составляли 75% от всей суммы оборотов частных торговых предприятий; в 1925/26 г. они составляют уже только 29%, а в 1926/27 г. — 25%. При чем в последние два года вся остальная сумма оборотов падает исключительно на кустарные изделия.

„Барахолка“ всегда играла громадную роль в сбыте кустарной продукции, и в этом отношении последние два года ничего не изменили. Однако, физиономия главных действующих лиц испытала в последнее время решительное изменение.

В 1924/25 г. „барахолка“ была тем местом, где непосредственный производитель (кустарь) смыкался с непосредственным потребителем. Хотя бы торговцы, обороты которых значительно превышали обороты официальных торговцев „барахолки“, в решающем большинстве состояли из кустарей, продающих свои собственные изделия.

В настоящее же время, как показывают вышеприведенные цифры, сильно возрасла роль официальных торговых предприятий в деле сбыта кустарной продукции, проходящей через „барахолку“. Но, кроме этого, изменилась также и социальная физиономия ходячих торговцев. Кустари, торгующие собственными изделиями, в последнее время все больше и больше вытесняются мелкими раздатчиками, которые из всех отраслей частной торговли стекаются в отрасли, связанные с кустарными промыслами, и в качестве кустарей одиночек беспошлинно продают изделия своих домашних рабочих. Таким образом, в связи с превращением торговца в раздатчика изменилась и роль „барахолки“: последняя перестала быть местом стыка производителя с потребителем.

Тенденции развития частного капитала и основная линия борьбы с ним

Выгоняемый из сферы легальной торговли частный торговый капитал стремится найтись на создавшихся в новых условиях трудностях смычки. Используя в качестве своих агентов выросших экономически деревенских кулаков, он пытается путем подчинения кустарных промыслов и сырьевого рынка расширить свои позиции.

В Иркутском округе эта тенденция обнаружилась сильнее всего в кожевенной сапожной отрасли.

В Иркутском округе имеются два государственных кожевенных завода и 130 частных кустарных заводиков, значительная часть которых расположена в сельских местностях и частично работает на давальческом сырье. Удельный вес обоих секторов (государственного и частного) приблизительно одинаков; но в то время как частные заводы имеют возможность полностью реализовать свои производственные возможности, государственные из-за недостатка сырья принуждены ограничиваться чуть ли не половинной нагрузкой.

Положение государственных заводов в смысле добычи сырья совершенно не улучшается, так как частные кожевники через скупщиков-раздатчиков кожи смыкаются непосредственно с частной обувной промышленностью, и, таким образом, оказываются огражденными от какой бы то ни было связи, а следовательно, и зависимости от государственного сектора. Крестьянин — производитель сырья, кустарь — кожевник, раздатчик — владелец домашней мануфактуры и кустарь — сапожник, — таковы те отдельные звенья, из совокупности которых складается капиталистический круг воспроизводства, из которого не выходят и с внешним миром не связываются отдельные его составные части.

Однако, из всех этих звеньев чисто капиталистическим звеном является только торгово-промышленный капиталист. Все остальные оказались в кругу капиталистического воспроизводства только потому, что явно капиталистическим элементам удалось оттянуть их от социалистического круга воспроизводства. В самом деле, крестьянин производитель сырья равно как и крестьянин потребитель, а также кустарь кожевник и кустарь сапожник, все они в принципе могут войти составной частью как в социалистический, так и в капиталистический круг воспроизводства. Тот из них сумеет лучше обеспечить им возможность бесперебойного и рентабельного трудового процесса, тот найдет в них питательную базу для своего развития. Крестьянин и кустарь, представители простого товарного хозяйства, в условиях диктатуры пролетариата должны быть источником роста социалистического сектора, но они могут, вместе с тем, явиться дрожжами, на которых будет расти капитализм.

В течение двух месяцев II квартала текущего года в Иркутске закрылось 126 частных заводиков из имевшихся 130.¹

Как и следовало ожидать, сырье, которое потребляли закрытые заводы, вышло на рынок лишь в незначительном количестве, а также появились вполне определенные симптомы развития нелегальной переработки кожи, в несравненно худших условиях производства, отражающихся на качестве кожи. Государственные кожевенные заводы не подготавливали к новому положению монополиста в деле переработки кожи. В результате Оквнторг бьет тревогу о серьезном положении на кожевенном рынке и в специальной записке настаивает на срочном осуществлении ряда мер, направленных по существу к тому, чтобы частично возвратиться к прежнему положению.

Вряд ли нужно специально доказывать, что нельзя вести борьбу с капиталистическим кругом, ударяя в первую очередь по той его части, которая при соответствующих мероприятиях может быть втянута в социалистический круг воспроизводства. В том случае когда интересы борьбы с капиталистическим кругом требуют применения административных мер или мер финансового воздействия, тогда они, прежде всего, должны быть направлены против того звена, которое возглавляет всю систему, т.е. против руководителя домашней мануфактуры, скрывающегося за торговой вывеской. Однако, для достижения успеха, даже и при правильном применении этих мероприятий, необходимо параллельное воздействие чисто экономических факторов.

Если финансовый нажим заставит торговца-раздатчика перейти в другую отрасль, где он вынужден будет ограничиваться исключительно торговыми функциями, это будет означать победу государства над капиталистическими тенденциями. Но в наших условиях капитализм, несомненно,

¹ Закрытие предшествовало поголовное обследование этих заводиков, из материалов которого видно, что за единичными исключениями наемный труд в них не применяется.

попытается перевалить тяжесть государственного нажима на плечи связанного с ним крестьянина и кустаря, что в случае успеха оставит нетронутым капиталистический круг. Поэтому параллельно непосредственному нажиму на капиталиста должны быть приняты меры, чтобы оттянуть простое товарное хозяйство из-под власти капитализма.

В рассматриваемом случае основная задача ложится на промкооперацию. При дифференцированном подходе к различным категориям кустарей-кожевенников последние вполне в состоянии гарантировать успешный исход государственного нажима на капиталиста-раздатчика.

Все 130 кустарей-кожевенников, которых наши хозорганы нашли возможным подстричь под одну гребенку, на самом деле состоят по меньшей мере из трех экономически различных групп: 1) сельских кустарей, работающих исключительно на давальческом крестьянском сырье, 2) сельских кустарей, работающих частью на давальческом, частью на своем сырье, приобретенном у местного крестьянства, и 3) городских кустарей, работающих исключительно на своем сырье.

Первая группа, совершенно не связанная с рынком, представляет собою по существу группу ремесленников, а не кустарей, и, следовательно, в данный момент не может быть подчинена ни социалистическому, ни капиталистическому сектору. Поскольку же натуральные формы связи этой группы кустарей с крестьянским хозяйством в основном обусловлены недостаточным развитием нашей промышленности, постольку в настоящее время эта группа никаких проблем перед промкооперацией не ставит.

Зато вторая группа кожевенников, частично связанная с рынком, представляет собою обширное поле деятельности для промкооперации в ее борьбе с частным капиталом. Расположенные в сельских местностях, рядом с непосредственным владельцем кожсырья, эти кустари могут нуждаться в услугах частного скупщика только в случае недостатка собственных средств. Кооперирование их на основе денежной помощи, обусловленной обязательной сдачей Промсоюзу всей товарной части выработанной ими кожи, может превратить их из заготовителей частного капитала в заготовителей Промсоюза. Таким путем из капиталистического круга воспроизводства перейдут в социалистический одновременно и крестьянин — производитель сырья, и кустарь-кожевенник, занятый его первичной переработкой. Мы уверены в том, что кустарь-кожевенник вполне удовлетворится одной денежной помощью Промсоюза, потому что капиталист привязывает к себе кустаря не своей щедростью, а использованием безвыходного положения последнего.

В отношении третьей группы предприятий, расположенных в городах, дело, на наш взгляд, обстоит совершенно по иному. Эти предприятия сами заготавливают сырье не могут. Их должны снабжать сырьем либо частные заготовители, либо государственные и кооперативные предприятия. Поэтому вытеснить частника из сферы снабжения сырьем этих предприятий, значит взять их на свое иждивение.

С другой стороны, эти предприятия, находясь в городе, никаких преимуществ по сравнению с государственными заводами в смысле большей близости к крестьянству не имеют и отличаются от них только менее совершенным способом производства. Эти предприятия оказались в состоянии выжить до сих пор только потому, что в кожевенной и обувной промышленности образовалась, параллельно социалистическому, капиталистический круг воспроизводства. Городские торговцы-раздатчики поддерживали их, как ту базу, на которой они сами могли существовать и развиваться, после того как государственные предприятия стали рвать с ними связь.

Эти предприятия, из каких бы „кустарей-одиночек“ они не состояли, никакой помощи социалистическому сектору, даже при включении в его систему, оказать не могут. Связанные с частным торговцем, они представляют конкурентов государственным заводам; включенные в социалистическую систему, они будут являться иждивенцами государства в отношении снабжения их сырьем за счет государственных кожевенных заводов, и без того из-за недостатка сырья не имеющих возможности использовать свое оборудование.

Мы так подробно остановились на кожевенной промышленности потому, что в ней все составные части, необходимые для образования капиталистического круга, имеются непосредственно в Иркутском округе. Она, таким образом, наиболее ясно ставит перед государственными органами основные проблемы, без разрешения которых нельзя овладеть ни сырьевым рынком, ни кустарными промыслами, а следовательно, при создавшейся экономической обстановке и вообще невозможно вести борьбу с частным капиталом.

* * *

Из вышеизложенного видно, что промысловая кооперация явится действительным орудием социалистического сектора в его борьбе против капитализма только в том случае, если она будет вести выдержанную политику, тесно увязанную с основными задачами экономической политики государства. К сожалению, в настоящее время иркутская промкооперация далека от этого.

Выше мы видели, как остроумно иркутские хозорганы разрешили трудности, образовавшиеся в кожевенной промышленности. Однако, и промкооперация не может похвастаться успешностью своей борьбы за сектор простого товарного хозяйства. Промсоюз, объединяющий треть иркутских кустарей, имеет в своей сети всего только одну кожевенную артель в 14 человек и то расположенную в г. Иркутске. Из одного этого факта ясно, что Промсоюз совершенно не видит своей основной задачи. Впрочем, об этом свидетельствует положение дел не только в кожевенной, но и во всех других отраслях.

Пошивочная группа, например, в г. Иркутске является наиболее многочисленной (601 портных и шапочников против 552 сапожников и чирочников). Степень подчинения их капиталистам-раздатчикам, если судить по данным соответствующих отраслей торговли, больше чем сапожников. Однако, связь раздатчиков с портными в отличие от сапожников не предполагает параллельной связи с крестьянским хозяйством. Но именно это обстоятельство ставит вопрос о том, каким образом капиталисту удастся получить пошивочный полуфабрикат, дающий ему возможность подчинить кустарей своему господству. Поскольку в основном у него в этом отношении имеются только две возможности: получение материала разными нелегальными способами из складов государственных и кооперативных предприятий и контрабанда, — основная задача регулирующих органов сводится, прежде всего, к мерам борьбы против утечки соответствующих товаров государственных предприятий в руки частника.

Однако, как в кожевенной отрасли один финансовый нажим на раздатчика не дает ничего положительного, если он не будет сопровождаться энергичным и умелым кооперированием кустарей, точно так же и в пошивочной группе одна борьба с контрабандой, не дополненная кооперированием кустарей, не сможет увенчаться успехом. И тем не менее, Промсоюзом объединено 56 из 601 кустарей пошивочной группы. 550 кустарей являются, таким образом, той объективно-экономической базой, которая читает контрабанду и рост оборотов частной торговли украденным у государства товаром.

Если в кожевенной, сапожной и швейной отраслях успехи кооперации совершенно ничтожны, то в таких отраслях как трикотажная и пищевая, наоборот, достигнуто почти поголовное кооперирование. Однако, анализ оборотов артелей этих отраслей убедил нас в том, что успехи кооперации в этих отраслях идут на пользу частному капиталу, а не государству. Дело в том, что трикотажные и пищевые артели почти все потребное им сырье получают у государственных органов, а основную массу своей продукции сбывают частнику. Они дают, таким образом, возможность капитализму оттягивать от государственных организаций дефицитное сырье.

Выше нами указывалось, что обстановка товарного голода, затрудняющая борьбу против повышения цен, побудила государство принять меры к сокращению размеров частно-капиталистического товарооборота.

Но частник сумел оказать энергичное сопротивление. Отрезанный от государственных складов, он приступил к усиленному строительству собственной среды. При чем оказалось, что в тех отраслях, где он сумел завладеть сырьем, там он не подпускает кооперацию к кустарям и, наоборот, там, где он оказался отрезанным от сырья, он увеличивает размеры своих оборотов путем использования кустарно-промышленной кооперации.

Промысловая кооперация, если она желает оказать реальную помощь социалистическому строительству, должна перестать простой количественный рост считать критерием своих успехов.

Частный капитал в промышленности

Чрезвычайно интересную картину представляет собой эволюция предпринимательской промышленности, к которой мы относим предприятия, облагаемые уравнительным сбором.

В течение 1925/26 г. обороты всей предпринимательской промышленности возросли на 160.000 руб., а количество отраслей, в которых участвует частный капитал сократилось с 13 до 6 (см. табл. на след. стр.).

Как видим, увеличение частного капитала, к тому же очень сильное, происходит в таких отраслях как квасная и водочная, а полный уход наблюдается из сапожной, чулочной, чугуно-литейной, кондитерской, т.е. как раз из тех отраслей, которым соответствуют имеющиеся в Иркутске отрасли кустарной промышленности. Это обстоятельство заставляет предположить, что в течение 1925/26 г. произошло изменение форм деятельности значительной части частного промышленного капитала. Налоговый нажим на предпринимательскую промышленность заставил ее владельцев перекраситься в защитный цвет кустарно-промышленной кооперации или же придать своей промышленности форму торгового предприятия.

В предыдущем изложении первое предположение нашло полное подтверждение. Здесь мы отметим, что как раз в этот период в Иркутске начинает организовываться кустарно-промышленная кооперация. Ликвидация частных кожевенных или трикотажных предприятий совпадает, таким образом, во времени с открытием аналогичных кооперативных предприятий.

Непосредственное рассмотрение деятельности кустарно-промышленной кооперации также дает возможность установить некоторое участие в ней частного капитала. В феврале текущего года комиссия РКИ произвела массовое обследование кустарно-промышленной кооперации в Иркутске. Из 22 артелей, расположенных в Иркутске и входящих в систему Промсоюза, обследованию было подвергнуто 15, т.е. около 70% всей промсоюзной сети.

Частные предприятия, облагаемые уравнительным сбором по г. Иркутску

	1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.	
	Число предприятий	Оборот	Число предприятий	Оборот	Число предприятий	Оборот
Колбасная	6	165.200	4	250.000	1	52.000
Маслобойная	3	36.700	2	29.600	—	—
Махорка	5	153.225	4	317.800	1	38.000
Квас	1	14.731	1	39.800	1	38.200
Водочная	—	—	1	50.000	1	26.500
Краски	2	70.000	1	18.000	—	—
Пияная	1	10.000	—	—	1	70.000
Кондитерская	2	33.600	—	—	—	—
Чулочная	1	4.100	—	—	—	—
Сапожная	1	4.100	—	—	—	—
Дрожжевая	1	14.830	—	—	—	—
Чугуно-литейная	1	9.000	—	—	—	—
Щеточно-матражная	1	5.000	—	—	—	—
Итого	25	527.206	13	689.000	5	224.700

Из всех 15 обследованных артелей только одну артель, в смысле связи ее с частным капиталом, можно считать вполне здоровой; из остальных 14 одни полностью, другие частично, но все находятся под очень сильным влиянием частного капитала.

Так, например, в 6 артелях из обследованных 15 председатели управления являются бывшие торговцы. Кроме них, в пяти бывшие торговцы входят в состав правления и являются фактическими руководителями артелей. Акты обследования обнаруживают целый ряд случаев владения этими бывшими торговцами всеми или почти всеми средствами производства артели. В них же зафиксирован целый ряд случаев безвозмездного и довольно крупного финансирования артелей этими же бывшими торговцами. Таким образом, обследование установило не только факт чрезвычайно значительного участия частного капитала в куст.-пром. кооперации, но также и то, что представители частного капитала не считают даже нужным маскировать свое проникновение в кооперацию.

На ряду с использованием обследовательских актов мы произвели разработку данных годовых и квартальных отчетов всех артелей, находящихся в г. Иркутске и основанных не позднее 1926/27 г. Таким путем нам удалось выяснить степень связи каждой артели с частником по сбытовой и снабженческой линиям. Связь с частником по сбыту и по снабжению меньше чем на 50% мы условно считаем признаком нормального состояния. Артели с такой степенью связи, если нет прямых оснований не доверять их отчетным данным, мы считаем благополучными. Таких артелей оказалось две.¹

Кроме того, в благополучную группу мы зачисляем также те артели, которые связаны с частником по снабжению больше чем на 50%, а по

¹ Обследованным РКИ эти две артели не охвачены.

сбыту—меньше. Разумеется, однако, что зачисление таких артелей в благополучную группу мы называем возможным только в том случае, если не оказывалось других признаков использования артели частным капиталом. Такие артели мы считаем благополучными, потому что они фактически помогают государству бороться против сырьевого голода. Они служат орудием, посредством которого государственный сектор подчиняет себе ресурсы частного капитала, не давая им возможности увеличивать оборот частнокапиталистического сектора. Однако, этих артелей также имеется всего только две.¹

Гораздо больше, к сожалению, оказалось артелей, установивших с частником невыгодную для сектора систему отношений. Целый ряд артелей связан с частником по сбыту и по снабжению значительно выше чем на 50%, а некоторые даже показали связь с ним по обоим этим операциям на 100%.

Как ни странно, но стопроцентная связь с частником по обоим из рассматриваемых операций не является еще самой плохой. Гораздо более вредной для государственного сектора является связь с частником меньше чем на 50% по снабжению и больше чем на 50% по сбыту, тем более что такие артели преобладают в трикотажной, сапожной и пищевой группах, т.е. именно в тех отраслях, где наиболее остро ощущается недостаток сырья. Таким путем частнику удастся использовать кооперативные артели для перекачки недостаточных товаров из государственного сектора в свой, частный.

Продажа частнику товара, произведенного артелью из государственного и недостаточного сырья, является признаком использования капиталом кооперации даже в том случае, если внутри этих артелей элементов частного капитала и вовсе не находилось бы.

* * *

Таким образом, и эволюция частной торговли и непосредственная борьба государства с частным капиталом за рынок сырья и состояние куст.-промкооперации, — показывают, что мы очень часто ведем борьбу против частного капитала без необходимого учета его основных устремлений, его сильных и слабых сторон в каждый данный момент.

¹ Тоже не охвачены обследованием РКИ.

Ч. К. Гобсон. Экспорт капитала. Перевод И. Б. Румера под редакцией и с дополнениями М. И. Спектатора. Изд. Комм. Академии. Москва, 1928 г., стр. 261, цена 2 руб. 85 коп.

Экспорт капитала является одной из основных черт империалистической эпохи. Казалось бы, что анализ этого явления должен был привлечь особое внимание марксистских теоретиков, экономистов, интересующихся проблемами империализма. Однако, как это ни странно, мы до сих пор не имеем в нашей литературе ни одного самостоятельного исследования по этому вопросу. Все, что дала по этому поводу марксистская мысль, разбросано в разнообразных общих работах об империализме и финансовом капитале, среди которых основное место занимают работы Ленина и Гильфердинга. Несколько большее внимание привлекала к себе более специальная и конкретная тема о роли иностранного капитала в народном хозяйстве дореволюционной России.

Все, что появилось у нас по вопросам миграции капиталов за последние годы, тоже носит по преимуществу узко монографический характер. В этом духе написан ряд исследований Моультона и его сотрудников о торговом и расчетном балансе разных стран, в связи с проблемой европейской задолженности, Гарвел Фиска — о междоусюзнических финансовых отношениях после войны. К этому же разряду можно причислить периодические конъюнктурные обзоры Е. Варга. Таким образом, книга Гобсона заполняет собою, в буквальном смысле слова, пустое место (заметим, между прочим, что это не тот Гобсон, который известен у нас, как автор „Империализма“, „Эволюции современного капитала“ и др. трудов). В Англии она была выпущена еще в 1914 году, и подвела тогда некоторый итог той полосе исторического развития, которая оборвалась с началом империалистической войны. В русском переводе она дополнена статьей Гобсона о взаимоотношениях между экспортом капитала и безработицей, написанной в 1925 году. Книга производит впечатление добросовестного исследования, тщательно и всесторонне охватывающего вопрос, насколько позволяет буржуазная точка зрения автора, с одной стороны, и состояние статистических материалов — с другой.

Гобсон берет на себя защиту тех капиталистических групп Англии, которые заинтересованы в вывозе капитала за границу, против нападок противников экспансии, главным образом, представителей легкой индустрии. Но он, вместе с тем, пытается рассматривать вопросы с объективной точки зрения „общества“, „отечества“ и даже „человечества“. Легко понять, что получается от такого смешения „стилей“.

Автор на каждом шагу натывается на кучи противоречий, которые он добросовестно и всесторонне разбирает с тем, чтобы притти, в конце концов, к оптимистическому выводу: все, дескать, к лучшему в сем лучшем из миров. Так, разбирая вопрос о влиянии вывоза капитала на производительные силы вывозящей страны, он устанавливает, что производственная способность страны под влиянием экспорта капитала сокращается: как будто правы, значит, противники экспорта. Но это только на первых порах. Если взять более продолжительный период, когда начнут поступать доходы от иностранных инвестиций, то внутреннее накопление делается больше, чем оно могло бы быть без капитального экспорта. Следовательно, все в порядке.

Разбирая ближе вопрос о характере накопления, Гобсон вынужден, однако, признать что приток доходов из-за границы плодит внутри страны такие занятия, как личное услужение, рост производства предметов роскоши, т.-е. рост обслуживания паразитической рантье-ской буржуазии. Это не совсем утешительная перспектива для нации, и Гобсон хватается немедленно за другую аргументацию: капиталы, вывезенные за границу, в свою очередь рожают спрос на английскую продукцию и тем самым стимулируют развитие внутренних производственных сил страны. Увеличивается занятость в экспортных отраслях индустрии. Здесь наш автор наталкивается на новое затруднение. Те самые „долгие периоды“, которые позволяли ему вывернуться, доказав, что „все образуется“, теперь оборачиваются против него: ведь в конце концов за границей с помощью английского же капитала вырастает собственная индустрия, которая не нуждается больше в английских товарах. А с другой стороны, даже те страны, которые, импортируя к себе капитал, нуждаются также в импорте промышленных товаров, вовсе не должны обращаться обязательно к Англии. На свете есть и другие страны, экспортирующие капитал, при чем, по иронии судьбы, эти „нужнорыш“ выросли именно на дрожжах английского экспорта капиталов. Гобсон сам с грустью констатирует этот печальный факт. „Вообще расширение промышленности в разных частях света ведет к тому, что помещение английских капиталов за границей все больше принимает форму заказов не английским промышленникам“, что „по мере роста промышленности во всем мире доля английских заграничных инвестиций, имеющих форму вывоза из Соед. Королевства, вероятно уменьшилась“ (стр. 47). Но он и здесь находит утешение: отрасли, на которых Англия особо специализировалась (горное, текстильное машиностроение и пр.) продолжают расширяться.

Гобсон считает, что не все страны, ввозящие английский капитал, способны к индустриализации. Он отрицает, напр., такую способность за Канадой, Австралией, Южной Америкой, которые, дескать, еще неопределенно долгое время останутся кормильцами и поильцами метрополии. Плохое утешение: не кто иной, как сам Гобсон опровергает его на стр. 215 своего труда: „Есть данные, заставляющие думать, что ход развития Америки повторится и в разных других странах, как-то: в Канаде, Австралии и некоторых частях Южной Америки. Это, правда, написано уже в 1925 году, когда факты сделались более „упрямыми“. Что касается монополии в некоторых специальных отраслях, то не трудно понять, что всякая специализация есть благоприобретенное качество, и по мере того как другие страны будут приобретать соответствующий опыт, английский капитал будет терять свои последние монополии. Но что же делать? Ограничить или воспрепятствовать вывоз капитала из Англии. Гобсон с полным основанием считает эту идею утопической, хотя исходит при этом из узко-технических соображений, которые играют второстепенную роль по сравнению с классовым интересом, и в заключение пускает в ход наиболее сильно действующий аргумент в пользу экспорта. Не одна Англия экспортирует капитал за границу. Есть и другие охотники до иностранных инвестиций. Воспрепятствование экспорта капитала из Англии привело бы только к тому, что индустриализация остальных стран осуществлялась бы с помощью других капиталов. С другой стороны, громадные накопления, запертые внутри страны, настолько понизили бы процентные ставки, что значительная часть их стала бы просто проедаться. Таким образом, сохранились бы все отрицательные явления, сопутствующие капитальному экспорту без тех преимуществ, которые он доставляет промышленным странам. Интересы

„общества“, „страны“ и т. д. совпадают, и добродетель последних торжествует.

Экспортируемый капитал может состоять только из товаров или денег. Что же вывозится из Англии? Гобсон с цифрами в руках доказывает, что из Англии, по существу говоря, ничего не вывозится. Наоборот, расчетный баланс Англии почти ежегодно дает сальдо в пользу последней. Следовательно, английский капитал, якобы, экспортируемый из страны за границу, представляет не что иное, как часть тех прибылей, той дани, которую платят Англии ее должники, часть прибавочной стоимости, извлекаемой из других стран. Но если можно таким путем эксплуатировать весь мир, то незачем особенно заботиться о процветании внутренней промышленности. Гобсон без всякого стеснения выступает идеологом этого процесса загнивания. Еще со времени Рикардо ведь „установлено“, что для страны совершенно безразлично, кормит ли она 10 или 12 миллионов жителей, лишь бы доход оставался неизменным. На этом основании, как известно, ошцы в XVI в. вытесняли в Англию людей.

Все же и судьба людей волнует Гобсона, и он пытается добросовестно исследовать вопросы о том, как влияет экспорт капитала на распределение доходов между классами и в какой связи с капитальным экспортом находятся эмиграция и безработица.

Гобсону известно, что увеличение „общественного богатства“ может идти рука об руку с ростом нищеты и наоборот. Так вот как обстоит дело с экспортом капитала. Гобсон приходит к следующему выводу: „Весьма вероятно, что, например, заграничное инвестирование окажется очень выгодным для рабочих Соед. Королевства, если рассматривать его действие на протяжении целого столетия: но за последние десять—пятнадцать лет оно могло быть вредным для некапиталистов, и это вполне соответствовало бы тому обстоятельству, что реальная величина заработной платы не повышалась в Англии в течение последних лет (по статистическим данным она скорее падала. А. С.). Процентная ставка поднялась очень высоко, и поэтому покупательная способность капиталистов усилилась больше чем покупательная способность трудящихся“ (которая ведь вовсе не „усилилась“. А. С.). Впрочем, Гобсон находит и здесь утешение: во-первых, он выбирает более соответствующий в данном случае для наблюдения, „долгий период“, а во-вторых, он находит, что рабочие могут с успехом возместить потери на заработной плате увеличением доходов от своих „капиталов“; ведь каждый рабочий понемногу „сберегает“ капитал. Кроме того, на помощь приходит эмиграция.

Попытки Гобсона доказать параллелизм между экспортом капитала и эмиграцией являются самым слабым местом работы, ибо здесь в одну кучу свалены цифры эмиграции в редко населенные и густо населенные страны. В этом же духе смешаны данные об экспорте капиталов. Между тем, совершенно очевидно, что экспорт капитала в Канаду имеет совершенно другие последствия, чем тот же экспорт в Индию: в первом случае он усиливает канадскую эмиграцию (которая может совершаться и не за счет Англии), во втором случае—растет индусская эмиграция (которая может направляться и в Англию, а во всяком случае в ее колонии). Эти противоположные результаты Гобсон оставляет без внимания, а потому приходит к ложным выводам. Другой ошибкой автора является преувеличение влияния экспорта капитала на процентную ставку.

Большой интерес представляет попытка Гобсона сопоставить относительные темпы движения внутренних и внешних инвестиций. В общем он находит солидарность обоих рынков капиталов, хотя внешние вложения имеют значительно большую амплитуду колебаний и несовпадение

все более учащается. Общие условия, влияющие на распределение капитала между внутренним и внешним рынком, формулированы им недостаточно четко. Надо признать, что и марксистская теория в этом отношении требует дальнейшей разработки. Трудность заключается в следующем: если капитал привлекается более высокой нормой прибыли за границей, то какие причины удерживают все же солидную долю новых накоплений внутри страны? Объяснение следует, по нашему, искать в том, что повышенная прибыль от иностранных вложений в той или иной форме поступает в „общий раздел“ между всеми капиталистами, выравнивая тем самым для последних шансы внутри страны и за границей. Значительную роль при этом должны играть также условия размещения, „штандарта“ и пр., которые у Гобсона совсем не рассматриваются.

Гобсон измеряет величину дани, которую Англия собирает с заграницы при помощи сальдо расчетного баланса. Это верно статистически, но не экономически. Необходимо еще принять во внимание меновые эквиваленты. Не подлежит сомнению, что страна, экспортирующая капитал, продает свою продукцию по относительно более высоким ценам, чем страна, которая вынуждена вывозить для уплаты процентов.

При всем этом книга Гобсона представляет собой во многих отношениях классический труд, особенно в своей конкретной части, где автор дает блестящий исторический очерк развития английских инвестиций, и в главах, анализирующих английский расчетный баланс.

В книге разбросано очень много отдельных метких наблюдений. Заслуживают внимания некоторые частные закономерности, устанавливаемые Гобсоном. Так, напр., по аналогии с законом Пигу относительно передвижения людей Гобсон устанавливает следующий закон: „Затраты на переход от одного занятия к другому бывают обыкновенно больше в случае однократного переселения, чем в тех случаях, когда движение составляется из ряда отдельных небольших переходов. Такая же тенденция наблюдается и в области движения капиталов (стр. 63). На этом основана посредническая роль некоторых стран, которые одновременно и экспортируют и импортируют капитал („перекрестное инвестирование“). В общем книга Гобсона дает большой материал для теоретического углубления проблемы.

А. Светлов

Хозяйство Украины, №№ 1, 2, 3, 4 за 1928 г. Харьков.¹

Последние номера журнала по характеру и содержанию являются особенно интересными. Рецензируемые номера содержат ряд статей как теоретических, так и практического характера, но имеющих глубоко принципиальное значение.

Интересна статья Рывкинда о хозяйственной обстановке (кн. 1), рисующая конъюнктуру, сопровождающую переходы на более высокую ступень хозяйства Украины. Представляет интерес попытка автора вычислить наперед ожидаемый ход хлебозаготовок, опираясь на доведенные и другие данные.

Тов. Киселев, в статье „Особенности советского народного хозяйства и задачи экономического анализа“ (кн. 1) затрагивает не новую, но важную проблему об особенностях советского хозяйства. Тов. Киселев делает ряд правильных замечаний, некоторые из них, правда, элементарно известны. Тов. Киселев прослеживает особенности в области производства, обмена, распределения, в характере цены. Но как только дело

доходит до кредита, то тут оказывается, что в области кредита у нас нет принципиальных особенностей. Кредит и является как-раз таким оселком, на отношении к которому и обнаруживается степень „советизма“ в научном анализе. Кредит является самой тонкой надстройкой, которая в концентрированном и абстрактном виде отражает тип производственных отношений. Тов. Киселеву, как специалисту по кредитной конъюнктуре, надо было задуматься над вопросом, не является ли организационное „раздумье“ нашей кредитной системы следствием противоречия между тем обстоятельством, что кредит еще не сказал своего последнего слова в такой стране, как СССР, а с другой, именно благодаря особенностям нашей социально-экономической структуры, социальное содержание кредита уже начинает выдыхаться и его „принципиальная роль“ начинает принимать более техническое значение, или по пути сближения в практике кредита с бюджетом.

Несколько упростила автор вопрос о природе цены, не связав его с вопросом о характере категории стоимости у нас.

Говоря об особенностях советского хозяйства, тов. Киселев ни словом не упоминает о монопольной цене. Там же, где тов. Киселев говорит об особенностях капитализма, у него теории еще меньше. Так, например, он говорит, что „толчком для развития процесса расширенного производства служит накопление свободного оборотного капитала, вследствие отставания потребления широких, трудовых слоев населения от производства. Приспевающие отсюда (?) падение процента на капитал и приостановка доходов правящего класса требуют нахождения нового применения“. Это в лучшем случае конъюнктурное описание, а не вскрытие причин. Практически его статистический (графический) метод привел к тому, что бурный по своим восходящим темпам (40—50% роста по разным показателям) 1925/26 год дает у автора умеренно-повышательную кривую; где же тут решение задачи экономического анализа особенностей советского народного хозяйства? Целый ряд мест в статье (рассуждение о воспроизводстве и накоплении и проч.) свидетельствует, что автор не различает четко понятий частного и общественного капитала, последовательно-социалистический и госкапиталистический тип предприятий и т. д.

Огромной важности вопрос „о едином финансовом плане“ поднимает статья Шафир (кн. 1). Как известно, задача построения единого финансового плана народного хозяйства включена в программу госплановских работ. В центре проблемы построения единого финансового плана автором правильно положена идея распределения народного дохода. Но неправильно именно для финплана составление его по методу соединения (хотя бы и „органического“) планов разных отраслей. Здесь опасность неуловления межотраслевых связей и повторных счетов особенно велика. Вызывает недоумение выражение: „цены в конечном счете определяют размер валовой продукции всего народного хозяйства“. Если и определяют, то как-раз не валовой продукции, а товарной, притом обычно не всего народного хозяйства, а той сферы, где легче переходы капитала и труда из одной отрасли в другую, как, например, в сельском хозяйстве (зерновые и технические культуры и т. д.).

При всей важности промфинплана автор все же чересчур апологетически относится к нему, говоря „что финплан является антиподом финансового капитала“ и т. д. Мы можем непосредственно руководить процессом производства, раз национализировали промышленность. Управлять ею по „реннеровски“ (К. Реннер, „Теория капиталистического хозяйства“) через процесс обращения (тончайшей частью которой является кредитный аппарат) не имеет никакого практического смысла

¹ В № 8 „План. Хоз.“ по техническому недомостру напечатана только первая часть рецензии на журнал „Хозяйство Украины“. В настоящем номере рецензия печатается полностью.

и нецелесообразно с теоретической и политической точки зрения. В общем же автор содействует решению этой сложной методологической задачи в правильном направлении.

К статье об едином финплане примыкают статьи о балансе народного хозяйства Украины тов. Мышкиса (№№ 1, 2) и статья тов. Горелика „О природе народнохозяйственного баланса“ (№ 4). Необходимость исчисления баланса и решения теоретико-методологических вопросов, с ним связанных, все острее чувствуется плановой мыслью. Обе статьи появились как нельзя более кстати. Автор излагает результаты исчисления баланса народного хозяйства за два года, приводя попутно ряд методологических соображений, положенных в основу исчисления. Правильным надо признать метод изолирования отдельных факторов, если элиминирование не производится, конечно, по отношению к такому фактору, от которого абстрагироваться нельзя. Вносит ясность и соображение о принципе разбивки урожая между двумя сложными операционными годами, но это решает вопрос только для баланса, где приводятся запасы, но не для народного дохода, где требуется максимально четкое выделение именно вновь созданной ценности. Также надо отметить подчеркивание автором задачи изучения совхозов; давно пора республикам и районам подготовить соответствующие монографии. Совершенно неверно звучит утверждение, что эффективность капитальных затрат, измеряемая отношением народного дохода на единицу фондов, меньше в промышленности, чем в сельском хозяйстве, хотя валовая продукция выше. Дело в том, что самый метод изучения эффективности для отраслей с разным органическим составом капитала посредством отношения народного дохода к фондам, не имеет никакого смысла. Вспомним хотя бы что Маркс говорил в связи с рентой „о разных сферах производства“. Маркс прямо указывает, что такие сравнения мыслимы лишь для отдельных отраслей в пределах одной и той же сферы народного хозяйства. Не приводит, к сожалению, автор данных о том, как вычислены в местном масштабе торговые накладки и акцизы. Ведь народное хозяйство республики тысячами незримых нитей связано со всем народным хозяйством и соседними областями. В связи с этим несомненно спорен результат исчисления, указывающий, что „сумма реального отчуждения (в пользу народного хозяйства СССР) увеличилась по сравнению с 1925/26 г., но осталась ниже, чем в 1924/25 г.“. Глава о накоплении в некоторой мере обесценена отсутствием данных по социальным секторам, где этот вопрос особенно важен.

Любопытно было бы знать, как исчислены запасы в сельском хозяйстве; исчисление запасов является, как известно, ответственным моментом балансирования всего исчисления, если они определены не посредством вычета.

С удовлетворением надо отметить опыт расчленения сельхозпродукции на средства производства и на средства потребления.

Не совсем правильным представляется вывод: „система таблиц измерителей должна быть положена в основу схемы первого приближения к единому хозяйственному плану“. Работа еще более выиграла бы, если бы все частные расчеты, совершенные под воспроизводственным углом зрения, были обобщены в одну картину состояния народнохозяйственного целого. Но это может быть лишь задачей дальнейших работ над балансом. Автор правильно намечает направление дальнейших работ, выявление условий воспроизводства в главных отраслях и секторах, балансы по группам продуктов и т. д. К этому мы хотели бы прибавить следующие задачи: учет запасов, социальный разрез, обобщение материалов и установление структурных пропорций, учет производственного потребления. В заключение, в связи с выше отмеченным моментом о сложности учета

междурайонных связей необходимо поставить вопрос о возможности исчисления на местах народного дохода и баланса народного хозяйства республик и районов и о смысле сего исчисления.

Тов. Мышкис, как и тов. Горелик, считают целью составления республиканского баланса выяснение дефицита (а равно и положительного сальдо) в разных сферах хозяйств, в республиках, что, по их мнению, и укажет характер связей с прочей частью Союза. Но надо отметить, что отсутствие внутреннего балансирования в районном или республиканском балансе и лишает построение баланса основного смысла балансового метода, а именно автоматической самопроверки элементов баланса, как системы элементов.

Тов. Горелик в указанной выше статье в практической части своих предложений прибегает к нашему толкованию вопроса (об исчислении оборота и т. д.). Имеются у тов. Горелика правильные установки и по другим вопросам, в частности, верно, что нельзя переоценивать теоретическое значение баланса. Надо, однако, сказать, что теоретическая ценность баланса проявляется не непосредственно, а в результате дальнейшего анализа его.

Схематично утверждение автора, что „объект баланса должен быть ограничен рамками замкнутого в себе самого органического единства“. Во-первых, это было возможно до эпохи мирового хозяйства, во-вторых, если перед глазами тов. Горелика стояли замкнутые схемы Маркса, то ведь эти схемы охватывают сферу всего мирового хозяйства, в-третьих, органическое единство может быть и при внешних связях. Из этого вытекает и следующее противоречие автора: с одной стороны, он утверждает, что „теоретическое значение баланса тем выше, чем меньше народное хозяйство связано с внешним миром, чем в большей степени оно является реальным (?) единством“. Но тогда ведь обесценивается и теоретический смысл исчисления районного баланса, поскольку его ценность, по мысли тов. Горелика и Мышкиса, и заключается в том, „что характером своего сальдо балансовое исчисление обнаруживает тип связи со всем народным хозяйством СССР“. Здесь мстит за себя излишне автаркическое мышление.

Вопросы промфинплана разбираются в статьях Адрианова, Хатулари, Шмидт (№ 1). Недостаточно освещены в обзорах вопросы капитального строительства. Любопытен расчет по восстановлению отдельных отраслей промышленности. Автор выдвигает задачу составления плана электрификации не только в смысле постройки новых станций, но и в смысле плана присоединения новых абонентов для сочетания с планом переоборудования паросиловых установок. Не указана авторами задача вовлечения массы в дело рационализации. Обращает на себя внимание колебание прибыли по отраслям от 3% до 24%, что указывает на необходимость дифференцированного регулирования нормы накопления.

В статье Подвижного о довоенных капиталах в сельском хозяйстве спорны обобщения автора в связи с тем, что неизвестно, какое количество бюджетов было им обследовано.

В статье В. П-ва „К вопросу о возможности нахождения хлопчатобумажной промышленности в Украине“ (№ 1) не может вызывать принципиальных возражений вопрос о постройке прядильной фабрики, но общий вопрос о насаждении текстильной промышленности на Украине должен решаться в связи с общей постановкой вопроса о районировании.

В статье Крушеля о 7-часовом рабочем дне убедительно доказывается необходимость проведения сокращенного в связи с возможностями установления того или иного числа смен по отраслям; спорно,

что введение 7-часового рабочего дня не сократит безработицы. Это верно при подходе со стороны прибыльности к отдельному заведению, но не ко всей промышленности в целом.

Статья Чернова об итогах и задачах хлебозаготовок (№ 2) в сжатой форме рисует не только объективные трудности, но дает и критический разбор субъективных условий заготовки.

Проблемы пятилетнего плана затрагиваются в статьях Шатана: „Производительность труда в системе хозплана“ (№ 2) и Введенского „Проблемы пятилетнего плана“ (№ 3). Мысль Шатана заключается в том, чтобы за исходный пункт планирования брать производительность труда в соединении с учетом оборота капитала, т. е., по существу, метод так называемого „нанизывания год на год“. Здоровое зерно здесь есть, но это методологической проблемы не решает целиком; ведь неизвестно как проектировать производительность? Кроме того, метод автора не совсем позволяет учесть стороны реконструкции, а методологический центр тяжести перспективного планирования лежит в этом.

Тов. Введенский, может быть не без некоторого основания, уделяет несколько критических замечаний III съезду плановых работников, но автор не учитывает, в какой фазе работ мы тогда находились. Большим продумыванием организации съезда можно было добиться некоторой большей ясности в принципиальных установках, но тот факт, что места пришли на съезд с требованием решения проблемы плана, свидетельствуя о росте мест, показывает, вместе с тем, что делегаты еще не осязали вполне четко сложности перспективного планирования. Съезд сыграл свою роль тем, что организовал фронт плановиков и заставил коллектив плановиков углубиться в работу по составлению пятилетки. В общем, тов. Введенский дает правильный, бодрый тон и стройную схему работ над пятилеткой.

Проблемы перспективного плана затрагивает и статья тов. Зузика (о ней ниже).

Из теоретических статей надо отметить статью Виткупа „О рынках и кризисах в капиталистической системе“ (№№ 2, 3). Автор совершенно верно показывает, что норма накопления и перенос капиталов из одного подразделения в другое органически связаны между собою. Но тов. Виткуп недостаточно синтетически поступает, противопоставляя объяснение кризисов по причине, лежащей на стороне тенденции нормы прибыли к понижению, объяснению, исходящему из несоответствия между производством и потреблением. Такое общепринятое противопоставление мы считаем недостаточно глубоким. Дело в том, что бешеный разгон производства, опережающий прирост темпа потребления, совершаемого на основе капиталистических условий распределения, и объясняется законом нормы прибыли; причина кроется в обесценении капитала с повышением органического состава его, в противоречии между динамикой стоимостной формы и вещественно-материального состава капитала.

Интересная статья Дашковского „О закономерностях промышленного развития“ как-то академически держится отвлеченных рамок, не делая выводов для советской экономики, что является, конечно, дефектом статьи.

По поводу статьи Попова о переселении на Дальний Восток (№ 2) было бы уместно в дополнение к предлагаемым им мерам по упорядочению переселения поставить вопрос об организации переселенческой кооперации. Это внесло бы большую организованность в колонизационное движение, приобретающее характер важного социального процесса в связи с аграрным перенаселением.

Имеется по этому поводу великолепная установка у Ленина в IX томе (по аграрному вопросу, в связи с критикой доводов о „малоземельи“). Ленин указывает, что безземелье ликвидировать переселением

можно, лишь предварительно наделив крестьянство землей; только социально раскрепощенное крестьянство способно правильно организовать для переселения.

Интересна статья тов. Зузик (№ 3) о построении окружных перспективных планов по сельскому хозяйству, но надо, однако, предостеречь против механического сведения окружных планов при отсутствии законченного районирования по сельскому хозяйству. Не совсем верен взгляд автора о нецелесообразности проектировки одного неурожайного года, так как средний урожай за 1923—27 годы включает один недород. Дело в том, что недород, рассосанный по ряду лет не дает возможности в плане организационно подготовиться именно к одному неурожайному году и учесть деформации, которые могут быть им вызваны.

Статья Шлихтера „Сельхознаука и земельная практика“ (№ 4) ставит одну из центральных проблем нашей экономики о сближении науки с массовым земледелием. Эта тема в последнее время выдвинута и Сельскохозяйственной секцией Союзного Госплана.

Статья тов. Акуленко („Природа товарного голода“; № 4) в общем берет верный тон, анализируя природу товарного голода с точки зрения пропорции между потреблением и накоплением, между реконструкцией потребления и изменением характера накопления. Но вопрос о пропорциях и нормах обострится всегда при отсутствии валовых крупных средств для вложения. Неудачно само выражение „абсолютное рыночное равновесие“. Неправильно положение автора, что „товарный голод не есть нечто данное (диспропорция), а волевой, сознательный акт государства“. Незачем превращать нужду в добродетель. „Сознательность“ акта государства заключается лишь в осознанной необходимости. Правильны возражения против отмены планирования распределения товаров, но это регулирование надо производить более тщательно, научно используя (посредством осознания) действие закона ценности и тем самым преодолевая его в меру роста крупного производства.

Пример практического народнохозяйственного подхода дает статья Карташева „К составлению пятилетки Укрсельмаша“ (№ 4). Автор предлагает учитывать при выработке плана учет связи машиностроения с планом индустриализации сельского хозяйства, задачи Укрсельмаша в связи с возможным неурожайным годом.

Из прочих статей надо отметить работу Диманштейна о месте Краматорского завода в машиностроительной промышленности.

В общем, плановая физиономия журнала складывается достаточно быстро. Это отражает содержание рецензируемых номеров, содержание, которое сводится к обсуждению: 1) комплексных народнохозяйственных проблем, 2) вопросы районирования и организации, 3) выдвинутых „низовых“ проблем плана, как-то окружные планы сельского хозяйства и т. д.

Рецензия не исчерпывает всего содержания прочих обстоятельных статей журнала. Хорош отдел критики. Систематически даются обзоры на иностранные темы. Надо указать, что журнал быстро реагирует на экономические явления нашей действительности. При всех отмеченных несовершенствах журнал „Народное хозяйство Украины“ может быть поставлен в ряду наших наиболее выдающихся экономических изданий.

М. Перси

Ленинградская область. Ежемесячный журнал, №№ 1—5, январь—май 1928 г., изд. Ленинградского областного исполкома.

Ленинградский областной исполком с начала текущего года приступил к изданию журнала „Ленинградская область“. Одновременно

прекратилось издание Сев.-Зап. ЭКОСО „Хозяйство Северо-Западного края“.

В вышедших до настоящего времени номерах нового журнала даны статьи и обзоры по различным вопросам экономики области. Особый отдел журнала посвящен вопросам социальной культуры.

Основные руководящие статьи журнала ставят вопросы хозяйственной политики и перспективного планирования (статьи отв. редактора Г. Циперевича, М. Рослякова, Н. Супонева, В. Штейна, М. Целишева).

Конкретную постановку вопроса о переходе на семичасовой рабочий день дает статья Ф. Филиппова: Автор ставил своей задачей „указать на наиболее важные условия перехода ленинградской промышленности на 7-часовой рабочий день и вызвать ленинградских хозяйственников на обсуждение их на страницах „Ленинградской области““. Однако, в двух следующих номерах статей по этому вопросу нет. Необходимо, чтобы редакция организовала обсуждение и обмен опытом по введению 7-часового рабочего дня.

Общие статьи дополняются рядом статей—очерков, рассматривающих перспективы развития отраслей промышленности и сельского хозяйства.

В статье „Пути развития химической промышленности ленинградской области“ В. Иванов указывает на недоучет предыдущими вариантами пятилетних планов возможностей развития химической промышленности области. Считая, что производство серной и соляной кислот, суперфосфата, мыла легко могут быть поставлены в других районах, автор пишет: „Ленинград должен главное свое внимание обратить не на расширение этих общеизвестных химпроизводств с ограниченной для нас (т.-е. области А. Б.) будущностью, а имея их в качестве прочного фундамента для организации других производств, наша химпромышленность должна немедленно начать переход на те сложные по своему изготовлению продукты, которые по объективным условиям еще долго не будут в состоянии производить другие районы“.

Несмотря на эту правильную установку, конкретная наметка планов строительства новых предприятий возбуждает некоторые сомнения. В первую очередь автор намечает постройку заводов по выработке едкого натрия и хлора путем электролиза поваренной соли. При электролизе поваренной соли соотношение получаемых продуктов таково: каустик около $\frac{1}{3}$, хлорная известь около $\frac{2}{3}$. Поэтому указание, что „утилизация хлора... не представит больших трудностей“ требует больших доказательств, чем приведено в статье. Впрочем, В. Иванов пишет, что „избыток хлора, если таковой окажется, будет одной из статей экспорта“. Это, конечно, некоторые „прикрытия на случай отступления“, но и возможности экспорта требуют тщательной проверки.

Требует проработки и вопрос о постройке в Ленинграде экстракционного завода по переработке бобов сои.

Если В. Иванов только отмечает возможность развития алюминиевой промышленности, не намечая очередности постройки, то И. Любарский настаивает на выдвигавшемся и ранее проекте создания алюминиевой промышленности не в районе Днепровской электростанции, а в Ленинградской области, исходя из наличия на месте сырья (бокситов) и дешевой электроэнергии.¹

¹ Гидроэлектростанция на реках Выге и Кеми, энергия которых намечается ценой порядка $\frac{3}{4}$ коп. за квтч., тогда как „малый Днепрострой“, по мнению автора, даст энергию вряд ли ниже 1 коп. за квтч.; на вопросе, насколько эти показатели „цена порядка“ и „вряд ли ниже“ сравнимы, И. Любарский не останавливается.

Особенно благоприятными считает И. Любарский местные условия для первой стадии алюминиевого производства — получения окиси алюминия.

Хотя постройка алюминиевого завода в Ленинградской области выходит за пределы ближайших пяти лет, однако, необходимо дальнейшее изучение и разведка месторождений бокситов. По выявлении достаточных ресурсов для двух заводов постройка алюминиевого завода в Ленинградской области может сделаться очередной задачей.

Небольшая статья В. Патрикеева затрагивает интересный вопрос о производстве киноаппаратуры.

Несколько обзоров посвящено местной промышленности. Общую характеристику кустарной промышленности области дает обзор, помещенный в № 1 журнала. В дальнейших номерах необходимо конкретизировать пути и методы работы по кооперированию кустарей и механизации производства. Следовало бы также ознакомить читателей с работой артелей на переданных им в аренду госпредприятий (за 1926/27 г. сдано кооперизациям — повидимому всех систем. А. Б. — из артельного фонда 52 предприятия).

Приводимая в обзоре таблица распределения занятых лиц по отдельным промыслам указывает, что обработкой минеральных веществ занято всего 3,5% от числа кустарей. Между тем, Ленинградская область имеет — помимо многочисленных залежей глины — целый ряд ископаемых. Вопрос о развитии промыслов, использующих местное минеральное сырье, должен быть включен в план ближайших номеров журнала.

Основные товарные отрасли сельского хозяйства области отображены в рецензируемых номерах статьями и обзорами по льноводству, картофелеводству, молочному хозяйству, рыболовству и лесному хозяйству.

Вне сферы рассмотрения журнала остаются почему-то вопросы экономики железнодорожного транспорта. Между тем, в области имеется некоторый опыт по железнодорожной колонизации (Мурманская дорога). Связи транспорта с местным хозяйством, пути увеличения местных перевозок, формы и методы организующего влияния транспорта на крестьянское хозяйство, — все эти вопросы должны быть предметом рассмотрения краевых журналов.

Новым по сравнению со структурой номеров „Хозяйства Северо-Западного края“ является отдел „Законодательство“. Однако, помещенные в №№ 2—5 (в № 1 этого отдела нет) обзоры свидетельствуют о том, что темы, требующие освещения, еще не выявлены. В трех (из семи) напечатанных обзорах даются комментарии союзного и республиканского кооперативного законодательства. Вряд ли целесообразно уделять им столь много внимания на страницах „Ленинградской области“.

Большой интерес для работников округов и районов представляют обзоры законодательства о „кредитных операциях местных советов“ (№ 2).

Недостаточное внимание уделяется журналом вопросам административной практики окружных и районных исполкомов и сельсоветов области. (обзоры работы Облсполкома даются в особом отделе журнала).

Желательно было бы расширить отдел „По округам и районам“.

Основные моменты хозяйственной конъюнктуры области отображаются в специальных обзорах, имеющих в каждом из выпущенных №№ журнала. К минусам этих обзоров следует отнести недостаточную отчетливость постановки вопросов в отдельных (немногих, правда) случаях. Так, например, в обзоре конъюнктуры первого полугодия 1927/28 г. автор пишет: „Дефицитность ряда товаров лишь слабо отразилась на динамике цен. Индекс отпускных цен ЛОСНХ стабилен

на протяжении полугодия" (№ 5, стр. 114). Между тем, следовало дать анализ, насколько соответствует эта стабильность плановым предположениям, как выполнены директивы правительства о снижении цен строительных материалов (в том числе лесоматериалов и кирпича), какие отрасли дали повышение отпускных цен.

Частично этих вопросов касается статья „Движение отпускных цен ленинградской промышленности за первое полугодие 1927/28 г.“, помещенная в № 4, но лишь частично и, вынуждены отметить, недостаточно углубленно. В частности, приводимые таблицы показывают очень резкие несоответствия годовых предположений и фактического снижения цен в I полугодии (например, машиностроительный трест: план — 5,1%, фактически — 2,6%; красочный трест: план — 18,0%, фактически — 3,7%), но никаких объяснений этого несоответствия в статье не приводится. Никаких обоснований не приводится для утверждения, что во II полугодии следует ожидать полного осуществления плана снижения цен республиканской и местной промышленности, показавших в I полугодии меньшее снижение, чем намечено годовым планом.¹

В отделе „Конъюнктура“ продолжается публикация основных показателей динамики народного хозяйства по Ленинградской области (таблицами) по той же схеме, как они печатались в „Хозяйстве Северо-Западного края“.

При печатании показателей финансового положения промышленности и торговли (касса, банковская задолженность, вексельный портфель, вклады и текущие счета) следовало бы указать — приводятся ли данные на начало или конец месяца.

К техническим недостаткам журнала следует отнести недостаточную тщательность просмотра публикуемых материалов. В результате „известное Риддеровское месторождение“ автором статьи перемещается на Урал (№ 4, стр. 34).

Журнал „Ленинградская область“ имеет предшественником хороший серьезный журнал „Хозяйство Северо-Западного края“. Поэтому мы в праве предъявлять к нему большие требования, чем к другим краевым журналам, тем более, что Ленинград — большой культурный и научный центр, где можно привлечь к сотрудничеству в журнале работников высокой квалификации.

А. Брауде

Экономико-географические очерки СССР. Выпуск IV. К. Миротворцев. Ленско-байкальский район. Издательство „План. Хоз.“ М. 1928 г., стр. 99, ц. 1 р. 60 к.

Потребность в районной экономико-географической литературе у нас громадна, — об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в настоящее время, кроме госплановской серии районных очерков, аналогичные очерки издаются еще двумя центральными издательскими фирмами: ГИЗом под редакцией М. Б. Вольфа и Г. А. Мебуса; вторая серия тоже ГИЗом под титулом „Хозяйственные районы СССР“ под редакцией М. Бронского и М. Савельева, и, наконец, недавно начала выходить серия небольших популярных очерков в издании „Московского рабочего“ под названием „Наш Союз“.

С какой бы меркой ни подходить к оценке вышедшей до сих пор районной литературы, приходится все же констатировать, что за редкими исключениями качество этой литературы таково, что при всем своем

¹ Вопросы динамики себестоимости промышленной продукции в журнале не отобраны.

качественному обилию, она далеко не пригодна для удовлетворения растущих потребностей. Тем с большим удовлетворением можем мы отметить здесь, что рецензируемая книга принадлежит к числу немногих счастливых исключений, знаменуя своим появлением первый шаг на пути к созданию подлинно районной литературы.

Современная скудость при чрезмерном, можно сказать, изобилии выпускаемых на рынок под флагом экономгеографии книг объясняется не только причинами субъективного порядка, но не в меньшей мере также и тем обстоятельством, что до сих пор не найдены еще общепризнанные методы изложения при порайонных описаниях, не установленны хотя бы в общем виде самая программа и структура порайонных обзоров.

Первая попытка дать примерную программу и схему построения сделана была Н. Н. Баранским.¹

В проспекте, печатаемом редакцией серии госплановских очерков при каждом выпуске, декларируется, что: „Программа каждой книги такова: обоснование выделения области в данных границах в связи с основной специализацией ее в общей системе народного хозяйства, краткая характеристика экономики области в целом, в связи с ее природными ресурсами, положением и историческим прошлым, природа области, внутреннее различие и внутренняя связь, население, пути сообщения и транспорт, отраслевой обзор хозяйства, начиная с основной отрасли, взаимодействие с другими областями, перспективы области“.

Мы полагаем, что нельзя подходить к оценке какой бы то ни было книги научного содержания, не имея при этом некоторого объективного критерия, — в данном случае таким критерием надо считать степень приближения структуры и содержания очерка к той программе, которую стремится реализовать издательская редакция.

Рецензируемый очерк нельзя признать образцом полного осуществления программы, но по сравнению с ранее вышедшими очерками той же серии, а равно как и по сравнению с аналогичными работами других издательств, работа Миротворцева заметно выделяется не только в отношении структуры построения, но и общим характером изложения.

Основными достижениями автора являются:

1) Увязка природы с хозяйством — качество совершенно необходимое для всякой экономико-географической работы, но весьма редко встречающееся в действительности.

2) Вытекающая из указанной увязки географичность изложения, как правило, наблюдается, что география в экономико-географических сочинениях фигурирует лишь там, где речь идет о природе, но как только переходят от природы к экономике, от географии не остается никакого воспоминания; в рассматриваемой книге связь между природой и хозяйством выявляется не только в целом для всего района, но эта связь прослеживается и при рассмотрении внутрирайонных различий.

3) Наконец, крупным достижением считаем мы отсутствие в книге цифрового мусора, сплошь и рядом засоряющего до неудобочитаемости добропорядочные в других отношениях книги.

Систематичность, ясность и популярность изложения, иллюстрированного рядом картограмм, делают книгу весьма полезным учебным пособием.

При втором издании, мы надеемся, автор сумеет дополнить свой очерк теми разделами, которые недостаточно развиты в первом издании, а именно: 1) обоснование выделения области в данных границах, 2) ввод-

¹ См. журн. „Социалистическое Хозяйство“, кн. I за 1928 г. статья Н. Баранского „План экономико-географической характеристики госплановской области“.

ная краткая характеристика области и 3) взаимодействие с другими областями.

С большей полнотой следовало бы также разработать главу о внутреннем районировании, изложенную, как нам кажется, слишком схематично.

Н. Морозов

Г. Вейс. Аббе и Форд (капиталистические утопии). Предисловие П. Фрелиха. ГИЗ, М.—Л. 1928 г.

Следует признать весьма своевременным появление русского перевода этой книжки, представляющей докторскую диссертацию немецкой коммунистки, поработавшей на Йенском предприятии Вейса (учр. Аббе) пару лет в качестве работницы и испытавшей, таким образом, практически все прелести этой разновидности реформированного капитализма. Наша литература, посвященная многочисленным утопическим попыткам и учениям, стремящимся облагодетельствовать мир на основе слегка подкрашенного капитализма, до сих пор непозволительно скудна. Об этом приходится жалеть отнюдь не потому, что эти попытки и теории представляют собой что-либо практически годное или хотя бы остроумное. Наоборот, современная капиталистическая утопия представляет собою причудливое сплетение доверчивой глупости одних и мошеннического шарлатанства других, приводящее в итоге к конечной цели всякого капиталистического производства — к выкачиванию прибавочной ценности, к реализации прибыли, нередко сверхприбыли, притом при помощи не совсем обычных методов.

Если эта материя сама по себе, таким образом, никакого особенно выдающегося интереса не представляет, то значение капиталистических утопий, шарлатанских и „искренних“ заключается в той роли, которую они выполняют в качестве краеугольных камней реакционной идеологии, до сих пор служащей целям спасения и сохранения капиталистического строя.

В частности, в той окрошке, которая служит теоретической основой современного реформизма, мудрые изречения Форда, Ратенау и им подобных „реформаторов“ капитализма играют роль, которую трудно переоценить. Вот эти обстоятельства должны заставить революционно-марксистскую мысль свести теоретические счета с основными идеями капиталистического утопизма.

Рцензируемая работа представляет собою исследование двух попыток, относящихся к двум различным эпохам, имевших место в разных странах при разных обстоятельствах. Попытки Аббе и Форда различны еще и в том отношении, что на ряду с социальным реформатором прошлого века, искренним и убежденным по своему, здесь поставлен тип современного пройдохи-плутократа, бросающего звонкие „социально“ звучащие фразы в качестве всемирной рекламы. Есть и нечто общее между этими столь различными персонажами из истории капиталистического предпринимательства. Это общее заключается в попытке капиталистическим путем разрешить социальную проблему современности. Ценность работы заключается в том, что автор показывает крах этих обеих попыток. Не ограничиваясь общей оценкой этих утопий с марксистской точки зрения, тов. Г. Вейс раскрывает перед читателем судьбу этих двух опытов в практической экономической деятельности. В этом главный интерес работы.

На отдельных дефектах работы мы здесь не будем останавливаться. Отметим лишь, что всего слабее написана первая глава, трактующая на девяти страничках о „предпринимательской идеологии и ее реальных

основах“. Разумеется, такая обширная тема требует гораздо более подробной разработки. В данном же случае мы имеем лишь довольно отрывочное изложение, мало связанное с собственной темой работы.

Книжке предпослано прекрасно написанное обширное предисловие тов. Пауля Фрелиха. Непонятно только, почему ГИЗ не счел нужным упомянуть, как обычно принято, об этом предисловии на титульном листе книжки. Зато на титульном листе красуются имена переводчика и редактора перевода, и русский читатель, по крайней мере, знает, кого он должен благодарить за необычайно суконый и неотесанный язык.

А. Леонтьев

Le monopole du commerce extérieur en Russie soviétique. [Origines, organisation, conséquences, par Jacques Jéramec, docteur en droit. Préface de M. William Oualid. Paris, Libr. général de Droit et de Jurisprudence. 1928, p. 183.]

Жерамек. Монополия внешней торговли в советской России — происхождение, организация, результаты. С предисловием В. Уалид. Париж. 1928 г., стр. 183.

Труд Жерамека представляет собой первую написанную иностранцем на французском языке монографию, специально посвященную системе монополии внешней торговли в СССР. Сам по себе этот факт не может пройти мимо советского читателя.

Книга состоит из трех частей, первая — посвящена анализу тех экономических учений, последовательная эволюция которых приводит к теоретическому обоснованию монополии внешней торговли. Часть вторая излагает те факты экономической истории, которые являются практическими зачатками монополизации внешнеторговых отношений, и в своем последовательном развитии приводит „к русскому опыту“. Таким образом, система монополии внешней торговли изучается Жерамеком генетически — сначала с точки зрения эволюции идей экономической политики, а затем с точки зрения развития практических методов регулирования внешней торговли. В третьей части систематически излагается действующая в СССР система внешней торговли.

В первой части своего труда Жерамек начинает с меркантилизма, впервые теоретически обосновавшего необходимость государственного вмешательства во внешнюю торговлю. Далее, через колбериизм к протекционизму Фридриха Листа и к идеям сен-симонистов, к государственному социализму Родбертуса, к лассальянству и марксизму, — таковы по мнению Жерамека идеологические предки системы монополии внешней торговли.

Практические методы регулирования внешнего оборота имеют гораздо более длительную историю. Жерамек начинает ее с древнего мира, приводя отдельные примеры попыток государства вмешаться в ход внешнеторговых отношений.

На мерах регулирования внешней торговли во время империалистической войны Жерамек останавливается особенно подробно. Эта часть работы представляет для русского читателя наибольший интерес. Необходимость сохранить в стране товары, недостаток которых стал чувствоваться, вызвала последовательный ряд декретов воспрещающих экспорт тех или иных товаров. „Чрезвычайные обстоятельства вызвали и чрезвычайные законодательные меры“ (стр. 56). В области регулирования импорта во время войны были приняты более радикальные меры и тенденция к „огосударствлению“ импорта была более решительная, чем в области экспорта. Жерамек различает в деле регулирования импорта

три периода. Первый период продолжался во Франции с начала войны до мая 1916 г., пока правительство, не предвидевшее столь продолжительной войны, более интересовалось снабжением страны всем необходимым и по любой цене, чем мерами ограничения валютных расходов и борьбой с дефицитом. 6 мая 1916 г. был издан закон, предоставляющий правительству право воспрещать ввоз иностранных товаров и увеличивать ввозные пошлины. Затем следует закон 22 марта 1917 г., который стремится создать за границей взамен частной инициативы государственный закупочный аппарат. Постепенно охватывая отдельные отрасли импортной торговли, Франция военного времени вплотную подходит к Институту государственной монополии внешней торговли. 8 марта 1918 г. был создан Комитет иностранных закупок, который, по словам Жерамека, имел своей задачей исполнять в области импорта «функцию советского Госплана» (стр. 61). Ту же постепенную эволюцию в сторону монополизации и строгого государственного регулирования претерпели во время войны торговое судоходство, а также международный валютный оборот. Предпринимаемые отдельными странами меры государственного вмешательства вызвали необходимость урегулирования путем международных соглашений сложившейся системы внешней торговли военного времени. Лондонским соглашением 3 декабря 1917 г. союзники создали единство всех своих ресурсов сырья, средств транспорта и даже валюты. Таким образом, военные обстоятельства привели государства к созданию не только национальных, но даже международных планов внешней торговли.

Последнюю часть работы Жерамек посвящает системе монополии внешней торговли в СССР. После краткой заметки о внешней торговле в период блокады и гражданской войны автор подробно излагает действующую ныне систему монополии внешней торговли. Название отдельных глав покажет читателю, в каком довольно широком объеме охватывается изучаемый им вопрос: принцип национализации; полное запрещение торговли с заграницей; новая экономическая политика и изменение характера монополии внешней торговли, рационализация внешней торговли и хозяйственное планирование, устройство и функции органов внешней торговли: центральный аппарат, местные органы, организации, имеющие самостоятельный выход на внешний рынок, заграничные органы (смешанные общества, концессии, техническая помощь), влияние монополии на внешнюю торговлю СССР, влияние монополии на экономические отношения с другими государствами (таможенная политика СССР, торговые договоры, принцип наибольшего благоприятствования); монополия с точки зрения частных лиц — иностранцев (система лицензий, консигнация, учет трат, арбитраж, участие иностранных фирм во внешней торговле).

Автор имеет в общем правильное и ясное представление об излагаемом им предмете и избег крупных ошибок. Встречаются только мелкие погрешности, извинительные для иностранца, излагающего новую, чуждую ему систему. Жерамек старается быть объективным, изучает советскую систему как конкретное экономическое явление и не примешивает к вопросу политической критики СССР.

Тот исторический анализ, который автор предпосылает изложению системы монополии внешней торговли, делает эту систему в глазах иностранцев гораздо более приемлемой, гораздо менее неожиданной и даже вполне подготовленной всем предыдущим ходом теоретической мысли и всеми практическими опытами прошлого в области государственного регулирования внешней торговли. Основным недостатком работы является отсутствие в ней марксистского анализа излагаемых автором теоретиче-

ских взглядов, подготовивших монополию внешней торговли, и непонимание классового значения ее для СССР.

«Задачей этой работы», — говорит автор, — было связать систему монополии внешней торговли СССР, которую многие находят столь странной, с прежними хорошо известными доктринами и с невозбуждающими никакими сомнений историческими фактами» (стр. 178). Профессор Уалид — автор предисловия к работе Жерамека — философски замечает по этому поводу: «Мир более улачивает и изменяет свои институты, чем выдумывает новые».

В общем верное изложение действующей у нас системы даст иностранцам достаточный материал для знакомства с теми формами, в которых протекает внешняя торговля СССР.

А. Бонч-Осмоловский

НОВЫЕ КНИГИ

Рационализация промышленности СССР. Работа Комиссии ВСНХ СССР. Под общей ред. В. В. Куйбышева, ГИЗ, 1928. Стр. 478. Цена 4 р.

Настоящая работа представляет собой первый опыт сводной характеристики положения дела рационализации как в главнейших отраслях промышленности Союза, так и по основным ее направлениям. Эта работа включает три основных раздела. Первый раздел освещает результаты рационализации в основных отраслях промышленности; во втором разделе дана детальная характеристика основных направлений рационализации промышленности (специализация, стандартизация, научно-техническая работа, контроль производства и т. д.); третий раздел посвящен организационным формам рационализации авторской работы (производственные совещания, изобретательство, использование иностранного опыта и т. д.).

Я. А. Яковлев. За колхозы. Коллективное или кулацкое хозяйство. ГИЗ, 1928. Стр. 173. Цена 70 коп.

Книга включает в себе доклад автора на Всесоюзном съезде колхозов (I/VI 1928 г.), речь его на XV партийном съезде (глава «Две коренные задачи партии в области крестьянского хозяйства»), введение, написанное им же к опубликованным материалам исследования крестьянского хозяйства, произведенного в 1927 г. НК РКК (глава «Пути развития крестьянского хозяйства в советском государстве») и уже опубликованную статью — «За удвоение урожайности! Против буржуазного крохоборчества! За революцию в сельском хозяйстве!».

Опыт исследования коллективного земледелия. Счетоводный анализ 66 коллективных хозяйств различных с.-х. районов СССР. Составлен под ред. Д. А. Карпузи, под общей редакцией Н. А. Мещерякова. Изд. «Аграрные проблемы», М., 1928. Стр. 590. Цена 10 руб.

Настоящая книга является бюджетно-мониторинговым исследованием коллективных хозяйств, произведенным Междуг. аграр. институтом (Кabinetом сельского хозяйства и крестьянства СССР), охватывающим наименее изученные районы Союза (Смоленский и Рославльский уезды Смоленск. губ., Козловский уезд, Тамбовской губ., Саранский, Камшинский и Вольский уезды Саратовской губ. и 4 района Кубанского округа).

Проф. Н. К. Першин. Земельное устройство дореволюционной деревни. Том I. Изд. Научно-исследоват. института землеустройства и переселения и Воронежского с.-х. института, Москва—Воронеж, 1928, стр. 471. Цена 5 р.

Работа проф. Першина имеет в виду положить начало систематическому исследованию фактического устройства крестьянского землепользования с точки зрения его территориального расположения (чреслогодия, дальность и т. д.). В приведенном томе охвачены три района — ЦПО, ЦЧО и б. Сев.-Западн. область дореволюционного края.

Сельскохозяйственные районы Уральской области. Изд. Уралплан. Свердловск, 1928. Стр. 193 текста (большого формата) + 72 стр. статист. таблиц. Цена 6 руб.

Названная книга представляет собой результат работы коллектива специалистов сельского хозяйства, давших первую наметку основных типов сельскохозяйственного производства на территории Урала. Конкретной части работы (описанию отдельных районов) предшествуют две главы, в которых даны обоснование задач и методики с.-х. районирования и характеристика естественно-исторических условий сельского хозяйства Урала области.

Л. Мадьяр. Экономика сельского хозяйства Китая, ГИЗ, 1928, стр. 312. Цена 4 р. 50 коп.

Автор настоящей работы задался целью дать марксистский анализ аграрных отношений, сложившихся в современном Китае. Определенное место в этой работе отведено освещению своеобразных экономических отношений, имеющих теперь место в китайской деревне. Книга А. Мадьяра представляет один из трудов Научно-исследовательского института по Китаю.

Г. Г. Соловей. Государственные бюджеты. Англия, Франция, Германия, Италия, Соед. Штаты и др. Под редакцией и с предисловием проф. М. И. Боголепова. ГИЗ, 1928, стр. 175. Цена 2 руб.

Цель настоящей работы — дать читателю общее представление об основных моментах бюджетного дела главнейших государств. Помимо характеристики особенностей бюджетов вышеперечисленных стран (в том числе и СССР), автор в заключительной главе дает сравнительный очерк бюджетов главнейших стран как по доходной части, так и по расходной.

В. М. Штейн. Очерки финансового кризиса в Китае. Предисловие Г. Я. Сокольников, ГИЗ, 1928, стр. 350. Цена 4 р. 25 коп.

Приведенная работа является исследованием основных проблем китайских финансов, произведенным на основании большого фактического материала, наблюдений автора и спроса на месте. На ряду с анализом финансового хозяйства и денежного обращения Китая, автор дает исторический очерк вытеснения медных денег серебряными, бумажно-денежной инфляции в Китае и т. д. Книга снабжена большим статистическим материалом.

М. Спектатор (М. Нахимсон). Введение в изучение мирового хозяйства. Опыт построения теории мирового хозяйства, ГИЗ, 1928, стр. 314. Цена 3 руб.

М. Спектатор настоящей работой задался целью дать теоретический анализ тех основных проблем, которые составляют суть науки о мировом хозяйстве и без которых, по его мнению, нельзя уснуть себе современные мировые хозяйственные отношения.

Давая в начале работы определение понятия мирового хозяйства (глава 1-я), автор в последующих главах останавливается на истории торгового капитала, затем на процессе образования рынка в период промышленного капитализма, на проблеме внешнего рынка с точки зрения марксовой теории рынка и т. д. Завершает свою работу главами, посвященными борьбе за рынки и за колонии, происходящей в эпоху монополистического капитализма.

Жизнь и техника будущего. Социальные и научно-технические утопии. „Моск. Рабочий“, М., 1928, стр. 503. Цена 4 руб.

Настоящий сборник имеет в виду дать картину будущего человечества, пользуясь не только уже сделанными и проверенными изображениями, но и теми техническими предположениями, которые еще не получили реального подтверждения. Очерки, входящие в сборник делят последний на две части: в первой дается краткое описание социальных утопий, во второй дается представление о последних достижениях, исканиях и предположениях в области науки и техники.

А. Михайлов. Система Форда, ГИЗ, 1928, стр. 106. Цена 75 коп.

В брошюре А. Михайлова излагаются методы организации производства при фордовской системе, освещается капиталистическая сущность фордовской политики в отношении рабочего класса и на ряде конкретных примеров показывается использование и приспособление фордизма в условиях СССР (в металлопромышленности, электропромышленности, швейной и др.).

Проф. В. П. Семенов Тянь-Шанский. Район и страна, ГИЗ, 1928, стр. 311. Цена 5 руб.

В приведенной работе автор излагает свою систему понятий районирования и страноведения, как основы географической науки вообще. Первая часть — „Район“ — включает обоснование теории района, техники районирования и классификации районирования. Вторая часть — „Страна“ — посвящена непосредственно географической науке и географическому ландшафту (природному, экономическому и политическому).

Г. Н. Черданцев. Средне-азиатские республики. Изд. „План. Хоз.“ М., 1928, стр. 168 + 1 геогр. карта. Цена 2 руб.

Настоящая работа — очередной выпуск экономико-географических очерков СССР, выпускаемых Издательством „План. Хоз.“, — всесторонне освещает географическое и народнохозяйственное значение Средне-азиатских республик. Построенная на основе учета районного направления экономической географии и основных начал госплановского районирования, книга Черданцева снабжена многочисленными иллюстрациями и статистическими материалами, дополняющими общую характеристику средне-азиатских районов.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том II, изд. ЦСУ СССР. Москва, стр. 464 + 3 карты. Цена 4 р. 50 коп.

Второй том Всесоюзной переписи населения посвящен Западному и Центрально-Промышленному районам, при чем статистические данные приводятся по следующим четырем разделам: народность, родной язык, возраст и грамотность.

К вопросу об единой таблице перспективного плана ¹

Вопрос о форме плана представляет весьма значительный интерес, выходящий за рамки чисто технической стороны разработки плана.

Правильная схема центрального расчета по народнохозяйственному плану должна оказать свое организующе-методологическое влияние на всю систему работ по выработке пятилетки и годовичных контрольных цифр. Лишь приурочив систематизацию обильного материала к определенной конструкции, „организационному плану“, можно рационализировать обработку материала и успешнее добиваться синтетического подхода к разным сторонам плана.

Если познавательные ресурсы, степень теоретической проницательности и дерзания не могут еще дать конструктору плана готового оптимума, то все же можно (и должно) так поставить работу по проектированию, чтобы она (работа) содействовала нащупыванию оптимального варианта (понимаемого в данном случае буквально, а не в смысле максимального).

Данная стадия разработки системы пятилетних контрольных цифр народного хозяйства характеризуется накоплением материалов, организацией дополнительных исследований, усовершенствованием прежних данных и коллективным продумыванием отдельных крупных проблем плана (начинается обсуждение производственных планов отдельных отраслей).

В отношении же методологическом это сказывается в следовании от частного к общему, в некоторой механичности составления основной таблицы; название „сводная“ соответствует в значительной мере ее структуре. Тут же надо, однако, признать, что выработка сводной таблицы, как и частных, явилась дальнейшим шагом вперед по пути улучшения методики составления планов, однако, недостаточным.

¹ В составляющихся до сих пор народнохозяйственных планах — годовых контрольных цифрах и пятилетке — давалась обычно так называемая сводная таблица. Сущность этой таблицы сводится к фотографированию основных моментов народнохозяйственного процесса. Связь элементов из самой таблицы не явствует. Связь эта предусматривается, поскольку фотография отражает систему, в которой — в натуре — все элементы связаны.

Одной из задач при построении плана является отыскание такой формы цифрового выражения его, которая бы позволила охватить элементы в их взаимной связи в легко обозримом виде. На ряду со сводной таблицей, которая сохраняет свое специфическое значение, должна быть сконструирована синтетическая таблица иного типа, ставящая себе целью вскрыть связи и зависимости основных народнохозяйственных элементов.

Работа тов. Персица — попытка в указанном направлении. Возникла она в порядке работы инициативной группы товарищей. Нельзя сказать, чтобы тов. Персицем была решена проблема синтетической таблицы плана, но ряд выдвигаемых им положений имеет большое значение для решения проблемы. Интересно его предложение построения народнохозяйственного финансового плана, в порядке раскрытия механизма конкретного процесса воспроизводства. Работа в направлении решения проблемы синтетической таблицы необходима. Предложения тов. Персица заслуживают самого серьезного внимания, поскольку в его наброске впервые мы имеем теоретико-методологическую постановку проблемы синтетической таблицы перспективного плана. Ред.

Сводная таблица, содержа разнообразие показателей, характеризующие отдельные элементы народнохозяйственного целого, не может по самой своей природе претендовать на роль центральной таблицы плана; сводная таблица не в состоянии вскрыть структурные диспропорции в нашей экономике, не может, следовательно, дать хотя бы грубой балансовой увязки, не может, значит, показать систему контрольных цифр.

Необходимо поэтому стремиться к иному типу центральной таблицы плана.

Придание таблице плана более синтетического характера, ограниченность и сжатие числа показателей так, чтобы они отражали основные, ведущие звенья, может последовать не только в результате попыток ее реорганизации, а лишь в результате большего продумывания всей проектировки в целом, т.е. как следствие созревания самого плана. Необходимо поэтому подчеркнуть, что в меру развертывания работ по составлению пятилетнего плана структура единой таблицы должна отражать целевую установку плана, должна дать комплексное представление о его народнохозяйственной идее.

Лишь при таком организационно-методологическом подходе к так называемой монтажной работе можно будет добиться того, что на следующих этапах разработки пятилетки основная таблица будет уже обратна, диалектически, определять собой объем и характер частных планировок, соответственно частным таблицам; некоторые подходы к этой задаче уже можно наметить в данный момент.

С точки зрения синтетического подхода к проблеме такого оформления плана, которое отражало бы его идейное содержание, центральной познавательной задачей является выяснение отношения схемы баланса народного хозяйства к табличному выражению плана, и их обоих к схеме воспроизводства.

Надо четко высказаться против открытого и скрытого отождествления плана с произвольным балансом народного хозяйства. Это значило бы разводить план, превратить его из плана строительных работ и схемы расширенного воспроизводства производственных отношений социалистического типа в систему экстраполяции во времени существующего положения. Непосредственное превращение баланса в план означало бы практически равнение по минимуму, между тем как роль баланса должна ограничиться „подказом“ тех провалов и диспропорций, к устранению которых план должен стремиться как учетом реальной обстановки, так и опорой на ведущее начало. Опасность же подмены трезвого учета возможностей реконструкции односторонним примитивно-генетическим подходом существует и без того. Идеология равнения по минимуму не связывает методов преодоления минимумов с проблемами ведущих звеньев и является обоснованием для теории превращения таблицы баланса в таблицу плана, поскольку балансовик требует от плана только равновесия.

Форма плана должна в отношении содержания отразить социальную и техническую реконструкцию, а внешне дать возможность одним взором охватить народное хозяйство, как комплексное целое. Со стороны же директив экономической политики план должен показать условия воспроизводства и механизм воспроизводства, поскольку планирование есть распределение и перераспределение производительных сил.

Как надлежит оценить с этой точки зрения проект баланса народного хозяйства? Здесь надо отметить следующие моменты.

Баланс народного хозяйства прокламирует, но не проводит, не поддерживает двух принципов: схемы воспроизводства, системы структурных соотношений и пропорций (статических и динамических коэффициентов).

Одна рабочая фаза выдается за законченную ступень по построению баланса.

Баланс не ставит четко трудностей теоретико-методологического порядка. К ним относится трудность перебросить мост и связать натуральное бытие общественного продукта с его стоимостной формой; кроме того, колоссальная трудность принципиального порядка заключается в наличии разных фаз бытия капитала (торгового, промышленного и финансового), а также в невозможности непосредственного перехода от индивидуального капитала к общественному; этого не учитывает таблица оборота. По сравнению с этим вопрос о шахматном всеобщем коррелировании является трудностью вторичного порядка. Вопрос о балансе с точки зрения плана должен формулироваться следующим образом: как выглядит баланс (равновесие) народного хозяйства на разных ступенях развития.

Идеологической предпосылкой авторов баланса является верховный для них принцип равновесия (мы предпочитаем термин пропорциональности), а так как баланс дается в ценностных выражениях, то это равновесие может быть истолковано, как равновесие в сфере обращения. Последнее обнаруживает диспропорцию в структуре производства, но не целиком совпадает с ней. Можно спроектировать ценностное равновесие и все же наткнуться на кризис из-за непропорциональности натуральных элементов производства (пример, группы стройматериалов и натурального объема капитального строительства).

В соответствии с этим неправильно выражение балансовиков „о переходе системы народного хозяйства от одного состояния к другому“. Получается представление о шаре, который перекатывается одновременно всеми своими точками. Между тем, народнохозяйственный оборот не укладывается в рамки одного общего законченного цикла. Одни части выпирают далеко вперед, другие отрасли находятся в состоянии „незавершенного производства“, именно поэтому методологически правильное мыслить динамику народного хозяйства не как динамику „перехода системы от одного состояния в другое“ и соответственно динамику балансов за ряд лет, а как непрерывную схему воспроизводства, что, конечно, можно сделать из материалов динамики балансов. Стремление добиться равновесия в пределах одного года при несовпадении циклов промышленного и сельскохозяйственного воспроизводства упирается в необходимость заполнения разрыва между обоими циклами. Отсюда видно громадное структурно-экономическое значение вопроса о запасах.

В принятой принципиальной формулировке комиссии по балансу ЦСУ не содержится еще теории баланса и руководящей теоретической идеи. Производство, обмен, распределение, потребление связаны между собою диалектически и находятся в определенном соответствии лишь в конечном счете. Так что проблема нахождения степени адекватности равновесия в сфере производства и в сфере обращения должна еще быть проработана.

Поэтому нельзя методологическим центром работы делать систему уравнений. В балансе правая часть всегда равна левой. При указанном подходе к балансу он не вскроет структурных диспропорций: это же должно быть задачей анализа центральной таблицы баланса. При таком положении баланс, может статься, не сумеет выполнить своей правильно формулируемой составителями баланса задачи — исследовать условия динамического равновесия в процессе его воспроизводства, т.е. не вскроет условий бескризисного развития.

Чересчур осторожно положение: „система таблиц при желании должна превратиться в одно целое“. Это „желание“ должно быть предпо-

сылкой конструирования системы таблиц. Каждая таблица должна быть детализацией статьи центральной единой таблицы.

Различие между балансом и схемой воспроизводства заключается также и в том, что схема воспроизводства должна показать не только условия равновесия (пропорциональность), но и механизм воспроизводства.

Схема воспроизводства, даже конкретная, является дальнейшей фазой обобщения материалов баланса народного хозяйства, и в предостережении этой возможности заключается громадная ценность материалов по балансу народного хозяйства. Проектируемая балансом система данных должна быть обобщена в систему коэффициентов, что собственно и является самим балансом, по отношению к которому данные таблицы являются первой стадией работ.

Из полученных таким образом данных уже надо будет, в свою очередь, произвести дальнейшую степень обобщения и вывести основные пропорции, например, между *А* и *Б* (производство средств производства и производство средств потребления) соответственно двум схемам марковского подразделения, между народным доходом и потреблением, накоплением, промыслом и сельхозсырьем и т. д., что является приближением к построению картины воспроизводства. Наивно думать, что схема конкретного воспроизводства должна учитывать всякую мелочь, а не устанавливать основные валовые суммы и соотношения. С этой точки зрения попытка поставить работу над планом воспроизводства не так уже утопична.

Для приближения к настоящей схеме воспроизводства необходимо также вычислить и механизм воспроизводства. Для этого надо начать, опираясь на натуральные, частные балансы, работу по проектированию схем воспроизводства, путей движения продуктов и отраслей, чтобы таким образом нащупать междохозяйственные связи. Для промышленности, например, необходимо строить план ее воспроизводства, начиная с сырья и кончая реализацией и потреблением, исходя из указанных принципов. Таблица плана, как форма его, должна давать, таким образом, не детальную систему показателей, а обобщенный план воспроизводства. План есть план воспроизводства (дальнейшее обобщение даст в перспективе абстрактную модель воспроизводства).

Второй чертой оформления плана должно быть его выражение как плана строительства. То, что теперь фигурирует как сводная таблица плана, начиная с показателей населения и кончая кредитом и т. д., должно быть лишь приложением плана, материалом для детальных расчетов центральных проблем плана. Перечень показателей должен занять свое место в «плане плана», но не заменять собою таблицы плана и характеризовать лишь отдельные показатели народнохозяйственного комплекса; и, наконец, основная предпосылка и вместе с тем метод построения единой таблицы — это сращение технического и социального разреза, что в перспективе должно привести к слиянию таблиц реального и субъективного метода исчисления народного дохода. План же структуры и распределения народного дохода должен быть, по нашему, одной из основных исходных предпосылок плана.

Планирование, как мы говорили (в отличие от регулирования), является распределением и перераспределением производительных сил, а распределение народного дохода — средством, методом этого перераспределения. Таким образом, внешнее оформление плана выразится в виде:

1) плана производства, как плана воспроизводства составных частей общественного продукта;

2) плана строительных работ, исходя из накопления, выясняемого в плане продукции.

Исходя из указанных предпосылок, схема плана рисуется нам предварительно в следующем, примерно, виде:

План народного хозяйства на . . . год

По секторам	Вся продукция	Продукция на единицу капитала при данном его уровне	Продукция на 1 рабочего	Производительное потребление, в том числе по треб. строительства	Личное потребление населения	Коллективное потребление (аппарат)	Социально-культурное потребление	Потребление внеэкономического характера: армия, милиция	Все потребление в народном хозяйстве	Накопление. В том числе: а) фонд расширения воспроизводства б) фонд резервный и страховой
	Изнас	Новое строительство	В том числе потребление стройматериалов	Прирост продукции в результате нового строительства	Прирост фондов	Процент обновления и расширения фондов (их воспроизводство)				
I. Производство										
1) Промышленность										
А) Средства произв.										
В том числе стройматериалы										
Б) средства потребл.										
2) Сельское хозяйство										
В том числе промысловое										
3) А) Стоимость работы транспорта										
Б) Стоимость аппарата обращения										
II. Строительство										
Основной капитал (фонды)										

Приложения же к этой таблице составят план работы отдельных отраслей и основные показатели по ним, изменения в численном соотношении населения и его классов и проч. Этой схеме очень далеко до рациональной формы плана. Она еще недостаточно синтетична. Особо стоит вопрос о запасах, о чем сказано выше. Но идя в этом направлении, можно будет приблизительно наметить пропорции, основные технические и экономические условия воспроизводства и планировать распределение общественного труда, потребления и накопления, между сферами основными и «надстроечными», производными. Сопоставляя весь изнас с продукцией строительства, можно будет иметь суждение о плане воспроизводства основного капитала. Сопоставляя первую и вторую строки схемы, можно установить и ряд других пропорций, например, между производством стройматериалов и объемом капитального строительства, между ростом группы *Б* и производством сельхозсырья, производством и потреблением топлива, наконец, между группами *А* и *Б* (средства производства и средства потребления). Конечно, есть еще целый ряд других пропорций между основным и оборотным капиталом, а также частных пропорций, скажем, между планом смены текстильного оборудования текстильным машиностроением и т. д.

Итак, такой подход к таблице плана поможет, как было указано вначале, правильной организации работ по отысканию оптимума и выявлению закона цепной связи в народном хозяйстве.

Беря данные соотношения с точки зрения воспроизводства целого, составитель их, таким образом, будет их рассматривать не как ограничительные пределы и не станет на путь равнения по минимуму, а поставит себе действительную, конструктивную задачу: как заполнить обнаруженный структурный провал в плане воспроизводства и какое изменение в строительстве (накоплении), какая перестановка еще здесь нужна. Здесь мы вплотную подходим к третьей задаче таблицы. Если приведенная схема даст план воспроизводства в смысле условий его (пропорции) и план строительства, то нерешенной остается задача отображения в схеме плана механизма воспроизводства, механизма в смысле социальном и в смысле специфически-экономическом, в смысле аппарата обмена, денег. Проблема социального механизма воспроизводства, проблема распределения производительных сил посредством политики распределения народного дохода, и товарно-денежная форма этого распределения, — все эти проблемы плана должны найти свое выражение в форме таблицы единого финансового плана. Элементы единого финплана должны корреспондировать соответствующим статьям плана производства и строительства. Эту сторону плана не надо понимать в узкофинансовом смысле; в основу финплана должна быть положена система распределения народного дохода, в связи с которой (системой) должны быть приведены в тесной увязке данные по бюджету, кредиту, налогам, ценам, разным видам страхования и т. д.

Таблица так понимаемого финплана и должна практически быть суррогатом таблицы, рисующей механизм воспроизводства. Практически пока это единственно возможное оформление плана. Было бы нелепой утопией считать, что мы в ближайшие полгода, когда будет разрабатываться пятилетка, сумеем построить единую схему конкретного воспроизводства в переходном периоде. Трудности по составлению единого финплана также велики, но, во-первых, эта работа неотложна, во-вторых — осуществима. Для этого придется учесть целый ряд сложных моментов, как-то:

- 1) физический прирост производства и товарооборота;
 - 2) уровень цен;
 - 3) скорость оборота фондов;
 - 4) фонд зарплаты;
 - 5) баланс доходов и расходов населения;
 - 6) накопление и сбережения;
 - 7) расчетные отношения с границей и валютный баланс;
 - 8) бюджет и кредит;
 - 9) налоги и цены;
 - 10) долгосрочный и оборотный кредит;
 - 11) сезонность финансирования народного хозяйства (хлебозаготовки, лесозаготовки);
 - 12) сумма амортизации (денежная фаза бытия накапливаемого основного капитала);
 - 13) безденежный оборот; экономия денежного обращения в крупном производстве, чековые расчеты между городом и деревней;
 - 14) характеристика ассигнований с точки зрения возвратности (по объекту расходов, экономические и административные получатели средств и т. д.);
 - 15) динамика кассовых остатков и текущих счетов;
 - 16) в зависимости от предыдущего — размеры эмиссии;
 - 17) вопрос об единстве источников финансирования;
 - 18) капиталонакопление и капиталообразование.
- В центре схемы — основные русла распределения народного дохода в денежной форме.

Таблица финплана должна показать основные доходы и расходы государства и всех классов населения.

Идя таким путем, можно научно обосновать реконструктивные идеи плана, как изменение органического состава капитала, производительности труда, соотношения товарных масс промышленности и сельского хозяйства, как влияние электрификации на изменение технической базы.

Исходя из таких предпосылок, можно центральную таблицу плана построить так, чтобы она отразила самую систему, связывающую основные показатели. Там же, где требуется дать систему таблиц, не укладывающуюся в рамки одной таблицы, она (система) при таком подходе и отобразит разные стороны одного и того же комплекса явлений и будет действительно органической системой.

Указанные соображения не исчерпывают вопроса о предпосылках построения единой таблицы. Дальнейшей задачей должно быть изучение таблиц контрольных цифр и пятилетки в связи с проектами таблиц по народному доходу, равно как и использование опыта схем инженерских проектировок. Настоящим мы только хотим привлечь внимание читателей — плановиков к этому вопросу. Решение его будет и показателем и следствием перехода от анализа к синтезу, от общего к частному. Эта высшая фаза планирования дается не легко. Но широкий фронт плановиков, опирающийся на успешную стройку социалистического крупного производства, в своей будничной практике решает эту задачу, и задача будет решена!

Ин. Ледомский

Кредитная система Российской империи и СССР

I

Задача настоящей работы сводится к исчислению основных показателей кредитной системы дореволюционной России (сеть кредитных учреждений, учетно-судные операции и вклады и текущие счета) и сопоставление их с соответственными показателями кредитной системы Советского Союза (по данным ЦСУ СССР).

Источниками произведенных исчислений дореволюционных показателей служили, главным образом, издания министерства финансов, а также некоторые другие.¹

До революции банковский операционный год соответствовал календарному году; поэтому в отношении дореволюционных лет наши исчисления произведены по состоянию на 1 января; в отношении же послереволюционных — они приурочены к 1 октября, с которого начинается операционный год советских банков.

Для того чтобы сделать исчисленные нами данные сопоставимыми, мы произвели пересчет как прежних, так и современных (червонных) рублей в рубли 1913 г., пользуясь оптовыми индексами Госплана для показателей послереволюционных лет, индексом ЦСУ СССР для 1897 г. (0,718 на базе 1913 г.=1) и для 1916 г. индексом Союза городов в пересчете Госплана (1,782 на базе 1913 г.=1, см. М. Кохн, „Русские индексы цен“).

II

Дореволюционная кредитная система представлена нами в разрезе трех лет: 1897 г., 1913 г. и 1916 г.

Эти периоды взяты нами не случайно и должны знаменовать собой следующие признаки социально-экономического порядка: 1897 г. явился годом начала денежной реформы С. Ю. Витте, подведшей окончательный фундамент под денежную и кредитную системы России; 1913 г. рассматривается, как конечный год довоенного состояния кредитной системы и 1916 г. характеризует собой кредитную систему во время мировой войны.

Для сопоставления с кредитной системой Советского Союза мы произвели исчисления основных показателей дореволюционной кредитной системы в современных территориальных границах (см. табл. 1).

С 1897 по 1916 гг., т.-е. за 19 лет, сеть кредитных учреждений увеличилась в пять раз, развиваясь в общем на основе расширения торгово-промышленного оборота страны.

Так, общества взаимного кредита (ОВК) увеличили сеть своих операционных единиц с 82 до 904; акционерные коммерческие банки показали увеличение сети с 232 до 716 и т. д.

¹ Ежегодник министерства финансов за 1896, 1897, 1913, 1914, 1915 и 1916 гг.; „Вестник Финансов“ за те же годы; издания Комитета совета представителей банков коммерческого кредита „Русские банки“ за 1897, 1913 и 1916 гг.; отдельные отчеты кредитных учреждений в пределах тех же лет и пр.

Более стабильной оказалась сеть ипотечных (земельных, сословных) банков, т.-е. таких банков, основная задача которых состояла в выдаче ссуд под всякого рода недвижимость, — по преимуществу под земельные угодья, — и операции которых непосредственно не зависели от динамики торгово-промышленного оборота страны.

Госбанк также увеличил свою сеть с 97 до 163 операционных единиц. Особо интенсивное развитие за исследуемые 19 лет получили „малый кредит“ и кредитная кооперация, т.-е. кредитные учреждения, связанные, по преимуществу, с крестьянским хозяйством.

В 1897 г. операционных единиц кредитной кооперации насчитывалось лишь 479. За период с 1897 г. по 1913 г. (16 лет) кредитная кооперация делает громадный скачок вверх, увеличив свою сеть до 8.497 единиц (в 18 раз). Не менее значителен и дальнейший рост кредитной кооперации: за три года (1913—1916 гг.) прирост операционных единиц составил 37% и сеть учреждений кредитной кооперации к 1916 г. возросла до 11.585 единиц.

Таким образом, сеть дореволюционных кредитных учреждений неизменно возрастала.

Напротив, учетно-судные операции в 1916 г. дали снижение против 1913 г., что в известной части должно быть отнесено за счет превращения ряда губерний Западного и Юго-Западного края в театр военных действий, где часть кредитных учреждений (кроме эвакуированных) свою деятельность прекратила.

Вследствие того, что сеть кредитных учреждений с 1897 г. по 1913 г. увеличивалась, главным образом, по мелким кредитным учреждениям, учетно-судные операции росли за этот же период замедленнее, чем сеть операционных единиц. За это время учетно-судные операции возросли в три раза, а кредитная сеть — в пять раз.

Рост учетно-судных операций за этот период охватил все без исключения кредитные учреждения. По своему темпу особенно выделяется Крестьянский поземельный банк, ссудные операции которого возросли с 76,4 тыс. руб. в 1897 г. до 1035,0 тыс. руб. в 1913 г. Как известно, резкий поворот в деятельности и в политике этого банка был вызван событиями 1905 г. Развитие деятельности банка оценивалось как средство борьбы с революционным настроением крестьянства и удовлетворения его острых стремлений к земле, с одной стороны, и как средство, ограждающее интересы земельного дворянства, с другой стороны, так как аграрные беспорядки вызвали массовое стремление к ликвидации имений.

Развивались также учетно-судные операции кредитных учреждений, связанных с крестьянским хозяйством; из них кредитные и ссудно-сберегательные товарищества развивали свои операции на кооперативных началах.

В то же время (1897—1913 гг.) значительно увеличили свои учетно-судные операции Государственный банк, акционерные коммерческие банки и особенно общества взаимного кредита.

Период мировой войны (1914—1916 гг.) протекал под знаком падежа покупательной силы рубля и привел к фактическому уменьшению вложения ссудных капиталов кредитной системы в обороты страны.

Наибольшее уменьшение наблюдается по „Лионскому кредиту“, — единственному иностранному банку в России.

Аккумулированные средства (вклады и текущие счета) в период 1897—1913 гг. дали в общем увеличение так же, как и по учетно-судным операциям, в три раза — 1794,3 тыс. руб. до 5508,1 тыс. руб. За время мировой войны вклады и текущие счета, в отличие от учетно-судных

Кредитные учреждения

(В млн. рублей в переводе на рубли 1913 г., без

Таблица 1

Российской империи

русских кредитных учреждений за границей)

Наименование кредитных учреждений	Количество опера- тив. единиц			Задолжено	
	1897 г.	1913 г.	1916 г.	1897 г.	
				Абс.	В 0/00 к итогу
А. Государственные					
Государственный банк	97	115	163	499,2	14,4
Государственный дворянский земельный банк	26	27	28	655,0	18,9
Крестьянский поземельный банк	36	43	51	76,4	2,2
Касса городского и земского кредита	—	—	1	—	—
Судные казны	2	2	2	9,3	0,3
Сберегательные кассы	3.324	6.680	7.600	—	—
Городские общественные банки	235	294	327	139,0	4,0
Мелкий кредит (сельск. общ. банки земск. кассы и крест. общ. учр. мелкого кредита).	654	3.961	4.470	13,2	0,4
Итого по госуд. кредитн. учрежд.	4.374	11.122	12.642	1392,1	40,2
Б. Кооперативные					
Кредитн. кооперац. (кредит. и ссудо-сберег. товарищ.)	479	8.497	11.585	12,1	0,3
Итого по коопер. кредитн. учрежд.	479	8.497	11.585	12,1	0,3
В. Частные					
Акц. коммерч. банки	232	691	716	583,0	16,9
Общ. взаимн. кредита	82	728	904	190,4	5,5
Иностранные банки в России („Лионский кредит“)	3	3	3	15,2	0,4
Акц. земельн. банки	8	10	10	508,7	14,7
Сослови. и взаимн. (поземельн.) банки и банки сослови. и на особых основаниях	7	14	11	200,7	5,8
Городск. кредитн. общ.	7	16	17	543,2	15,7
Ломбарды	109	108	116	15,9	0,5
Итого по частн. кредитн. учрежд.	448	1.570	1.777	2057,1	59,5
Всего	5.301	21.189	26.004	3461,3	100,0

стг по учетно-ссудным операциям				Остаток вкладов и текущих счетов					
1913 г.		1916 г.		1897 г.		1913 г.		1916 г.	
Абс.	В $\frac{0}{100}$ к итогу	Абс.	В $\frac{0}{100}$ к итогу	Абс.	В $\frac{0}{100}$ к итогу	Абс.	В $\frac{0}{100}$ к итогу	Абс.	В $\frac{0}{100}$ к итогу
1807,0	17,1	1308,1	19,3	701,8	39,1	1046,7	19,0	1229,2	24,7
895,7	8,5	455,8	6,7	—	—	—	—	—	—
1035,0	9,8	754,8	11,1	—	—	—	—	—	—
21,4	0,2	14,8	0,2	—	—	—	—	—	—
203,6	1,9	129,9	1,9	430,3	24,0	1567,9	28,4	1006,2	20,2
94,0	0,9	65,0	0,9	113,5	6,3	165,5	3,0	120,1	2,4
4056,7	38,4	2757,0	40,5	1250,1	69,7	2832,9	51,4	2404,1	48,3
226,8	2,1	194,7	2,9	3,3	0,1	108,0	2,0	135,8	2,7
226,8	2,1	194,7	2,9	3,3	0,1	108,0	2,0	135,8	2,7
2627,4	24,9	1299,8	19,2	369,8	20,6	2115,7	38,4	2126,9	42,8
1436,2	13,6	1009,5	14,9	147,4	8,2	438,0	8,0	301,9	6,1
52,3	0,5	10,8	0,2	4,2	0,3	13,5	0,2	5,7	0,1
967,0	9,1	777,3	11,5	—	—	—	—	—	—
251,1	2,4	120,7	1,8	19,5	1,1	—	—	—	—
914,2	8,7	587,5	8,7	—	—	—	—	—	—
36,4	0,3	21,4	0,3	—	—	—	—	—	—
6284,6	59,5	3826,9	56,6	540,9	30,2	2567,2	46,6	2434,5	49,0
10568,1	100,0	6778,6	100,0	1794,3	100,0	5508,1	100,0	4974,4	100,0

операций, по некоторым группам кредитных учреждений (Госбанк, кредитная кооперация, акционерные коммерческие банки) возрастали; падение курса и покупательной силы рубля и прекращение деятельности кредитных учреждений в прифронтовой полосе чрезвычайно значительно сказались в динамике как учетно-ссудных операций, так и аккумулированных средств.

В динамике аккумулированных средств по своему темпу роста даже во время мировой войны выделяются учреждения „мелкого кредита“ и кредитная кооперация.

Значительные успехи по привлечению клиентских средств были достигнуты также акционерными коммерческими банками и в несколько меньшей степени обществами взаимного кредита, хотя последние в военное время показали некоторое снижение привлеченных средств.

Госбанк увеличил у себя текущие счета и вклады к 1913 г. на 49,6% против 1897 г., а к 1916 г. против 1913 г. на 17,6%.

Вклады в сберегательные кассы с 1897 г. по 1913 г. увеличились почти в четыре раза, а к 1916 г. уменьшились по сравнению с 1913 г. на 36,4%. Несомненное значение в уменьшении вкладов по сберегательным кассам имело прекращение деятельности сберкасс в Юго-Западном и Западном крае вследствие военных действий.

III

Начиная свои исчисления по советской кредитной системе с 1924 г. (1 октября), мы имели в виду, что предшествующий 1923/24 операционный год явился годом окончательного перехода на твердую валюту, а вследствие этого и началом нормальной деятельности советских кредитных учреждений, ибо операции банков в условиях падающей валюты носили несколько „патологический“ характер (страховой процент, отсутствие широкого вексельного обращения, см. табл. 2).¹

Как явствует из приводимой таблицы, сеть советских кредитных учреждений с 10.834 оперативных единиц в 1924 г. увеличилась до 22.509 единиц в 1926 г., т.-е. в два раза.

Темп роста оперативных единиц отдельных кредитных учреждений определяется следующей таблицей (1926 г. в ‰ к 1924 г., принятому за 100):

Государств. банк	126,0
Акц. коммерч. банки	111,6
Сел.-хоз. банки и общ.	125,0
Коммунальные банки	257,5
Ломбарды	270,0
Сберег. кассы	262,6
Итого по госуд. кредитн. учреждениям	244,6
Сел.-хоз. кредитные товарищества	170,0
Общ. взаимн. кредита	301,0
Всего по всем кредитн. учреждениям	208,7

Обращаясь к темпу роста учетно-ссудных и вкладных операций кредитных учреждений, мы получим несколько иные данные (1926 г. в ‰ к 1924 г., принятому за 100):

¹ „Банки и кредитные учреждения СССР в 1924 г.“ изд. „Финансовой газеты“ 1924 г., стр. 22—29.

	По уч.-ссудн. опер.	По вклад. и тек. счетам
Государств. банк	233,5	199,5
Акц. коммерч. банки	464,3	163,4
Сел.-хоз. банки и общ.	783	1096,9
Коммунальные банки	405,5	279,9
Ломбарды	328,6	—
Сберег. кассы	—	676,4
Итого по госуд. кредитн. учрежд.	333,9	219,6
Сел.-хоз. кредитные товарищества	520,4	657,1
Общ. взаимн. кредита	507,1	481,8
Всего по всем кредитн. учрежд.	339,5	223,8

Таким образом, как по всем кредитным учреждениям в совокупности, так и по каждому из них, рост операций обгоняет увеличение сети, что, несомненно, является положительным признаком в структуре советской кредитной системы.

Из коммерческих кредитных учреждений выделяются своим количественным ростом общества взаимного кредита, где процесс развития пошел не столько по пути развития операций, сколько по пути роста сети. Так, средняя сумма остатка задолженности по учетно-ссудным операциям на одно общество взаимного кредита изменялась в следующем порядке: в 1924 г.—0,10 млн. руб., в 1925 г.—0,17 млн. руб. и в 1926 г.—0,18 млн. руб. В то же время сеть обществ взаимного кредита с 1924 по 1926 гг. увеличилась в два раза.

В кредитной системе СССР (в 1924 г.) Госбанк занял доминирующее положение. Из всех учетно-ссудных операций на долю Госбанка в 1924 г. приходилось 63,8%. Следующее место по значимости принадлежало акционерным коммерческим банкам. Далее следуют: сельскохозяйственные банки, коммунальные банки, низовая кредитная кооперация и, наконец, 0,9% всей задолженности по учетно-ссудным операциям приходилось на долю частных кредитных учреждений (ОВК).

В привлеченных средствах (вкладах и текущих счетах) первое место принадлежало акционерным коммерческим банкам (42%). За ними последовательно шли Госбанк—37,4% (без вкладов и текущих счетов НКФ), коммунальные банки, сберегательные кассы, сел.-хоз. банки, ОВК и последнее место занимала низовая кредитная кооперация (0,3%).

Интенсивно развернувшееся в последующие годы восстановительно-хозяйственное строительство потребовало и от кредитной системы такого же быстрого развития, а потребности этого строительства выявляли более быстрый рост операций специальных банков (акционерных коммерческих и проч.) нежели Государственного банка, который, увеличивая свои операции в абсолютных цифрах, должен был снизить свою долю участия в итоговых данных по операциям всей кредитной системы.

Таким образом, к концу исследуемого нами периода (1926 г.) Госбанк снизил свою долю участия по учетно-ссудным операциям с 63,8% до 43,9%, а по аккумулированным средствам с 37,4% до 33,3%.

Следует отметить интенсивный рост операций сельскохозяйственных банков, доля участия которых по учетно-ссудным операциям увеличилась с 8,1% до 18,7% и по привлеченным средствам с 1,2% до 5,9%.

Акционерные коммерческие банки хотя и сохранили к 1926 г. свое второе место в учетно-ссудных операциях, но уменьшили, как и Госбанк, долю участия с 28,2% в 1925 г. до 23,2% в 1926 г. В аккумулированных средствах акционерные коммерческие банки снизили долю участия с 42% в 1924 г. до 39,4% в 1925 г. и, наконец, до 30,7% в 1926 г.

IV

Прежде чем перейти к сопоставлению структуры и операций дореволюционных кредитных учреждений с современными, оговоримся, что дореволюционные кредитные учреждения лишь с натяжкой могут быть противопоставлены современным, оперирующим в условиях совершенно иной социально-экономической обстановки.

Напомним также о том, что нами произведен пересчет всех показателей как за прежние, так и за современные годы в рубли 1913 г., о чем мы упоминали выше.

Целевая установка большинства коммерческих дореволюционных банков заключалась в получении прибылей, в наибольшем извлечении дохода от операций; открытие банка в стране с капиталистическим хозяйством, прежде всего, зависело от предприимчивости и инициативы одного или, в большинстве, нескольких дельцов.

В Советском Союзе установление «кредитной сети и развитие операций должно исходить из степени потребности в том или ином кредитном учреждении для обслуживания данного участка «фронта хозяйственного восстановления» (позднее, реконструкции), т.е. для своевременного питания данной отрасли народного хозяйства или экономического района денежными средствами и для финансового и кредитного регулирования.

В вышеприведенной табл. 1 мы распределили кредитные учреждения дореволюционного типа по социальным секторам (государственному, кооперативному и частному), при чем к группе государственных кредитных учреждений нами отнесены и городские общественные банки «мелкий кредит» (сельские общественные банки, земские кассы). Городские общественные банки рассматриваются нами как государственные кредитные учреждения, потому что по форме управления¹ и по структуре своих капиталов приближаются к кредитным учреждениям общественно-государственного порядка.

Аналогичные рассуждения дали нам право отнести к государственным кредитным учреждениям и «мелкий кредит», функционировавший на земские средства.

Доля участия каждого сектора в кредитных операциях определяется следующими процентами (к итогу):

		1897 г.	1913 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Госуд. сектор	{Учетно-ссудн. опер.	40,2	38,4	40,5	96,8	95,9	95,3
	{Вклады и тек. счета	69,7	51,4	48,3	98,6	97,9	96,7
Коопер. "	{Учетно-ссудн. опер.	0,3	2,1	2,9	2,3	3,0	3,4
	{Вклады и тек. счета	0,1	2,0	2,7	0,3	0,3	0,7
Частный "	{Учетно-ссудн. опер.	59,5	59,5	56,6	0,9	1,1	1,3
	{Вклады и тек. счета	30,2	46,6	49,0	1,1	1,8	2,6

В дореволюционной кредитной системе главенствующее положение в активных операциях занимал частный сектор, а государственный сектор оставался на втором месте. В современной кредитной системе роль частного сектора сведена до минимума, и его доля участия во всех

¹ Проф. Каценеленбаум, «Учение о деньгах, денежном обращении, кредите и банках», ч. 2.

активных операциях колеблется от 0,9% до 1,3%; государственный же сектор охватывает почти все активные операции (96,8%—95,3%). На долю кооперативного кредита по активным операциям в дореволюционной системе приходилось 0,3—2,9%, в современной системе приходится 2,3—3,4%.

С 1897 г. по 1916 г. относительное (к итогу) значение текущих счетов и вкладов государственных кредитных учреждений уменьшилось с 69,7% общего итога до 51,4%, и, наконец, до 48,3%; частные же банки увеличили свою долю с 30,2% до 46,6%, а затем и до 49,0%.

Помимо более интенсивного роста сети частных кредитных учреждений, нежели государственных, основным стимулом к такого рода изменению в аккумуляции средств следует признать факт начисления на капитал, привлеченный в частные кредитные учреждения, более высоких процентов, чем в государственных кредитных учреждениях; затем частные кредитные учреждения обслуживали, главным образом, торгово-промышленный оборот страны, дающий, естественно, большие возможности к привлечению свободных средств на вклады и текущие счета.

Кооперативный сектор кредитных учреждений за этот же период (1897—1916 гг.) также показал относительное увеличение привлеченных средств с 0,1% до 2,0% и до 2,7%.

В современной кредитной системе аккумуляция свободной кассовой наличности сосредоточивалась почти полностью в государственных кредитных учреждениях, получавших в сумме привлеченных средств еще более высокую долю участия, чем в активных операциях.

Однако, тенденция в перегруппировке значения отдельных социальных секторов кредитных учреждений оставалась аналогичной тенденции в дореволюционной системе; за период с 1924 г. по 1926 г. частные и кооперативные кредитные учреждения относительно развивались более быстро, чем государственные. Это объясняется, во-первых, тем, что государственные кредитные учреждения пережили первоначальную экспансию еще до 1924 г. и, во-вторых, тем, что ссуды и вклады частных клиентов (основных клиентов ОВК и кредитной кооперации) росли по мере увеличения доверия к кредитному аппарату, что имело место в течение всего рассматриваемого периода (см. табл. 3).

Приняв 1913 г. за 100%, рассмотрим динамику основных показателей обеих кредитных систем по социальным секторам.

С 1897 по 1913 гг. развитие кредитной системы, в общем очень интенсивное, проходит по каждому сектору различно. Государственные кредитные учреждения по сравнению с частными и особенно кооперативными показали наиболее слабое развитие; сеть их оперативных единиц увеличилась в 2,5 раза, учетно-ссудные операции — в 2,9 раза и привлеченные средства — в 2,2 раза. В то же время частные кредитные учреждения увеличили сеть оперативных единиц в 3,5 раза, учетно-ссудные операции в 3,1 раза, а привлеченные средства в 4,8 раза. Кооперативный кредит по своему особому быстрому темпу развития выделяется из общего уровня; сеть учреждений кооперативного кредита увеличилась в 17,8 раз, учетно-ссудные операции в 18,7 раз и, наконец, привлеченные средства в 32,8 раза.

За три года мировой войны (1913—1916 гг.) сеть кредитных учреждений продолжала развиваться и к 1916 г. показала прирост в 22,7%; увеличение сети мы наблюдаем по всем социальным секторам: по государственному кредитным учреждениям — 23,8% по кооперативному кредиту — 36,3% и по частным банкам — 24,2%. Однако, по учетно-ссудным операциям и по аккумулированным средствам мы наблюдаем обратное явление.

Кредитные
(Без операций совбанков за границей)

Наименование кредитных учреждений	Количество оперативных единиц			Задолженность	
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1924 г.	
				Абс.	В ^{0/0} к итогу
А. Государственные					
Государственный банк (без приписных касс НКФ)	385	459	484	426,7	63,8
Акц. коммерч. банки	201	223	224	113,3	16,9
Сел. хоз. банки и общества	171	192	214	54,2	8,1
Коммунальные банки	76	161	196	52,3	7,8
Ломбарды	10	21	27	1,4	0,2
Сберегательные кассы	4.544	7.362	11.967	—	—
Итого по госуд. кредитн. учрежд. . .	5.387	8.418	13.112	647,9	96,8
Б. Кооперативные					
Сел.-хоз. кредитные товарищ.	5.353	8.395	9.114	15,2	2,3
Итого по коопер. кредитн. учрежд. .	5.353	8.395	9.114	15,2	2,3
В. Частные					
Общества взаимного кредита	94	176	283	5,7	0,9
Итого по частн. кредитн. учрежд. .	94	176	283	5,7	0,9
Всего	10.834	16.989	22.509	668,8	100,0

¹ Без текущих счетов и вкладов НКФ.

Динамика показателей кредитной
(В ман. рублей в пере

Кредитные учреждения в группировке по социальным секторам	Количество оперативных единиц					
	1897 г.	1913 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
I. Государственные	4.374	11.122	12.642	5.387	8.418	13.112
В ‰ к 1913 г.	39,4	100,0	123,8	48,4	75,7	117,8
В том числе:						
а) госуд. банк	97	115	163	385	459	484
В ‰ к 1913 г.	84,3	100,0	141,7	334,8	399,1	420,9
б) сберегательн. кассы	3.324	6.680	7.600	4.544	7.362	11.967
В ‰ к 1913 г.	49,8	100,0	113,8	68,0	110,2	179,1
II. Кооперативные	479	8.497	11.585	5.353	8.395	9.114
В ‰ к 1913 г.	5,6	100,0	136,3	63,0	98,8	107,3
III. Частные	448	1.570	1.777	94	176	283
В ‰ к 1913 г.	28,5	100,0	113,2	6,0	11,2	18,0
В том числе общ. взаимн. кредита	82	728	904	94	176	283
В ‰ к 1913 г.	11,3	100,0	124,2	12,9	24,2	38,9
Всего	5.301	21.189	26.004	10.834	16.989	22.509
В ‰ к 1913 г.	25,0	100,0	122,7	51,1	80,2	106,2

учреждения СССР
(в ман. рублей в переводе на рубли 1913 г.)

Таблица 2

по учетно-судным операциям				Остатки вкладов и текущих счетов					
1925 г.		1926 г.		1924 г.		1925 г.		1926 г.	
Абс.	В ‰ к итогу	Абс.	В ‰ к итогу	Абс.	В ‰ к итогу	Абс.	В ‰ к итогу	Абс.	В ‰ к итогу
799,3	42,8	996,4	43,9	103,1 ¹	37,4	204,5 ¹	35,6	205,7 ¹	33,3
452,8	28,2	526,1	23,2	116,0	42,0	226,6	39,4	189,5	30,7
143,8	8,9	424,4	18,7	3,3	1,2	12,2	2,1	36,2	5,9
141,0	8,8	212,1	9,3	42,8	15,5	102,0	17,7	119,8	19,4
3,1	0,2	4,6	0,2	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	6,8	2,5	17,6	3,1	46,0	7,4
1540,0	95,9	2163,6	95,3	272,0	98,6	562,9	97,9	597,2	96,7
48,5	3,0	78,1	3,4	0,7	0,3	1,7	0,3	4,6	0,7
48,5	3,0	78,1	3,4	0,7	0,3	1,7	0,3	4,6	0,7
17,9	1,1	28,9	1,3	3,3	1,1	10,6	1,8	15,9	2,6
17,9	1,1	28,9	1,3	3,3	1,1	10,6	1,8	15,9	2,6
1606,4	100,0	2270,6	100,0	276,0	100,0	575,2	100,0	617,7	100,0

системы Российской империи и СССР
(в ман. рублей в переводе на рубли 1913 г.)

Таблица 3

Задолженность по уч.-судн. операц.						Остатки вкладов и текущих счетов					
1897 г.	1913 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1897 г.	1913 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
1.392,1	4.056,7	2.757,0	647,9	1.540,0	2.163,6	1.250,1	2.832,9	2.404,1	272,0	562,9	597,2
34,3	100,0	68,0	16,0	38,1	53,2	44,1	100,0	64,9	9,6	19,8	21,1
499,2	1.807,0	1.308,1	426,7	799,3	996,4	701,8	1.046,7	1.229,2	103,1	204,5	205,7
27,6	100,0	72,4	23,6	44,9	55,1	67,0	100,0	117,4	9,8	19,5	19,7
—	—	—	—	—	—	430,3	1.567,9	1.006,2	6,8	17,6	46,0
—	—	—	—	—	—	27,4	100,0	64,2	0,4	1,1	2,9
12,1	226,8	194,7	15,2	48,5	78,1	3,3	108,0	135,8	0,7	1,7	4,6
5,3	100,0	85,8	6,7	21,4	34,4	3,1	100,0	125,7	0,6	1,6	4,3
2.057,1	6.284,6	3.826,9	5,7	17,9	28,9	540,9	2.567,2	2.434,5	3,3	10,6	15,9
32,7	100,0	60,9	0,09	0,3	0,4	21,0	100,0	94,7	0,1	0,4	0,6
190,4	1.436,2	1.009,5	5,7	17,9	28,9	147,4	438,0	301,9	3,3	10,6	15,9
13,3	100,0	70,3	0,4	1,2	2,0	33,7	100,0	68,9	0,8	2,4	3,6
3.461,3	10.568,1	6.778,6	668,8	1.606,4	2.270,6	1.794,3	5.508,1	4.974,4	276,0	575,2	617,7
32,8	100,0	64,1	64,3	15,2	21,5	32,6	100,0	90,3	5,0	10,4	11,2

Государственный и частный социальные секторы за эти исследуемые три года дают большее снижение своих активных операций, чем кооперативный сектор.

Аккумулируемые средства понижаются по государственным и частным кредитным учреждениям при росте их по кооперативному кредиту на 25,7%. В общем же к 1916 г. вклады и текущие счета дали только 9,7% снижения, в то время как учетно-ссудные операции понизились на 35,9%.

Эта динамика показателей кредитной системы воюющей России характерна для экономической конъюнктуры того времени. Наблюдавшееся акционирование финансовых и особенно торгово-промышленных капиталов исключило возможность резкого уменьшения свободных денежных резервов, оседающих на вкладах и текущих счетах в банках. С другой стороны, на некоторую относительную стабилизацию вкладов, несомненно, имели влияние и те „сверхприбыли“, которые получали торгово-промышленные деятели во время войны.

Снижение же активной политики как государственных, так и частных кредитных учреждений, находит себе, главным образом, объяснение, во-первых, в усиленном кредитовании Государственным банком казначейства на военные нужды и, во-вторых, в том, что коммерческие частные банки находили большую выгоду в помещении своих капиталов в разные спекулятивные операции, проявляя сдержанность в своих учетно-ссудных операциях.

Можно полагать, что и со стороны клиентуры, при значительных массовых резервах, не было повышенного спроса на кредит.

Для более полной характеристики дореволюционного состояния кредита в России, стоящей на грани революционных событий 1917 г., приведем исчисленные нами основные показатели по Государственному банку и акционерным коммерческим банкам на 1 января 1917 г.

Таблица 4

Показатели деятельности Государственного банка и акционерных коммерческих банков¹ в 1916 и 1917 г.

(В млн. рублей)

Показатели	Государствен. банк			Акц. коммёр. банки ¹		
	На 1/1 1916 г.		На 1/1 1917 г.	На 1/1 1916 г.		На 1/1 1917 г.
	Абс.	В % к 1916 г.		Абс.	В % к 1916 г.	
Задолженность по уч.-ссудн. опер. . .	1.235,0	897,1	72,8	3.660,2	5.919,2	162,0
То же с пересчетом в рубли 1913 г. ²	604,2	133,8	22,2	1.080,0	883,4	81,9
Остаток вкладов и текущих счетов. . .	1.040,0	1.573,3	152,0	4.029,0	7.015,6	174,8
То же с пересчетом в рубли 1913 г. ²	509,8	234,9	46,0	1.998,0	1.049,8	52,7

¹ Кроме банков, расположенных в местностях, оккупированных германской армией

² Применены индексы проф. С. А. Первущина (см. „Хозяйственная конъюнктура“ С. А. Первущина, стр. 221): 2,03 для 1916 г. и 6,73 для 1917 г. на базе 1913 г. = 1.

1916 год наиболее полно отразил экономическое банкротство воюющей России. Отвлечение на театр военных действий значительной части рабочей силы как города, так и деревни от производительного труда повляло на сокращение действительного народного дохода; в связи с мобилизацией промышленности на военные нужды, с одной стороны, и в связи с концентрацией в руках государства значительных по своему удельному весу процессов распределения продовольственных продуктов, товарооборот страны значительно замедлился, ибо количество товаров, поступающих на свободный рынок, сократилось наряду с весьма ощутимым уменьшением объема внешней торговли по причинам военного времени; свободный товарооборот все более и более вытеснялся односторонними расчетами государства со своими поставщиками; увеличилось количество бумажных денег в обращении, не обусловленное ростом производительных сил страны; значительно возросли цены при неизбежном при этом падении покупательной силы рубля (индекс цен по проф. Первущину, примененный нами в этой таблице к показателям, на 1/1 1917 г. составил 6,73 на базе 1913 = 1). Все эти, отмеченные нами наиболее крупные экономические явления, определяющие ситуацию России 1916 г., в значительной мере сказались на операциях кредитной системы.

Если исходить из показателей деятельности Государственного и акционерных коммерческих банков, приведенных в рублях 1913 г., необходимо констатировать катастрофическое падение как учетно-ссудных, так и вкладных операций к 1917 г. против 1916 г.

Несмотря на значительные, небывалые для России размеры внутренних и внешних займов, средств на военные расходы не хватало, и казначейство большие суммы заимствовало в Государственном банке. Параллельно с этим уменьшился спрос на оборотные средства со стороны торговли и промышленности, так как в руках населения скопились значительные избытки средств, не могущих получить производительного употребления. Эти последние два фактора обусловили сокращение коммерческого кредитования Государственным банком к 1917 г. на 77,8% против 1916 г.

Для акционерных коммерческих банков первый фактор (кредитование казначейства), само собой разумеется, исключался и учетно-ссудные операции этих банков к 1/1 1917 г. уменьшились только на 19,1% против 1916 г. Следует отметить, что акционерные коммерческие банки за время войны приняли деятельное участие в акционировании промышленных предприятий, покупая акции и перекачивая тем самым значительные средства из оборотных капиталов кредитной системы в основные капиталы промышленности.

Отмеченные выше явления в области народнохозяйственной жизни России в 1916 г. — сокращение производительных сил страны, уменьшение свободного товарооборота и увеличение бумажных денежных знаков в народном обращении — вызвали сокращение спроса на деньги. Если мы остановимся на показателях в вышеприведенной таблице без пересчета в рубли 1913 г., то увидим, насколько сильно возросли вклады и текущие счета и в Государственном банке и в акционерных коммерческих банках.

Для возможно большего изъятия из обращения избытков бумажной валюты Государственный банк предпринял ряд мер для привлечения этих избытков на вклады и текущие счета; все учреждения казны, земства и военного ведомства были обязаны хранить свои деньги в Государственном банке; для привлечения же средств частной клиентелы были установлены различные льготы и преимущества, не имевшие места ранее.

Однако, при рассмотрении текущих счетов и вкладов на 1/1 1917 г. в пересчете на рубль 1913 г. усматривается значительное их сокращение: по Государственному банку на 54,0% и по акционерным коммерческим банкам на 47,3%.

Таким образом, уже к 1917 г. чрезвычайно рельефно обрисовалась та экономическая депрессия России, которую с таким трудом и напряжением пришлось ликвидировать советским хозяйственным органам, в частности, кредитной системе.

Вместо дореволюционной кредитной системы с введением новой экономической политики началась создаваться советская кредитная система, основоположником которой явился Государственный банк СССР (учрежден в конце 1921 г.). Таким образом, к началу наших исчислений (1 октября 1924 г.), кредитная система Советского Союза имела за собой лишь один — два (для Госбанка — три) года деятельности.

По сравнению с 1913 г. сеть кредитных учреждений в 1924 г. составила 51,1%. Этот относительно высокий процент обусловливается наличием 63% довоенного уровня кредитных кооперативов при 48,4% государственных кредитных учреждений и только 6,0% частных кредитных учреждений. Если по количеству кредитных учреждений мы констатировали наличие половины кредитных учреждений в сравнении с их довоенным количеством, то по учетно-судным операциям, пересчитанным в довоенные рубли, отношение к 1913 г. составляет 6,3% и по вкладным операциям — 5,0%. Естественно, что в условиях советской кредитной системы кредитные учреждения государственного сектора показали наиболее высокий процент довоенного уровня, составивший по активным операциям 16% и по привлеченным средствам 9,6%.

По активным операциям кооперативного сектора кредитных учреждений мы имеем лишь 6,7%, а по аккумулированным средствам даже 0,6%. Частный же сектор кредитных учреждений в 1924 г. дал только 0,4% довоенных учетно-судных операций и 0,8% довоенных привлеченных средств.

Последующие два года (1925 и 1926 гг.) показывают дальнейший рост сети и операций советской кредитной системы.

К 1926 г. сеть оперативных единиц не только достигла довоенного уровня, но и превысила его на 6,2%, что, главным образом, надо отнести за счет широкого развития сети сберегательных касс (179,1% довоенных). Но операции современной кредитной системы намного ниже довоенных; к 1926 г. учетно-судные операции достигают лишь 21,5%, а аккумулированные средства даже только 11,2% операций 1913 года.

Однако, если сравнить показатели современной кредитной системы с довоенными по отдельным социальным секторам, мы будем иметь несколько иное соотношение.

Так, к 1926 г. государственный сектор составил по количеству учреждений 117,8%, по учетно-судным операциям 53,2% и по вкладам и текущим счетам 21,1% довоенных.

Кооперативный сектор дает соответственно 107,3%, 34,4% и по привлеченным средствам только 4,3%.

Очень сильно отстает от довоенного уровня частный сектор, показавший к 1926 г. 18,0% по сети, 0,4% — по учетно-судным операциям и 0,6% — по вкладным операциям.

V

Вышеприведенная табл. 3 позволяет нам сопоставить показатели кредита с довоенными по некоторым отдельным кредитным учреждениям, аналогия которых представляется нам возможной.

В современных условиях Госбанк СССР наряду с эмиссионными операциями и регулирующими финансы и кредит мероприятиями широко развивает коммерческое кредитование, увеличивая его с каждым годом все больше и больше.

При таких исключительно благоприятных условиях для развития своих операций Госбанк СССР к 1926 г. в четыре с лишним раза увеличил сеть своих оперативных единиц (без приписных касс НКФ) против довоенного уровня. Однако, его операций все-таки не достигли довоенного уровня, составив по активным (учетно-судным) операциям 55,1%, а по аккумулированным средствам только 19,7%.

Очень незначительны, в сравнении с довоенными, операции сберегательных касс. Несмотря на то, что советское правительство настолько сильно развернуло сеть сберегательных касс, что их количество превышает довоенный уровень на 79,1%, вкладные операции в сберегательных кассах составляют лишь 2,9% довоенных (46 млн. руб. на 1/X 1926 г. против 1567,9 млн. руб. в 1913 г.).¹

Таблица 5

Динамика показателей ломбардов²

(В млн. рублей в переводе на рубль 1913 г.)

Наименование показателей	1897 г.		1913 г.		1916 г.		1924 г.		1925 г.		1926 г.	
	Абс.	В % к 1913 г.	Абс.	В % к 1913 г.	Абс.	В % к 1913 г.	Абс.	В % к 1913 г.	Абс.	В % к 1913 г.	Абс.	В % к 1913 г.
Количество оперативных единиц . . .	111	100,9	110	100,0	118	107,3	10	9,1	21	19,1	27	24,5
Задолженность по вкладам	25,2	43,6	57,8	100,0	21,4	37,0	1,4	2,4	3,1	5,4	4,6	8,0

Таблица 6

Процентное отношение аккумулированных средств к учетно-судным операциям³, принятый за 100%

Кредитные учреждения в группировке по социальным секторам	1897 г.	1913 г.	1916 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
I. Государственные	89,8	69,8	87,2	42,0	36,6	27,6
В том числе Госбанк	140,6	57,9	94,0	24,2	25,6	20,6
II. Кооперативные	27,3	47,6	69,7	4,6	3,5	5,9
III. Частные	26,3	40,8	63,6	57,2	59,2	55,0
В том числе общества взаимного кредита	77,4	30,5	29,9	57,9	59,2	55,0
Всего	51,8	52,1	73,4	41,3	35,8	27,2

¹ В 1926/27 г. средне-месячный остаток вкладов составляет 134,6 млн. руб. („Сберегательное дело“, № 2, февраль 1928 г.), что в переводе в рубль 1913 г. по оптовому индексу Госплана составит 79,2 млн. руб., или 5% довоенного уровня.

² По дореволюционным годам включены и судные кассы.

³ Без сберегательных касс и ломбардов, как учреждений, имеющих односторонние операции.

Общества взаимного кредита (ОВК), являющиеся в данное время единственным видом частных кредитных учреждений, в сравнении с деятельностью ОВК в 1913 г., составляют в 1926 г. 38,9% в части сети оперативных единиц, 2,0% в части учетно-ссудных операций и 3,6% в части привлеченных средств.

И, наконец, деятельность ломбардов в дореволюционное и настоящее время представляется в табл. 5.

Таким образом, и ломбардное дело не выходит из общих рамок соотношения к довоенному уровню, составляя в 1926 г. 24,5% по количеству ломбардов и 8,0% по сумме залогов.

VI

Рассмотрим соотношение аккумулированных средств с учетно-ссудными операциями, принятыми за 100%, что позволит нам судить о степени использования в учетно-ссудных операциях как привлеченных на вклады и текущие счета средств банков, так и об использовании в учетно-ссудных операциях прочих пассивов банков (см. табл. 6).

В то время как в довоенной кредитной системе развитие учетно-ссудных операций проходило при возрастающем значении в них привлеченных средств (51,8% в 1897 г., 52,1% в 1913 г. и 73,4% в 1916 г.) в современной кредитной системе учетно-ссудные операции увеличиваются при возрастающем значении прочих пассивов, в которых основными являются специальные капиталы из средств Народного комиссариата финансов и собственные капиталы кредитных учреждений. Подобное явление в современной кредитной системе не может быть признано благоприятным.

Внутри каждой кредитной системы, группируя учреждения по социальным секторам, мы находим различные тенденции участия привлеченных средств и прочих пассивов в учетно-ссудных операциях.

По государственным кредитным учреждениям в довоенное время, в разрез с общей тенденцией, значение привлеченных средств в учетно-ссудных операциях к 1916 г. понижается против их значения в 1913 г. Это явление целиком сохраняется и в современном периоде. В результате, от 89,8% участия привлеченных средств в учетно-ссудных операциях в 1897 г. мы имеем к 1926 г. только 27,6% привлеченных средств, а следовательно, 72,4% прочих пассивов.

Наоборот, в кооперативном кредите как в прежнее время, так и в настоящие годы, ярко выразилось стремление к увеличению участия привлеченных средств в активных операциях: существует огромная разница в доле участия привлеченных средств в активных операциях в довоенной и современной кредитных системах: к 1916 г. (высшая точка дореволюционного периода) указанная доля участия составляла 69,7%, а к 1926 г. (высшая точка современного периода) лишь 5,9%. Однако, тенденция остается общей.

Частные банки в дореволюционное время неизменно увеличивали участие привлеченных средств в учетно-ссудных операциях. Современные частные кредитные учреждения шли до 1927 г. по пути развития учетно-ссудных операций при увеличении доли участия в них прочих пассивов.